Майкл МУРКОК

Повелители мечей

Хроника Корума

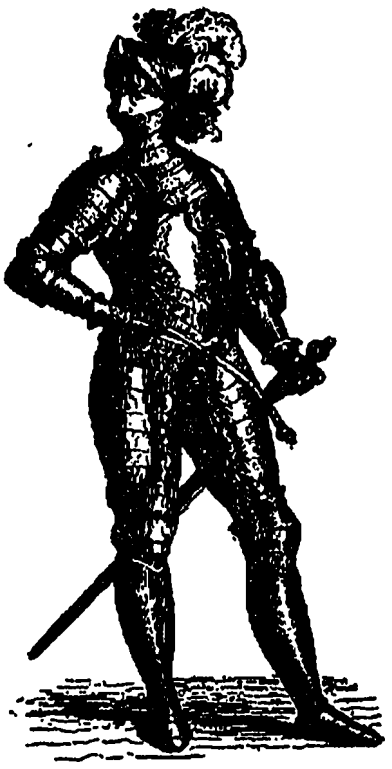

настоящее издание осуществлено
с любезного разрешения
автора

МАЙКЛ МУРКОК

ПОВЕЛИТЕЛИ МЕЧЕЙ

ХРОНИКА КОРУМА

•

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.4 Вл
М 91

Муркок М. Повелители мечей: романы, — пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1992 — 464 с.

В трилогии о вадагском принце Коруме знаменитый английский автор, проводит своего героя через три параллельных мира, где тот становится то злодеем, то спасителем, то вершителем судеб, то игрушкой в чужих руках, но остается принцем и великим воином.

Роман с удовольствием прочтут любители фантастики и приключений.

Перевод с английского
Михаила Гилинского

переиздание

ISBN 5—8352—0038—2

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© М. Гилинский, перевод, 1992
© «СЕВЕРО-ЗАПАД», оформление и подготовка текста, 1992

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВАЛЕТ МЕЧЕЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

В то время были океаны света, и города в небе, и дикие бронзовые птицы. Красные животные, выше замков, грозно рычали. В черных реках плавали изумрудные рыбы. То было время богов, сошедших на землю, великанов, блуждающих по воде; время гнусной нечисти и бездумных духов, которых можно было вызвать с помощью заклинаний и которые уходили только тогда, когда им приносилась страшная кровавая жертва; время магии, волшебства, меняющейся природы, безумных парадоксов; снов, которые сбывались, кошмаров, превращающихся в реальность.

Богатое на события время, мрачное время. Время Повелителей Мечей. Время, когда угасала цивилизация двух древних врагов, вадагов и надрагов. Время, когда появился Человек, раб страха, не ведая, что боится он самого себя. И это было так же смешно, как и многое другое, связанное с Человеком (который в те дни назвал свою расу "мабдены").

Мабдены жили недолго и быстро размножались. В течение двух-трех веков они заселили западный континент, на котором появились, но из суеверия не посылали своих кораблей к вадагам и надрагам еще несколько столетий. Увидев, что на них не обращают внимания, мабдены осмелели, чувствуя ревность к древним расам, гневаясь на них великим гневом.

Вадаги и надраги ни о чем не подозревали. Миллион с лишним лет жили они на планете, на которой, как им казалось, наконец-то воцарился мир. Они знали о существовании мабденов, но считали их новым видом животных. Продолжая по традиции ненавидеть друг друга, они занимались изучением абстракций, создавали дивные произведения искусства, долгие часы проводили в размышлениях. Разумные, мудрые, обретшие внутренний покой, древние расы не могли пове-

рить, что в мире грядут перемены. И поэтому, как всегда бывает, не замечали их зловещих признаков.

Стариннейшие враги не делились друг с другом знаниями, хотя последняя битва между ними отгремела много веков назад.

Вадаги жили отдельными семьями в замках, разбросанных по всему континенту, который они называли Бро-ан-Вадаг. Семьи эти редко общались между собой, потому что вадаги давно потеряли всякий интерес к путешествиям. Надраги жили в городах на островах в океане к северо-западу от Бро-ан-Вадага. Они тоже не любили общения и редко встречались даже со своими близкими.

Появившиеся Люди плодились и размножались, расселяясь по всей Земле. Подобно чуме истребляли они представителей древних рас, попадавшихся на их пути. Человек нес с собой не только смерть, но и страх. Намеренно превращал он старый мир в руины, засыпая ими обломки костей. Сам того не понимая, он натворил столько бед, что ужаснулись Великие Древние Боги.

Великие Древние Боги тоже познали страх.

А Человек, раб страха, нахальный в своем невежестве, продолжал, спотыкаясь на каждом шагу, творить прогресс. Ему было невдомек, какие страшные перемены вызвал он в мире, удовлетворяя свои никчемные потребности. Кроме того, Человек обладал всего несколькими чувствами и не знал о множественности Вселенной, в то время как вадаги и надраги могли путешествовать по иным мирам, сосуществующим с Землей, которые они называли Пятью Измерениями.

Казалось несправедливым, что мудрецы должны погибнуть от руки невежественных мабденов, которые мало чем отличались от животных. Они напоминали вампиров, пирующих над парализованным телом поэта, который смотрит на них изумленным взглядом, теряя жизнь, которую кровососы не способны понять.

«Если б они ценили то, что украли, если б они познали то, что уничтожили, — сказал один

старый вадаг в рассказе "Последний Осенний Цветок", — я был бы утешен.»

Несправедливость была налицо.

Создав Человека, Вселенная предала древние расы.

Впрочем, это была извечная и неизбежная несправедливость. Живое существо может воспринимать и любить Вселенную, но Вселенная не может воспринимать и любить живое существо. Она не делает различий между разнообразными формами жизни. Все равны. Вселенная, вооруженная материей и властью созидания, созидает. Она не способна управлять теми, кого созидает, и те, кого она созидает, не способны управлять Вселенной (хотя многие обманывают себя, думая иначе). Тот, кто борется против нее, пытается сокрушить несокрушимое. Тот, кто трясет кулаками, грозит слепым звездам.

Но это не означает, что во Вселенной не осталось созданий, которые борются за справедливость и пытаются превозмочь невозможное.

Такие создания будут всегда, и среди них найдется немало мудрецов, которые не захотят поверить в безразличие Вселенной.

Принц Корум Джайлин Ирси принадлежал к их числу. Он был одним из последних, а может, последним вадагом, и называли его "Принцем в Алой Мантии".

В этой хронике повествуется о нем.

КНИГА ПЕРВАЯ,

в которой Коруму преподают хороший урок и отсекают конечность

глава первая

В ЗАМКЕ ЭРОРН

Много-много веков жила в замке Эрорн семья вадагского принца Клонски. Неспокойное море омывало северные стены замка, высокий лес подступал к нему вплотную с юга.

Замок Эрорн был таким древним, что казался огромной скалой, нависшей над морем. Обветшали когда-то красивые башни, соль и ветер источили камни. А в самом замке движущиеся стены меняли формы, в зависимости от погоды, и цвет, в зависимости от ветра. Хрустальные фонтаны в комнатах играли сложные фуги, сочиненные и ныне живущими, и покойными членами семьи. Множество галерей украшали картины на бархате, мраморе и стекле. Библиотеки ломились от рукописей, написанных и вадагами, и надрагами. А еще в замке Эрорн были скульптурные мастерские, птичники и зверинцы, обсерватории, лаборатории, ясли, цветущие сады, комнаты для медитаций, операционные, гимназия, коллекция оружия, кухни, планетарий, музей, залы для вызывания духов, а также помещения, не предназначенные для особых целей, и апартаменты тех, кто жил в замке.

А жили в замке не пятьсот, как когда-то, а всего двенадцать вадагов: старый-престарый принц Клонски; его жена, Калаталарна, которая выглядела намного моложе мужа; его дочки-близняшки Илястру и Фолинра; его брат, принц Ранан; его племянница Сертреда и его сын Корум. Оставшиеся пятеро были слугами и дальними родственниками принца. Вадаги мало чем отличались один от другого. У них были уз-

кие длинные черепа; прижатые к голове плоские уши без мочек; пышные волосы, которые поднимались на ветру, как облака, над их головами; большие миндалевидные глаза с желтыми зрачками и пурпурными белками; большие рты с пухлыми губами и кожа золотисто-розового оттенка. Вадаги были высокими, худощавыми, хорошо сложенными и двигались с ленивой грацией, по сравнению с которой походка человека выглядела, как ковыляние обезьяны.

Занимаясь интеллектуальными играми, предаваясь философским размышлениям, члены семьи принца Клонски не встречались с другими вадагами вот уже двести с лишним лет, не имели контакта с надрагами более трех веков. И только одного мабдена довелось им увидеть: экземпляр, который доставил в замок Эрорн принц Опаш, натуралист и двоюродный брат принца Клонски. Мабден — женского пола — был помещен в зверинец, где, несмотря на прекрасный уход, прожил немногим более пятидесяти лет, а потом тихо скончался. К сожалению, замены ему подыскать не удалось. С тех пор, вне всяких сомнений, мабдены расплодились. Поговаривали, что они появились на Бро-ан-Вадаге и даже захватили несколько вадагских замков, разрушив их до основания. Принц Клонски не был склонен верить подобным слухам. К тому же размышления на эту тему не представляли интереса ни для него, ни для членов его семьи.

Молочно-белая кожа с синими прожилками вен принца Клонски была тонкой, как папирусная бумага. Он жил уже более тысячи лет, но слабеть от старости начал совсем недавно. Когда принц ослабеет окончательно и в глазах у него начнет туманиться, он окончит свою жизнь так же, как и другие вадаги: войдет в Зал Ароматов, возляжет на шелковые подушки и будет вдыхать благоуханные запахи трав, пока не умрет. С возрастом волосы принца Клонски стали пепельно-золотыми, а глаза — темно-оранжевыми. Одежды висели на его иссохшем теле, но он сохранял свою гордую осанку и ходил выпрямившись,

несмотря на тяжелую платиновую цепь с рубинами, которая висела у него на шее.

Как-то раз принц Клонски отправился на поиски сына, который в это время творил музыку с помощью полых трубок, вибрирующих проволочек и стукающих камешков. Шум шагов старца, постук его посоха, хриплое дыхание заглушили простую незатейливую мелодию.

Принц Корум переключил свое внимание с музыки на отца и бросил на него вопросительный взгляд.

— Папа?

— Корум. Извини за вторжение.

— Что ты, папа. К тому же я не удовлетворен своей работой. — Корум встал с шелковых подушек и завернулся в алую мантию.

— Видишь ли, Корум, — сказал принц Клонски, — мне пришло в голову посетить в недалеком будущем Зал Ароматов. И, приняв это решение, я решил сначала не отказать себе в удовольствии выполнить свой собственный маленький каприз. Однако мне понадобится твоя помощь.

Принц Корум любил отца и поэтому с должным уважением отнесся к его желанию умереть. Со всей серьезностью, на какую был способен, он произнес:

— Я в твоем распоряжении, папа. Что ты хочешь?

— Любопытно узнать мне судьбу моих соотечественников. Принца Опаша, что из замка Сари на востоке; принцессы Лорим, что живет в замке Крача на юге; принца Фагвина, чья обитель в замке Гал на севере.

Принц Корум нахмурился:

— Хорошо, папа. Если ты...

— Я знаю, сынок, о чем ты подумал. Ты считаешь, я могу получить нужные мне сведения, используя оккультные силы. Увы, это не так. По непонятной причине связаться с другими мирами очень трудно даже в астрале. А переместиться на них практически невозможно. Быть может, я слишком стар...

— Нет, папа, — сказал принц Корум. — Я тоже пробовал наладить связь, и у меня ничего не вышло. Когда-то простого желания было достаточно, чтобы отправиться в путешествие на одно из Пяти Изме-

рений. Куда труднее устанавливался контакт с другими Десятью, и, как ты знаешь, немногие могли находиться на них в физическом теле. Сейчас же я редко вижу Четыре Измерения, которые, вместе с нашим, составляют спектр планеты в ее астральном цикле. Сам не понимаю, в чем тут дело.

— И я не понимаю, — согласился принц Клонски. — Но мне кажется, это — дурное предзнаменование, говорящее о грядущих переменах на нашей Земле. Я посылаю тебя к нашим родственникам, чтобы ты выяснил, не удалось ли им разобраться в причинах, приковавших наши чувства к одному-единственному миру. Это неестественно. Это нас калечит. Неужели мы превратимся в зверей, которые даже не подозревают о существовании других Измерений? Неужели мы вырождаемся? Неужели дети наши постепенно превратятся в водных млекопитающих, от которых мы произошли? Должен признаться тебе, сынок, что я немного боюсь.

Принц Корум не стал спорить с отцом.

— Когда-то я читал про бландангнов, — задумчиво сказал он, — которые жили на Третьем Измерении. Мудрецы, все до единого. Но что-то воздействовало на их гены, и в течение каких-то пяти поколений они превратились в летающих рептилий. Бландангны помнили о своем былом могуществе, и мысль эта сводила их с ума, так что в конце концов они сами себя уничтожили. Любопытно, почему некоторые цивилизации угасают так внезапно?

— Одни Повелители Мечей знают, — пробормотал принц Клонски.

Корум улыбнулся:

— А Повелителей Мечей не существует. Я понял, чего ты хочешь, папа. Мне следует навестить родственников и передать им наши наилучшие пожелания. Я должен узнать, не испытывают ли они того помутнения чувств, которое испытываем мы в замке Эрорн, и заодно расспросить, как идут дела.

Клонски кивнул:

— Если наше восприятие станет таким же, как у мабденов, продолжение рода теряет всякий смысл.

И кстати, поинтересуйся, как поживают надраги. Быть может, их тоже поразила эта болезнь.

— Наши расы появились на свет практически одновременно, — пробормотал Корум. — Я не удивлюсь, если ты окажешься прав. А что говорил тебе кузен Шулаг, который навестил нас пару столетий назад?

— О, Шулаг принес странные вести. Он рассказал мне о том, что мабдены подошли на своих кораблях к островам с запада, перебили почти всех надрагов, а оставшихся в живых сделали своим рабами. Но мне трудно поверить, что полузвери мабдены, как бы многочисленны они ни были, сумели одолеть хитроумных надрагов.

Принц Корум задумчиво поджал губы:

— Возможно, надрагов погубила самоуверенность.

Клонски повернулся к двери, поставив посох на изумительной красоты ковер, застилающий каменный пол. Изящная рука принца опиралась на посох тяжелее обычного.

— Самоуверенность и страх перед роковым концом — разные чувства, — сказал он, — хотя, в конечном итоге, и то и другое ведет к гибели. Но зачем гадать? Вернувшись из путешествия, ты, быть может, разумно ответишь на все эти вопросы. Когда ты поедешь?

— Мне хотелось закончить свою симфонию, — сказал принц Корум. — Это займет день-другой. Утром третьего дня я отправлюсь в путь.

Старец удовлетворенно кивнул:

— Спасибо тебе, сынок.

Принц Клонски ушел, и Корум вновь стал творить музыку, но вскоре понял, что ему никак не удается сосредоточиться. Он все время думал о предстоящем путешествии, и неожиданно непонятное чувство радостного возбуждения охватило его. Впервые за всю жизнь ему предстояло надолго покинуть замок Эрорн.

Он заставил себя успокоиться: не в обычаях вадагов было давать волю своим чувствам.

— Как это будет познавательно, — прошептал он сам себе, — исследовать континент, на котором мы живем. Жаль, что меня никогда не интересовала гео-

графия. Я ничего не знаю даже о Бро-ан-Вадаге, не говоря об остальном мире. Может, мне стоит изучить карту и описания путешествий? Да, завтра же пойду в библиотеку. Или послезавтра.

Принц Корум и не подумал торопиться. Жизнь вадагов была долгой, и они привыкли жить в свое удовольствие, подолгу размышляя, прежде чем предпринять какие-либо действия, проводя недели и месяцы в медитации, если им необходимо было изучить сложную проблему или заняться важной научной работой.

Принц Корум решил отложить в сторону симфонию, над которой работал три или четыре года. Вернувшись, он закончит ее... или не закончит. В конце концов, какое это имело значение?

глава вторая

ПРИНЦ КОРУМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Копыта лошади окутывал утренний белый туман, когда Корум выехал из замка Эрорн, чтобы выполнить поручение отца.

Бледный свет смягчал очертания замка, более чем когда-либо похожего на продолжение скалы, на которой он стоял; деревья, растущие вдоль дороги, уходящей в долину, таяли в тумане. Безмолвный пейзаж в мягких золотых, зеленых, серых тонах освещался розовыми лучами восходящего солнца. Из-за скалы доносился шум прибоя.

Березы и ели источали сладкий аромат. Запел дрозд, в ответ ему каркнула ворона, и обе птицы умолкли, словно испугавшись друг друга.

Корум ехал через лес, и шум прибоя постепенно затих в отдаленье, а туман растаял под теплыми лучами восходящего солнца. Корум любил этот древний лес, в котором играл мальчишкой, обучался военному искусству, будучи юношей (отец его считал, что большие физические нагрузки — самый надежный путь к здоровью). Когда-то он часами лежал под деревьями, наблюдая за животными, живущими в лесу: смешным, похожим на лошадь, желто-серым зверьком с рогом на лбу, размерами меньше собаки; крохотной птичкой, оперенье которой переливалось всеми цветами радуги, улетавшей так высоко в небо, что ее невозможно было разглядеть, и вьющей гнездо в покинутых лисами или барсуками норах; большой свиньей, поросшей черным мехом, поедающей мошкару на лету, и многими, многими другими.

Принц Корум понял, что совсем позабыл о преле-

стях природы, пропадая все время за четырьмя стенами. Он огляделся по сторонам, и легкая улыбка тронула его губы. Лес этот, подумал он, будет стоять вечно. Такая красота не может погибнуть.

Столь приятная мысль, как ни странно, повергла его в меланхолию, и он пришпорил коня, который с готовностью перешел на рысь, радуясь неожиданно полученной свободе.

Корум скакал на красном с черно-голубыми гривой и хвостом вадагском коне: высоком, сильном, изящном, совсем не похожим на диких пегих лошадей, живущих в лесу. На коня была накинута желтая бархатная попона; по обе стороны седла висели два копья, длинный лук, колчан со стрелами и круглый щит, изготовленный из дерева, меди, кожи и серебра. В одной из седельных сумок лежала пища, запасенная на время путешествия, в другой — книги и карты местности.

На голове принца Корума сверкал конический серебряный шлем, на котором одно под другим были написаны три слова: Корум Джайлин Ирси (что в переводе означало Принц в Алой Мантии). Согласно обычаю, вадаги называли себя по цветам мантий, в то время как надраги использовали для той же цели девизы на знаменах. Мантия с широкими рукавами и капюшоном принца Корума была изготовлена из тонкой мягкой кожи животного, обитающего на одном из отдаленных измерений, о котором даже вадаги имели весьма смутное представление.

Помимо копья и лука Корум был вооружен боевым топором на деревянной рукоятке и длинной шпагой с клинком из металла, неизвестного на земле. В головке ее серебряного эфеса красовался большой черный оникс. Кроме того на Коруме были сапоги и брюки из голубой кожи, парчовая рубашка, кольчуга из миллиона крохотных звеньев (верхний слой — серебряный, нижний — медный) и плотная кожаная куртка.

В замке Эрорн было слишком мало слуг, и поэтому Корум отправился в путь без провожатых; он предпочел лошадь повозке, чтобы как можно скорее выполнить данное ему поручение.

Путешествие обещало быть долгим, и молодой принц мысленно пытался представить себе каждый из замков, которые он собирался посетить, и новых людей, с которыми ему предстояло встретиться. Возможно, он найдет среди них свою будущую жену. Корум знал, что одной из причин, побудивших принца Клонски обратиться к сыну с просьбой навестить родственников, была забота о будущем наследнике.

Вскоре лес закончился, уступая место необъятной долине Броггфитус, в которой в незапамятные времена вадаги и надраги сошлись в кровавой битве.

Это было последнее сражение двух народов, разразившееся на всех Пяти Измерениях. В нем не оказалось ни победителей, ни побежденных, и оно уничтожило более двух третей населения и с той, и с другой стороны. Корум слышал, что в Бро-ан-Вадаге до сих пор стоят множество обезлюдевших замков, а на островах, лежащих в море далеко от замка Эрорн, опустели многие города.

В центре Броггфитуса лежали развалины Небесного Города, который в течение нескольких месяцев битвы перемещался из одного измерения в другое, разрывая тонкую материю, их связующую, пока не рухнул на сражавшихся вадагов и надрагов, уничтожив оба войска. Неземной металл Небесного Города все еще причудливо блестел, хотя сквозь отверстия в нем проросли высокие травы, пихты и березы.

Удержавшись от искушения полюбоваться на город из различных измерений, что отняло бы слишком много сил, Корум преодолел труднопроходимое препятствие (развалины раскинулись миль на двадцать вокруг) и продолжил путь.

Он скакал три дня, не останавливаясь, пока красный конь не начал спотыкаться от усталости, а затем сделал привал на небольшой поляне, через которую тек, журча, ручеек.

Положив рядом с собой серебряный шлем, боевой топор и шпагу, принц прислонился к старому могучему дубу и перекусил ломтем легкого, но очень сытного вадагского хлеба. Вдалеке возвышались вершины гор — синие, белые, голубые. Воздух был чист и ароматен. Мирный пейзаж успокаивал, убаюкивал.

Корум наслаждался своим путешествием. Несколько раз встречались на его пути странной формы скалы. Ему даже показалось, что они похожи на развалины уничтоженных вадагских замков, но он быстро выбросил эти глупости из головы. Давать волю своему воображению уместно в поэзии, а не в реальной жизни.

Через три дня он прибудет в замок Крача, где жила его тетушка, принцесса Лорим. Корум посмотрел на красного коня, который пощипал травку и улегся под деревом, подогнув ноги; затем принц завернулся поплотнее в алый плащ, накинул на голову капюшон и уснул.

глава третья

СТАДО МАБДЕНОВ

Рано утром принца Корума разбудили странные звуки, нарушившие лесную тишину. Красный конь явно волновался: он стоял, подняв голову и раздувая ноздри.

Корум нахмурился, подошел к ручью, умылся холодной водой и прислушался. Шум. Скрип. Лязганье. Из долины неподалеку послышался крик. Что-то двигалось по дороге.

Корум вернулся к дереву, надел шлем, пристегнул к поясу шпагу, повесил боевой топор за спину, оседлал коня.

Звуки слышались все отчетливее, и, по непонятной причине, молодой принц почувствовал какое-то беспокойство.

В долину, подобно волне прибоя, хлынули звери и повозки, Корум сразу понял, что перед ним стадо мабденов. Когда-то он читал об их привычках и знал, что эти животные все время мигрируют, находятся в беспрестанном движении, так как довольно быстро опустошают приглянувшиеся им земли и вынуждены искать новые угодья. Он очень удивился, увидев у некоторых мабденов вооружение, похожее на вадагское: шпаги, щиты и шлемы.

Стадо мабденов приблизилось, и Корум с любопытством смотрел на него — впрочем, он всегда любил наблюдать за незнакомыми животными.

В варварские деревянные повозки, обитые медью и аляповато разрисованные красной, желтой и голубой красками, были запряжены низкорослые лошади. Позади повозок двигались крытые фургоны. Наверное,

в них находились самки, подумал Корум, не увидевший в стаде ни одной особи женского пола.

У самцов были густые бороды, длинные, опущенные книзу усы и грязные спутанные волосы, торчащие из-под шлемов. Передвигаясь, мабдены кричали друг на друга и передавали из рук в руки мехи с вином. Корум вздрогнул от неожиданности, поняв, что разговор идет на вадагском (общем с надрагским) языке.

И вновь Корум почувствовал какое-то беспокойство. Он вскочил в седло, отъехал под деревья и внезапно понял, почему вооружение мабденов показалось ему похожим на вадагское.

Оно было вадагским.

Корум нахмурился. Может, они забрали его из старых разрушенных замков? А может, украли? Или получили в подарок?

Впрочем, у этих странных животных имелись свое оружие и доспехи — грубая копия вадагских и надрагских. Одеты мабдены были в волчьи шкуры с медвежьими копюшонами, брюки и куртки из тюленьего меха, сапоги из свиной кожи и шерстяные рубашки. На многих красовались золотые, серебряные или железные цепи, причем одни носили их на шее, вторые — на руках или ногах, а третьи — на грязной голове.

Притаившись за деревом, Корум наблюдал, как стадо проходило мимо него. Он чуть было не закашлялся, задохнувшись от смрадного запаха. Все мабдены были настолько пьяны, что едва не вывалились из повозок. Тяжелые колеса скрипели, копыта стучали. Как выснилось, в фургонах (задняя сторона их была открыта) находились не женщины, а награбленное добро. Не вызывало сомнений, что все эти богатства когда-то принадлежали вадагам.

Да, с очевидным не поспоришь. Коруму стало ясно, что перед ним находится отряд воинов, возвращающийся то ли с поля битвы, то ли после дележа добычи. Но у молодого принца не укладывалось в голове, что эти животные могли победить вадагов в сражении.

Глядя вслед последней повозке, Корум увидел не-

скольких мабденов, привязанных к ней веревками. Несчастные были полураздеты, безоружны, ноги их кровоточили, с губ то и дело срывались стоны и мольбы о пощаде. Сидевшие в повозке, вместо ответа, либо смеялись, либо сильно дергали за веревки, заставляя особей своего же вида спотыкаться. Когда один из них в результате подобного обращения упал, его продолжали волочить по земле.

Корум пришел в ужас. Даже надраги, считавшиеся куда более жестокими, чем вадаги, никогда не мучали своих пленных.

— Странные они создания, право, — негромко произнес молодой принц.

Мабден, ехавший во главе отряда, что-то громко крикнул и остановил свою повозку у берега реки. Постепенно другие повозки и фургоны тоже остановились. Мабдены собирались разбить лагерь.

Словно зачарованный, Корум продолжал наблюдать за ними.

Бородатые воины расседлали лошадей и повели их на водопой. Затем достали из фургонов кухонную утварь, разнообразную снедь и развели костры.

Насытившись, они вновь начали передавать из рук в руки мехи с вином, а напившись до бесчувствия, повалились на траву. Одни — уснули крепким сном, другие — принялись меряться силами. Очень часто шутливая драка перерастала в серьезную, и тогда рассвирепевший воин хватался за нож или топор и текла кровь.

Мабден, отдавший приказ о привале, громко закричал и, держа мех с вином в одной руке, начал пробираться между дерущимися, распихивая их ногами. Двое солдат не обратили на него никакого внимания, и мабден тут же выхватил из петли на поясе тяжелый бронзовый топор и с размаху опустил его на голову одного из драчунов, разбив и шлем, и череп. Наступила мертвая тишина. Корум отчетливо услышал, как убийца произнес:

— Клянусь Собакой, я не потерплю никаких стычек! Зачем тратить силы друг на друга? Нам есть с кем поразвлекаться! — И с этими словами он указал

топором на пленников, которые в полном изнеможении уснули на земле.

Мабдены громко рассмеялись. Они быстро встали в круг, а несколько воинов, перерезав веревки, подняли пленных на ноги и пинками втолкнули их в центр круга. Несчастные с ужасом глядели на предводителя мабденов, остановившегося прямо перед ними.

— Когда мой отряд уничтожил вашу деревню, — заявил он, — я предупреждал вас, что мы, денледисси, только одних тварей ненавидим больше, чем шефанго. Ну-ка напомните мне, о ком я говорил? — Один из пленников что-то прошептал, потупив глаза, и мабден тут же шагнул вперед и обухом топора поднял ему голову. — Ты неплохо вызубрил урок, приятель. А теперь повтори.

Еле ворочая языком, с трудом размыкая разбитые в кровь губы, уставив невидящий взгляд в темнеющее небо, пленник крикнул диким срывающимся голосом, не в силах удержаться от слез, катившихся по его щекам:

— О тех, кто лижут задницы шефанго!

Предводитель мабденов улыбнулся, опустил топор и неожиданно ударил бронзовой рукояткой в живот жертве, согнувшейся пополам от страшной боли.

Впервые в жизни Корум стал свидетелем подобной жестокости. Он смотрел, как мабденские воины связали пленных и, бросив их на землю, принялись колоть кинжалами и жечь раскаленным железом.

Начальник отряда стоял в стороне, глядя на пытки, слушая стоны и вопли обреченных.

— О, души ваши попомнят меня, когда вместе с демонами шефанго подвергнутся страшным мукам в Ямах Собаки! — воскликнул он. — О, они попомнят Повелителя денледисси, герцога Гландит-а-Края, роковую судьбу всех шефанго!

Корум попытался разобраться в значении слов, половину из которых он не понял. “Шефанго” могло означать искаженное вадагское “сефано”, то есть “негодяй”. Но почему варвары называли себя “денледисси”, почти наверняка искаженное “донледисси”, в дословном переводе — “убийцы”? Может, они гордились умением убивать? И всех ли своих врагов

мабдены, которые вне всяких сомнений враждовали между собой, называли "шефанго"?

Корум удивленно покачал головой. Он знал повадки многих животных, но поведение мабденов поставило его в тупик. Впрочем, ему не особенно хотелось вникать в их нравы и обычаи, о которых он, при всем желании, не мог судить беспристрастно. Пожав плечами, Корум пришпорил коня и поскакал в глубь леса.

Наверное, подумал он, мабдены прошли путь эволюции и регресса значительно быстрее, чем любые другие расы. Возможно, сейчас по земле бродят сошедшие с ума особи, оставшиеся в живых после гибели цивилизации. В этом, и только в этом случае становилось понятно, почему они уничтожали друг друга, подобно взбесившимся лисицам.

Желая как можно скорее попасть в замок Крача, молодой принц поскакал галопом. Принцесса Лорим, жившая по соседству со стадами мабденов, сумеет ответить на все его вопросы.

глава четвертая

ЯД КРАСОТЫ ОБРЕКАЕТ ПРАВДУ НА ПОГИБЕЛЬ

Корум скакал по дороге и видел пепелища костров и разбросанный мусор — следы, которые оставили после себя мабдены. На рассвете третьего дня добрался он до высоких зеленых холмов, окружающих долину Крача, и обвел взглядом окрестности.

В долине росли тополя, березы и вязы; она выглядела очень уютной в мягком утреннем свете. Но куда подевался замок принцессы Лорим?

Корум вытащил из седельной сумки карту и в который раз сверился с ней. Замок, окруженный шестью рядами тополей и двумя кольцами вязов, должен был стоять в центре долины. Да, вот они — тополя и вязы. Но посередине — туманное облако, и ничего больше.

Молодой принц быстро поскакал вниз по холму. Запахло дымом. Чем дальше Корум продвигался вперед, тем больше дым ел ему глаза, тем сильнее першило у него в горле. Задыхаясь от кашля, он проехал последнее кольцо тополей. Перед ним лежали нагромождение камней, обуглившиеся деревья, расплавленный металл.

Дымящиеся развалины замка Крача. Огонь уничтожил замок, пожрал его обитателей — объезжая руины, Корум наткнулся на обгоревшие скелеты. Здесь шла битва. Он увидел сломанную повозку мабденов. Несколько мабденских трупов. Разрубленную на куски вадагскую женщину.

Вороны кружили над пепелищем.

Принц Корум познал печаль. По крайней мере ему показалось, что он испытывает именно это чувство.

Он громко крикнул в надежде, что хоть один обитатель замка Крача остался в живых, но не получил ответа.

Молодой принц повернул коня и поскакал на восток, в замок Сари. Он провел в пути более недели, и к его печали примешалось другое чувство. Принц Корум познал страх.

Замок Сари стоял в дремучем лесу, и попасть в него можно было только тропинкой, по которой сейчас скакал обессилевший Корум на обессилевшем красном коне. Лесные зверюшки разбегались в разные стороны, завидев Принца в Алой Мантии; пасмурное небо хмурилось тучами; моросил дождь. В свежем воздухе не пахло дымом, потому что замок Сари сгорел давным-давно. Черные камни развалин были холодны на ощупь, вороны объели трупы до костей и улетели в поисках другой падали.

И Корум заплакал, и спешился, и уселся на огромный валун, глядя на омытые дождем скелеты и черепа. Несколько часов сидел он неподвижно, словно сам превратился в камень, изредка издавая горлом бессмысленные звуки, которые не могли выразить всего того, что творилось в его парализованной душе. Он не знал принца Опаша, — хотя принц Клонски всегда говорил о нем с уважением, — и тех, кто жил с ним в замке. Но слезы текли, не переставая, из глаз Корума, пока он, измученный, не растянулся на валуне и не впал в сонное полузабытье.

Дождь продолжал моросить. Мелкие капельки стекали по алой мантии, по развалинам, по разбросанным там и тут костям. Красный конь нашел себе убежище под деревом и, глядя на своего хозяина, подогнул ноги, лег на землю и уснул.

Когда Корум очнулся, мысли в его голове все еще путались. Он понимал, что подобные разрушения — дело рук мабденов: надраги не сжигали замки своих

врагов. Кроме того, мир между вадагами и надрагами длился уже несколько столетий. Оба народа забыли, что такое война.

На мгновение Корум подумал, что надраги натравили мабденов на вадагов, но и это было сомнительно. Две древние расы, в каких бы отношениях ни находились, тщательно придерживались неписаного кодекса чести. И с уменьшением численности населения надрагам не требовалось расширять свои территории, а вадагам — защищать наследственные земли.

Измученный от усталости, со следами слез на лице принц Корум оседлал коня и поскакал на север, в замок Гал. Он надеялся, что стада мабденов мигрировали только на юг и на восток и еще не успели разорить страну на севере и на западе.

Днем позже Корум остановился у небольшого лесного озера, чтобы напоить коня, и неожиданно почувствовал запах дыма. Вынув карту и тщательно сверившись с ней, он убедился, что вадаги никогда не строили замков в этой местности.

Корум задумался. Если неподалеку расположились на отдых мабдены, среди них могли оказаться пленные вадаги, а в таком случае надо было попытаться их спасти. Молодой принц решил отправиться на разведку.

Это действительно был лагерь мабденов, но лагерь постоянный, похожий на небольшие поселения надрагов, только гораздо примитивнее: одноэтажные каменные здания с покатыми крышами, из которых торчали трубы, стояли прямо на земле.

Вокруг лагеря лежали возделанные поля, предназначавшиеся, видимо, для посева злаков, хотя в данный момент на них паслись коровы.

Как ни странно, Корум не испытывал того беспокойства, которое охватило его несколько дней назад при виде стада мабденов. Тем не менее он предпринял все меры предосторожности: спешился в сотне ярдов от поселения и наблюдал за ним из укрытия в течение часа.

Из труб вился легкий дымок, но других признаков жизни Корум не заметил.

Он вновь вскочил в седло и подъехал к ближайшему дому. Никто не вышел к нему навстречу.

Корум откашлялся.

Где-то заплакал и тут же умолк ребенок, словно ему зажали рот.

— Эй, мабден! — позвал Корум хриплым от усталости голосом, в котором проскальзывали печальные нотки. — Мне надо поговорить с тобой. Почему ты не выходишь из своего жилища?

— Мы никогда не причиняли вреда шефанго, — последовал нерешительный ответ из-за закрытой двери, — и они тоже никогда нас не обижали. Но если мы поможем тебе, денледисси вернутся и заберут все наши запасы, убьют наших мужчин, изнасилуют наших женщин. Умоляю тебя, уходи, шефанго, господин. Мы сложили пищу в мешок у двери. Забирай его и оставь нас.

Только сейчас Корум увидел на крыльце дома небольшой мешок. Подношение. Разве мабдены не знали, что вадагские желудки не могли переварить их грубую пищу?

— Мне не нужна еда, мабден, — сказал он.

— Чего же ты хочешь, шефанго, господин? У нас ничего нет, кроме наших душ.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Ответь мне на несколько вопросов, и я уйду.

— Шефанго всеведущи, господин. Мы ничего не знаем.

— Почему вы боитесь денледисси? Зачем ты называешь меня негодяем? Вадаги никогда не вмешивались в ваши дела.

— Денледисси прозвали вас шефанго, господин. Они наказывают нас, считают преступниками за то, что мы никогда не враждовали с вашим народом. Мабдены появились в этом мире, чтобы уничтожить всех шефанго — вадагов и надрагов. Шефанго — зло, которое порождает зло. Так говорит великий герцог Гландит-а-Край, самый верный слуга короля Лир-а-Брода, владыки Вселенной, живущего в ка-

менном городе Каленвире на северо-востоке. Разве ты не знал этого, шефанго, господин?

— Нет, — тихо сказал Корум, поворачивая коня. — А узнав, все равно ничего не понял... Прощай, мабден! — громко добавил он. — Я не хочу быть причиной твоего страха. Но ответь мне на последний вопрос...

— Какой, господин? — спросил из-за двери нервный голос.

— Почему мабдены убивают друг друга?

— О чем ты говоришь, господин?

— Я своими глазами видел, как особи твоей расы убили себе подобных. Скажи, вы часто так поступаете?

— Да, господин. Мы наказываем тех, кто нарушает наши законы. Чтобы другим не повадно было.

Принц Корум вздохнул:

— Благодарю тебя, мабден. Теперь я уеду.

Он пришпорил коня и поскакал по возделанным полям. Через некоторое время деревня осталась далеко позади.

Только сейчас Корум понял, что вадаги недооценили мабденов, которые представляли собой грозную силу. У них был примитивный общественный строй. Существовало социальное неравенство. Они строили поселки и города. Большей частью Бро-ан-Вадага правил один человек, король Лир-а-Брод (опять же искаженное вадагское "Повелитель Всех Земель").

Корум вспомнил слухи, согласно которым мабдены уничтожили множество вадагских замков и захватили острова надрагов. Денледисси считали своей обязанностью уничтожать всех шефанго. Почему? Ни вадаги, ни надраги не представляли для мабденов никакой опасности. Они обладали огромными знаниями и ничем больше. Неужели мабдены боялись знаний?

В течение десяти дней, дважды останавливаясь на отдых, скакал Корум на север, стараясь не думать о том, каким предстанет перед его взором замок Гал, страстно надеясь, что ему удастся предупредить принца Фагвина о грозящей опасности.

Молодой принц объезжал стороной поселения маб-

денов, и маленькие, и большие, окруженные серыми крепостными стенами с мрачными башнями. Несколько раз он видел отряды воинов, но обостренное вадагское чутье помогло ему избежать встречи с ними. Однажды Корум вынужден был переместиться на другое измерение (затратив немало сил), чтобы его не заметили. С расстояния в десять футов он смотрел на грязные болезненные лица, смазанные жиром; на уродливые фигуры, закутанные в меха; на безвкусные побрякушки, которые служили варварам украшениями... Он смотрел на мабденов и поражался только одному: их умению уничтожать все живое.

И наконец Принц в Алой Мантии подскакал к подножию холма, на котором стоял замок Гал, и увидел черные клубы дыма и кровавые огненные языки, вздымающиеся в небо. Корум понял, за какой добычей направлялись повозки мабденов, которые встретились ему по пути.

На первый взгляд осада Гала продолжалась много дней. Видимо, вадаги хорошо подготовились к нападению. Надеясь, что успеет оказать помощь соотечественникам, молодой принц пришпорил коня и помчался вверх по холму.

Единственным живым существом у охваченного пламенем замка был раненый мабден, брошенный своими товарищами на произвол судьбы. Корум не обратил на него ни малейшего внимания.

Трое вадагов лежали один подле другого. Двое взрослых мужчин, раздетых догола, и шестилетняя девочка. Перед смертью они подверглись надругательствам.

Корум бережно отнес трупы к пылающему замку и совершил огненное погребение. Затем подошел к красному коню и совсем было собрался сесть в седло, когда раненый воскликнул:

— Помоги мне, повелитель!

Корум вздрогнул, услышав эту фразу, произнесенную на чистом вадагском языке, без акцента. Может, вадаг переоделся мабденом, чтобы спастись? Держа коня в поводу, Принц в Алой Мантии осторожно приблизился к лежавшему на земле воину и пристально посмотрел на него. Волчья шуба, стальная

кольчуга, шлем с забралом. Отстегнув ремешки, Корум снял его, откинул в сторону и чуть не вскрикнул от изумления, увидев окровавленное темное лицо с характерными чертами; заросщий волосами лоб.

— Помоги мне, повелитель! — повторил надраг. — Я ранен не смертельно, я буду служить верой и правдой.

— Кому? — негромко спросил Корум и, оторвав рукав у рубахи надрага, вытер ему залитые кровью глаза. — Захочешь ли ты служить мне?

Внезапно прозревший надраг уставился на Корума в бессильной злобе.

— Вадаг! — воскликнул он. — Живой вадаг!

— Да, я жив. За что ты ненавидишь меня?

— Надраги испокон века ненавидели вадагов! Как тебе удалось спастись? Ты спрятался?

— Я не из Гала.

— Значит, я оказался прав. Это — не последний вадагский замок. — Раненый выхватил из-за пояса кинжал, попытался нанести Коруму удар и тут же со стоном повалился на спину.

— Не всегда ненависть питала надрагов, — сказал Корум. — Вы хотели завладеть нашими землями, мы — оборонялись. Оба народа действовали в силу необходимости и уважали друг друга. Ты научился ненавидеть у мабденов, а не у своих предков, которые знали, что такое честь. Как могло существо древней расы стать рабом мабденов?

— Все надраги, оставшиеся в живых, стали рабами и остаются ими вот уже более двух столетий. Мабдены обрекли нас на мучительное существование, заставляя, словно ищеек, выслеживать тех, кого они называют шефанго. Мы поклялись нашим повелителям в вечной преданности, чтобы выжить.

— Почему бы вам не уйти? Этот мир — не единственный.

— В других нам было отказано. Наши историки утверждают, что великая битва между вадагами и надрагами так нарушила равновесие, что Боги закрыли путь на все существующие измерения.

— Значит, вы тоже стали суеверными, — прошептал Корум. — Ах, что делают с нами мабдены!

Надраг начал смеяться, закашлялся, и кровь потекла у него изо рта по подбородку. Когда Корум вытер ему лицо, он тихо произнес:

— Они сильнее нас, вадаг. Они принесли с собой тьму, посеяли ужас. Они отравили ядом красоту и обрекли правду на погибель. Весь мир принадлежит мабденам. Древние расы не имеют права продолжать свое существование. Природа нас ненавидит! Мы должны погибнуть!

Корум вздохнул:

— Это твое собственное мнение, или ты повторяешь слова своих повелителей?

— Это — реальность!

— Ты говорил, мабдены считали Гал последним вадагским замком...

— Да. Но я чувствовал, что он не последний. И сказал об этом.

— Мабдены отправились на его поиски?

— Конечно.

Корум схватил раненого за плечо:

— Куда?

Надраг улыбнулся.

— "Куда?" — переспросил он. — Естественно, на запад!

Корум побежал к своему коню.

— Подожди! — хриплым голосом закричал вслед ему надраг. — Ради всего святого, убей меня, вадаг! Я не хочу мучаться!

— Я не умею убивать, — ответил Корум, вскакивая в седло.

— А ты научись! Обязательно научись!

Молодой принц не слышал последних слов умирающего. Иступленно погоняя коня, Корум скакал на запад.

глава пятая

ПРЕПОДАННЫЙ УРОК

Огонь бушевал, уничтожая остроконечные башенки замка Эрорн. Шумел прибой, словно сражаясь со смертельным врагом; завывал ветер в бессильной ярости; пенистые гребешки волн изо всех сил тянулись вверх, пытаясь затушить всепожирающее пламя.

Замок Эрорн задрожал, рушась, а чернобородые мабдены смеялись, глядя на обломки, подсчитывая награбленное добро, бросая триумфальные взгляды на трупы, еще не успевшие окоченеть.

Это были трупы вадагов.

Четыре женских и семь мужских.

Стоя на горной тропинке, ведущей в Брогтфитус, Корум видел отсветы пожара на окровавленных лицах, которые он так хорошо знал: принца Клонски, его отца; Калаталарны, его матери; Илястру и Фолинры, его сестер-близняшек; принца Ранана, его дяди; Сертреды, его двоюродной сестры. И пятерых слуг — его дальних родственников.

Три раза Корум пересчитал трупы, и на смену холодному отчаянию, которое он испытывал, пришла ненависть.

Три раза Корум пересчитал трупы, а затем взглянул на пирующих мясников-победителей, и его лицо по праву можно было назвать лицом шефанго.

Совсем недавно молодой принц познал печаль и страх. Сейчас он познал ненависть.

Две недели скакал Корум, почти не останавливаясь, надеясь опередить денледисси и предупредить свою семью о грозящей опасности. Он опоздал всего на несколько часов.

Высокомерие варваров, рожденное невежеством,

восторжествовало над высокомерием вадагов, рожденным мудростью. Именно так, видимо, рассуждал отец Корума, принц Клонски, когда ему проломили череп украденным у него же боевым топором. Но в данный момент Коруму было не до философии.

Желтые глаза его потемнели от гнева. Сжав в руке древко копья, он пришпорил усталого коня и поскакал по освещенной пожаром тропинке к денледисси.

Они сидели в повозке, переливая сладкое вадагское вино в свои мехи. Шум прибоя, завывание ветра позволили Коруму приблизиться к мабденам незамеченным. Наконечник копья пробил грудь ближайшему воину, и тот закричал страшным голосом.

Корум научился убивать.

Быстро вытащив копье из трупа, он пронзил горло второго мабдена, резко закрутив древко вправо.

Корум научился быть жестоким.

Один из денледисси поднял лук, натянул тетиву, и Корум бросил свое грозное оружие, пробившее бронзовую нагрудную пластину и впившееся в сердце.

Корум вытащил второе копье.

Красный конь, загнанный в бешеной скачке, с трудом повиновался поводьям. Мабдены на других повозках, погоняя лошадей, спешили к тому месту, где бился Принц в Алой Мантии.

Стрела просвистела над его ухом, и он поразил еще одного лучника в левый глаз, едва успев выхватить копье, чтобы отразить удар мечом.

Повозки неслись с сумасшедшей скоростью, отбрасывая причудливые тени. В первой из них во весь рост стоял денледисси, которого Корум сразу узнал. Предводитель мабденов смеялся, вертел над головой огромным бронзовым топором и громко кричал:

— Клянусь Собакой! Неужели этот вадаг умеет драться не хуже мабденов? Слишком поздно, друг мой! Ты — последний вадаг на этой земле!

Серые глаза Гландит-а-Края злобно сверкали, желтые зубы осклабились в недоброй усмешке.

Корум кинул копье.

Бронзовый топор свистнул в воздухе, отбивая его в сторону. Впряженные в повозку лошади ни на секунду не замедлили бег.

Корум выхватил свой боевой топор, и в это время колени его коня подкосились, и он свалился замертво.

Едва успев вытащить ноги из стремян, Корум в отчаянном прыжке бросился в сторону, уворачиваясь от стремительно надвигающейся на него повозки. Он попытался нанести удар Гландит-а-Краю, но промахнулся, и боевой топор с силой опустился на железное колесо. От шока руки Корума онемели. Чей-то меч плашмя ударил его по шлему. Копье на излете попало ему в плечо. Оглушенный, он свалился лицом в грязь.

Корум научился хитрости.

Вместо того чтобы подняться, он лежал неподвижно, ожидая, когда повозки пронесутся мимо, и только потом вскочил на ноги и побежал в спасительную темноту.

Он не успел сделать и несколько шагов, как споткнулся о что-то мягкое. Невольно поглядев вниз, Корум увидел свою мать, и понял, каким надругательствам подверглась она перед смертью. Горький стон сорвался с его губ, слезы покатились из глаз. Высоко подняв боевой топор левой рукой, сжимая шпагу в правой, он закричал:

— Гландит-а-Край!

Корум познал жажду мести.

От стука копыт сотрясалась земля. Самая высокая башня замка Эрорн внезапно треснула и рухнула, объятая языками пламени, которые взвились в небо, осветив ночь и Гландит-а-Края, развернувшего лошадей, несущихся во весь опор.

Корум стоял над телом своей матери, принцессы Калаталарны. Первый удар Принца в Алой Мантии разбил голову коренной лошади, и она упала, увлекая за собой остальных. Герцог Гландит-а-Край чуть было не вылетел из повозки. Он громко выругался. Остановились и другие повозки. Мабдены явно не понимали, в чем дело.

Второй удар Принц в Алой Мантии нанес Гландиту в грудь, но острие не пробило кольчуги. Огромная лохматая голова повернулась, серые выцветшие глаза уставились на Корума. Затем герцог спрыгнул на землю, и Корум оказался лицом к лицу с убийцей своих родных и близких.

Они глядели друг на друга, освещенные заревом, тяжело дыша, готовые к схватке.

Корум напал первым. Сделав выпад шпагой, он замахнулся боевым топором.

Гландит отклонил корпус, поднял свой бронзовый топор и одновременно попытался ударить Корума ногой в живот.

Они кружили, и каждый внимательно следил за противником, пытаясь найти малейшую брешь в его обороне, а мабдены с других повозок встали в круг и молча наблюдали за ними.

Губы Гландита зашевелились, он попытался отдать воинам какой-то приказ, но в это время Корум достал его в прыжке. Клинок, сделанный из неземного металла, проткнул кольчугу и вонзился герцогу в плечо. Гландит яростно захрипел и взмахнул топором с такой силой, что шпага вылетела из онемевших пальцев Корума.

— Вот и все, вадаг, — пробормотал Гландит-а-Край, словно разговаривая сам с собой. — Побаловались, и будет. Мне не суждено погибнуть от руки шефанго...

Корум нанес удар топором.

И вновь Гландит парировал.

И вновь бронзовый топор со свистом рассек воздух... оставив Корума безоружным. Герцог посмотрел на него и ухмыльнулся.

— ...но шефанго суждено погибнуть от моей руки! — Рот его перекосился в волчьей усмешке.

Бросившись на Гландит-а-Края, Корум попытался выхватить у него бронзовый топор и, теряя последние силы, вцепился в рукоятку.

— Клянусь Собакой, — вскричал герцог, — этот вадаг — демон! Уберите его от меня, ребята! Не убивать. Мы с ним еще позабавимся. Как-никак, это — последний вадаг на Земле!

Корум слышал их смех, пытался сопротивляться, когда его схватили за руки. Он кричал, как кричит человек в лихорадочном бреду, и не слышал своих собственных слов.

Затем один из мабденов стащил с него серебряный шлем, а другой ударил по затылку рукоятью меча. Тело Корума обмякло, и он погрузился в благостную тьму.

глава шестая

КОРУМ — КАЛЕКА

Солнце дважды совершило путешествие по небосклону, прежде чем Корум очнулся и увидел, что лежит, прикованный цепями, в одном из мабденских фургонов. Он попытался приподнять голову и посмотреть в щелку. Стоял день.

Почему его не убили? Ответ напрашивался сам собой: мабдены собираются подвергнуть очередного вадага пыткам и ждут, когда он очнется. Дрожь прошла по телу Корума, когда он подумал о долгой и мучительной смерти, которая его ждет.

Если б он не отправился по просьбе отца в путешествие, не стал бы свидетелем того, что произошло с вадагскими замками и их обитателями, не видел бы уничтожения, которому подвергся Бро-ан-Вадаг, Корум, быть может, смирился бы со своей участью и умер бы так, как умерли все его соотечественники. Но Принцу в Алой Мантии преподали хороший урок. Он ненавидел мабденов. Он оплакивал своих родных и близких. И он отомстит, если сможет. А значит, он должен остаться в живых.

Корум закрыл глаза, сберегая силы. Существовал один-единственный способ побега: переместиться в другое Измерение, где его никто не увидит. Но это потребует колоссальной затраты энергии, и к тому же нет смысла перемещать тело, которое лежит в мабденском фургоне, прикованное цепями.

Время от времени мабдены переговаривались лающими голосами, но слов было не разобрать. Корум уснул.

Ему было холодно и мокро. Он открыл глаза и увидел мабдена с пустым кувшином в руках. Корум ле-

жал на земле. Неподалеку горели костры. Стояла ночь.

— Шефанго очнулся, повелитель! — крикнул мабден, только что окативший его водой. — Теперь мы сможем потешиться!

У него болело все тело. С огромным трудом Корум встал на ноги и согнулся под тяжестью цепей. Стон сорвался с его губ. Он попытался увидеть другое измерение и почувствовал ломоту в глазах. Впрочем, если ему и удастся переместиться, от цепей все равно не избавиться. Это было бессмысленно.

Расталкивая денледисси, к Коруму подошел Гландит-а-Край. Серые выцветшие глаза победно блестели. Рука, сверкающая украденными золотыми перстнями, оглаживала бороду, заплетенную в косички. Чуть ли не с нежностью он поддержал Корума, у которого подкашивались ноги.

— Родлик! Поди сюда, мой мальчик! — зычно крикнул герцог, не поворачивая головы.

— Я здесь, повелитель! — Рыжеволосый мальчуган лет четырнадцати выбежал из толпы воинов. На нем были вадагские одежды из белой и зеленой парчи, сапоги из оленьей кожи, горностаевая шапка. По сравнению с другими мабденами он выглядел привлекательно, несмотря на бледное прыщавое лицо. Преклонив перед Гландитом колена, мальчуган тихо произнес:

— Слушаю и повинуюсь, милорд.

— Помоги шефанго встать, мальчик. — Хриплый голос герцога был на удивление ласков. — Пусть он обопрется о тебя.

Родлик мгновенно выполнил приказ. Руки у него были холодные, потные — мальчуган явно нервничал. Денледисси выжидательно смотрели на своего предводителя. Гландит-а-Край небрежно снял шлем и тряхнул грязными завивающимися волосами, смазанными жиром.

Корум тоже внимательно посмотрел на багровое лицо герцога и пришел к выводу, что во взгляде серых глаз сквозил не ум, а непомерная гордость.

— Зачем ты уничтожил всех вадагов? — спокойно спросил Принц в Алой Мантии. — Зачем, герцог Край?

Казалось, Гландит удивился, услышав этот вопрос. Чуть помедлив с ответом, он сказал:

— Неужели не знаешь? Все вы — волшебники, а мы ненавидим волшебников. Мы презираем ваше высокомерие. Мы хотим захватить ваши земли и ваше имущество. Именно поэтому мы уничтожили вадагов. — Он ухмыльнулся. — Но только не всех. Один остался в живых.

— Ты прав, — ответил Корум. — И этот один отомстит за свой народ, если ему предоставится такая возможность.

Гландит отставил ногу в сторону, уперев руки в боки.

— О нет, он не отомстит. Его песенка спета.

— Ты говоришь, мы — волшебники. Но ведь это неправда. Научные знания, второе зрение...

— Ха! Я побывал не в одном вадагском замке, видел много штуковин, которые творят зло. Возьми хоть этот, последний, который мы разрушили пару дней назад. От него так и несло волшебством!

Корум вздохнул:

— Пусть так, не буду спорить. Но ведь это еще не причина, чтобы уничтожать нас. Мы не причинили мабденам никакого вреда. Мы позволили им поселиться на наших землях. Мне кажется, вы испытываете к нам ненависть потому, что ненавидите что-то в самих себе. Мабдены... — незаконченные создания.

— Слышал. Шефанго называют нас полузверьми. Мне наплевать, что ты о нас думаешь, вадаг. Твоего народа больше не существует. — Он сплюнул и махнул Родлику рукой. — Отпусти его, мальчик.

Родлик отпрыгнул в сторону, как ужаленный. Корум покачнулся, но удержался на ногах. Он с презрением посмотрел на Гландит-а-Края.

— И ты, и твоя раса безумны, герцог Край. Вы — раковая опухоль на теле человечества.

Гландит вновь плюнул, на этот раз в лицо Коруму.

— Говорю тебе, слышал. Я прекрасно знаю, что думают о нас вадаги. И еще я помню пустую болтовню надрагов, прежде чем они стали нашими охотничьими псами! Вас погубила собственная гордость, шефанго! Надраги засунули ее себе под хвост, и поэтому мы даровали им жизнь. Не всем, конечно, но оставшиеся в живых признали в нас повелителей Вселенной! А вы, вадаги, отказались преклонить перед нами колена. Когда мы пришли к вам, вы нас

игнорировали. Когда мы потребовали дань, вы не дали ответа. Когда мы приказали служить нам, вы сделали вид, что ничего не понимаете. Поэтому нам пришлось наказать вас. А вы даже не сопротивлялись. И под пыткой вы отказались дать нам клятву верности, стать нашими рабами. Наше терпение лопнуло, вадаг. Мы решили, что шефанго недостойны дышать одним воздухом с нашим королем Лир-а-Бродом, которого они не захотели признать своим сюзереном. Тогда мы выступили в поход. Вы сами уготовили себе эту судьбу, вадаг.

Корум потупил глаза. Если не разбираться в тонкостях, Гландит был прав: вадагов погубило их высокомерие. Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза предводителю мабденов.

— Надеюсь, — сказал он, — последний вадаг сумеет доказать тебе, что он отличается от всех остальных.

Гландит пожал плечами и повернулся к стоявшим сзади воинам.

— Откуда ему знать, как он поведет себя, ежели он вообще ничего не знает? Верно я говорю, ребята?

Денледисси рассмеялись.

— Приготовить стол! — распорядился герцог Край. — Начнем, пожалуй.

Несколько мабденов принесли толстую широкую доску и прислонили ее к ближайшему дереву. Два воина схватили Корума за руки, третий сбил с него цепи, ловко орудуя зубилом и молотком. Затем Принца в Алой Мантии подвели к импровизированному столу и приковали заново. Пахло засохшей кровью, на доске виднелись следы ударов кинжалами, мечами, боевыми топорами и вмятины от наконечников стрел.

Доска пыток.

Мабдены жаждали крови. Они хрипло дышали; глаза их сверкали в свете костров, ноздри раздувались, красные языки облизывали пересохшие губы; на многих лицах застыли похотливые улыбки.

Герцог Край внимательно наблюдал, как вадага приковывают к доске. Затем он подошел к нему вплотную и вытащил из-за пояса кинжал. Корум смотрел,

как тонкое острое лезвие неумолимо приближается к его груди. Раздался треск рвущейся материи.

Ухмыляясь во весь рот, Гландит медленно срезал одежду с тела Корума. Кое-где из неглубоких царапин на коже показалась кровь. Сделав шаг назад, герцог удовлетворенно кивнул.

— Тебя, конечно, интересует твоя дальнейшая судьба, — сказал он.

— Я видел, что вы сделали с другими вадагами, прежде чем убить их, — ответил Корум. — Мне кажется, я знаю, что меня ждет.

Сунув кинжал обратно за пояс, Гландит многозначительно поднял правую руку с оттопыренным мизинцем.

— Ошибаешься, друг мой. Ты ничего не знаешь. Другие вадаги умерли быстро и относительно безболезненно. Если б мы с ними возились, то не успели бы убить остальных вадагов. А сейчас нам некуда спешить. Может, мы даруем тебе жизнь... если, конечно, ты выживешь без глаз, без языка, без рук и ног и без половых органов.

Корум уставился на него расширенными от ужаса глазами.

Гландит громко расхохотался.

— Я вижу, ты оценил мою шутку. — Он взмахнул рукой. — Начнем, ребята! Несите орудия пытки!

Воины поставили рядом с доской большую жаровню, полную раскаленных углей, на которых лежали всевозможные инструменты.

Орудия пытки, подумал Корум. Как может раса, создавшая их, считать себя разумной?

Гландит-а-Край взялся за деревянную ручку длинного железного прута и стал медленно поворачивать его в разные стороны, глядя на раскаленный наконечник.

— Глазом мы закончим и с глаза начнем, — задумчиво произнес он. — Скажем, с правого.

К счастью, Корум ничего не ел вот уже несколько дней. Тошнота подкатила к его горлу, рот наполнился горькой слюной. Гландит медленно приближался, держа прут в правой руке. Железо дымилось в прохладном ночном воздухе.

Корума бросало то в жар, то в холод. Он попытался выкинуть из головы все мысли, сконцентрироваться только на своем втором зрении. Мир словно раскололся на две части: Корум видел одновременно отрывочные картины другого измерения и подплывающий к нему раскаленный железный наконечник...

...который дотронулся до его века.

Корум закричал.

Боль жгучим кнутом хлестнула по лицу, парализовала тело. Он услышал смех мабденов, тяжелое дыхание Гландит-а-Края...

...и потерял сознание.

Корум блуждал по улицам странного города. В заплесневелые стены высоких зданий, построенных, казалось, совсем недавно, въелась грязь. Ему все еще было больно, но ощущенья его притупились. Женский голос окликнул его с балкона. Корум поднял голову и увидел свою сестру, Фолинру. Посмотрев на его лицо, она страшно закричала.

Он попытался дотронуться до правого глаза. Что-то мешало ему. Никак не удавалось высвободить левую руку — кто-то вцепился в нее изо всех сил. Он дергал все сильнее и сильнее, а кисть его пульсировала от нестерпимой боли.

Фолинра исчезла, и Корум тут же забыл о ней. Ему никак не удавалось повернуться и посмотреть, кто его держит. Может, хищный зверь сомкнул могучие челюсти на его руке?

Корум дернулся, что было сил, и внезапно освободился.

Испытывая невероятное облегчение, он вновь попытался дотронуться до правого глаза и, хотя ему это удалось, он ничего не почувствовал.

Он посмотрел на свою руку. И увидел окровавленный обрубок...

Корум закричал...

...очнулся и увидел мабдена, прикладывающего к обрубку раскаленное лезвие меча.

Гландит все еще смеялся, махая отрезанной кис-

тью в воздухе, а кровь капала с его кинжала на землю.

Сейчас Корум отчетливо видел Второе Измерение. Призвав на помощь всю свою силу, порожденную страхом и отчаянием, он переместился на него.

Голоса мабденов доносились, словно издалека. Денледисси удивленно кричали и указывали на Корума пальцами. Гландит-а-Край попятился, задрожав от страха, но быстро пришел в себя и отдал приказ обыскать лес и найти невесть куда пропавшего пленника.

О доске забыли. Мабдены во главе с герцогом отправились на поиски.

А пленник тем временем все еще был прикован к доске, которая, как и он сам, существовала на нескольких Измерениях. От жгучей боли у него мутилось сознание.

Как только силы его иссякнут, он поневоле вернется на Первое Измерение и вновь подвергнется пыткам.

Корум заворочался в цепях, махая обрубком левой руки, пытаясь освободиться. Безнадежно.

Он понимал, что попытки его бессмысленны. Он знал, что лишь отсрочил неизбежную гибель.

Теперь ему никогда не удастся отомстить убийцам своего народа.

глава седьмая

БУРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тратя остатки сил, мокрый от пота, Корум удерживался на Втором Измерении, со страхом ожидая возвращения Гландита и его воинов.

Внезапно он увидел какое-то существо, вышедшее из леса и осторожно приблизившееся к доске.

Сначала Корум решил, что перед ним мабден, одетый в длинную шубу. Затем он понял, что ошибся.

Существо остановилось, завертело головой, оглядывая мабденский лагерь, и уставилось на Корума.

Это было невероятно! Существо видело Корума! Оно обладало вторым зрением, которого на Первом Измерении не было ни у кого, кроме вадагов и надрагов!

Не стерпев жгучей боли, Корум на мгновение закрыл здоровый глаз, а открыв его, увидел, что существо подошло к доске вплотную.

Это был зверь, внешне напоминающий мабдена, а то, что Корум принял за длинную шубу, оказалось мехом, покрывающим тело. Лицо с плоскими чертами лица было бурым, морщинистым и, по-видимому, очень старым. На нем выделялись большие, круглые, как у кошки, глаза, широкие ноздри и огромный рот, из которого торчали желтые клыки.

Зверь печально посмотрел на Корума, что-то проворчал и махнул рукой в сторону леса, словно предлагая пленнику убежать. Корум покачал головой, указав обрубком на цепи.

Зверь задумчиво почесал бурый мех на шее и внезапно удалился, скользнув за деревья.

Корум так удивился, что на мгновенье позабыл о

своих болях. Кем был бурый зверь? Видел ли, как пытали Корума? Пытался ли спасти его? Или он — не более чем галлюцинация, такая же, как странный город и Фолинра, которые привиделись Коруму совсем недавно?

Он чувствовал, что у него не осталось сил. Через несколько минут ему поневоле придется вернуться на Первое Измерение. Мабдены увидят его и, озлобленные пуще прежнего, продолжат пытки.

Бурый зверь вновь вышел из леса. Одной рукой он тянул за собой кого-то, а другой указывал на прикованного к доске Корума.

Не виданное им доселе создание, двенадцати футов в высоту и шести в ширину, приблизилось. Как и бурый зверь, оно ходило на двух ногах. Лицо у него было печальным и задумчивым; тело, похожее на человеческое, излучало какой-то странный свет, и казалось бесформенным.

Создание наклонилось, подняло доску, бережно, как отец ребенка, прижало ее к груди и зашагало в лес.

Корум решил, что у него опять начались галлюцинации. Силы покинули его, и он вернулся на первое измерение, но странное создание не замедлило шага. Бурый зверь не отставал, и вскоре они оставили лагерь мабденов далеко позади.

Корум вновь потерял сознание.

Когда Корум очнулся, он увидел, что доска валяется в нескольких футах от него, а сам он лежит на зеленой травке на лужайке. Бурый зверь сидел неподалеку, внимательно наблюдая за ним. Рядом были сложены горкой орехи и фрукты.

Он взглянул на свою левую руку. Обрубок был смазан каким-то жиром и почти совсем не болел. Корум притронулся правой рукой к больному глазу и почувствовал под пальцами что-то липкое, вероятно, тоже мазь.

В ветвях высоких деревьев пели птицы. Наверху простиралось чистое голубое небо. Если бы не раны,

Корум решил бы, что события последних недель не более чем дурной сон.

Бурый зверь встал на ноги и, ковыляя, подошел к нему. Откашлялся. Участливо глядя на Корума, дотронулся до своего правого глаза и левой кисти.

— Как... боль? — приглушенно спросил он, стараясь как можно отчетливее произносить каждое слово.

— Прошла, — ответил Корум. — Спасибо тебе, бурый человек, за то, что ты спас меня.

Его странный собеседник наморщил лоб, зашевелил губами, потом улыбнулся и кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Кто ты? — спросил Корум. — Кого ты привел ко мне прошлой ночью?

Бурый человек ударил себя в грудь:

— Меня Сервде. Меня твой друг.

— Сервде, — с трудом повторил Корум. — Меня зовут Корум. Так кого ты привел?

Сервде произнес имя куда более сложное, чем его собственное, состоящее из многих слогов. Корум не запомнил его и не смог бы повторить.

— Кто он такой? Я даже не подозревал, что на свете существуют подобные создания. И уж если на то пошло, я никогда не встречался и с твоим народом. Откуда ты?

Сервде раскинул руки в стороны:

— Мы жить здесь. В лесу. Лес Лаар. Мой господин жить здесь. Мы жить здесь много-много-много дней, еще до вадаг, твой народ.

— А где сейчас твой господин? — снова спросил Корум.

— Он уйти. Не хотеть, чтобы его видеть другие.

И внезапно Корум вспомнил древнюю легенду, в которой говорилось о буром человеке из Лаара, жившем далеко на западе. Сейчас легенда стала былью. Но в ней, если Коруму не изменяла память, не упоминалось о странном гиганте, имени которого он даже не мог выговорить.

— Господин говорит, рядом другой место, где ты поправиться, — сказал бурый человек.

— О чем ты, Сервде?

— Тебе идти другой место, к мабден.

Корум иронически усмехнулся:

— Нет, Сервде. Вряд ли мабдены займутся моим лечением.

— Другой мабден.

— Все мабдены — мои враги. Они ненавидят меня. — Корум взглянул на свою искалеченную руку. — А я ненавижу их.

— Те старый мабден, хороший мабден.

Корум с трудом поднялся на ноги, покачнулся. Он был чисто вымыт и все еще абсолютно гол. Его тело покрывали синяки и царапины.

Внезапно у него сильно заболела голова, задергался пульс в обрубке руки. Только сейчас Корум осознал, что стал калекой. Он избежал худшей доли, но никогда уже не будет таким, как прежде. На него неприятно было смотреть.

Последний вадаг — урод, калека! Все остальные погибли.

Как подкошенный, свалился Корум на траву и громко зарыдал.

Сервде бегал вокруг него, что-то лопоча. Он дотронулся до плеча Корума рукой, напоминающей лапу, затем погладил его по голове.

Корум отер слезы:

— Не беспокойся за меня, Сервде. Мне надо поплакать, иначе я умру. Кроме меня не осталось на земле вадагов. Я — последний...

— Сервде тоже. Господин тоже, — сказал бурый человек из Лаара. — Нет таких людь, как мы.

— Поэтому ты и спас меня?

— Нет. Мы помогать, потому что мабден пытать тебя.

— А вас они когда-нибудь трогали?

— Нет. Мы прятаться. Их глаз плохой. Никогда нас не видеть. От вадаг мы тоже прятаться.

— Почему?

— Мой господин знать. Мы прятаться, чтобы нас никто не трогать.

— Жаль, вадаги никогда и ни от кого не прятались. Мабдены появились так неожиданно! Мы ни о чем не подозревали. Вадаги редко покидали свои

замки, почти не общались друг с другом. Мы не успели подготовиться.

Сервде вежливо слушал Корума, хотя скорее всего мало что понял из его сбивчивой речи. Когда Корум умолк, бурый человек медленно произнес:

— Ты кушать. Хороший фрукты. Ты спать. Потом идти место мабден.

— Мне необходимо достать оружие и доспехи, Сервде. Мне нужна одежда и хороший конь. Я буду следовать за Гландитом по пятам, пока не встречусь с ним с глазу на глаз. И тогда я убью его. А затем я хочу только одного: умереть.

Сервде печально посмотрел на Корума:

— Ты убивать?

— Гландит-а-Края. Он истребил весь мой народ.

Сервде покачал головой:

— Вадаг никогда не убивать, как ты.

— Знаю, Сервде. Я последний — и первый — вадаг, познавший жажду мести. И я отомщу тем, кто сделал меня калекой, уничтожил всех моих родных и близких.

— Есть. Спать, — жалобно пробормотал Сервде.

Корум вновь поднялся на ноги. Внезапно он понял, что очень слаб.

— Тут ты прав. Мне необходимо восстановить свои силы. — Он подошел к горке орехов и фруктов и начал есть, медленно пережевывая пищу.

Через некоторое время Корума потянуло в сон, и он улегся на травку, уверенный, что Сервде разбудит его в случае опасности.

Ровно пять дней Корум провел на лужайке с бурым человеком из Лаара. Он надеялся, что гигант вернется и расскажет ему как о Сервде, так и о себе самом, но надежда его не сбылась.

Раны Корума зажили и больше не болели. Почувствовав себя хорошо, он решил отправиться в путь и наутро шестого дня обратился к Сервде со следующими словами:

— Прощай, бурый человек из Лаара. Спасибо, что спас меня. И передай мою благодарность твоему гос-

подину. Я пойду. — Он поднял здоровую руку, отсалютовал Сервде и пошел через лужайку на восток.

Бурый человек торопливо побежал следом:

— Корум! Корум! Ты идти не тот путь!

— Я ухожу на поиски своих врагов, — торжественно произнес Корум. — У меня нет иного пути.

— Мой господин говорить мне взять тебя другой место... — Сервде махнул рукой на запад.

— Ты показываешь в сторону моря, Сервде. Там заканчивается Бро-ан-Вадаг.

— Мой господин говорить тот путь, — упрямо повторил Сервде.

— Спасибо тебе за заботу, бурый человек из Лаара. Но я пойду на восток и отомщу мабденам.

— Ты иди другой место. — Сервде вновь махнул в сторону моря, а затем положил руку на плечо Корума.

Корум скинул ее.

— Нет. — Он решительно зашагал к лесу.

Какой-то твердый предмет ударил его по голове. Корум покачнулся и невольно повернул голову. Сервде стоял сзади с камнем наготове.

Корум выругался и решил было убежать в надежде, что неповоротливый Сервде его не догонит, но ноги у него подкосились, и он упал на траву, вытянувшись во весь рост.

Корум потерял сознание.

Его разбудил шум прибоя.

Сначала он никак не мог сообразить, что с ним происходит, но потом понял, что Сервде несет его куда-то, перекинув через плечо. Корум попытался освободиться, но бурый человек из Лаара был куда сильнее, чем казалось с первого взгляда. Он крепко держал Корума одной рукой.

Здоровым глазом Корум видел изумрудно-зеленое море и пенистые гребешки волн. Он вывернул шею, сколько мог, и вновь увидел море.

Бурый человек из Лаара шел по узкой полоске земли, выступающей из воды. Голова Корума дергалась то вверх, то вниз, в такт неуклюжей походке Сервде, и все же он разглядел, что они удаляются от берега, следуя в неизвестном направлении.

Громко кричали чайки. Корум опять попытался освободиться, сыпя проклятьями, но Сервде оставался глух и к мольбам, и к угрозам. Спустя несколько минут бурый человек из Лаара остановился и осторожно опустил Корума на землю.

Корум тут же вскочил на ноги.

— Сервде, я... — Он умолк и огляделся по сторонам.

Дорога — если естественную дамбу, выступающую из моря, можно было назвать дорогой — закончилась. Они стояли на острове, представляющем собой высокую гору, на вершине которой стоял дворец странной архитектуры.

Может, в нем жили мабдены, о которых говорил Сервде?

Бурый человек из Лаара торопливо шагал к берегу и, когда Корум окликнул его, лишь ускорил шаг, ничего не ответив. Корум бросился вдогонку, но не успел пройти и половины пути, как начался прилив. Медленно, но верно дорога скрывалась под водой. Тем временем Сервде выбрался на сушу и исчез в лесу.

Корум в нерешительности остановился и посмотрел на дворец.

Он увидел всадников, скачущих с горы к морю. Солнце играло на их шлемах и нагрудниках кирас. Эти мабдены умели ездить верхом — их осанка чем-то напоминала вадагскую.

Сервде оказал ему медвежью услугу. Мабдены были его врагами, и сейчас Коруму оставалось либо вступить с ними в бой, — несмотря на то, что он был гол и безоружен, — либо плыть к берегу с помощью всего одной руки.

Он принял решение и кинулся в волны; от холода у него перехватило дыхание. Не слушая криков мабденских воинов, он поплыл к далекому лесу, и внезапно течение подхватило его и потащило в сторону.

Корума уносило в открытое море.

глава восьмая

МАРКГРАФИНЯ АЛЛОМГЛИЛЬ

Во время пыток Корум потерял много крови и сильно ослаб. Он не мог справиться с течением. У него начались судороги в ногах.

Корум почувствовал, что он тонет.

Значит, не судьба ему выжить, не судьба отомстить Гландит-а-Краю.

Корум хлебнул воды, но, к счастью, она пока еще не попала в его легкие. Он забарахтался что было сил и в это время услышал, как сверху его окликнули:

— Эй, вадаг! Не суетись! Ты напугаешь мою зверюшку! Она и в мирное-то время пуглива хуже некуда!

С трудом приподняв голову, Корум увидел рядом с собой огромную летучую мышь. В свое время он встречался с этими животными, у которых были большие крылья (чем-то напоминающие крылья рептилий и в четыре раза больше в размахе, чем у орла), уродливые обезьяноподобные лица и маленькие рты с острыми белыми клыками.

На летучей мыши сидел наездник: изящный молодой мабден, который не имел абсолютно ничего общего с денледисси Гландит-а-Края. Заставив ее опуститься к самой поверхности моря, юноша свесился с седла и протянул Коруму руку.

Корум инстинктивно попытался схватиться за нее и тут же понял, что подал мабдену обрубок. Казалось, юноша того не заметил. Крепко схватив Корума выше локтя, он вытащил его из воды, довольно бесцеремонно бросил поперек седла, дернул за поводья

и резким голосом отдал какой-то приказ. Летучая мышь поднялась вверх и полетела к острову.

Очевидно, управлять ею было нелегко, потому что мабден часто дергал поводья и что-то выкрикивал на непонятном языке, который летучая мышь, видимо, хорошо понимала. Наконец они подлетели к острову и стали парить над дворцом.

Коруму с трудом верилось, что мабдены могли выстроить такое красивое здание. Башенки и парапеты поражали изысканной строгостью линий, стены сверкали белым мрамором, балконы были увиты плющом и цветами.

Летучая мышь неуклюже приземлилась на крышу и, как только юноша соскочил с седла (первым делом ссадив Корума), "зверюшка" поднялась высоко в воздух и полетела к дальней оконечности острова.

— Они спят в пещерах, — пояснил молодой мабден. — Мы редко ими пользуемся, слишком уж они капризны. Впрочем, ты сам был тому свидетелем.

Корум промолчал. Юноша спас ему жизнь, он казался веселым и добродушным, но Корум заучил, как урок, что все мабдены — его враги.

— Зачем ты спас меня, мабден? — мрачно спросил он.

— Но ведь ты чуть было не утонул. Скажи, почему ты убежал от наших людей, когда они хотели проводить тебя во дворец?

— Откуда вы знали, что я должен прийти?

— Нас оповестила маркграфиня.

— А ей кто сказал?

С лица юноши исчезло добродушное выражение.

— Сие мне неизвестно. Но ты весьма неблагодарен, рыцарь. Я думал, все вадаги вежливы и обходительны.

— А я думал, все мабдены порочны и безумны, — пробормотал Корум. — Но сейчас...

— О, ты говоришь о варварах, живущих на юге и на востоке. Тебе доводилось встречаться с ними?

Корум дотронулся обрубком до выжженного глаза:

— Эта встреча дорого мне стоила.

Юноша сочувственно кивнул:

— Я мог бы и раньше догадаться. Пытка — одно

из их любимых развлечений. Удивительно, что тебе удалось бежать.

— Удивительно, — как эхо, повторил Корум.

— Итак, рыцарь, — произнес юноша, изящно откидывая руку в сторону и указывая ею на дверь, — не угодно ли тебе войти? — Корум неуверенно переступил с ноги на ногу.— Уверяю тебя, мы — не варвары.

— Возможно, — резко сказал Корум. — Мабдены разные, но я нахожу в вас много общего...

Казалось, терпение юноши лопнуло.

— Дело твое, — перебил он Корума. — Ты как хочешь, а я пойду. Смею надеяться, ты последуешь за мной, когда соблаговолишь принять наше гостеприимство.

Дверь за молодым мабденом захлопнулась, и Корум остался на крыше один.

Над морем парили чайки, то поднимаясь в синее небо, то опускаясь к самой воде. Невольно Корум притронулся правой рукой к обрубку левой и задрожал. Он был абсолютно гол и только сейчас почувствовал, как замерз. Дул сильный ветер.

Корум нерешительно повернулся к двери и увидел женщину.

Спокойная, уверенная в себе, она стояла, прислонившись к косяку, и, казалось, излучала тепло и ласку. Ее богатое парчовое платье переливалось яркими красками, густые черные волосы ниспадали до пояса. Женщина улыбнулась.

— Приветствую тебя, — сказала она мелодичным голосом. — Меня зовут Ралина. Кто ты?

— Корум Джайлин Ирси, — механически ответил Корум. — Принц в...

— ...Алой Мантии, — продолжила она, подняв вверх брови. — Я знаю и древний, и современный вадагские языки. Но ты не соответствуешь своему имени, принц Корум. На тебе нет не только мантии, но и...

Корум резко отвернулся:

— Не издевайся надо мной, мабден. Я твердо решил, что не потерплю больше оскорблений от тебе подобных.

Женщина подошла к нему почти вплотную:

— Прости меня, принц. Тебе причинили зло такие же люди, как мы, но, поверь, между нами нет ничего общего. Разве ты никогда не слышал о Лайвм-ан-Эше?

Корум нахмурился. Название показалось ему знакомым и незнакомым в одно и то же время.

— Лайвм-ан-Эш — моя родина, — продолжала Ралина. — Мой народ поселился там задолго до великой битвы между вадагами и надрагами, которая потрясла Пять Измерений...

— Ты знаешь о Пяти Измерениях?

— О них знали наши провидцы, хотя, конечно, намного меньше, чем древние расы вадагов и надрагов.

— Откуда тебе все это известно?

— Мы — народ любопытный, принц Корум. Впрочем, ты вряд ли меня поймешь, потому что это чувство атрофировалось у вадагов и у надрагов много веков назад. Время от времени надрагские корабли терпели крушение у наших берегов. Мы находили книги, морские карты, всевозможные инструменты и приборы. Когда-то у нас было много ученых.

— А сейчас?

— Этого я не знаю. Мы давно не получали вестей с материка.

— То есть как?! Ведь он совсем близко!

— Нет, принц Корум. — Ралина покачала головой и указала рукой в сторону моря. — Я говорю не о Бро-ан-Вадаге, а о Лайвм-ан-Эше, точнее — герцогстве Бердильраль-нан-Раймском, для охраны границ которого много лет назад было создано мое княжество.

Корум посмотрел на пенистые гребни волн, бьющихся о скалы.

— Какими невеждами мы были, — прошептал он, — в гордости своей считая себя великими мудрецами!

— Напрасно ты коришь свой народ. Зачем было вадагам интересоваться делами мабденов? Наша история, по сравнению с вашей, и коротка, и скучна.

— Но почему твое княжество расположено именно здесь? От кого защищаешь ты границы Лайвм-ан-Эша?

— От других мабденов, принц Корум.

— Ты имеешь в виду Гландит-а-Края и его денледисси?

— Я никогда не слышала о Гландите. Мы обороняемся против конских племен, обитающих в лесах Бро-ан-Вадага. Варвары все время пытались завоевать наши земли, но замок Алломглиль всегда вставал на их пути непреодолимой преградой.

— Разве море недостаточная преграда?

— Море появилось здесь значительно позже. Оно начало наступать на нашу страну с поразительной быстротой. В течение нескольких месяцев были затоплены поля, леса, равнины. Люди снимались с насиженных мест и переселялись в глубь континента.

— А вы остались?

— Да.

— Зачем? Какой смысл охранять несуществующие границы?

— Здесь мой дом. Я живу воспоминаниями, постоянно думаю о маркграфе. Я не могу все бросить и уйти.

— О маркграфе?

— О герцоге Мойделе Алломглильском, моем муже.

— Понятно. — Корум почувствовал нечто похожее на разочарование, и сам себе удивился.

— Он умер, — добавила маркграфиня Ралина, не отрывая взгляда от волнующегося моря. — Погиб при кораблекрушении. Мойдель оснастил наш единственный корабль и отплыл на континент, чтобы узнать о дальнейшей судьбе наших соотечественников. В тот же день начался шторм. Корабль был совсем ветхий. Он затонул.

Корум промолчал.

Словно поставив точку в грустном рассказе Ралины, сильный порыв ветра всколыхнул ее тяжелое парчовое платье. Она повернула голову и окинула Корума испытующим задумчивым взглядом.

— Итак, принц, — спросила она, — согласен ли ты стать моим гостем?

— Сначала ответь мне, госпожа Ралина, как ты узнала, что я появлюсь на острове? И почему бурый человек принес меня сюда помимо моей воли?

— Он исполнил приказ своего господина, который попросил меня дать тебе возможность отдохнуть и

набраться сил в моем дворце. Я с радостью согласилась. Мы всегда рады гостям, а вадага принимаем первый раз в жизни.

— А кто он такой, господин бурого человека? Я видел его мельком и помню только, что это — гигант с очень грустным лицом.

— Да, это он. У него очень трудное имя, поэтому мы называем его Великаном из Лаара. Он приходит в замок по ночам, приносит больных домашних животных, отбившихся от стада. Мне кажется, он из неизвестного нам измерения, а может, из другого времени, в котором нет ни вадагов, ни надрагов.

Впервые за долгое время Корум улыбнулся:

— Возможно, он и меня посчитал за больное животное.

— Возможно, — согласилась Ралина и кивнула в сторону двери. — И если ты действительно болен, мы будем счастливы оказать тебе посильную помощь.

Тень пробежала по лицу Корума, вошедшего вслед за маркграфиней во дворец.

— Боюсь, моя болезнь неизлечима, — угрюмо сказал он. — Я заразился ею от мабденов, и у вадагов нет от нее лекарств.

— Что ж, — наигранно весело сказала Ралина, — в таком случае придется нам, мабденам, позаботиться о твоем здоровье.

Обидно было Коруму слышать эти слова. Остановившись на нижней ступеньке лестницы, по которой они спустились в жилые помещения дворца, он спросил с горечью в голосе:

— Разве смогут мабдены вернуть мне руку и глаз?

Ралина тоже остановилась и пристально посмотрела на него.

— Кто знает? — загадочно ответила она.

глава девятая

О ЛЮБВИ И О НЕНАВИСТИ

Княжеский дворец, величественный по мабденским меркам, показался Коруму скромным и простым, но произвел на него приятное впечатление. По настоянию Ралины он позволил слугам вымыть себя и умастить благовониями, а затем подошел к разложенным на кровати одеждам. Он остановил свой выбор на темно-синей с голубой вышивкой парчовой рубашке и коричневых полотняных брюках. Одежда была ему впору.

— Гардероб маркграфа, — сказала ему девушка-служанка, стыдливо отводя глаза.

Все слуги до единого вели себя очень скованно. Корум решил, что его присутствие тяготит их. Вспомнив о своем уродстве, он попросил девушку принести зеркало.

— Слушаюсь, милорд, — ответила служанка и, низко поклонившись, удалилась.

Но с зеркалом вернулась сама маркграфиня. Однако, прежде чем выполнить просьбу Корума, она спросила:

— Видел ли ты свое лицо после пыток?

Корум покачал головой:

— Нет.

— Ты был красив?

— Этого я не знаю.

Ралина окинула его откровенным взглядом.

— Да. Ты безусловно был красив, — сказала она и протянула ему зеркало.

Лицо, обрамленное золотистыми волосами, теперь уже не казалось молодым. Страхи и боль оставили

на нем свои следы. Оно было жестоким и холодным; угрюмо поджатые губы придавали ему суровое выражение. На месте левого глаза зияла уродливая впадина, окруженная воспаленной тканью. Левую щеку пересекал шрам; на шее выделялся небольшой рубец. Корум видел в зеркале вадага, но, претерпев муки, которых не знал ни один его соотечественник в течение всей истории развития цивилизации, этот вадаг из ангела превратился в демона. Зеркало не могло лгать.

Он отложил его в сторону.

— Если я и был когда-то красив, — сказал он Ралине, дотрагиваясь до шрама на щеке, — то теперь стал уродом.

Она пожала плечами:

— Бывает хуже.

Внезапно ярость переполнила все его существо, и он закричал, потрясая обрубком руки:

— Ды, бывает хуже, и ты поймешь это, когда я сполна заплачу по счетам Гландит-а-Краю!

Вздрогнув от неожиданности, она отступила на шаг, но быстро взяла себя в руки.

— Значит, ты все-таки знал, что был красив. Чем еще можно объяснить твою вспышку, как не тщеславием?

— Мне нужны две руки, чтобы убить Гландита, два глаза, чтобы смотреть, как он умирает. Все равно он подохнет, но при этом я получу удовольствие в два раза меньшее, чем мне полагается по праву!

— Это детский лепет, принц Корум. Тот, кто держит подобные речи, недостоин называть себя вадагом. Почему ты так ополчился против Гландита?

И внезапно Корум вспомнил, что ничего не успел рассказать Ралине, которая жила (как раньше жили вадаги в своих замках), ни с кем не общаясь, не зная последних новостей.

— Потому что он уничтожил всех вадагов, — ответил он. — Герцог Гландит-а-Край истребил весь мой народ, и я стал бы последней его жертвой, если бы твой друг, Великан из Лаара, не спас меня.

— ... Что ...сделал ...Гландит?.. — переспросила она,

глядя на Корума расширенными от ужаса глазами. Голос ее срывался.

— Уничтожил всех вадагов.

— Но почему? Разве вы воевали с ним?

— Даже не подозревали о его существовании. Нам и в голову не приходило бояться мабденов. Мы считали их странными животными, которые не могут причинить нам, умудренным жизненным опытом вадагам, вреда. А сейчас все наши замки разрушены; все вадаги, кроме меня, убиты. Большинство надрагов тоже погибло: в живых остались лишь те, кто стали послушными рабами денледисси Гландит-а-Края.

— Уж не те ли это денледисси, чей король называет себя Лир-а-Бродом из Каленвира?

— Да.

— Я и не знала, что они обладают такими силами. Я думала, тебя захватили в плен конские племена. Помню, как я удивилась, узнав, что ты путешествуешь один, да еще так далеко от вадагского замка.

— От какого замка? — У Корума перехватило дыхание. На мгновение в душе его ожила надежда, что не все его соотечественники уничтожены, что здесь, далеко на западе, существует еще один вадагский замок, о котором он никогда не слышал.

— Эран... Эрин... — точно не помню.

— Эрорн?

— Вот-вот. Замок Эрорн, расположенный милях в пятистах от нашего острова.

— В пятистах милях? Сколько же времени нес меня Великан из Лаара? В замке, о котором ты говоришь, госпожа Ралина, я родился и вырос. Мабдены разрушили его до основания. Теперь мне предстоит долгий путь, но рано или поздно я встречусь с Гландит-а-Краем.

Только сейчас Корум в полной мере ощутил свое одиночество. Он попал в иной, чуждый для него мир, о котором ничего не знал. Мир мабденов. Гордость и глупость погубили цивилизацию вадагов. Им надо было жить в гармонии с природой, а не обособляться от нее в поисках абстракций.

Корум склонил голову на грудь. Маркграфиня, казалось, поняла те чувства, которые он испытывал. Слегка прикоснувшись к его руке, она сказала:

— Пойдем, принц Корум. Тебе необходимо хоть немного подкрепиться.

Корум послушно последовал за ней в одну из комнат дворца, где для них двоих был сервирован стол. Легкая пища — в основном, фрукты и разнообразные блюда из морских водорослей — разительно отличалась от той, которую он видел у других мабденов. Корум понял, что умирает от голода и усталости. С жадностью накинулся он на еду. В голове у него все перепуталось, и лишь одна мысль жгла его мозг раскаленным железом: он должен отомстить ненавистному Гландиту, причем как можно скорее.

За столом царило молчание, хотя маркграфиня искоса поглядывала на Корума, порываясь что-то сказать, и каждый раз сдерживалась.

Стены комнаты были увешаны гобеленами. Насытившись, Корум принялся рассматривать сцены, на них изображенные, и внезапно все поплыло у него перед глазами. Он недоуменно посмотрел на Ралину, но лицо маркграфини оставалось бесстрастным. У него закружилась голова, ослабли руки и ноги. Он попытался задать какой-то вопрос, но губы отказались ему повиноваться.

Ему подсыпали снотворное, может быть, смертельную дозу. Эта женщина отравила его.

Он вновь стал жертвой мабденов.

Голова Корума упала на руки, и, сам того не желая, он впал в глубокий сон.

Коруму снился сон. Он видел замок Эрорн во всей его красе. Он видел мудрое лицо своего отца, который что-то говорил, хотя не было слышно ни слова. Он видел свою мать, пишущую трактат по математике. Он видел своих сестер, танцующих под чарующую музыку, сочиненную его дядей.

Жизнь в замке текла своим чередом.

И внезапно поведение всех его обитателей пока-

залось Коруму странным и бессмысленным. Они напоминали шаловливых детей, не ведающих, что к ним подкрадывается хищный зверь.

Он попытался крикнуть, предупредить их о грозящей опасности, но у него пропал голос.

Он видел, как огонь распространяется по комнатам, как мабденские воины ломают двери. Смеясь и перешучиваясь, они подносили горящие факелы к шелковым драпировкам.

А в замке только сейчас заподозрили что-то неладное и кинулись искать, где горит.

Его отец вошел в одну из комнат и остановился, пораженный, глядя как Гландит-а-Край кидает в огромный костер из книг фолиант за фолиантом. Губы принца Клонски вежливо двигались, в глазах застыл недоуменный вопрос.

Гландит повернул голову, ухмыльнулся, достал из-за пояса боевой бронзовый топор, взмахнул им...

Корум видел свою мать. Двое мабденов держали ее за руки и за ноги, а третий тяжело опускался и поднимался на ее обнаженном теле.

Корум попытался ворваться в комнату, но что-то остановило его.

Он видел своих сестер и кузину, которых постигла участь его матери. И вновь на пути обезумевшего Корума встал невидимый барьер. Он попытался проломить его, тратя остатки сил... Было поздно. Мабдены перерезали женщинам горла. Они задрожали в предсмертных судорогах, подобно фавнам, и скончались.

Корум зарыдал.

Он рыдал взахлеб, чувствуя под собой мягкое женское тело, слыша тихий убаюкивающий голос, ощущая прикосновения нежных рук, гладивших его по волосам.

Он попытался вырваться, но его крепко прижали к теплой груди.

Он вновь зарыдал, но ему стало легче на душе, и, всласть выплакавшись, он уснул.

На этот раз без сновидений.

Когда Корум проснулся, у него возникло такое ощущенье, что он опоздал сделать нечто очень важное. Опершись о локоть, он приподнялся на кровати, затем вновь откинулся на подушки. Впервые со времени своего путешествия он почувствовал себя по-настоящему отдохнувшим. Энергия переполняла его тело, мысли текли плавно и спокойно.

Значит, маркграфиня не отравила его, а дала снотворное, которое помогло ему восстановить силы.

Сколько же дней он спал?

Корум устроился поудобнее и случайно дотронулся до теплого тела, лежащего с той стороны, где он был слеп. Повернув голову, вадагский принц увидел Ралину. Лицо спящей женщины казалось спокойным, умиротворенным.

Корум вспомнил свой сон. Он вспомнил облегчение, которое испытал, всласть выплакавшись. Благодаря Ралине он утешился. Корум вытянул здоровую руку и осторожно погладил ее по черным спутавшимся волосам. Глядя на маркграфиню, он испытывал чувство нежной привязанности, словно она была членом его семьи.

Вспомнив о своих погибших родных и близких, Корум отдернул руку и дотронулся до культи. Рана его полностью зажила, края ее закруглились, образовав плотный белый рубец. Корум вновь посмотрел на Ралину. Как могла она разделить свою постель с калекой?

Внезапно маркграфиня открыла глаза и улыбнулась.

Корум решил, что это — улыбка жалости, и чувство обиды захлестнуло его. Он резко сел на кровати, и мягкая рука тут же легла ему на плечо.

— Побудь со мной, — произнес грустный голос. — Мне так не хватает твоей ласки. — Корум подозрительно посмотрел на нее, но она продолжала говорить, словно не замечая ничего вокруг. — Я люблю тебя.

Корум нахмурился:

— Любишь? Мабден любит вадага? Так не бывает.

— Я знаю, у нас никогда не будет детей. Что с того? Любовь — это жизнь.

— Не понимаю...

— Прости, — сказала она и села рядом с ним. — Вместо того чтобы помочь тебе, я пользуюсь тобой. У меня никого не было с тех пор, как умер мой муж. Ты — первый...

Корум не отрываясь смотрел на ее обнаженное тело. Он возбудился. Это было противоестественно. Потомок древней расы не мог испытывать подобных чувств к...

Корум наклонился и поцеловал ее в грудь. Она прижала к себе его голову. Они утонули в шелковых простынях, привыкая друг к другу, отдавая и получая всю нежность и ласку, на какую только были способны, как самые настоящие влюбленные.

Прошло несколько часов, прежде чем она сказала:

— Корум, ты — последний вадаг на этой земле. Я тоже одинока и не могу вернуться на родину. На моем острове можно обрести покой. Останься со мной хотя бы на несколько месяцев.

— Я поклялся отомстить убийцам моего народа, — ласково пробормотал он и поцеловал ее в шеку.

— Такие клятвы чужды твоей натуре, Корум. Ты создан любить, а не ненавидеть.

— На это мне нечего возразить. Могу сказать лишь, что не буду считать свою жизнь завершенной, пока не убью Гландит-а-Края. И не только потому, что я хочу отомстить. Когда лес поражает болезнь, надо вырубить гнилые деревья, чтобы они не заразили здоровые. Герцог Край — убийца. Он истребил вадагов и жаждет крови. Когда у него не останется других врагов, он начнет уничтожать своих соплеменников, разрушать города, сжигать деревни. Сама судьба дарует мне шанс остановить этого безумца.

— Но зачем ты хочешь пуститься в путь немедленно? Рано или поздно мы получим известия о Гландит-а-Крае, и тогда тебе не придется его искать.

Корум поджал губы:

— Возможно, ты права.

— К тому же ты лишился руки и глаза, и тебе многому придется учиться заново. На это уйдет время.

— Да, конечно.

— Тогда оставайся.

— Давай договоримся так, Ралина: я дам тебе ответ через несколько дней.

Прошел месяц. Ужас, который испытал вадагский принц, мешал ему выздороветь. Каждый раз, машинально пытаясь что-то сделать левой рукой или глядя в зеркало, он вспоминал о том, что был калекой.

Ралина все свое время проводила либо с ним, либо в библиотеке, но у Корума не было никакой охоты читать. Он гулял по крыше дворца или брал из конюшни лошадь и скакал по естественной дамбе во время отлива к берегу (хоть Ралина и беспокоилась, что он попадет в плен к конским племенам), где гулял среди деревьев.

Дни незаметно текли один за другим, и чувство страха постепенно покидало Корума, но на душе у него оставалось неспокойно. Часто он бросал начатое дело на полпути или вдруг задумывался, глядя на пейзаж, напоминающий ему родные края и замок Эрорн.

О дворце маркграфини никто не говорил, как о замке Алломглиль. Его называли по имени ее покойного супруга (предки которого владели им на протяжении нескольких столетий): Замок Мойдель. Корум обнаружил в нем очень много для себя любопытного. Он ходил по залам, разглядывая горки, набитые предметами из фарфора и костяными фигурками, подходил к стенам, увешанным доспехами и всевозможным оружием, изучал богатейшую коллекцию курьезов моря. Но больше всего его внимание привлекли картины (по вадагским стандартам написанные довольно неумело), изображающие историю Лайвм-ан-Эша и сказочных персонажей мабденских легенд. Видимо, провидцам, о которых говорила Ралина, действительно удавалось заглядывать в другие измерения. Корум был восхищен пылким воображением художника (несвойственным рассудительным вадагам), фантазия которого иногда доходила до абсурда. Вадагский принц развлекался, отделяя реальную жизнь от вымысла, в особенности когда дело касалось древних рас, обладающих, по мнению живописца, сверхъестественными силами. Только те-

перь Корум осознал, что денледисси жили с вадагами в мире до тех пор, пока не поняли, что их можно убить. Может быть, мабдены и возненавидели вадагов только потому, что те, сами того не ведая, обманули их ожидания, оказались на поверку не могущественными волшебниками, а простыми смертными.

Подобные мысли, как правило, приводили Корума в уныние. Он печалился, не находил себе места, и даже любовь Ралины не могла утешить его.

Но однажды он забрел в небольшую комнату, в которой до сих пор не был, и увидел на стене большой гобелен, поглотивший все его внимание. Корум смотрел на искусно вышитые сцены, читал пространные надписи под ними и не замечал ничего вокруг.

Это была легенда о приключениях Маг-ан-Мага, популярного народного героя. Маг-ан-Маг возвращался из волшебной страны, когда на корабль его напали пираты. Они отрезали Маг-ан-Магу руки и ноги, отрубили голову его товарищу, Джакор-Нилусу, а затем выбросили обоих за борт. Тела Маг-ан-Мага и Джакор-Нилуса через некоторое время вынесло на берег, где их нашли слуги волшебника, который предложил вернуть Маг-ан-Магу руки и ноги, если тот отправится на войну с его врагами. Маг-ан-Маг согласился на том условии, что волшебник найдет Джакор-Нилусу новую голову. Волшебник тоже согласился и приделал Джакор-Нилусу голову журавля. Такое решение всех удовлетворило. Двое друзей победили всех врагов волшебника и уехали с его острова, получив в дар несметные сокровища.

Как Корум ни старался, как ни напрягал свою память, он не мог понять истоков этой легенды, которая абсолютно не вязалась с остальными сказаниями мабденов и не имела никакого отношения к другим измерениям.

Мысль о волшебнике со сказочного острова превратилась у него в навязчивую идею. Корум ничего не мог с собой поделать: слишком страстно мечтал он вернуть себе руку и глаз.

Ругая себя за суеверие, он не разговаривал на эту тему с Ралиной в течение нескольких недель.

Наступила осень. Ветер оголил деревья, непрестанно бросал морскую пену на скалы. Многие птицы улетели в теплые края.

А Корум почти все свободное время проводил в маленькой комнате, рассматривая гобелен, рассказывающий о приключениях Маг-ан-Мага и о могущественном волшебнике. В который раз вчитываясь в текст, вадагский принц все больше убеждался, что написан он четко, убедительно, совсем другим слогом, чем надписи на мабденских картинах.

Но Корум все еще стеснялся задать Ралине интересующий его вопрос.

Она первая завела с ним этот разговор, когда случайно вошла в комнату и увидела Корума перед гобеленом.

— Ты, кажется, поглощен удивительными приключениями Маг-ан-Мага, — сказала она, и тон ее показался Коруму неестественным. — Красивая сказка, но, к сожалению, только сказка. Очень увлекательная.

Корум резко повернулся. Ралина кусала губы.

— Так, значит, в ней действительно что-то есть, — прошептал он. — Почему ты молчала до сих пор, Ралина?

Она медленно покачала головой и уклонилась от ответа.

— Все сказки лгут, как бы тебе ни хотелось, чтобы они говорили правду. Разве я не права?

— Оставь, Ралина. Ты должна рассказать мне все, что знаешь.

— Я знаю немногим больше того, что написано на гобелене, — спокойно ответила она, взяв себя в руки. — Недавно я перечитала одну книгу. Я видела ее несколько лет назад и сейчас специально отыскала в библиотеке. Это — судовой журнал капитана, который совсем недавно посетил сказочный остров. Наш герцог направил к волшебнику своего посланника с богатыми дарами. Этот посланник был последним человеком из Лайвм-ан-Эша, посетившим замок Мойдель.

— Когда?! Когда это было?

— Тридцать лет назад.

Из глаз Ралины потекли слезы, она замотала головой и закашлялась, пытаясь сдержать неукротимые рыдания, сотрясавшие ее тело.

Он ласково обнял ее, прижал к груди:

— Почему ты плачешь, Ралина?

— Я плачу потому, что теперь ты бросишь меня. Ты не станешь ждать, отправишься на поиски волшебника сейчас, зимой, и, может быть, тоже потерпишь кораблекрушение. Я плачу потому, что удел мой терять то, что мне дороже всего на свете.

Корум выпустил ее из своих объятий:

— Ты давно знала?..

— Да, Корум.

— И ничего мне не говорила!

— Я люблю тебя, Корум.

— Ты напрасно полюбила меня, Ралина. А я напрасно полюбил тебя. Сейчас у меня появилась хоть какая-то надежда, и я должен уйти.

— Я понимаю.

— Если мне удастся найти волшебника и он вернет мне руку и глаз...

— Это безумие, Корум! Нет такого волшебника!

— Но если он есть и выполнит мою просьбу, я найду Гландит-а-Края и убью его. Он должен умереть, прежде чем я обрету покой. И тогда я вернусь к тебе, Ралина.

— У нас нет ни одного корабля на плаву, — мягко сказала она.

— Но в пещерах стоят корабли, которые можно отремонтировать.

— На это уйдет несколько месяцев.

— Ты дашь мне людей?

— Да, Корум.

— Тогда я пойду и немедленно переговорю с ними.

И Корум ушел, хотя ему очень хотелось побыть с Ралиной и утешить ее. Он корил себя за то, что полюбил маркграфиню и позволил ей полюбить себя.

Собрав всех, кто хоть немного понимал в кораблестроении, он повел их за собой по лестнице, ведущей в гигантские подвалы дворца, из которых можно было попасть в морские пещеры, где стояли на

сухом причале старые корабли. Обследовав утлые суденышки одно за другим, Корум остановил свой выбор на небольшом скифе.

Ралина оказалась права. Придется немало потрудиться, прежде чем скиф удастся спустить на воду. Корум вздохнул.

Что ж, он запасется терпением. Теперь, когда у него появилась надежда, ожидание не покажется таким тягостным.

Корум знал, что никогда не разлюбит Ралину, но не сможет отдать ей себя целиком, пока цель его жизни не будет достигнута.

Он побежал в библиотеку и нашел книгу, в которой говорилось об острове Сви-ан-Фавна-Бруль.

Неприятное название. Насколько Корум мог судить, переводилось оно, как "Надежда Прожорливого Бога". Что бы это могло значить? Он внимательно читал судовой журнал и не находил ответа.

Шли часы. Корум перечерчивал морские карты, переписывал заметки, сделанные капитаном корабля, посетившего замок Мойдель тридцать лет назад. Под утро он пошел спать и увидел в своей постели Ралину.

Теперь настал его черед утешать ее.

Но у него было так мало времени...

Корум разделся, осторожно лег на шелковые простыни, закрылся меховым покрывалом, стараясь не потревожить сон своей возлюбленной. Но она не спала.

— Корум?

Он не ответил. Тело Ралины задрожало, но больше она не произнесла ни слова. Не зная, как себя повести, Корум сел на кровати. Он любил ее. Он не должен был ее любить.

Корум вновь улегся и попытался заснуть, но сон никак не шел к нему. Тогда он протянул здоровую руку и погладил Ралину по волосам.

— Ралина?

— Корум?

Он глубоко вздохнул, собираясь еще раз объяснить

ей, что обязательно вернется, как только отомстит Гландит-а-Краю, но вместо этого сказал:

— Скоро наступит время сильных штормов. Я отложу свой отъезд до весны. Я останусь с тобой до весны, Ралина.

Она повернула к нему голову, напряженно вглядываясь в темноту, пытаясь рассмотреть выражение его лица.

— Ты должен поступать так, как захочешь, Корум. Жалость уничтожает любовь.

— Мною движет не жалость.

— Значит, чувство ответственности. Но это одно и...

— Я тоже все время уговариваю себя, что мною движет чувство ответственности, но у меня ничего не получается.

— Тогда почему ты остаешься?

— У меня пропало желание путешествовать.

— Но почему оно пропало?

— Потому что я изменился, Ралина. Душа моя окрепла и жаждет покоя, а любовь к тебе не дает все бросить, чтобы немедленно отомстить Гландиту. Я люблю тебя, Ралина, и не могу объяснить своего странного поведения другими словами. Я люблю тебя.

Тут она снова заплакала, но на этот раз утешать ее не пришлось.

глава десятая

ТЫСЯЧА МЕЧЕЙ

Зима разыгралась вовсю. Башни дрожали под порывами ураганного ветра, бушующего у замка Мойдель; волны бились о скалы, вздымаясь высоко в небо.

Днем было почти так же темно, как ночью. В каждой комнате топились камины, но и они не справлялись с холодом, проникающим во все закоулки дворца, обитатели которого носили, не снимая, толстые свитера и тяжелые шубы, делавшие их похожими на медведей.

Корум и Ралина — мужчина и женщина, принадлежащие к разным расам, — даже не заметили, что наступила зима. Они пели друг другу песни, сочиняли сонеты о глубине и силе их любви. Они словно сошли с ума (если считать сумасшествием состояние, при котором не замечаешь ничего вокруг), но их безумие доставляло им ни с чем не сравнимую радость.

Однако оно оставалось безумием.

В тот день, когда зима постепенно уступила свои права весне, хотя снег еще не стаял и птицы почти не летали в сером небе; в тот день, когда усталое море медленно катило волны, лениво разбиваясь о скалы, — на берегу Бро-ан-Вадага появилась группа всадников. Они ехали среди черных деревьев; дыхание паром вырывалось из их ртов; лошади спотыкались о нагромождения льда; доспехи и оружие громко бряцали.

Белдан — тот самый юноша, который спас Коруму жизнь, — гулял в это время по крыше дворца и

увидел их первым. Он тут же бросился вниз по лестнице, но на одной из площадок путь ему преградил высокий мужчина, который, смеясь, сказал:

— Куда ты спешишь? Свежий воздух полезен для здоровья.

Белдан перевел дыхание и медленно произнес:

— Я спешу к тебе, принц Корум. На берегу показался большой отряд вооруженных всадников.

Лицо Корума затуманилось: одного мгновения оказалось достаточно, чтобы он вспомнил многое.

— Кто они?

— Мне кажется, конские племена.

— Те самые, против которых вы всегда воевали?

— Да. Но они не беспокоили нас более ста лет.

Корум хмуро улыбнулся:

— Возможно, и вы пострадаете когда-нибудь от невежества, которое сгубило вадагов. Скажи, Белдан, мы сможем защитить замок?

— Только в том случае, если отряд небольшой. Конские племена разъединены и всегда нападали группами человек по двадцать, по тридцать в каждой.

— А сейчас?

Белдан покачал головой:

— Их намного больше, принц Корум.

— Тогда предупреди наших воинов. Скажи, мы сможем использовать летучих мышей?

— Зимой они спят. Разбудить их невозможно.

— Как же вы отражали до сих пор нападения подобного рода? — Юноша закусил губу. — Почему ты молчишь, Белдан?

— У нас нет никаких средств защиты. Слишком много времени прошло с тех пор, как мы в последний раз сражались с варварами. Конские племена всегда боялись Лайвм-ан-Эша; этот страх усугубился после того, как земля отступила далеко в море. Мы полагали, они не посмеют на нас напасть.

— В таком случае сделай для обороны замка все, что можешь. Я присоединюсь к тебе, как только изучу обстановку. Кто знает, быть может, они пришли к нам с миром.

Белдан побежал исполнять приказание вадагско-

го принца, а Корум тем временем поднялся в башню, открыл дверь и вышел на крепостную стену.

Начался отлив; естественная дамба постепенно выступала из воды. Безликое море катило волны на холодный берег. На берегу стояли мабденские воины.

Невысокого роста, на низкорослых лошадях, они были одеты в волчьи шкуры, кожаные куртки и штаны в голубую, желтую и красную клетку, заправленные в тяжелые сапоги. Головы варваров закрывали железные шлемы; медные маски на лицах свирепо скалились. Вооружение состояло из копий, луков, боевых топоров и дубинок. Кроме того у каждого воина на луке седла висел меч, причем выкованный совсем недавно — лезвия зловеще блестели, несмотря на сумрачный день.

Мабдены смыкали ряды, а из леса выезжали все новые и новые воины.

Корум плотно запахнулся в овечью шубу, помогая себе здоровой рукой, и слегка ударил носком сапога по одной из башенок, словно проверяя замок на прочность.

Затем вадагский принц вновь перевел взгляд на отряд варваров... И насчитал не менее тысячи человек.

Корум нахмурился.

Тысяча железных шлемов были повернуты в сторону замка Мойдель. Тысяча медных масок смотрели на Корума с берега. Дамба все больше выступала из воды.

Корум задрожал. Чайка медленно пролетела над мабденским отрядом и, словно испугавшись, взмыла в небо. В лесу заговорил барабан: эхо разносило неторопливую дробь далеко по воде.

Тысяча всадников пришли не с миром.

На крышу дворца поднялся Белдан. Лицо его казалось бледным и осунувшимся.

— Я разговаривал с маркграфиней, поднял всех наших воинов, — сообщил он Коруму. — Всего сто пятьдесят человек. Госпожа Ралина в библиотеке — читает записки своего покойного мужа. Когда-то он написал трактат о защите замка Мойдель. Марк-

граф был уверен, что в один прекрасный день конские племена объединятся.

— Жаль, я не знал об этом трактате, — пробормотал Корум и полной грудью вдохнул холодный весенний воздух. — Неужели среди наших солдат нет ни одного человека, имеющего хоть какой-нибудь военный опыт?

— Нет, принц Корум.

— Значит, всем нам придется учиться.

— Да, принц Корум.

На лестнице послышался шум шагов, и на крепостную стену вышли одетые в яркие доспехи воины. Каждый из них держал в руках лук и колчан со стрелами. У каждого на голове был шлем из твердой раковины морской устрицы. Каждый из них боялся, но делал вид, что ему неведомо чувство страха.

— Мы попробуем вступить с ними в переговоры, — тихо сказал Корум. — Через несколько часов начнется прилив, и дамба вновь скроется под водой. Мы выиграем время и успеем подготовиться к осаде.

— Они сразу поймут, что нам только этого и надо, — ответил Белдан.

Корум кивнул и потер щеку культей.

— Естественно. Но если мы солжем и убедим их, что располагаем большими силами, они крепко подумают, прежде чем ринуться в бой очертя голову.

Белдан презрительно улыбнулся и промолчал. Глаза юноши сверкали. Коруму показалось, что он с нетерпением ждет начала битвы.

— Я спущусь к маркграфине, — сказал вадагский принц. — Может, ей удалось почерпнуть полезные сведения из записок мужа. А ты оставайся здесь, Белдан, и гляди в оба. Дай мне знать, если варвары предпримут какие-нибудь действия.

Белдан прижал руку к виску:

— Проклятый барабан! Бьет прямо по мозгам!

— Постарайся не обращать на него внимания. Они пытаются взять нас на измор; ждут, когда мы ослабим бдительность. — Он быстро сбежал по лестнице и вошел в апартаменты, которые занимал с Ралиной на втором этаже дворца.

Она сидела у стола, заваленного рукописями. Услышав шаги Корума, Ралина обернулась и попыталась улыбнуться.

— Настал час расплаты за нашу любовь, — сказала она.

Он удивленно посмотрел на нее:

— Я плохо знаком с обычаями мабденов. Прости, я не понял...

— А я просто дура! Не обращай на меня внимания, Корум. Ты даже представить себе не можешь, как мне обидно, что они напали на нас именно сейчас. Впервые за сто лет...

— Что ты узнала из записок маркграфа?

— Наши слабые места. Наши сильные стороны. Как защищать замок. Я уже расставила людей по местам. Теперь мы расплавляем свинец.

— Зачем?

— Ты разбираешься в военном искусстве еще меньше, чем я! Расплавленный свинец льют на головы захватчикам, когда они карабкаются по стенам замка.

Корум задрожал:

— Разве можно быть такими жестокими?

— Мы не вадаги, Корум. И сражаемся не с надрагами. Мне кажется, ты на своем опыте убедился в жестокости варваров...

— Ты права. Знаешь, я тоже хочу прочитать трактат маркграфа. Похоже, он был человеком, который умел трезво оценить обстановку.

— Да, — мягко сказала она, протягивая ему рукопись. — Мой муж был реалистом...

Впервые за все время их знакомства Ралина заговорила о муже, и Корум решил воспользоваться этим и задать ей несколько вопросов, но она словно прочитала его мысли и помахала в воздухе своей изящной нежной ручкой.

— Читай скорее, Корум. Трактат написан на древнем языке, который мы переняли от вадагов.

Корум углубился в чтение. Почерк у маркграфа был аккуратный, но не имел никаких индивидуальных особенностей. Создавалось такое впечатление, что с вадагской рукописи слепо снял копию человек

холодный и бездушный. Впрочем, разбирать текст не составляло труда.

В дверь постучали. Ралина открыла и увидела на пороге солдата.

— Меня послал Белдан, миледи, — сообщил он. — Он просит принца Корума подняться на крепостную стену.

Корум отложил рукопись в сторону:

— Иду. Ралина, проследи, чтобы мне подготовили оружие и доспехи.

Она кивнула.

Корум вышел из комнаты.

Отлив закончился. Белдан что-то кричал воинам, стоявшим на берегу. Медленная барабанная дробь не умолкала ни на секунду. Мабдены не отвечали.

Белдан повернулся к Коруму:

— Они словно воды в рот набрали. Кричишь, будто покойникам. Никогда бы не подумал, что варвары способны соблюдать железную дисциплину. По-моему, мы чего-то не учитываем.

У Корума возникло такое же ощущение.

— Зачем ты послал за мной, Белдан?

— Я заметил в лесу какое-то движение. И сквозь просветы деревьев иногда виден золотой блеск. Говорят, у вадагов острое зрение. Взгляни, принц Корум, может, тебе удастся разобраться, что там происходит.

Корум горько улыбнулся:

— Одним глазом многого не увидишь.

Тем не менее он пристально посмотрел в направлении, указанном Белданом. Да, юноша несомненно был прав. Корум прищурился и неожиданно понял, что видит среди деревьев позолоченную повозку.

Внезапно она пришла в движение. Четыре пегие лошади тащили ее, а управлял ими, стоя во весь рост, высокий воин.

Корум узнал его. Шлем с крыльями, кожаная куртка, кольчуга, меховая шуба, длинная борода, горделивая осанка.

— Герцог Гландит-а-Край, мой враг, — тихо сказал Корум.

— Тот самый, который отрезал тебе руку и выжег глаз? — спросил Белдан. Корум кивнул. — Значит, это он объединил конские племена, подарил им мечи и навел у них железный порядок.

— Наверное, ты прав. Я принес вам несчастье, Белдан.

Юноша пожал плечами:

— Рано или поздно нам все равно пришлось бы воевать. Ты сделал нашу маркграфиню счастливой. Я никогда не видел ее счастливой раньше, принц Корум.

— По-моему, вы, мабдены, уверены, что счастье идет рука об руку с несчастьем.

— Так оно и есть.

— Вадагу этого не понять. Мы верим, что быть счастливым — естественное состояние каждого разумного существа. Вернее, верили...

Одна за другой из леса выехали и остановились на опушке двадцать повозок. Теперь Гландит-а-Край оказался между воинами конских племен и своими денледисси.

Барабанная дробь затихла. Волны тихо плескали у выступившей из воды дамбы.

— Наверное, Гландит выследил меня, а затем всю зиму обучал конские племена, — заметил Корум.

— А откуда он узнал, где ты скрываешься? — спросил Белдан.

Как бы в ответ на этот вопрос воины в медных масках разомкнули ряды, и Гландит выехал вперед. Он наклонился, взял со дна повозки нечто напоминающее тяжелый мешок, поднял руки над головой и со всего размаха бросил на дамбу.

Сначала Корум не поверил своим глазам, потом у него похолодело внутри. Белдан схватился рукой за стену.

— Бурый человек из Лаара, — прошептал юноша.

— Да.

— Он был таким кротким, таким невинным. Неужели его господин не смог помочь ему? Наверное, беднягу пытали, чтобы узнать, куда ты подевался...

Корум выпрямился.

— Когда-то я говорил маркграфине, — холодно сказал он, — что Гландит — это болезнь, от которой необходимо избавиться. Мне следовало давно отправиться на его поиски.

— Он убил бы тебя.

— Но бурый человек из Лаара остался бы жив. Сервде верой и правдой продолжал бы служить своему печальному господину. Мне кажется, я проклят, Белдан. И те, кто помогают мне, тоже прокляты, потому что я должен был погибнуть и не погиб. Сейчас я выйду драться с Гландитом один на один. Тогда замок Мойдель будет спасен.

Белдан с трудом проглотил комок, застрявший в горле, и хриплым голосом произнес:

— Мы сами вызвались тебе помочь. Ты ни о чем нас не просил. И позволь нам самим решать, что делать дальше.

— Нет. Если вы станете меня защищать, пострадает и маркграфиня, и замок Мойдель.

— Этого не избежать в любом случае.

— Если я добровольно отдам себя в руки герцога Края, вы будете спасены.

— Ты ошибаешься. Гландит наверняка обещал в обмен на оказанную ему помощь отдать замок на разграбление юонским племенам. А для них ты — никто. Они мечтают расправиться со старыми врагами, которых ненавидели на протяжении столетий, и заодно обогатиться за их счет. Может, Гландит и согласится уйти, если ты сдашься ему в плен, но он оставит за собой тысячу мечей. Мы должны сражаться вместе, принц Корум. У нас нет другого выхода.

глава одиннадцатая

ВЫЗЫВАНИЕ

Корум вернулся в свои апартаменты и увидел приготовленные для него оружие и доспехи. Нагрудник и спинная часть кирасы, наголенники, широкий пояс были изготовлены из жемчужно-голубого панциря морского чудища ануфек, которое когда-то обитало в западных водах. Панцирь этот был намного тверже железа и легче дерева. Высокий конический шлем из раковины гигантского мурекса ничем не отличался от шлемов остальных защитников замка. Коруму помогли облачиться в доспехи, дали большой меч, так хорошо сбалансированный, что вадагский принц почти не чувствовал его тяжести. К больной руке ему прикрепили щит из панциря гигантского краба, который обитал (по словам слуг) в Отдаленном Море, расположенном за Лайвм-ан-Эшем. Оружие и доспехи принадлежали покойному маркграфу, который унаследовал их от своих предков, владевших ими в те далекие времена, когда княжество еще не было основано.

Прежде чем уйти, Корум окликнул Ралину, все еще сидевшую за столом, заваленном рукописями. Но маркграфиня ничего ему не ответила. Казалось, она была поглощена чтением до такой степени, что ничего не видела и не слышала.

Корум пожал плечами и вернулся на крепостную стену.

Золоченая повозка Гландита выехала на дамбу, но ряды конских племен, стоявшие сзади, не шелох-

нулись. Труп бурого человека из Лаара лежал на прежнем месте.

Барабанная дробь вновь звучала, не умолкая.

— Почему они не атакуют? — сдавленным от волнения голосом спросил Белдан.

— По двум причинам, — ответил Корум. — Во-первых, хотят напугать нас, а во-вторых — побороть собственный страх.

— Неужели они боятся?

— Ты ведь сам говорил, что при одном упоминании о Лайвм-ан-Эше конские племена охватывает суеверный ужас. Они наверняка думают, что мы можем покончить с ними с помощью сверхъестественных сил.

Белдан иронически улыбнулся:

— Наконец-то ты начал разбираться в мабденах, принц Корум. Даже лучше, чем я.

— У меня был хороший учитель. — Корум кивнул в сторону Гландит-а-Края.

— Вряд ли ему ведомо чувство страха.

— Он боится самого себя, а это — самый страшный порок мабденов.

Барабанная дробь затихла.

— Эй, вадаг! — громко крикнул Гландит хриплым голосом. — Принимай гостя!

Корум промолчал. Спрятавшись за башню, он смотрел, как Гландит оглядывает крепостные стены, пытаясь найти его глазами.

— Эй, вадаг! Где ты?

Белдан вопросительно посмотрел на Корума, но вадагский принц молча покачал головой.

— Эй, вадаг! Мы уничтожили твоего знакомого демона! А сейчас убьем и тебя, и тех вонючих мабденов, которые дали тебе приют! Отвечай мне, вадаг!

— Мы должны тянуть время, — прошептал Корум Белдану. — С минуты на минуту начнется прилив.

— Они скоро атакуют, — ответил юноша. — И успеют пройти по дамбе задолго до того, как она покроется водой.

— Эй, вадаг! Почему ты молчишь? Трусливая тварь! Самый презренный из всех вадагов!

Он повернул голову, явно собираясь отдать приказ

о наступлении. В ту же секунду Корум вышел из-за башни и громко крикнул:

— Я здесь, Гландит-а-Край, самый ничтожный и несчастный из всех мабденов!

Вздрогнув от неожиданности, Гландит обернулся, посмотрел на Корума и внезапно разразился громким смехом.

— Я — несчастный? — Он сунул руку за пазуху и вытащил какой-то предмет, висевший у него на шее на веревке. Не хочешь ли выйти и забрать у меня один сувенир?

Корум почувствовал, как к горлу его подкатила тошнота, рот заполнился горькой слюной. Он увидел иссохшую кисть своей собственной руки с кольцом на пальце, которое когда-то подарила ему сестра.

— Я — ничтожный? — Гландит вынул из кармана маленький кожаный мешочек и помахал им в воздухе. — Твой глаз я тоже сохранил на память о тебе!

Огромным усилием воли Корум подавил в себе тошнотворное чувство, сдержал свой гнев.

— Ты можешь заполучить меня целиком, если уведешь свое войско и покинешь замок Мойдель с миром.

Гландит задрал подбородок в небо и громко захохотал.

— Ну уж нет, вадаг! Я не могу лишить их ни удовольствия подраться, ни законной добычи. Слишком долго ждали они этого часа. Конские племена жаждут отомстить своим древним врагам. А лично я жажду твоей крови. Вместо того чтобы провести зиму при уютном дворе короля Лир-а-Брода, я мерз в лесах с нашими друзьями, которых ты видишь перед собой. И на этот раз я убью тебя быстро, вадаг, даю слово! Мне жаль тратить свое время на такого вонючего калеку, как ты!

— В таком случае ты не побоишься встретиться со мной один на один, — крикнул Корум. — Несомненно, ты быстро меня прикончишь, а после того как конские племена захватят замок, сможешь со спокойной совестью вернуться к себе домой.

Гландит нахмурился:

— Почему ты так торопишься умереть? Ты мог бы пожить еще несколько часов?

— Ты сам сказал, что я — калека, герцог Край. Я устал жить. Я устал бояться тебя и твоих денледисси.

Гландит-а-Край ему не поверил. Корум пытался оттянуть неизбежный час битвы, понимая, что в конце концов Гландиту безразлично, сколько времени конские племена потратят на осаду замка и какие жертвы при этом понесут. Предводителю денледисси нужен был только Корум.

После недолгого раздумья герцог Край кивнул:

— Ладно, вадаг, выходи на дамбу. Я прикажу своим людям не вмешиваться в наш поединок. А если ты победишь, они не примут участия в нападении на замок.

— Я не верю, что ты говоришь правду, — ответил Корум. — Впрочем, это не имеет значения. Я иду.

Он медленно спускался по лестнице. Корум не хотел умирать и прекрасно понимал, что если по счастливой случайности он начнет одерживать верх над Гландитом, денледисси мгновенно придут ему на помощь.

Время. Необходимо выиграть время.

В дверях своих апартаментов Корум столкнулся с Ралиной.

— Я вызвал Гландита на бой, — сказал он, — и, скорее всего, погибну. Знай, что я очень люблю тебя, Ралина.

Она с ужасом посмотрела на него:

— Нет! Корум!

— Я должен выиграть время, чтобы дать защитникам замка хоть какой-то шанс отразить нападение.

— Корум, подожди! Есть еще одно средство — страшное средство, которое может нам помочь. Я прочитала о нем в записках маркграфа.

— О чем ты говоришь?

— Мой муж упоминает о заклинаниях, которыми пользовались его предки. Тот, кто произнесет волшебные слова и исполнит ритуал, совершит обряд Вызывания, и ему придут на помощь.

Корум печально улыбнулся:

— То, что ты называешь волшебством, — малоизученная мабденами область знаний вадагов, и не более. Не обольщайся, Ралина.

— Вадаги здесь ни при чем. Вызывание не имеет к ним ни малейшего отношения.

Корум пожал плечами и пошел к выходу из дворца. Ралина схватила его за руку:

— Корум, позволь мне совершить обряд Вызывания!

— Поступай, как знаешь, Ралина, — ответил он, продолжая идти вперед. — В любом случае тебе понадобится время, а значит, ничего не изменилось. Я иду драться с Гландитом.

Ралина вскрикнула, приглушенно зарыдала, но Коруму некогда было ее утешать. Он вышел из дворца, подошел к воротам и, когда удивленный солдат открыл их, спустился с горы и ступил на дамбу. На другой ее стороне стоял Гландит-а-Край. Золоченая повозка отъехала назад, труп бурого человека из Лаара лежал с краю, Родлик держал в руках боевой топор герцога.

Гландит откинул со лба жирные густые волосы и обнажил зубы в волчьей усмешке. Взяв из рук Родлика свое оружие, он пошел вперед.

Корум двинулся ему навстречу.

Море катило волны совсем рядом. Изредка в небе кричали чайки. По обе стороны дамбы царила мертвая тишина: и защитники замка, и конские племена с денледисси затаили дыхание, глядя на двух мужчин, сближающихся друг с другом. Примерно посередине дамбы они остановились. Расстояние между ними не превышало десяти футов.

Гландит похудел и осунулся. Но его бесцветные серые глаза блестели все так же неестественно, а красное лицо по-прежнему казалось болезненным. Герцог Край держал боевой топор двумя руками; голова в шлеме с крыльями была чуть наклонена вперед.

— Клянусь Собакой! — вскричал он. — Ты стал настоящим уродом, вадаг!

— Значит, мы с тобой выглядим одинаково, потому что ты совсем не изменился.

Гландит свирепо фыркнул:

— И ты с ног до головы увешан раковинами, словно дочь морского царя, которую выдают замуж за какую-нибудь рыбину. Что ж, я устрою акулам свадебный пир, когда брошу твой труп в море.

Коруму надоело выслушивать оскорбления. Он поднял меч и нанес Гландиту удар, который тот быстро отразил боевым топором. Герцог Край поскользнулся, но устоял на ногах и выхватил из-за пояса кинжал. Чуть пригнувшись, он взмахнул топором, пытаясь подрезать Коруму ноги.

Вадагский принц высоко подпрыгнул и снова нанес мечом удар, пришедшийся по кольчуге и не причинивший герцогу никакого вреда. Тем не менее Гландит выругался и вновь попытался застигнуть Корума врасплох. И вновь Корум подпрыгнул, слыша, как лезвие со свистом рассекает воздух у самой земли. Не давая вадагу опомниться, Гландит изо всех сил опустил свое грозное оружие на щит-раковину, который затрещал, но не треснул. Искалеченная рука Корума онемела до самого плеча, но он не обратил внимания на боль и в свою очередь попытался подрезать Гландиту ноги.

Герцог Край быстро отступил, Корум пошел вперед.

— Мне надоело заниматься глупостями! — неожиданно воскликнул Гландит. — Теперь он в наших руках! Стреляйте, лучники!

И тогда Корум увидел, что пока они сражались, повозки с денледисси незаметно выдвинулись вперед, и стоявшие на них воины сейчас целились в него из луков.

Гландит бежал по дамбе в обратную сторону.

Корума предали. До прилива оставалось не менее часа. Вадагский принц погибнет напрасно.

На крепостной стене кто-то громко крикнул, и туча стрел понеслась вниз. Лучники Белдана выстрелили первыми.

Стрелы денледисси застучали по щиту и наголен-

никам Корума. Одна из них вонзилась ему в икру, прошла насквозь.

Ряды всадников в медных касках вступили на дамбу.

Корум понял, что не успеет вернуться в замок. Он нагнулся, отломал стрелу у наконечника и выдернул ее сзади. Затем крепко сжал рукоять меча и поднял щит, готовясь как можно дороже продать свою жизнь.

Воины конских племен скакали по узкой дамбе парами, и первый удар Корума оказался удачным — всадник свалился с лошади. Корум быстро вскочил в седло и сунул ноги в кожаные петли, заменявшие стремена. Он едва успел отразить атаку второго воина, как ему пришлось обороняться от накатившихся волной рядов конских племен. Дамба была такой узкой, что проехать по ней, не убив Корума, не представлялось возможным, а варвары не могли даже как следует взмахнуть мечами, потому что лошади, испуганные близостью моря, храпели и пытались подняться на дыбы. Образовался затор, и этим воспользовались лучники Белдана. Туча стрел взвилась над крепостной стеной и полетела вниз. В основном пострадали лошади, но неразбериха стала полной.

Корум медленно отступал и вскоре оказался недалеко от ворот замка. Он не чувствовал руки, в которой держал щит, с трудом поднимал меч, но продолжал отчаянно защищаться.

Ворота внезапно распахнулись, и Корум увидел Белдана и выстроившихся позади него лучников.

— Скорее, принц Корум! — вскричал юноша, и Корум, поняв его намерение, низко пригнулся и побежал к замку. Над его головой тут же просвистели сотни стрел.

Тяжело дыша, Корум вбежал во двор и в полном изнеможении прислонился к одной из колонн. Ему было горько и обидно, что задуманный им план не удался.

Сияющий Белдан хлопнул его по плечу:

— Начался прилив, принц Корум! Мы выиграли!

Хлопка оказалось достаточно, чтобы Корум свалился на каменные плиты двора. Прежде чем поте-

рять сознание, он еще видел изумленное лицо Белдана и сам подивился смешному положению, в которое попал.

Когда Корум очнулся, он лежал в собственной постели, а рядом с ним за столом сидела Ралина, все еще погруженная в чтение рукописи. Вспомнив недавнюю битву, Корум понял, что ему, калеке, не выжить в новом для него мабденском мире.

— Мне нужна новая рука, — сказал он, приподнимаясь на кровати. — Мне нужен новый глаз.

Казалось, Ралина не расслышала своего возлюбленного. Лишь через несколько секунд подняла она голову и посмотрела на него. Лицо у нее было усталым и измученным.

— Отдыхай, — рассеянно сказала она и вновь углубилась в чтение.

В дверь постучали, и в комнату быстро вошел Белдан. Морщась от боли, Корум попытался встать. Все его тело ломило от усталости. Раненая нога не гнулась.

— Варвары потеряли человек тридцать, — сообщил Белдан. — Отлив начнется перед заходом солнца. Думаю, сегодня они к нам больше не полезут. Скорее всего, нападения надо ждать на рассвете.

Корум нахмурился:

— Гландит далеко не прост. Он поймет, что мы не ждем атаки, и поэтому атакует. Но если конские племена суеверны, они вряд ли захотят сражаться ночью. Давай не будем гадать и подготовимся ко всяким неожиданностям. Выставь охрану вокруг крепостной стены. Что там пишет маркграф по этому поводу, Ралина?

— Да, конечно, — невпопад ответила она.

Корум покачал головой и с помощью Белдана облачился в доспехи. Они вместе поднялись на крышу дворца.

Денледисси на берегу перегруппировались. Трупы лошадей, людей и бурого человека из Лаара смыло в море. Несколько мертвецов выкинуло на скалы.

Варвары заняли прежние боевые позиции: десять рядов конских племен спереди, за ними — Гландит-а-Край, денледисси на двадцати повозках — сзади.

Свинец кипел в котлах, стоявших на огне прямо на крыше дворца; небольшие катапульты были приведены в боевую готовность; запас каменных ядер и стрел лежал у входа в башню.

Начался отлив.

И вновь зазвучала барабанная дробь. Заскрипела упряжь. Гландит что-то объяснял всадникам в медных касках.

Солнце садилось в воду; весь мир, казалось, был нарисован одной серой краской. Дамба постепенно выступала из воды.

Барабанная дробь усилилась. Громкий крик сотен людей, словно вырвавшийся из одного горла, пронесся над лесом. Конские племена начали наступление, не дожидаясь, когда отлив закончится.

Битва за замок Мойдель началась.

Только треть варваров двигалась к острову по дамбе, остальные поскакали вдоль берега. Корум понял, что означает этот маневр.

— Скажи, Белдан, ты расставил охрану вокруг крепостной стены?

— Да, принц Корум.

— Хорошо. Мне кажется, они попытаются поплыть на лошадях к другой оконечности острова и атаковать сразу со всех сторон. Когда станет темно, прикажи лучникам стрелять зажженными стрелами.

Штурм замка Мойдель начался.

Воздух зазвенел криками боли и отчаяния, когда из опрокинутых кадок на людей и животных полился расплавленный свинец. Море зашипело, поглощая ручейки металла, скатившиеся в него со склонов горы, и изрыгнуло тучу пара. Всадники били таранами в ворота. Стрелы опустошали седло за седлом, но один из таранов пробил отверстие в деревянной створке и застрял в ней. Варвары пытались вытащить его, и на их головы вновь полился расплавленный свинец.

— Лучников — к воротам! — приказал Корум. — И оседлайте коней на тот случай, если они прорвутся.

Быстро стемнело, но битва не утихла. Варвары окружили замок со всех сторон. Корум видел, как ряд за рядом воины в медных касках направляли низкорослых лошадей в воду и плыли к острову.

Гландит и денледисси оставались на берегу, не принимая участия в сражении. Видимо, Гландит не собирался рисковать своими людьми и ждал, когда судьба замка будет решена.

Вероломство герцога Края дало Коруму новую пищу для ненависти. Когда же вадагский принц увидел, как Гландит, используя суеверных варваров, посылает их на смерть ради достижения своих корыстных целей, он окончательно убедился, что его первоначальное суждение о предводителе денледисси было верным: этот человек осквернит все, к чему ни прикоснется.

Тем временем защитники замка гибли один за другим. Из ста пятидесяти человек пятьдесят были убиты или тяжело ранены, оставшиеся в живых держали оборону с большим трудом.

Корум обходил крепостную стену, подбадривая людей, но у них не осталось свинца и почти закончился запас ядер и стрел. Вскоре им придется схватиться с противником врукопашную.

Наступила ночь. При свете зажженных стрел было видно, что варвары окружили замок со всех сторон. Они продолжали атаковать ворота. Таран за тараном бил в деревянные створы, скрипевшие все сильней и сильней.

Корум приказал зажечь факелы и собрал всех людей, способных носить оружие, во дворе. Они сели на коней и расположились полукругом позади лучников.

Ворота рухнули. Радостно крича, варвары хлынули во двор.

Огонь играл на медных масках, отчего они казались еще более страшными и уродливыми.

Лучники успели спустить тетивы только один раз, а затем расступились, давая дорогу кавалерии во главе с Корумом.

Вадагский принц взмахнул мечом, и голова первого из нападавших полетела с плеч. Кровь фонтаном ударила в небо и, падая, затушила один из факелов.

Позабыв и об усталости, и о ране, Корум рубил направо и налево, вышибая всадников из седел, раскалывая шлемы и черепа, отрубая конечности. Но под натиском превосходящих сил противника защитники замка отступали все дальше и дальше, пока не очутились в большом холле дворца у нижней площадки лестницы. Лучники, там расположенные, вновь выпустили в варваров стрелы, но теперь уже, казалось, ничто не могло повлиять на исход битвы. Бок о бок с Корумом сражались не более двенадцати человек. Еще несколько минут, и все они погибнут.

По лестнице быстро спускался Белдан. Сначала Корум решил, что подошли подкрепления, но позади юноши он увидел всего двух солдат.

— Принц Корум! — На вадагского принца напали двое варваров, и он не смог ответить. — Принц Корум! Где госпожа Ралина?

Корум нашел в себе новые силы. Ударив мечом в медную маску, он убил одного из нападавших, затем приподнялся на стременах, оттолкнулся и соскочил с коня на лестницу.

— Что случилось?! Ралина в опасности?

— Не знаю, принц. Ее нигде нет. Боюсь...

Корум помчался по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Шум битвы как-то странно изменился. Варвары испуганно кричали. Корум остановился и поглядел вниз.

Всадников в медных касках охватила паника. Бросая оружие, толкая друг друга, они отступали из холла во двор, а затем за ворота.

Корум не понимал, что произошло, но ему некогда было задерживаться.

Задыхаясь, он добежал до своих апартаментов и настежь распахнул двери.

— Ралина! Ралина!

Нет ответа.

Повсюду валялись трупы защитников замка и

варваров, проникших в помещение через плохо охраняемые окна. Неужели Ралина попала в плен? Неожиданно он услышал на балконе ее комнаты какие-то странные звуки.

Протяжное пение... За всю свою жизнь Корум не слышал подобного пения. Он осторожно пошел вперед.

Ралина стояла на балконе и пела. Ее одежды колыхались под порывами ветра, как разноцветные паруса. Глаза невидящим взором уставились вдаль, звуки в горле переливались и вибрировали.

Казалось, Ралина впала в транс, и Корум стоял, не двигаясь, и наблюдал за ней. Она пела на незнакомом ему языке, скорее всего — древнем мабденском. Дрожь пробежала по телу вадагского принца.

Внезапно Ралина умолкла, повернулась и прошла в комнату. Она не увидела своего возлюбленного, стоявшего рядом с ней.

Корум вгляделся в темноту. В море мерцал призрачный зеленый свет; полные ужаса крики варваров разносились далеко по воде.

Пробыв на балконе несколько секунд, Корум тоже вернулся в комнату. Ралина сидела, как статуя, в кресле у стола и ничего не ответила, когда он к ней обратился. Не желая причинить ей вред каким-нибудь неосторожным поступком, Корум решил подняться на крышу дворца, надеясь, что к тому времени, когда он вернется, Ралина выйдет из транса.

Поднявшись на крепостную стену, вадагский принц увидел Белдана, который с открытым ртом и выпученными глазами смотрел вниз.

Большой корабль огибал остров с севера. Он светился призрачным зеленым светом и быстро приближался к замку, хотя на море стоял штиль. Варвары — кто пеший, кто конный — барахтались в воде, покрывшей дамбу, несмотря на отлив. Гландит кричал с берега, ругая воинов конских племен последними словами и приказывая им вернуться и захватить замок.

На корабле горело множество разноцветных огней. Создавалось впечатление, что его мачты и корпус украшены драгоценными камнями. Корум понял, поче-

му обезумели варвары, когда увидели выстроившуюся на палубе команду. Гниющая плоть лохмотьями висела на лицах и телах.

Кораблем управляли трупы.

— Что это, Белдан? — прошептал он. — Иллюзия?

— Не думаю, принц Корум, — хрипло ответил юноша.

— Тогда что же?

— Старый корабль маркграфа, вызванный со дна морского с помощью заклинаний. Его команда обрела нечто похожее на жизнь. Смотри. — Он указал на стоявший на капитанском мостике скелет, одетый в такие же доспехи, как у Корума. Глазные впадины скелета сверкали тем же призрачным зеленым огнем, что и весь корабль. — Это наш маркграф. Вернулся, чтобы спасти свой замок.

Корум поборол в себе чувство отвращения и не опустил глаза.

— Интересно, зачем еще вернулся маркграф? — пробормотал он.

глава двенадцатая

УСЛОВИЕ МАРКГРАФА

Корабль подошел к дамбе и остановился. В воздухе запахло гнилью и плесенью.

— Если это иллюзия, — угрюмо сказал Корум, — то она ничем не отличается от реальной жизни.

Белдан промолчал.

В отдалении слышался треск ломающихся ветвей: варвары скакали через лес, не разбирая дороги. Скрипели колеса повозок: Гландит бежал вслед за своими союзниками.

Трупы были вооружены и стояли, не шевелясь. Затем, как один, они повернули головы и уставились на ворота замка.

От изумления и ужаса Корум застыл на месте. События, свидетелем которых он стал, не укладывались у него в голове. Они просто не могли произойти на самом деле. Только невежественные и суеверные мабдены, имеющие больное воображение, способны были верить в подобные чудеса.

— Что будет дальше, Белдан? — спросил он.

— Я ничего не понимаю в оккультных науках, принц Корум. Из всех нас только миледи Ралина занималась их изучением. Сейчас она совершила обряд Вызывания. Я знаю, что при этом она заключила какой-то договор и теперь обязана выполнить его условия.

— Условия?

Белдан судорожно вздохнул.

— Маркграфиня, — прошептал он.

Корум увидел Ралину, вышедшую из ворот замка. Она спустилась с горы и пошла по дамбе по колено в воде, направляясь к призрачному кораблю. Мерт-

вый маркграф наклонил голову, зеленые огоньки в его глазных впадинах ярко вспыхнули.

— НЕТ!

Корум кинулся вниз по лестнице, побежал через холл, наступая на трупы варваров.

— НЕТ! РАЛИНА!

Он мчался по дамбе, поднимая тучу брызг, задыхаясь от зловония, которым был пропитан воздух.

— Ралина!

Он догнал ее у самых сходней и крепко схватил за плечо здоровой рукой. Казалось, она узнала Корума, но тем не менее попыталась высвободиться и подняться на корабль.

— Ралина!

Реальность оказалась хуже кошмарных снов, которые он видел после уничтожения замка Эрорн.

— Ралина! Какой договор ты заключила, чтобы спасти нас? Зачем ты идешь на этот корабль?

— Чтобы соединиться со своим супругом, — ответила она холодным, безжизненным голосом.

— Нет, Ралина. Такой договор бесчестен, а значит, его условия не надо выполнять. Это чудовищно. Это... это... — он хотел сказать, что это — иллюзия, что они стали жертвами страшной галлюцинации. — Пойдем со мной, Ралина. Пусть корабль мертвецов вернется в морские глубины...

— Я должна уйти вместе с ними. Таково условие договора.

Он обнял ее, пытаясь оттащить от сходней, и внезапно услышал голос, который прозвучал, казалось, не в ушах, а в мозгу Корума, заставив его остановиться.

— Она уйдет вместе с нами, вадагский принц. Так будет.

Корум посмотрел на капитанский мостик. Мертвый маркграф величественным жестом вытянул руку вперед. Зеленые огни в глазных впадинах ярко сверкали.

Неимоверным усилием воли Корум заставил себя сконцентрироваться, посмотреть на мир вторым зрением. Напрасный труд: корабль-призрак был в каждом из Пяти Измерений.

— Я не пущу ее, — сказал он. — Ваш договор бесчестен. Почему Ралина должна погибнуть?

— Она не погибнет. Сейчас она спит, но скоро проснется.

— На дне морском?

— Нет. Маркграфиня оживила наш корабль. Без нее мы утонем. Если она поднимется на борт, мы будем жить.

— Ты называешь такое существование жизнью?

— Оно лучше, чем смерть.

— Значит, смерть еще страшнее, чем я думал.

— Да, принц Корум. Мы — рабы Шуль-ан-Джайвана, потому что погибли в водах его острова. А теперь отпусти мою жену.

Корум крепко прижал к себе Ралину:

— Нет. Кто такой Шуль-ан-Джайван?

— Повелитель Сви-ан-Фавна-Бруль.

Надежда Прожорливого Бога! Тот самый остров, на который Корум хотел отправиться, когда любовь к Ралине заставила его отложить путешествие на неопределенный срок.

— Отпусти мою жену, принц Корум. Она должна подняться на борт.

— Нет. Что ты можешь мне сделать? Ты мертв, и твой вид пугает лишь невежественных варваров.

— Мы спасли тебе жизнь. Дай и нам возможность жить. Ралина должна уйти в плавание вместе с нами.

— Мертвые эгоистичны.

Труп кивнул, и свет в глазных впадинах померк.

— Ты прав, принц Корум.

Команда корабля пришла в движение. Ноги зашаркали по склизкой палубе. Гниющая плоть била по костям скелетов.

Корум попятился, не выпуская Ралины, но она сопротивлялась изо всех сил, и он удерживал ее с большим трудом. Задыхаясь, Корум попытался образумить ее.

— Ралина, я знаю, ты никогда не любила мужа, даже когда он был жив. Ты любишь меня, Ралина. А я люблю тебя. Наша любовь сильнее любых договоров!

— Я должна соединиться со своим супругом, — повторила она безжизненным голосом.

Команда мертвецов сошла по сходням на дамбу.

— Прочь! — воскликнул Корум. — Мертвые не имеют власти над живыми!

Мертвецы продолжали идти вперед.

— Прикажи им остановиться! — закричал Корум, обращаясь к маркграфу, который все еще стоял на капитанском мостике. — Возьми меня вместо нее! Я согласен на любые твои условия!

— Не могу.

— Тогда разреши мне отправиться вместе с вами. Не все ли тебе равно? Двое живых скорее, чем один, согреют души мертвых!

Казалось, маркграф задумался.

— Зачем тебе это? Живым не по пути с мертвыми.

— Я люблю Ралину. Знаешь ли ты, что такое любовь?

— Мертвые не знают любви.

— Тогда зачем тебе жена?

— Она предложила заключить договор. Шуль-ан-Джайван согласился и прислал нас.

Мертвецы взяли их в кольцо. От смрадного зловония Корума чуть было не вытошнило.

— Хорошо! В таком случае я отправляюсь в плавание вместе с вами!

Маркграф молча наклонил голову.

Окруженные трясущимися трупами, Корум с Ралиной поднялись на борт. От киля до клотика корабль был покрыт слизью и водорослями, от которых исходил призрачный зеленый свет. То, что Корум принял раньше за драгоценные камни, оказалось морскими ракушками, в изобилии валяющимися на палубах и застрявшими в вантах.

Маркграф молча смотрел, как Корума с Ралиной провели в каюту. В ней было темно и сыро, как в погребе. Пахло гнилью.

Заскрипели мачты, корабль пришел в движение.

Ему не страшны были волны, не нужен был ветер.

Он плыл на Сви-ан-Фавна-Бруль, волшебный остров, Надежду Прожорливого Бога.

КНИГА ВТОРАЯ,

в которой Корум получает подарок и заключает договор

глава первая

ТЩЕСЛАВНЫЙ КОЛДУН

Они плыли всю ночь, и Корум несколько раз пытался вывести Ралину из транса, но у него ничего не получалось. Она лежала на койке на сырых, полусгнивших простынях и смотрела в потолок. Сквозь крохотный иллюминатор, через который невозможно было бежать, пробивался тусклый зеленый свет. Корум мерил каюту шагами, все еще с трудом веря в то, что произошло.

Каюта, в которой их заперли, явно принадлежала маркграфу. Может быть, он лег бы в постель со своей женой, если бы Корум остался на берегу...

Корум задрожал от отвращения и сжал голову руками. Наверное, он сошел с ума или видит кошмарный сон. Ситуация, в которой он оказался, была неестественной. Она отрицала научные знания, которые вадаги собирали в течение сотен веков. А если он был нормален, значит, мабдены обладали такими силами, о существовании которых древние расы даже не подозревали. Темные силы, нездоровые силы, которыми могли пользоваться только те, кто творил зло...

Корум измучился до такой степени, что не мог уснуть. Он подергал за ручку запертой двери. Несмотря на гнилые доски, она оказалась необычайно прочной. Корабль жил по своим законам, и его деревянные части скрепляли не только заклепки из металла.

Усталость мешала Коруму ясно мыслить. Он часто

смотрел в иллюминатор, но видел лишь волны да звезды на небе.

Прошло много времени, прежде чем горизонт посветлел, и Корум с облегчением подумал, что скоро наступит утро. В глубине души он был уверен, что корабль-призрак исчезнет, как только взойдет солнце, и они с Ралиной проснутся в своей постели в замке Мойдель.

Интересно, почему испугались варвары? Или битва с ними тоже была иллюзией? А может, после поединка с Гландитом он потерял сознание и никак не может очнуться? Корум потер голову обрубком руки, облизнул пересохшие губы. Он попытался сконцентрироваться и заглянуть в другие измерения, но на этот раз у него ничего не вышло. В ожидании утра он продолжал мерить каюту шагами.

Внезапно Корум услышал какой-то странный жужжащий звук, от которого у него разболелась голова. Он наморщил лоб, потер лицо, но жужжание усилилось. Ему заложило уши. У него заныли зубы. Звук нарастал.

Корум заткнул уши руками. Из его здорового глаза покатились слезы, в пустой глазнице появилась пульсирующая боль.

Спотыкаясь, он метался по каюте, попробовал высадить дверь...

Все поплыло у него перед глазами.

Корум потерял сознание.

Он стоял в полутемной зале. Стены из камня, переливающегося всеми цветами радуги, поддерживали высокий сводчатый потолок. Искусные мастера, не хуже вадагских, создали эту залу, но в ее красоте чувствовалось что-то зловещее, чуждое древним расам.

У Корума болела голова.

Воздух перед ним сгустился, замигал бледно-голубыми огоньками и превратился в высокого юношу. На его гладком молодом лице выделялись глаза древнего старца. На нем были желтые парчовые одежды. Юно-

ша поклонился, повернулся к Коруму спиной, подошел к каменной скамье у стены и сел.

Корум нахмурился.

— Тебе кажется, что ты спишь, магистр Корум?

— Я — Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, вадаг... последний вадаг на этой земле.

— Здесь нет других принцев, кроме меня, — мягко сказал юноша. — Во избежание недоразумений, советую тебе это запомнить.

Корум пожал плечами:

— Да, мне кажется, что я сплю.

— В определенном смысле ты, конечно, прав. Все мы спим. Ты попал в мабденский сон, вадаг, и никак не можешь проснуться. Тебя возмущает, что приходится жить по мабденским законам, которые управляют твоей судьбой.

— Где корабль, на котором я приплыл сюда? Где Ралина?

— С восходом солнца корабль опустился на дно. Только по ночам может он бороздить морские просторы.

— А Ралина?

Юноша улыбнулся:

— Естественно, на корабле. Она выполнила условия договора, который заключила со мной.

— Значит, Ралина умерла?

— Нет. Она жива.

— Что за чушь! Как она может жить на дне моря?

— Она жива. Они никогда не умрут. Вся команда очень ей рада.

— Кто ты?

— Думаю, ты догадался, как меня зовут.

— Шуль-ан-Джайван.

— Принц Шуль-ан-Джайван. Повелитель Утопленников — один из моих титулов.

— Отдай мне Ралину.

— С удовольствием.

Корум подозрительно посмотрел на колдуна:

— Что ты сказал?

— Не думаешь ли ты, что я ответил бы на ее глупое Вызывание, если б не преследовал определенной цели?

— Твоя цель — получить удовольствие от страшных мук, на которые ты ее обрек.

— Глупости. Я не малое дитя, чтобы развлекаться столь примитивным способом. Но ты, как я вижу, начал неплохо разбираться в мабденах. Всегда рассуждай в том же духе, если хочешь выжить в мабденском сне.

— Значит... это — сон?

— Конечно. Такой же, как реальная жизнь. Можно назвать его сном Бога. Или сном, который Бог воплотил в жизнь. Когда я говорю о Боге, я, само собой, имею в виду Валета Мечей, Повелителя Пяти Измерений.

— Повелители Мечей! Их не существует! Предрассудки, в которые вадаги и надраги верили на заре своей цивилизации!

— Повелители Мечей существуют, магистр Корум. И по крайней мере, один из них — виновник всех твоих несчастий. Это Валет Мечей решил, что мабденам пора взять власть в свои руки и уничтожить древние расы.

— Почему?

— Вы ему наскучили. И я его понимаю. Разве ты не находишь, что жить сейчас стало куда интереснее, чем раньше?

— Интереснее? Хаос и разруха доставляют тебе удовольствие? Я думал, ты не малое дитя, чтобы развлекаться столь примитивным способом.

Шуль-ан-Джайван улыбнулся:

— Но ведь речь идет не обо мне, а о Повелителях Мечей.

— Ты говоришь загадками, принц Шуль.

— Верно. Порок, от которого я не хочу избавляться. Зато загадки и парадоксы оживляют скучную беседу.

— Если тебе наскучила наша беседа, верни мне Ралину, и я уйду.

Шуль вновь улыбнулся:

— Я могу не только вернуть тебе Ралину, но и устроить твою дальнейшую судьбу. Знаешь, почему я позволил магистру Мойделю ответить на ее Вызывание? Я хотел встретиться с тобой, магистр Корум.

— Ты не знал, что я за ней последую.

— Почти не сомневался.

— Зачем я тебе нужен?

— Хочу сделать тебе предложение. Твоя возлюбленная мне пригодится, если ты откажешься от моего подарка.

— Зачем мне отказываться от подарка?

— Многие отказываются. Люди относятся ко мне подозрительно. Им не нравится метод, которым я пользуюсь, приглашая их в гости. Мало кто замолвит о волшебнике доброе слово, магистр Корум.

Корум огляделся по сторонам:

— Как отсюда выйти? Я сам найду Ралину, принц Шуль. Я очень устал.

— Вполне естественно, ведь ты столько выстрадал. Свой сладкий сон ты принимал за реальность, а грубую реальность — за сладкий сон. Представляю себе, в каком шоке ты сейчас находишься. А выйти отсюда невозможно. Нет дверей. Да они мне и не нужны. Разве тебе не хочется выслушать меня до конца?

— Я готов тебя выслушать, если ты прекратишь говорить загадками и перейдешь к делу.

— Ты — плохой гость, магистр Корум. Я всегда считал, что вадаги любезны и обходительны.

— Я давно перестал быть типичным представителем своей расы.

— Жаль, что последний вадаг не является воплощением всех достоинств своего народа. Тем не менее я останусь радушным хозяином и выполню твою просьбу. Я — древнее существо и не имею никакого отношения ни к мабденам, ни к вадагам и надрагам. Я появился задолго до начала вашей цивилизации. Моя раса вырождалась, а так как мне абсолютно не хотелось вырождаться вместе с ней, я занялся научными изысканиями, которые позволили мне познать тайны мозга. Как видишь, я преуспел. Можно сказать, что я — чистый разум. С минимальными затратами энергии я способен перемещаться из одного тела в другое, а следовательно, я — бессмертен. За последнюю тысячу лет многие покушались на мою жизнь. Моя гибель привела бы к разрухе во всем ми-

ре. И поэтому — если так можно выразиться — мне было позволено продолжать свои опыты. Я совершенствовался. Ко мне пришла мудрость. Я повелеваю Жизнью и Смертью. Я могу убивать и воскрешать. Я могу подарить бессмертие, если на то будет моя воля. Короче говоря, благодаря своему уму и своему таланту я стал Богом. Возможно, не самым могущественным из всех Богов... но у меня все впереди. Теперь ты должен понять, почему Боги, которые, — тут он развел руками, — появились на свет нежданно-негаданно, благодаря космическому стечению обстоятельств, счастливой случайности, ненавидят мою божественность. Они ревнуют. Они с удовольствием расправились бы со мной, потому что своим существованием я оскорбляю их чувство собственного достоинства. Валет Мечей — мой враг. Он желает моей смерти. Вот видишь, магистр Корум, у нас с тобой много общего.

— Я не "Бог", принц Шуль. По правде говоря, до недавнего времени я вообще не верил в богов.

— То, что ты не Бог, магистр Корум, очевидно. Бестолковых Богов не бывает. Когда я сказал, что у нас много общего, я имел в виду, что оба мы — представители древних рас, которые Повелители Мечей по каким-то причинам решили уничтожить. В их глазах и ты, и я — анахронизмы. Сначала они заменили мой народ на вадагов и надрагов, потом вадагов и надрагов заменили мабденами. Раса вадагов и надрагов — прости, что я их не разделяю, — выродилась точно так же, как моя раса. Подобно мне, ты пытаешься выжить в непривычном для тебя мире и сопротивляешься насилию. В качестве оружия я избрал науку, а ты — меч. Я оставляю за тобой право решить, кто из нас сделал правильный выбор...

— Мне кажется, для бога ты слишком мелочен, — перебил его Корум, потеряв терпение. — А сейчас...

— В настоящий момент я — мелочный Бог. Когда мои позиции упрочатся, ты увидишь перед собой Бога щедрого и величественного. Но выслушай меня до конца, магистр Корум. Разве ты не понимаешь, что я отношусь к тебе как к товарищу по несчастью?

— Пока еще ты ничем не доказал, что действуешь из дружеских побуждений.

— Я сказал, что отношусь к тебе как к товарищу по несчастью, а не как к другу. Уверяю тебя, магистр Корум, мне ничего не стоит убить и тебя, и твою возлюбленную.

— Я терпеливо и с удовольствием выслушал бы тебя, если б знал, что ты освободил Ралину от условий ужасного договора, который она с тобой заключила. Перенеси Ралину сюда. Я хочу убедиться, что она жива и что ее можно спасти.

— Тебе придется поверить мне на слово.

— В таком случае убей меня.

Принц Шуль встал с каменной скамьи. Юноша, двигающийся и жестикулирующий, словно древний старец, выглядел до крайности неприлично.

— Ты относишься ко мне без должного уважения, магистр Корум. А зря.

— Почему? Ты показал мне несколько фокусов и хвастал напропалую. Ничего дельного я от тебя не услышал.

— Я могу предложить тебе многое. По крайней мере, веди себя вежливо,

— Что ты можешь мне предложить?

— Например, твою жизнь. Мне ничего не стоит тебя убить.

— Это ты уже говорил.

— Я могу предложить тебе новую руку и новый глаз.

Видимо, чувства Корума отразились на его лице, потому что принц Шуль ухмыльнулся.

— Я могу предложить тебе мабденскую женщину, к которой ты испытываешь столь нездоровый интерес. — Колдун поднял руку. — Да, да, конечно. Приношу свои извинения. Каждому свое. Я могу предложить тебе утолить жажду мести, отомстив тому, кто навлек на тебя и на твой народ все несчастья...

— Гландит-а-Краю?

— Нет, нет, нет! Валету Мечей! Валету Мечей! Тому, кто подарил мабденам власть над этим измерением!

— А Гландит? Я поклялся убить его.

— И это ты обвинял меня в мелочности. Твое честолюбие смехотворно! С помощью сил, которые я предоставлю в твое распоряжение, ты сможешь убить сколько угодно мабденских военачальников!

— Продолжай...

— Продолжать? Что продолжать? Разве я мало тебе предложил?

— Слишком много... на словах.

— О, ты меня оскорбляешь! Мабдены трясутся от страха, когда слышат мое имя. Мабдены теряют рассудок, когда я появляюсь перед ними. Мабдены умирают от ужаса, когда я демонстрирую им свою силу!

— За последнее время я насмотрелся ужасов, — сказал принц Корум.

— Будь ты мабденом, это не имело бы значения. Но, к сожалению, ты — вадаг, и тебя не пугают их сны. Будь ты мабденом, мне было бы легче убедить тебя...

— Но то поручение, которое ты хочешь мне дать, не сможет выполнить ни один мабден, — угрюмо сказал Корум. — Я прав?

— Ты начинаешь соображать, вадаг. И ты абсолютно прав. Ни один мабден не выдержит того, что придется выдержать тебе. Честно говоря, даже вадаг...

— Что ты хочешь мне поручить?

— Ты должен украсть одну вещь, которая необходима мне для самосовершенствования.

— А сам ты не можешь ее украсть?

— Конечно, нет. Как только я покину свой остров, меня сразу же уничтожат.

— Кто тебя уничтожит?

— Как это — кто? Мои соперники, разумеется, Повелители Мечей. Я живу в безопасности только благодаря заклинаниям, которые никому не позволяют проникнуть в мою обитель. Пока еще моя защита несовершенна, ее можно преодолеть, но это вызовет такие космические катаклизмы, что на Пяти Измерениях погибнет все живое и, быть может, исчезнут и сами Повелители Мечей. Нет, только ты можешь украсть то, что мне нужно. Во-первых, у тебя есть причины ненавидеть Валета Мечей, а во-вторых, ты

не лишен мужества. Сочетание, которого я больше ни в ком не встречу в этом мире. А если потом тебе все еще захочется убить Гландит-а-Края, можешь не сомневаться, ты с легкостью исполнишь свое желание. Однако, смею тебя уверить, подлинный виновник твоих несчастий — Валет Мечей, и, украв у него нужную мне вещь, ты можешь считать себя полностью отомщенным.

— Что я должен украсть? — спросил Корум.

Шуль усмехнулся:

— Сердце Валета Мечей, магистр Корум.

— Ты требуешь, чтобы я убил Бога и...

— Ты действительно ничего не понимаешь в Богах. Если ты убьешь Валета, даже я не возьмусь предсказать, что произойдет. К счастью, он не хранит сердце в своей груди. Оно находится в месте куда более труднодоступном. Валет Мечей спрятал его на нашем измерении, а свой мозг — на другом... и так далее. Разве ты не понимаешь, что Боги должны оберегать себя от случайностей?

Корум вздохнул:

— Тебе придется многое объяснить мне. А сейчас освободи Ралину, если хочешь, чтобы я согласился выполнить твое поручение.

— Ты необычайно упрям, магистр Корум!

— Если я — единственный, кто может помочь тебе стать великим Богом, принц Шуль, я могу позволить себе быть упрямым.

Нежные губы изогнулись в презрительной усмешке, очень напоминающей мабденскую.

— Я рад, что ты не бессмертен, магистр Корум. Твое высокомерие мне придется терпеть лет двести, не больше. Ну, хорошо. Я покажу тебе Ралину. Я докажу, что она жива и находится в безопасности. Но я не отпущу ее на свободу. Она останется здесь, со мной, и я отдам ее тебе только тогда, когда ты вручишь мне сердце Валета Мечей.

— Зачем тебе его сердце?

— Когда оно будет в моих руках, я смогу заключить с Валетом очень выгодный договор.

— Может, ты и честолюбив, как Бог, но замашки у тебя, как у торгаша, Шуль.

— Принц Шуль. Твои оскорбления меня не трогают. А сейчас...

Шуль исчез. На том месте, где он стоял, возникло молочно-зеленое облако, в котором постепенно начала проявляться картина. Корум увидел корабль-призрак, каюту маркграфа и его скелет, нежно обнимающий Ралину во плоти и крови. Маркграфиня кричала от ужаса, но была не в силах оказать сопротивление.

— Ты сказал, что она в безопасности! — вскричал Корум. — Шуль! Ты обещал!

— Чем же я нарушил свое обещание? Какая опасность может грозить ей в постели собственного мужа? — прозвучал в ответ издевательский голос.

— Немедленно освободи ее, Шуль!

Облако рассеялось. Дрожащая Ралина, тяжело дыша, стояла у каменной скамьи.

— Корум?

Он подбежал к ней, попытался обнять ее, но она испуганно отшатнулась.

— Ты — Корум или призрак? Я заключила договор, чтобы спасти Корума...

— Я — Корум, Ралина. И я тоже заключил договор, чтобы спасти тебя.

— Я никогда не думала, что это будет так страшно. Я не понимала всех условий договора. Он чуть было не...

— Мертвые тоже желают получать удовольствия, госпожа Ралина.

Рядом с ними прямо из воздуха возникло обезьяноподобное существо в зеленых брюках и куртке. Увидев изумление Корума, оно радостно осклабилось.

— В моем распоряжении имеется несколько тел. Если мне не изменяет память, это — принадлежало одному из предков надрагов.

— Кто это, Корум? — Ралина затряслась от страха и прижалась к нему. От ее кожи пахло сыростью.

— Шуль-ан-Джайван, утверждающий, что он — Бог. По его приказанию утопленники ответили на твое Вызывание. Я согласился выполнить одно его

поручение, а он обещал, что ты будешь жить здесь в полной безопасности, пока я не вернусь. Потом мы уйдем отсюда вместе, Ралина.

— Но почему он приказал?..

— Мне нужен был твой любовник, а не ты, — раздраженно ответил Шуль. — Сейчас, когда я нарушил обещание, данное твоему супругу, я потерял над ним всякую власть, и это ужасно меня нервирует!

— Ты потерял власть над маркграфом Мойделем? — переспросила Ралина.

— Да, да, да! Он умер конечной смертью! Слишком много сил пришлось бы затратить, чтобы вновь оживить его.

— Благодарю тебя за то, что ты дал ему свободу, — сказала Ралина.

— Можешь поверить, я этого не хотел. Магистр Корум поставил меня в такое положение, что я вынужден был пойти ему на уступки. — Принц Шуль глубоко вздохнул. — Ничего, в море полно утопленников. Придется подыскать себе новый корабль.

Ралина упала в обморок. Корум едва успел подхватить ее одной рукой.

— Вот видишь! — с гордостью воскликнул Шуль. — Я же говорил, что мабдены теряют рассудок, когда я появляюсь перед ними!

— Прежде чем мы продолжим разговор, Шуль, — сказал Корум, — нам с Ралиной необходимо поесть, привести себя в порядок, отдохнуть и хоть немного прийти в себя.

Шуль исчез.

Через несколько секунд в зале появилось все необходимое, чтобы удовлетворить самые строгие требования Корума. Впрочем, у вадагского принца не вызывало сомнений и то, что Шуль — могущественный колдун, и то, что он — сумасшедший.

Корум осторожно раздел Ралину, помыл ее и уложил в постель. На мгновение очнувшись, она задрожала от страха, но, узнав Корума, улыбнулась.

— Спи спокойно, Ралина, — ласково сказал он. — Все в порядке.

Она уснула, как ребенок.

Корум принял ванну и подошел к столу, на кото-

ром были аккуратно разложены одежды и вооружение. И то, и другое было вадагским. Корум увидел алую мантию, которая, вне всякого сомнения, когда-то ему принадлежала.

Он начал обдумывать странное положение, в котором очутился, заключив договор с безнравственным колдуном с острова Сви-ан-Фавна-Бруль.

глава вторая

ГЛАЗ РИННА И РУКА КУЛЛА

Корум спал.

Постель, на которой он лежал, внезапно исчезла.

— Добро пожаловать в мою лавочку.

Корум открыл глаза. Перед ним стояла и издевательски хихикала красивая девушка лет пятнадцати. Он обвел взглядом большую полутемную комнату, заваленную всевозможным хламом. Засушенные растения и чучела животных висели на стенах. На полу валялись детали доспехов, сломанные шпаги, сгнившие кожаные мешки, из которых вываливались драгоценные камни разнообразных цветов и огранки. Полки ломились под тяжестью книг и рукописей. Повсюду стояли статуи, к столам и шкафам были прислонены картины. Какие-то мелкие зверюшки сновали по всем направлениям и шуршали в углах.

— Вряд ли в твоей лавочке бывает много покупателей, — сказал Корум.

Шуль фыркнул:

— Не думаешь ли ты, что сюда так легко попасть? Итак...

Колдун, принявший облик молодой девушки, подошел к сундуку, закрытому огромной шкурой какого-то хищника, что-то зашептал и откинул ее в сторону. Поднялось облако черного дыма. Шуль попятился, делая пассы руками и выкрикивая слова на незнакомом Коруму языке. Облако растаяло в воздухе. Колдун осторожно наклонился, с удовольствием причмокнул губами...

— Порядок.

Он запустил в сундук руку, вытащил два мешочка, один меньше другого, и улыбнулся.

— Это — тебе.

— По-моему, ты обещал вернуть мне руку и глаз.

— Что значит "вернуть"? Я собираюсь сделать тебе куда более ценный подарок. Слышал ли ты когда-нибудь о Потерявшихся Богах?

— Нет.

— Потерявшиеся Боги были родными братьями. Их звали Владыка Ринн и Владыка Кулл. Они существовали в те времена, когда вселенная еще не имела чести знать твоего покорного слугу. Ринн и Кулл сражались друг с другом, а затем исчезли — по своей воле или нет, я не могу сказать. Но они оставили о себе память... Хочешь посмотреть?

Корум нетерпеливо кивнул.

Девичий розовый язычок облизнул пухлые губки. Древние глаза сверкнули зловещим светом.

— Я дарю тебе то, что когда-то принадлежало всемогущим Богам. Говорят, они бились насмерть.

Шуль развязал маленький мешочек. Он вынул из него какой-то предмет, положил его на ладонь и протянул Коруму. Несколько драгоценных камней, непонятным образом скрепленных вместе, переливались всеми цветами радуги.

— Как красиво! — невольно воскликнул Корум. — Но я...

— Подожди.

Шуль вытряхнул второй мешочек прямо на крышку сундука, которая закрылась сама собой, поднял выпавшую вещь и показал ее Коруму.

У вадагского принца перехватило дыхание. Ему показалось, что он видит перчатку на шестипалую руку с одним большим и двумя указательными пальцами. Перчатка была усыпана черными драгоценными камнями изумительной огранки.

— Зачем мне перчатка? — спросил Корум. — Она на левую руку и для шести пальцев. У меня их пять, и к тому же нет левой руки.

— Это не перчатка. Это — одна из четырех рук Кулла. Если верить легенде, ее отрубил его брат, Ринн...

— Твои шутки мне не нравятся, колдун. От них дурно пахнет. Ты опять теряешь время...

— Советую тебе поскорее привыкнуть к тому, что ты называешь моими шутками.

— Не вижу смысла.

— Вместо твоего правого глаза я дарю тебе глаз Ринна. Вместо левой руки — руку Кулла.

К горлу Корума подступила тошнота:

— Я не коллекционирую бренные останки покойников! Я думал, ты вернешь мне обычные руку и глаз! Ты обманул меня, колдун!

— Глупости! Разве ты не понимаешь, что я даю тебе возможность обрести такие силы, которые не снились ни мабденам, ни древним расам? Перед тобой откроются горизонты, о которых можно только мечтать! Глаз Ринна видит сферы пространства-времени, недоступные ни одному смертному, а рука Кулла может приказать существам неведомых миров прийти тебе на помощь. Неужели ты думал, что я пошлю в логово Валета Мечей беззащитного вадага?

— Как велики те силы, о которых ты говорил?

Девушка пожала нежными плечиками:

— Откуда мне знать? Я ими не пользовался.

— Значит, существует опасность?

— С чего ты взял?

Корум задумался. Рискнуть или нет? Принять омерзительный подарок, чтобы попытаться выжить, убить Гландита и освободить Ралину, или отказаться и приготовиться к смерти, чтобы раз и навсегда покончить со всеми неприятностями?

— Подумай о знаниях, которые ты приобретешь, воспользовавшись моим подарком. Подумай о чудесах, которые ты увидишь во время путешествия. Ни один смертный не проникал еще во владения Валета Мечей! И не забывай, что он — виновник всех твоих...

Корум перестал слушать. Он решился:

— Я согласен!

— Какая честь для меня, — иронически заметил Шуль.

Он наставил на Корума палец, и вадагский принц отлетел на другой конец комнаты и упал на кучу

костей. Он попытался встать, но внезапно почувствовал, что веки его смыкаются.

— Приятных снов, магистр Корум, — сказал Шуль.

Он стоял в той же зале, где впервые увидел Шуля.

Правая глазница Корума пульсировала от нестерпимой боли. Левую руку Корума, казалось, резали тупыми кинжалами. Он попытался осмотреться, но ничего не увидел сквозь туман, застилающий глаза.

Затем он услышал страшный крик Ралины и слепо кинулся на ее голос.

— Ралина! Где ты?

— Я... я здесь... Что с тобой сделали?

Правой рукой Корум дотронулся до левой глазницы. Что-то теплое задвигалось под его пальцами. Глаз! Странный, необычной формы глаз Ринна! Зрение постепенно возвращалось к Коруму.

Он увидел перекошенное от ужаса лицо Ралины. Она сидела на кровати, сжавшись в комок.

Корум посмотрел на свою левую руку. Кисть не отличалась по размерам от прежней, но на ней было шесть пальцев, и кожа ее переливалась, как змеиная.

Корум покачнулся, едва устоял на ногах, попытался собраться с мыслями.

— Подарок Шуля, — бессвязно пробормотал он. — Глаз Ринна. Рука Кулла. Потерявшиеся Боги. Я больше не калека, Ралина.

— Ты в этом уверен? — мягко спросила она. — Зачем ты согласился, Корум? Тебе сделали страшный подарок. Он тебя погубит!

— Я согласился, чтобы исполнить поручение Шуля и спасти нас обоих. Я согласился, чтобы отомстить Гландиту и, если возможно, задушить его этой зловещей рукой. Я согласился, чтобы остаться в живых.

— Быть может, — тихо сказала она, — нам с тобой лучше было бы погибнуть.

глава третья

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПЯТНАДЦАТИ ИЗМЕРЕНИЙ

— Как велико мое могущество, магистр Корум! Я стал Богом, а тебя сделал полубогом! Скоро о нас с тобой будут слагаться легенды!

— О тебе они уже слагаются. — Корум повернулся и увидел медведя в шлеме и в клетчатых штанах. — Впрочем, как и о вадагах.

— Тем лучше. Значит, скоро мы будем фигурировать вместе, а именно это я и имел в виду. Как ты себя чувствуешь?

— Немного болят голова и кисть.

— И никакого шва! Я — блестящий хирург! Заживление идеальное, и заметь, обошлось почти без заклинаний!

— Тем не менее я ничего не вижу глазом Ринна. Может, он не действует?

Медведь потер лапы:

— Мозг должен привыкнуть к поступающим в него сигналам. А пока что, — он достал прямо из воздуха черную ленту, усыпанную драгоценными камнями, — закрой свой новый глаз этой повязкой.

— Зачем? Чтобы вновь ослепнуть?

— Не говори глупостей! Надеюсь, ты не хочешь все время видеть миры, лежащие за пределами Пятнадцати Измерений?

— И больше им ничего нельзя увидеть?

— Конечно, можно!

Корум нахмурился и подозрительно посмотрел на колдуна. В это время глаз Ринна моргнул. Глядя на

Шуля своим нормальным глазом, Корум одновременно увидел множество образов, которые постепенно слились в одно темное пятно.

— Шуль! Что это?

— Точно не знаю. Говорят, существуют миры, в которых наша жизнь отражается, как в кривом зеркале. Тебе не кажется, что ты видишь один из них?

Темное пятно кипело и пузырилось. Какие-то странные создания вползали и выползали из него. Взметались языки пламени; земля кипела, как вода; диковинные звери вырастали до чудовищных размеров и мгновенно съеживались, — все текло, все изменялось.

— Хорошо, что я не живу в этом мире, — прошептал Корум. — Ладно, Шуль, давай сюда повязку.

Он надел ее на голову, закрыл глаз Ринна, и темное пятно мгновенно исчезло. Теперь Корум видел только Шуля и Ралину, но уже обоими глазами.

— Я ведь говорил, что у тебя восстановится нормальное зрение! — радостно вскричал Шуль.

— Что ты видел, Корум? — спросила Ралина.

Он покачал головой:

— Не могу объяснить.

Ралина исподлобья посмотрела на Шуля:

— Лучше бы ты забрал свои дары, принц Шуль. Они не для смертных.

Медведь оскалил зубы:

— Он больше не смертный. Он — полубог.

— А как отнесутся к этому Боги?

— Многие останутся недовольны, если узнают, кем стал магистр Корум. Но они не узнают.

— Ты непочтителен к Богам, колдун, — сурово сказала Ралина. — Может, Корум не понимает того, что ты с ним сделал, зато я прекрасно понимаю, что смертные обязаны повиноваться законам природы. Ты нарушил их и понесешь наказание, а вместе с тобой погибнут все, над кем ты имел власть.

Медведь небрежно отмахнулся лапой:

— Ты недооцениваешь моих сил. Скоро я стану всемогущим и смогу скрестить свой меч с любым Богом-зазнайкой!

— У тебя — мания величия! Ты — самый обычный смертный колдун!

— Замолчи, госпожа Ралина! Немедленно замолчи! Если ты будешь разговаривать со мной в таком тоне, я уготовлю тебе судьбу куда более страшную, чем та, которой ты избегла! Только потому, что мне нужен магистр Корум, я не прихлопнул вас обоих, как мух! Попридержи язычок!

— Мы опять теряем время, — вмешался Корум. — Мне бы хотелось как можно скорее выполнить твое поручение и получить свободу для себя и для Ралины.

Медведь фыркнул.

— Напрасно ты проявляешь заботу об этом создании, — сказал он. — Все женщины одинаковы: боятся глубоких знаний, не понимают темных сил, которые дают мудрость и власть над миром.

— Поговорим о сердце Валета Мечей, — предложил Корум. — Как его можно украсть?

— Пойдем, — сказал Шуль.

Они стояли в огромном саду. На небе сверкало красное солнце. От цветов исходил удушающий аромат. Листья были темными, почти черными, и тихо шуршали.

Шуль вновь принял образ юноши в небрежно накинутой на плечи голубой мантии. Он повел Корума по тропинке.

— Я ухаживаю за этим садом тысячу лет, — сообщил он, — и вырастил много диковинных цветов. Он занимает большую часть моего острова, в нем чудесно отдыхается и думается, а непрошенным гостям сюда не пробраться.

— Почему твой остров называется Надеждой Прожорливого Бога?

— Я назвал его так по имени Бога, который жил здесь до меня. Видишь ли, я наткнулся на этот остров совершенно случайно, когда подыскивал себе место, где мог бы спокойно заняться научными изысканиями. Само собой, я слышал об ужасном Боге, который здесь поселился, и поэтому, решив занять

его место, действовал крайне осторожно. Мне было всего лет двести-триста, и я не обладал той мудростью, которая пришла ко мне позже.

Гигантская орхидея потянулась к Коруму и погладила его по руке. Он оттолкнул ее.

— Как же тебе удалось победить Бога?

— Я узнал, что он питается маленькими детьми. Предки тех, кого ты называешь надрагами, каждый день приносили ему в жертву ребенка. Денег у меня было сколько угодно, и я решил купить побольше детей и скормить их Богу всех сразу. Сказано — сделано!

— А он?

— Сожрал их скопом, свалился и захрапел.

— И ты убил его?

— Конечно, нет. Он сидит в своей собственной тюрьме и до сих пор не теряет надежды выйти. Смешно мне хвастаться победой над таким ничтожеством, хоть он и родственник Валета Мечей.

— Значит, уничтожив тебя, твои враги убьют и своего брата?

— Вот именно.

— Теперь мне понятно, почему ты боишься покинуть остров.

— Боюсь? Ерунда! Разумная предусмотрительность — не трусость!

— Где находятся владения Валета Мечей?

— За Рифом Тысячи Лиг. Слышал о таком?

— Кажется, да. Он расположен где-то на севере? — Корум стряхнул с ноги виноградную лозу.

— Совершенно верно.

— И это все, что ты можешь мне сказать?

— За Рифом Тысячи Лиг лежит страна Урди, которая часто покрывается водой. За Урди находится пустыня Друнгазат, а за пустыней — Огненные Земли, где правит слепая королева Урезе. За Огненными Землями расположена Ледяная Пустошь, по которой кочуют Бриклинги.

Корум остановился и отодрал с лица липкий листок, который норовил поцеловать его в щеку крохотными розовыми губками.

— А за Ледяной Пустошью? — иронически спросил он.

— О, вот там и начинаются владения Валета Мечей.

— Первый раз слышу обо всех этих странах. На каком Измерении они находятся?

— На всех Пяти, подвластных Валету Мечей. Боюсь, в данном случае второе зрение тебе не пригодится.

— Я и не уверен, что смогу переместиться на другое Измерение. Если ты сказал правду, Валет Мечей лишил этой возможности древние расы.

— Не беспокойся, твои возможности сейчас не меньше, чем раньше. — Шуль нагнулся и похлопал его по руке Кулла.

Корум подумал, что до сих пор эта рука не проявила своих необычных свойств. Из любопытства он приподнял повязку с глаза Ринна и, судорожно вздохнув, опустил ее на место.

— Что ты увидел? — поинтересовался Шуль.

— Пейзаж, — коротко ответил Корум.

— Какой?

— Черное солнце. Слабый свет исходил из земли и терялся в черных облаках. Четыре существа в плащах с капюшонами. Я взглянул на их лица и... — Корум облизнул пересохшие губы, — опустил повязку. Я не смог на них смотреть.

— Вселенная состоит из множества Измерений, — философски заметил Шуль, — а следовательно, полна ужасов. Лишь изредка — во снах, например, — удается нам познать частичку бытия. Если хочешь воспользоваться силой, которую даст тебе глаз Ринна, ты должен без страха смотреть и на эти лица, и на другие картины, которые он покажет.

— Миры, в которых царит зло, пугают меня, Шуль. Мне становится нехорошо при мысли о том, что порочные, чудовищные создания находятся неподалеку, за тонкой астральной перегородкой.

— А я давно об этом знаю и пользуюсь своими знаниями. За несколько тысяч лет ко всему можно привыкнуть.

Корум с трудом оторвал вьюн, крепко обнявший его за талию.

— Твои растения слишком любвеобильны.

— Они. очень привязчивы. Мои единственные друзья. Как странно, что ты им понравился. Я теперь обо всех сужу по тому, как реагируют на них мои растения. Бежняжки совсем проголодались. Придется сбить с курса корабль-другой, чтобы накормить их. Ах вы, мои маленькие! Нам нужно мяса! Мясо нам нужно! Вся эта суета заставила меня позабыть о текущих делах!

— Ты так и не сказал, как мне найти Валета Мечей, — напомнил Корум.

— Совершенно справедливо. Валет живет во дворце. Дворец стоит на вершине горы. Гора расположена по центру земли, то бишь всех Пяти Измерений. В самой высокой башне дворца Валет спрятал свое сердце. Насколько я знаю, оно очень тщательно охраняется.

— И это все, что ты знаешь? Что значит "тщательно охраняется"?

— Я заключил с тобой договор, магистр Корум, потому что у тебя немного больше ума, намного больше выносливости и чуть больше воображения и храбрости, чем у мабденов. Вот ты и узнай, что значит "тщательно охраняется". Ты можешь быть твердо уверен только в одном.

— В чем именно, Шуль?

— Принц Шуль. Валет Мечей не принимает тебя в расчет. Ты для него — простой смертный. Повелители Мечей становятся так же скучны, как вадаги. Каждый из нас, Богов, переживает свои взлеты и падения. — Шуль ухмыльнулся. — А измерения вертятся!

— Если ты сейчас на взлете, — когда же ты собираешься упасть?

— Не раньше, чем через несколько миллионов лет. Я могу подняться так высоко, что вся Вселенная окажется в моей власти! Быть может, я стану первым, единственным и неповторимым Богом! О, как я буду развлекаться, какие приключения меня ждут!

— Вадаги изучали мистику, как науку, — заме-

тил Корум. — Насколько я помню, все Боги — единственные и неповторимые.

— Но власть их не безгранична. Возьмем пантеон мабденов — Собаку и Рогатого Медведя. Они могут вершить судьбы мабденов, и только. Но им неподвластны ни твой покорный слуга, ни тем более Валет Мечей, который практически всемогущ, если не считать, что со мной ему не справиться. Наш век, это — век Богов, магистр Корум. Их много, больших и маленьких, и они заполонили всю Вселенную. Так было не всегда. Я сильно подозреваю, что когда-то Вселенная вообще обходилась без Богов.

— Думаю, твои подозрения обоснованы, — пробормотал Корум.

— Быть может, цикл повторится. Мысль, — тут Шуль постучал себя по затылку, — порождает Богов, а Боги порождают мысль. В определенные периоды мыслей вообще не существует. В конце концов, Вселенной безразлично, что в ней происходит. Но я, если только добьюсь своего, заставлю ее проявить ко мне интерес! — Глаза Шуля лихорадочно блестели. — Я изменю законы природы! Я поставлю Вселенной свои условия! Ты поступил мудро, согласившись помочь мне, магистр Корум.

Корум откинул голову, спасаясь от тюльпана, который лязгнул челюстями над его ухом.

— Сомневаюсь, Шуль. Но у меня не было выхода.

— Совершенно справедливо. Для достижения своей цели я готов на все, магистр Корум. Играть, так по-крупному!

— Да, конечно, — иронически сказал Корум и кивнул. — В конце концов, нельзя проиграть больше, чем жизнь, а все мы — смертны.

— Ко мне это не относится, магистр Корум.

КНИГА ТРЕТЬЯ,

в которой принц Корум добивается невозможного и получает желаемое

глава первая

БЛУЖДАЮЩИЙ БОГ

Расставание с Ралиной было тяжелым. Оба они долго молчали, и когда он обнял ее на прощанье, она не сказала ему о своей любви, лишь посмотрела беспокойным взглядом. В глазах ее притаился страх.

Корума взволновало поведение Ралины, но он бессилен был что-либо изменить.

Шуль посадил его в баркас, поражающий изяществом линий, и Корум поднял парус и отчалил от берега. Ориентируясь по звездам, вадагский принц шел на север, к Рифу Тысячи Лиг.

Корум понимал, что любой вадаг счел бы его сумасшедшим. Он вел себя так же неразумно, как мабдены. Но, в конце концов, Корум находился сейчас в мабденском мире и, для того чтобы выжить, должен был к нему приспособиться. А Коруму очень хотелось жить, в особенности после того, как он встретился с Ралиной. И ему как-то не верилось, что он — последний вадаг на этой земле. Шуль обладал огромной силой, и наверняка на свете существовали колдуны сильнее его. Быть может, своими заклинаниями они нарушили природу пространства-времени. А значит, события прошлого можно будет изменить. Корум хотел жить и учиться.

И если к нему придет мудрость — кто знает? — вдруг ему удастся вернуть вадагов миру и мир — вадагам.

Это будет справедливо, подумал Корум.

Каркас был обшит коваными листами металла, покрытого странным асимметричным рисунком. От

него исходил слабый свет, который согревал Корума и освещал море по ночам. Плавание было долгим. На единственной мачте баркаса висел квадратный парчовый парус, покрытый какой-то субстанцией, тоже излучавшей свет. Он почти все время проводил на палубе, завернувшись в алую мантию. На голове у него красовался высокий серебряный шлем; под кожаной курткой он носил кольчугу из миллиона крохотных звеньев (верхний слой — серебряный, нижний — медный); к его поясу была пристегнута длинная шпага с клинком из неземного металла. На носу баркаса был укреплен странный вертящийся камень в форме стрелы, постоянно указывающий на север.

Корум много думал о Ралине и о своей любви к ней. Подобное чувство никогда раньше не могло появиться у вадага по отношению к мабдену. Если б, скажем, принц Клонски узнал о нем, он сказал бы, что раса вадагов вырождается. Но ни к одной вадагской женщине Корума не тянуло так, как к Ралине. Он знал, что маркграфиня умна, хотя ему трудно было подчас разбираться в смене ее настроений, и он не разделял ее суеверий.

Впрочем, Ралина разбиралась в мабденском мире лучше, чем Корум, и он не имел права судить, ошибается она или нет.

На третью ночь Корум уснул, держась своей новой рукой за борт баркаса, а наутро его разбудило яркое солнце, бившее прямо в глаза.

Впереди высился Риф Тысячи Лиг.

Он тянулся до самого горизонта, и волны разбивались о каменную стену, вздымая тучи брызг.

Шуль предупреждал, что обнаружить проход в Рифе практически невозможно. Казалось, он не естественного происхождения, а создан Валетом Мечей специально, чтобы оградить свои владения от любопытных глаз.

Корум принял решение идти на восток. Он надеялся найти мелководье и высадиться на берег. Четверо суток не смыкал Корум глаз, но не увидел ни прохода в скалах, ни места, к которому можно было бы причалить.

Легкий туман, окрашенный солнцем в розовый цвет, поднимался от воды. Поворачивая камень в виде стрелы, Корум управлял баркасом, стараясь держаться подальше от Рифа. Судя по грубым морским картам, наколотым на коже (других у Шуля не оказалось), он почти вплотную примыкал к земле со странным названием Кулокрах, где проживали, как сообщил колдун, Рага-да-Кета.

Корум просматривал карту за картой, и на каждой из них Риф казался сплошным.

Внезапно при полном безветрии поднялось сильное волнение. Баркас стало раскачивать, и Корум в недоумении посмотрел по сторонам. К шуму прибоя примешивались другие звуки, доносившиеся с юга. Корум оглянулся.

Удар-всплеск, удар-всплеск, удар-всплеск... словно кто-то неторопливо шагал по воде. Может, это плескался морской зверь? Мабдены верили в страшных морских чудовищ и сочинили о них множество легенд! Корум схватился за борт, одновременно пытаясь повернуть руль, чтобы как можно дальше отплыть от Рифа. Баркас швыряло с одного гребня волны на другой.

Шаги по воде слышались все отчетливее. На всякий случай Корум выхватил шпагу из ножен.

В розовом тумане появилась фигура, напоминающая человеческую. Изумленный Корум увидел, что она тащит за собой рыболовную сеть. Неужели здесь было так мелко? Корум перегнулся, попытался нащупать дно острием шпаги и чуть не свалился за борт. Только сейчас Корум понял, что туман сыграл с ним злую шутку. Человек, идущий по морю, находился на огромном расстоянии от баркаса и был гигантом, по сравнению с которым Великан из Лаара казался пигмеем. От шагов странного рыбака поднимались волны, швырявшие баркас, как щепку.

Корум хотел крикнуть, попросить гиганта свернуть, но вовремя прикусил язык, подумав, что не все великаны так доброжелательны, как Великан из Лаара.

Продолжая волочить за собой сеть, блуждающий в тумане рыбак поменял направление. Теперь он на-

ходился за спиной Корума, и нахлынувший вал подхватил баркас и понес его, как пушинку, на восток. Вертящийся камень упал и разбился, парчовый парус сорвало, и Коруму ничего не оставалось, как отдаться на волю волн.

Великан скрылся в тумане, шагая к Рифу Тысячи Лиг, где, возможно, был его дом.

Внезапно туман рассеялся. Ярко́е солнце осветило море и берег. Баркас летел прямо на скалы.

глава вторая

ТЕМГОЛ-ЛЕП

Раздался металлический скрежет. Баркас задрожал от киля до клотика. Корум едва успел схватить лук и колчан со стрелами, как накатившая волна вышвырнула его за борт и понесла к берегу.

В рот Коруму попала вода, тело его волочило по песчаной гальке. Он ухватился за выступ скалы, подождал, когда волна схлынет, и поднялся на ноги. Перевернутый баркас уносило в открытое море. Лук и колчан со стрелами исчезли. Корум сделал несколько шагов вперед, затянул пояс, на котором висела шпага, поправил серебряный шлем, съехавший набекрень.

Корум знал, что потерпел неудачу.

Он прошелся по берегу и уселся под высокой черной скалой. Его выкинуло неизвестно куда, баркас разбился, жизнь потеряла всякий смысл.

В эту минуту Коруму все было безразлично. Он перестал думать и о любви, и о ненависти, и о мести. Ему казалось, что он видел сон об острове Сви-ан-Фавна-Бруль, а сейчас проснулся. Во сне он получил в подарок от колдуна новую руку и новый глаз.

Вспомнив о глазе Ринна, Корум вздрогнул и дотронулся до повязки. А затем мысли нахлынули на него, и вадагский принц понял, что, согласившись на предложение Шуля, он изменил свою судьбу и теперь должен воспринимать мир таким, как он есть.

Вздохнув, Корум поднялся на ноги и посмотрел на скалу. Взобраться на нее было невозможно.

Корум пошел вдоль берега, топча серую гальку, надеясь, что рано или поздно ему удастся найти по-

логое место, подняться и увидеть наконец страну, в которую он попал.

Вынув перчатку, подаренную ему Шулем перед отъездом, Корум надел ее на левую руку. Он до сих пор не совсем верил тому, что рассказал ему колдун о руке Кулла, но у него не возникло желания проверять ее возможности. Корум шел, не останавливаясь, более часа, когда увидел небольшую бухточку и узкий проход между скалами.

Начинался прилив. Корум побежал. Он едва успел ступить на каменистую тропинку, как берег затопило водой. Тяжело дыша, он одолел крутой подъем, вскарабкался на вершину горы и увидел перед собой дорогу, ведущую в город.

Башни и минареты ослепительно сверкали под лучами раскаленного солнца. Приглядевшись, Корум понял, что они выложены цветной мозаикой. Никогда в жизни ему не приходилось видеть ничего подобного.

Он задумался, не зная, идти в город или обойти его стороной. Если в нем живет народ дружелюбный, Корум мог бы одолжить у кого-нибудь лодку или баркас и продолжить плавание. Если в нем живут мабдены, они вряд ли согласятся оказать Коруму помощь.

А, может, это страна Рага-да-Кета? Он машинально сунул руку в карман, чтобы свериться с морскими картами, но вспомнил, что они остались на баркасе.

Уныние охватило Корума, и он зашагал по дороге в город.

Он успел пройти не более мили, когда увидел кавалерийский отряд. Воины скакали ему навстречу на длинношеих зверях с пятнистыми шкурами, изогнутыми рогами и плоскими, как у ящериц, ртами. Несмотря на очень тонкие ноги, звери мчались, как ветер, и вскоре Корум различил всадников: высоких, худых, с небольшими круглыми головами и огромными круглыми глазами. Они явно не были мабденами — с представителями этой расы Коруму встречаться не доводилось.

Корум остановился и стал ждать. Впрочем, ему больше ничего не оставалось делать.

Воины окружили вадагского принца, пристально глядя на него сверху вниз. Их носы и рты тоже были округлой формы, на лицах застыло, казалось, изумленное выражение.

— Оланджа ко? — спросил самый высокий воин, одетый в плащ-накидку из разноцветных перьев и державший в руке дубинку, напоминающую лапу гигантской птицы. — Оланджа ко, дранджер?

— Я тебя не понимаю, — ответил Корум на искаженном вадагском, на котором говорили мабдены.

Верзила наклонил голову и закрыл рот. Солдаты начали возбужденно перешептываться. Все они были одеты и вооружены одинаково.

Корум протянул руку, указывая на юг.

— Я пришел из-за моря, — сказал он на разговорном языке, общем для вадагов и надрагов.

Воин напрягся, словно услышал знакомые слова, задумался и с сожалением покачал головой.

— Оланджа ко? — повторил он.

Пришла очередь Корума покачать головой.

Воин изумленно посмотрел на него и почесал щеку. Не понимая, что может означать этот жест, Корум пожал плечами.

Верзила ткнул пальцем в одного из всадников:

— Мор наффа!

Всадник спешился и помахал Коруму рукой, похожей на веретено, явно предлагая ему сесть в седло.

С большим трудом вадагский принц забрался на длинношеего зверя и взял в руки поводья.

— Нодж! — громко крикнул командир, отдавая приказ солдатам. — Нодж ала!

Звери помчались по направлению к городу, а пеший воин остался стоять на дороге.

Город был окружен высокой стеной, на которой были выложены красочные геометрические узоры из мозаики. Кавалькада проехала высокие ворота, миновала узкие улочки, напоминающие лабиринт, и помчалась по широкой дороге, по обеим сторонам ко-

торой росли цветущие деревья, ко дворцу, стоявшему в центре города.

Доскакав до ворот дворца, кавалькада остановилась. Все спешились, и подоспевшие слуги увели длинношеих зверей на конюшни. По широкой лестнице, которая насчитывала около ста ступеней, Корума провели в небольшой внутренний двор. Стены дворца тоже украшали узоры из мозаики, не такие яркие, как на крепостной стене, но более изысканные. Золотые, белые и бледно-голубые рисунки были примитивны, но очень красивы и вызывали у Корума восхищение.

За первым внутренним двором находился второй, с фонтанами посередине. Золотое кресло с конической спинкой, в оправе из огромных рубинов стояло под парусиновым тентом. Воины, сопровождавшие Корума, остановились, и в ту же секунду из дворца вышла непомерно высокого роста персона в высокой шляпе из павлиньих перьев, плаще — также из перьев, переливающихся всеми цветами радуги, — и в юбке свободного покроя из золотой парчи. Корум понял, что перед ним — правитель города.

Верзила и монарх начали разговор, и Корум терпеливо ждал, когда они закончат, всем своим видом показывая, что он пришел с мирными намерениями.

Наконец монарх обратился к Коруму с какой-то фразой, и вадагский принц покачал головой. Король вновь заговорил, и с третьей попытки Корум услышал знакомую речь.

— Ты — мабден? — спросил король на древнем надрагском языке, который Корум изучал в детстве.

— Нет, — тут же ответил он.

— Ты непохож на недрегха.

— Да, я не... недрегх. Откуда ты знаешь о недрегхах?

— Несколько столетий назад два недрегха жили при моем дворе. Кто ты?

— Я — вадаг.

Король задумчиво пососал губы и громко причмокнул:

— Значит, ты — враг недрегхов?

— Сейчас я им больше не враг.

Король нахмурился:

— Почему?

— Все вадаги, кроме меня, погибли, — объяснил Корум. — А те, кого ты называешь недрегхами, либо истреблены, либо стали рабами мабденов.

— Но мабдены — варвары!

— Могущественные варвары!

Король кивнул.

— Так было предсказано. — Он пристально посмотрел на Корума. — А ты почему остался в живых?

— Я не захотел умирать.

— Решаешь не ты, а Ариох.

— Кто такой Ариох?

— Бог.

— Какой Бог?

— Тот, кто управляет нашими судьбами. Герцог Ариох, Повелитель Мечей.

— Валет Мечей?

— Кажется, так называют его на далеком юге. — Король заерзал на троне и облизнул губы. — Я — король Темгол-Леп. Ты находишься в моем городе, Арки. — Он помахал тощей рукой. — Это — мои подданные, Рага-да-Кета. Страна моя называется Кулокрах. Очень скоро мы тоже погибнем.

— Как так?

— Наступило время мабденов. Решение Ариоха. — Темгол-Леп пожал худыми плечами. — Ариох принял решение. Мабдены придут и уничтожат нас.

— Но ведь вы, конечно, окажете им сопротивление?

— Нет. Наступило время мабденов. Ариох командует ими. Он не трогает Рага-да-Кета потому, что мы послушны его воле. Но скоро мы погибнем.

Корум покачал головой:

— Как можно уничтожить целый народ из прихоти? Тебе не кажется, что Ариох несправедлив?

— Ариох принимает решения.

Корум подумал, что вряд ли Рага-да-Кета всегда были такими фаталистами. Возможно, они тоже вырождались.

— И тебе не жалко, что погибнет красота, которую вы создали, пропадут ваши научные знания?

— Ариох принимает решения.

Темгол-Леп, казалось, знал о планах Валета Мечей больше, чем кто бы то ни был. Возможно, Рага-да-Кета даже видели Ариоха — ведь их страна находилась неподалеку от его владений.

— Скажи, а откуда тебе известно, какие решения принимает Ариох?

— Он объявляет свою волю через наших мудрецов.

— А мудрецы уверены, что они правильно истолковывают его волю?

— Конечно, уверены.

Корум вздохнул:

— Что ж, попытаюсь расстроить планы Ариоха. Не могу сказать, что я от них в восторге!

Темгол-Леп закрыл глаза. По телу его пробежала легкая дрожь. Чувствуя неудовольствие своего короля, воины переминались с ноги на ногу.

— Я не желаю больше говорить об Ариохе, — заявил Темгол-Леп. — Ты — наш гость, и мы должны развлекать тебя. Сейчас мы выпьем немного вина.

— Спасибо, с удовольствием.

Корум предпочел бы поесть — несколько дней у него крошки во рту не было, — но ему не хотелось каким-нибудь неосторожным поступком испортить отношения с Рага-да-Кета, у которых он собирался попросить лодку или баркас, чтобы продолжить путь.

Король отдал приказание слуге, стоявшему за троном, и он молча удалился, а через несколько минут вернулся с подносом, на котором стояли два высоких кубка и золотой графин. Король поставил поднос на колено, собственноручно налил вино в один из кубков и подал его вадагскому принцу.

Корум протянул левую руку, но она неожиданно задрожала, дернулась и выбила кубок из рук короля. От удивления лицо монарха перекосилось.

Рука вытянулась, и шесть пальцев сомкнулись на горле Темгол-Лепа.

Король захрипел, попытался ударить Корума ногой. Пальцы давили все сильнее и сильнее.

Сам не понимая, что происходит, Корум громко позвал на помощь, но тут же сообразил, что охранники поняли из происходящего только одно: чужеземец напал на их короля. Выхватив из ножен шпагу, Корум очертил ею полукруг, отражая удары дубинок, похожих на птичьи лапы. Рага-да-Кета явно не умели сражаться: их действия были несогласованными, движения — неуклюжими.

Рука Кулла отпустила Темгол-Лепа, и Корум увидел, что король мертв.

Вадагский принц ужаснулся. Сам того не желая, он убил несчастное и невинное существо! Стоя над трупом короля, он рубил шпагой направо и налево, отрубая конечности, проламывая черепа. Кровь лилась рекой.

Внезапно Корум остался один. Повсюду лежали мертвые Рага-да-Кета. Ласковое солнце разбивалось на брызги в струях фонтана. Корум поднял чужую руку в перчатке и плюнул на нее.

— Злобная тварь! — воскликнул он. — Ралина была права! Ты сделала меня убийцей!

Но рука вновь была ему послушна. Он сжал шесть пальцев. Они повиновались. Тишину нарушал лишь плеск воды в фонтане.

Глядя на труп Темгол-Лепа, дрожа от ненависти к самому себе, Корум поднял шпагу над головой. Он отрежет руку Кулла. Лучше быть калекой, чем ее рабом!

Земля ушла из-под ног Корума, он полетел вниз и упал на какого-то мохнатого зверя, который оцарапал его своими когтями.

глава третья

ВЫХОДЦЫ ИЗ ТЬМЫ

Лежа на спине, Корум увидел на мгновенье голубое небо, а затем плита встала на место, и он оказался в кромешной тьме наедине со зверем, который хрипел неподалеку. Корум крепко сжал эфес шпаги и приготовился защищаться.

Хрипение затихло. Наступила мертвая тишина. Ее нарушил какой-то шипящий звук. Корум увидел искру. Искра превратилась в огонек. Огонек появился на фитиле, который горел в глиняной плошке, заполненной до краев маслом.

Глиняную плошку держала чья-то грязная рука. Грязная рука принадлежала обросшему волосами существу, глаза которого гневно сверкали.

— Кто ты? — спросил Корум.

Незнакомец фыркнул и поставил самодельную лампу в небольшую нишу. Корум увидел пол, покрытый грязной соломой, на которой валялись кувшин и тарелка. Пахло экскрементами.

— Ты меня понимаешь? — вновь спросил Корум на древнем надрагском.

— Прекрати болтать, — пробормотал незнакомец на разговорном вадагском языке, явно не сомневаясь, что Корум не понял ни одного слова. — Скоро ты станешь таким же, как я.

Корум промолчал. Он вложил шпагу в ножны и прошелся по камере. Наверху кто-то ходил по каменным плитам двора. До Корума доносились возбужденные истерические голоса Рага-да-Кета.

Незнакомец наклонил голову и прислушался.

— Вот оно что! — Он уставился на Корума, ух-

мыляясь во весь рот. — Ты прикончил эту трусливую тварь? Считай, я стал относиться к тебе с уважением. Впрочем, ненадолго. Скоро тебя казнят. Хотел бы я знать, какой смертью!

Корум продолжал молчать, делая вид, что ничего не понял. Было слышно, как наверху убирают трупы, волоча их по каменным плитам. Постепенно голоса Рага-да-Кета стихли.

— Паноптикум. — Незнакомец вновь ухмыльнулся. — Любят они убивать исподтишка. Интересно, как от тебя пытались избавиться? Отравить хотели, что ли? Любимое развлечение Темгол-Лепа — подсыпать яд тому, кого он боится.

Отравить? Корум нахмурился и посмотрел на свою левую руку. Неужели она знала, что в вино подсыпали яд? Как рука могла жить отдельной от тела жизнью?

Корум решил нарушить свое молчание.

— Кто ты? — спросил он на разговорном вадагском.

Незнакомец расхохотался:

— Значит, ты понимал все, что я говорю! Но ты мой гость, поэтому отвечай на мои вопросы первым. Ты похож на вадага, а я думал, они давно погибли. Скажи мне, кто ты, и назови свое имя.

— Я — Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, последний вадаг на этой земле.

— А я — Ганофакс из Пенгарда: чуть-чуть солдат, чуть-чуть священник, чуть-чуть ученый и чуть-чуть... нищий. Я отправился в путешествие из Лайвм-ан-Эша, страны, которая находится далеко на западе...

— Я знаю, где находится Лайвм-ан-Эш. Долгое время я был гостем маркграфини в замке Мойдель.

— Что? Неужели княжество еще существует? Я слышал, его давно затопило море.

— Нет. Впрочем, может, его и не существует более... но виновато не море, а конские племена, которые...

— Великий Урлех! Конские племена — это что-то из древней истории!

— Почему ты путешествуешь так далеко от родины, рыцарь Ганофакс?

— Долго рассказывать, принц Корум. Ариох, как его здесь называют, не очень-то жалует людей из Лайвм-ан-Эша. Он требует, чтобы все мабдены подчинились его воле и первым делом уничтожили древние расы, такие, например, как твоя. Надеюсь, мне не надо тебе объяснять, что мой народ на это не способен — мы хотим жить со всеми в мире. Когда я был священником, мы служили Урлеху, вассалу Валета Мечей, который все настойчивей предъявлял нам свои требования и как-то раз приказал Урлеху собрать в Лайвм-ан-Эше войско для битвы с морскими жителями, обитающими далеко на западе. Урлех поручил мне исполнить приказ Ариоха, а я почему-то решил, что такой приказ мог отдать только лже-Бог, и отказался повиноваться. Тогда счастье и удача, неизменно мне сопутствующие, отвернулись от меня. Неожиданно объявили, что я — убийца. Мне пришлось бежать. Я украл корабль, пустился в далекое плавание, испытал по пути несколько довольно скучных приключений и наконец прибыл в страну Рага-да-Кета, которые покорно ждут, когда Ариох соблаговолит их уничтожить. Меня схватили и посадили в темницу. Я сижу здесь больше двух месяцев.

— И что с тобой будет?

— Понятия не имею. Может, помру от старости. Рага-да-Кета введены Ариохом в заблуждение, но их нельзя назвать жестокими, и они не отличаются большим умом. Тем не менее они панически боятся Валета Мечей и не осмеливаются ни в чем ему перечить, надеясь, что он не тронет их еще год-другой.

— А как ты думаешь, что меня ждет?

— Кто знает? С ядом у них номер не прошел. Если им не прикажут, Рага-да-Кета вряд ли применят насилие. Давай не будем гадать. Поживем — увидим.

— Я не могу ждать, — сказал Корум. — Мне надо закончить одно важное дело.

— Ничего не попишешь, друг Корум! Будучи священником, я изучил кое-какие заклинания, но здесь они не действуют. А без помощи волшебства нам отсюда не выбраться.

Корум задумчиво посмотрел на левую руку, затем перевел взгляд на своего товарища по несчастью:

— Ты когда-нибудь слышал о руке Кулла?

Ганофакс нахмурился:

— Кажется, да. Единственном, что осталось от Бога, который поссорился со своим родным братом... одна из многих легенд...

Корум снял перчатку:

— Колдун подарил мне руку Кулла и глаз Ринна. Он сказал, что они обладают силой, которая поможет мне в трудную минуту!

— И он не солгал?

— Не знаю. У меня не было случая убедиться в его правоте.

На лице Ганофакса появилось озабоченное выражение:

— Я думал, смертным не дано пользоваться такой силой. Последствия...

— У меня нет выхода. Согласившись принять подарок колдуна, я связал себя по рукам и ногам. Теперь мне ничего не остается, как прибегнуть к помощи Кулла и Ринна!

— Надеюсь, ты не забудешь им напомнить, что я — твой друг, принц Корум.

От нервного напряжения на лбу Корума выступила испарина. Он медленно поднес к голове шестипалую руку и поднял повязку.

В ту же секунду он увидел знакомую картину. Черное солнце. Слабый свет исходил от земли и терялся в черных облаках. Четыре существа в плащах с капюшонами.

На этот раз он вгляделся в их лица и закричал от ужаса.

Но он не смог бы объяснить причину своего страха.

На картине появилась рука Кулла. Четыре головы, как одна, повернулись в ее сторону. Сверкающие глаза, казалось, впились в Корума, лишая его жизненных сил. Рука Кулла повелительно взмахнула.

Четыре существа в плащах с капюшонами пришли в движение.

Краешком уха Корум слышал, как Ганофакс спросил:

— Что происходит, Корум? Я ничего не понимаю. Кого ты вызываешь?

Вадагский принц не мог ответить. Все его тело, кроме руки Кулла, дрожало мелкой дрожью.

Четыре существа выхватили из-под плащей громадные серпы. С трудом двигая онемевшими губами, Корум сказал:

— Идите сюда. Повинуйтесь моей воле.

Размеренным шагом они подходили все ближе и ближе, словно преодолевая невидимый барьер. Затем Ганофакс, сам не свой от ужаса и отвращения, закричал:

— О Боги! Шефанго из Ям Собаки! — Он спрятался за Корума. — Спаси меня, вадаг!

Хор голосов гулко прозвучал из-под капюшонов.

— Повелитель! Мы покорны твоей воле! Мы покорны воле Кулла!

— Я хочу выйти отсюда, — сказал Корум, указывая на железную дверь темницы.

— Наградишь ли ты нас, Повелитель?

— Как?

— Чужими жизнями. Нам не надо другой награды.

Корум судорожно вздохнул:

— Хорошо.

Четыре существа взметнулись, как один, и железная дверь рухнула от страшного удара. Четыре существа в плащах с капюшонами — истинные шефанго — размеренным шагом шли по узкому коридору.

— Змей, — пробормотал Ганофакс. — На нем можно удрать.

— Какой еще змей? — удивленно спросил Корум.

— Мой шелковый змей. Он выдержит нас обоих.

Они поднимались по ступенькам лестницы вслед за шефанго, от которых исходило ощущенье такой внутренней силы, что мороз пробегал по коже. Дорогу им преградила еще одна дверь, но и она рухнула в долю секунды. В глаза Корума ударил яркий солнечный свет.

Они стояли во внутреннем дворе дворца. Воины

кинулись к ним со всех сторон, и по их лицам можно было понять, что на этот раз они не пощадят ни Корума, ни Ганофакса. Затем Рага-да-Кета увидели неподвижные фигуры с серпами в руках и остановились.

Серпы сверкнули, отражая солнечный свет. Громко крича, воины отступили.

Четыре существа в плащах с капюшонами начали свою страшную косьбу. Они ревели. Рев их сливался с предсмертными криками воинов. Серпы поднимались и опускались, снося головы с плеч.

Чувствуя, что его сейчас вытошнит, Корум бежал вслед за Ганофаксом по залам дворца. Внезапно Ганофакс остановился у небольшой двери.

Со двора продолжали доноситься крики отчаяния, которые перекрывали рев шефанго.

Ганофакс быстро выломал дверь и скрылся в полутемной комнате.

— Здесь я жил, пока был гостем Темгол-Лепа, — сказал он. — Потом король решил, что я оскорбил Ариоха, и засадил меня в темницу. Надеюсь, они не сожгли змея, на котором я прилетел в Кулокрах. Минутку...

Корум увидел стражников, бегущих по коридору, и встал в дверях, выхватив шпагу их ножен.

— Поторопись, Ганофакс.

Рага-да-Кета увидели обнаженную шпагу и остановились в нерешительности. Преодолев свой страх, они осторожно пошли вперед, размахивая дубинками, похожими на птичьи лапы.

Первым выпадом Корум пронзил горло одного воина, вторым — выбил дубинку из рук другого. Крики во дворе затихли. Страшные союзники Корума возвращались на свое измерение, получив обещанную награду.

Ганофакс волочил к дверям какое-то пыльное приспособление из палок, обмотанных шелковой материей.

— Полный порядок, принц Корум. Сейчас полетим, только припомню нужное заклинание.

Гибель товарищей, казалось, не испугала, а обозлила Рага-да-Кета; битва разгорелась с новой силой.

Перед Корумом лежала гора трупов, но число нападавших не уменьшилось.

Ганофакс что-то выкрикивал на незнакомом Коруму языке. Вадагский принц почувствовал, как поднявшийся ветерок ворошит складки его мантии. А затем рука Ганофакса подхватила Корума, и пол ушел у него из-под ног. Они промчались над головами воинов по длинному коридору, вылетели во внутренний двор и начали быстро подниматься.

Сдерживая волнение, Корум посмотрел вниз.

Город Рага-да-Кета показался ему совсем крошечным.

Ганофакс втащил вадагского принца в корзину, обшитую зелеными и желтыми шелками. Корум подумал, что сейчас они упадут, но змей продолжал невозмутимо лететь в голубом небе.

Весь в лохмотьях, неряшливый и грязный, человек, сидевший рядом с ним, ухмыльнулся.

— Значит, волей Ариоха можно пренебречь, — заметил Корум.

— Если мы не стали невольными участниками его планов, — ответил Ганофакс.

Он больше не улыбался.

глава четвертая

ОГНЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Постепенно Корум привык к полету, хотя все еще чувствовал себя неуютно. Напевая что-то под нос, его товарищ по несчастью стригся и брился, используя для этой цели острый кинжал. Как выяснилось, у Ганофакса было молодое красивое лицо. Ни капельки не стесняясь, он разделся догола, выкинул лохмотья за борт корзины и оделся в брюки и рубашку, которые захватил с собой в узелке.

— Наконец-то я чувствую себя человеком! — воскликнул он. — Спасибо тебе, принц Корум, что ты посетил город Арки прежде, чем я сгнил заживо!

Корум подумал, что Ганофакс — мабден веселый и общительный, хоть и любит иногда прихвастнуть.

— Куда это мы летим, рыцарь Ганофакс? — спросил он.

— В том-то и загвоздка, принц Корум. Если б я умел управлять змеем, то не попал бы в тюрьму. Он летит, куда ему вздумается.

Они пролетали над морем.

Корум ухватился за веревки корзины и прищурился, вглядываясь в голубую даль. Ганофакс вновь запел, и слова его песни вряд ли пришлись по душе Валету Мечей, Собаке, Рогатому Медведю и восточным мабденам.

— Советую тебе выбирать выражения, — сухо заметил Корум, глядя на скалы внизу. — Мы находимся над Рифом Тысячи Лиг, а отсюда до владений Ариоха рукой подать.

— Не так уж они и близко. К тому же, надеюсь, змей скоро опустится.

Они пролетали над непонятной страной. Корум никак не мог понять, почему он видит то море, то землю на одном и том же месте.

— Скажи, это — Урди? — спросил он Ганофакса, вспомнив объяснения Шуля.

— Судя по всему, да. Нестабильная материя, которой управляют Повелители Хаоса.

— Повелители Хаоса? Никогда не слышал, чтобы Повелителей Мечей называли этим именем.

— И тем не менее они управляют нашими судьбами. Ариох — один из них. Давным-давно отгремела битва между Законом и Хаосом. Хаос выиграл, и его Повелители стали безраздельно властвовать на Пятнадцати Измерениях, а может, и за их пределами. Говорят, Закон потерпел полное поражение, Боги его исчезли, Космическое Равновесие нарушилось, и одна чаша Весов опустилась до самого конца. Все течет, все изменяется. Я слышал даже, как кто-то утверждал, что когда-то наша планета была круглой, а не сплюснутой, как сейчас.

— То, что ты мне рассказал, я читал в вадагских легендах, — заметил Корум.

— Знаю. Но вадагская цивилизация (впрочем, наряду со многими другими) достигла своего расцвета под властью Богов Закона. Именно поэтому Повелители Мечей так ненавидят древние расы. И поскольку Великим Богам не позволено вмешиваться в дела смертных, они действуют через мабденов...

— Ты в этом уверен?

Ганофакс пожал плечами:

— Я слышал много версий, но эта кажется мне наиболее вероятной.

— Когда ты говоришь о Великих Богах, ты имеешь в виду Повелителей Мечей?

— И Повелителей Закона тоже. Кроме них существуют еще Великие Древние Боги, для которых миллиарды измерений не более чем песчинка на берегу моря. — Ганофакс пожал плечами. — По крайней мере, так мне преподавали космологию, когда я обучался на священника. Я не могу с уверенностью утверждать, что я прав.

Корум нахмурился. Он поглядел вниз и увидел

желто-коричневую пустыню. Пустыня Друнгазат, в которой не было ни одного оазиса. По прихоти судьбы он очень быстро оказался рядом с владениями Валета Мечей.

— А может, не по прихоти?

Жара стояла страшная, нечем было дышать. Песок пустыни дрожал и переливался под лучами раскаленного солнца. Ганофакс облизнул пересохшие губы.

— Мы приближаемся к Огненным Землям, принц Корум. Взгляни.

Корум увидел на горизонте тонкую светящуюся линию. Небо полыхало зарницами.

Постепенно жара усиливалась. Корум с удивлением увидел впереди огромную стену пламени, которой, казалось, не было ни конца ни края.

— Мы сгорим заживо, Ганофакс, — мягко сказал он.

— Похоже на то.

— Неужели никак нельзя повернуть?

— Нет. Каждый раз этот змей избавляет меня от одной опасности и подвергает другой, куда более страшной.

Стена пламени приблизилась, и Корум ощутил ее горячее дыхание на своем лице. Огонь ревел и трещал, сжигая воздух.

— Это противоестественно! — задыхаясь, воскликнул Корум.

— То же самое можно сказать о любом волшебстве. Хаос развлекается, нарушая гармонию природы.

— Волшебство! Я не могу больше о нем слышать! В нем нет логики!

— Вот именно. Повелители Хаоса — враги логики, жонглеры Истиной, творцы Красоты. Наверняка Огненные Земли созданы ими из эстетических побуждений. Красота, вечно меняющаяся красота, — единственное, ради чего они живут.

— Зловещая красота.

— Для Повелителей Мечей не существует таких понятий, как добро и зло.

— Попытаюсь изменить их представления о жиз-

ни, — пробормотал Корум, отирая рукавом куртки пот с лица.

— И тебе не жаль будет уничтожить красоту, которую они создали?

Корум искоса посмотрел на Ганофакса. Может быть, этот странный мабден был слугой Валета Мечей? И заманил его, Корума, в ловушку?

— До сих пор мир обходился своей красотой, рыцарь Ганофакс, — спокойно ответил он.

— Ты прав.

Огонь трещал, языки пламени вздымались в небо. Под действием раскаленного воздуха змей резко поднялся, но его шелковое полотно начало тлеть. Корум не сомневался, что вскоре оно вспыхнет и они рухнут в гигантский костер, полыхающий внизу.

Они пролетали над стеной пламени, и Коруму, одетому в доспехи, казалось, что его поджаривают, как черепаху в панцире. Впереди показался противоположный конец стены.

Одна из частей змея вспыхнула, затрещала и отлетела в сторону.

Ганофакс уцепился за стойку. По его красному лицу тек пот.

— Хватайся за перекладину, принц Корум! — вскричал он. — Хватайся за перекладину!

Шелковое полотно вспыхнуло, и змей стал быстро терять высоту. На правой руке Корума появились пузыри от ожогов; он захлебнулся раскаленным воздухом.

Змей вильнул, последний раз взмыл в небо, дернулся и начал падать.

Перекладину раскачивало из стороны в сторону, но Корум вцепился в нее мертвой хваткой. Затем раздался сильный треск, корзину подкинуло, и Корум сильно ударился об обсидиановую поверхность земли. Сверху на него посыпались обломки воздушного змея.

Вадагский принц поднялся на ноги с большим трудом. У него болело все тело. Стояла невыносимая жара. Стена пламени, поднимающаяся вверх на сто футов, была совсем рядом. Слева от Корума текла мутная река расплавленной лавы. Поверхность из оп-

лавленного вулканического стекла зеленого цвета, на которой он стоял, отражала языки пламени, как в зеркале, и ходила ходуном под ногами. Реки и ручейки жидкого огня текли повсюду.

Ганофакс громко ругался, пытаясь выбраться из-под обломков змея. Наконец ему это удалось. Тяжело дыша, он пнул обуглившийся каркас что было сил.

— Дрянь! Теперь тебе никогда не удастся меня угробить!

— Ты так уверен, что мы выберемся отсюда? — иронически спросил Корум.

Ганофакс наклонился, достал из-под обломков пояс с пристегнутым к нему мечом в ножнах и обгоревший плащ.

— Я ни в чем не уверен, принц Корум. Но, честно говоря, мне не очень хочется расставаться с жизнью.

— Если верить некоторым мабденским легендам, мы уже умерли и попали в ад. Так называются измерения, где горит вечный огонь. Я ничего не напутал?

Ганофакс фыркнул:

— Я плохо знаю восточные легенды. Что ж, принц Корум, вернуться мы не можем, поэтому нам придется идти вперед.

— Мне говорили, что на севере находится Ледяная Пустошь, — сказал Корум. — Не понимаю, как лед может соседствовать с пламенем?

— Очередной каприз Повелителей Хаоса.

— Может быть.

Они осторожно шли по обсидиановой поверхности, удаляясь от стены пламени, и каждый шаг давался им с огромным трудом. Им приходилось перепрыгивать через ручейки огня, обходить озера расплавленной лавы, и через некоторое время они вынуждены были остановиться, чтобы хоть немного передохнуть. Обоих мучила жажда, оба говорили хриплыми голосами.

— Думаю, мы обречены, принц Корум.

Корум устало кивнул и поднял голову. Красные облака кипели, образовав подобие огненного купола. Казалось, весь мир был объят пламенем.

— Может, ты знаешь заклинания, вызывающие дождь, рыцарь Ганофакс?

— Увы! Мы, священники, всегда с презрением относились к дешевым трюкам.

— А жаль. Волшебники, например, очень любят устраивать эффектные зрелища.

— Но я не волшебник. А твоя сила, принц Корум? Нельзя ли воспользоваться ею, чтобы получить помощь, — тут Ганофакс вздрогнул, — из потустороннего мира?

— Думаю, нет. Его обитатели — воины. Я даже не знаю, кто они такие и почему повинуются моим приказам. И я уверен, что колдун, подаривший мне руку Кулла и глаз Ринна, знает не больше меня. По-моему, он поставил надо мной эксперимент.

— Ты обратил внимание, что солнце здесь не заходит? Нам не удастся насладиться ночной прохладой.

Корум собирался ответить, когда увидел на черной обсидиановой поверхности какое-то движение.

— Посмотри, Ганофакс, — тихо сказал он.

— Что случилось?

К ним приближался отряд примерно из двадцати всадников, вооруженных длинными копьями с зазубренными наконечниками и одетых в сверкающие красные одежды, полностью скрывающие их фигуры и лица. Они скакали на животных с четырьмя короткими ногами, двумя парами рогов на головах и крохотными злыми глазками; толстые шкуры зверей были покрыты крупной чешуей, напоминающей нагрудники кирас.

Быстро окружив Ганофакса и Корума, всадники остановились, и один из них спросил:

— Зачем пришли вы в нашу страну, чужеземцы?

— Мы очутились здесь не по собственной воле, — ответил Корум. — Нас привел сюда случай, но мы пришли с миром.

— Это неправда. Вы вооружены шпагами.

— Мы не знали, что в Огненных Землях кто-то живет, — сказал Ганофакс. — И мы хотим поскорее покинуть ваши края. Не согласитесь ли вы нам помочь?

— Мы никому не позволим покинуть Огненные Земли, — ответил всадник мелодичным голосом, в котором проскальзывали нотки грусти. — Только одной дорогой — сквозь Пасть Льва — можно уйти отсюда, но на дороге этой путников ждет судьба, по сравнению с которой смерть — благо.

— А разве нельзя...

Всадники в красных одеждах, держа копья наперевес, двинулись на Корума и Ганофакса. Корум выхватил из ножен шпагу, Ганофакс — меч.

Лицо вадагского принца было угрюмо. Не колеблясь, он поднял повязку. На мгновение зрение его помутилось, а затем он вновь увидел потусторонний мир. Корум едва успел подумать, что лучше бы ему умереть, чем пользоваться этой страшной силой, когда увидел глазом Ринна большую пещеру, в которой, словно статуи, стояли высокие фигуры в рваных одеждах, мятых доспехах и с дубинками в руках.

Рага-да-Кета! Раны их больше не кровоточили, глаза бессмысленно глядели вдаль. По мановению руки Кулла воины пошли вперед.

— Нет! — вскричал Корум. — Они тоже мои враги!

Ганофакс, не понимавший, что происходит, в изумлении посмотрел на него.

Мертвецы маршировали, пещеру заволокло туманом. Преодолев невидимый барьер, Рага-да-Кета вступили на обсидиановую поверхность Огненных Земель.

Корум попятился, поднимая шпагу. Всадники в красных одеждах натянули поводья своих скакунов, застыв от изумления. Лицо Ганофакса перекосилось от страха.

— Нет! — вновь вскричал Корум. — Я...

Мертвые губы Темгол-Лепа зашевелились: король заговорил свистящим шепотом.

— Приказывай, Повелитель. Ты наградишь нас?

Корум овладел собой. Он медленно кивнул:

— Да. Вот ваша награда.

Высокие худые воины повернулись к всадникам в красных одеждах. Рогатые скакуны захрипели, замотали головами. Пятьдесят Рага-да-Кета разбились

на группы по двое, по трое и, подняв дубинки, бросились в атаку.

Копья с зазубренными наконечниками впивались в их тела. Мертвецам было все равно. Размеренно махая дубинками, они выбивали всадников из седел.

Белый, как снег, Корум стоял, опустив шпагу, и наблюдал за побоищем. Теперь он знал, что обрекает жителей Огненных Земель на ту же участь, которая постигла Рага-да-Кета.

Красные реки крови текли по черному обсидиану. Дубинки, похожие на птичьи лапы, сорвали с всадников красные одежды, обнажили их лица.

— Остановитесь! — вскричал Корум. — Я запрещаю убивать!

Темгол-Леп повернул голову и посмотрел на вадагского принца бессмысленным взором.

— Ты обещал наградить нас, Повелитель. Мы не можем не убивать.

— Но ведь они вадаги! Такие же, как я!

Ганофакс положил руку ему на плечо:

— Ты опоздал, принц Корум. Все кончено.

Рыдая, Корум подбежал к трупам, вглядываясь в знакомые до боли лица.

— Интересно, откуда здесь вадаги? — пробормотал Ганофакс.

Темгол-Леп и два воина тащили за собой один из трупов. Глазом Ринна Корум видел, как Рага-да-Кета складывают мертвых вадагов в пещеру. Задрожав, вадагский принц опустил повязку.

— Я уничтожил себе подобных! — громко воскликнул он. — Я обрек их на мучения в потустороннем мире!

— Волшебная сила часто оборачивается против того, кто ею пользуется, — спокойно сказал Ганофакс. — Я ведь предупреждал тебя.

Корум резко повернулся:

— Прекрати болтать, мабден! Разве ты не видишь, что я натворил?

Ганофакс невозмутимо кивнул:

— Вижу. Но дело сделано, принц Корум. А наши жизни спасены.

— Теперь я добавил братоубийство ко всем своим преступлениям.

Корум упал на колени, выронил шпагу. Тело его сотрясалось от рыданий.

— Кто здесь плачет? — спросил печальный женский голос. — Кто плачет в стране Кир-ан-Вель, превратившейся в Огненные Земли? Кто плачет по ее сладким долинам и прекрасным холмам?

Корум поднялся на ноги, бросил взгляд на Ганофакса, который не отрываясь смотрел на всадницу, появившуюся в нескольких шагах от них на большом валуне. Ее древнее лицо было красиво и печально, бледную кожу покрывала сеть морщин, седые распущенные волосы ниспадали на красный плащ, мешком висевший на тщедушном теле. Под надбровными дугами вместо глаз сверкали болезненные белые пятна.

— Меня зовут Корум Джайлин Ирси, сударыня. Почему ты ослепла?

— На то была моя воля. Я ослепила себя, чтобы не видеть, во что превратилась моя страна. Я — Уразе, королева Кир-ан-Веля, и у меня всего двадцать подданных.

У Корума перехватило дыхание:

— Я убил всех твоих подданных, королева. И поэтому плачу.

На лице ее не дрогнул ни один мускул.

— Они были обречены. Я благодарю тебя, чужеземец, что ты избавил их от страданий. Может, ты и меня убьешь? Я живу только ради того, чтобы не исчезла память о Кир-ан-Веле. — Она вздохнула. — Почему ты носишь имя ведрагха?

— Потому что я — вадаг, или ведрагх, — как тебе будет угодно. Но я родился в далекой южной стране.

— Значит, ведрагхи переселились на юг? Там красиво?

— Очень красиво.

— И твой народ счастлив, Принц в Алой Мантии?

— Моего народа больше не существует, сударыня. Все вадаги погибли.

— Все, кроме тебя?

— И кроме тебя, королева.

Губы ее тронула легкая улыбка.

— Он сказал, что все мы погибнем, на каком бы измерении ни находились. Но и ему было предсказано, что, погубив нас, он погубит самого себя. Но он не поверил.

— О ком ты говоришь, королева?

— О Валете Мечей. О герцоге Ариохе, Повелителе Хаоса. После великой битвы между Законом и Хаосом он унаследовал наши Пять Измерений. Валет Мечей превратил в безжизненный камень наши цветущие долины и зеленые холмы, предал огню леса и луга. Это он сказал, что древние расы погибнут, и не поверил предсказанию Аркина.

— Кто такой Аркин?

— Повелитель Закона, который правил миром до Ариоха. Перед тем как отправиться в изгнание, он предсказал, что, уничтожив древние расы, Валет Мечей потеряет власть над Пятью Измерениями.

— Замечательное предсказание, — пробормотал Ганофакс. — Но я сильно сомневаюсь, что оно сбудется.

— Что я могу сказать тебе, говорящему с мабденским акцентом? Может, мы и обманываем себя, но ты — дитя Ариоха, и не знаешь того, что ведомо нам.

Ганофакс гордо выпрямился:

— Ариох создал нас, это верно, но мы — не его рабы. Я попал сюда только потому, что не подчинился воле Валета Мечей.

И вновь королева улыбнулась на этот раз печальной улыбкой.

— Говорят, ведрагхи сами виноваты в своей судьбе. Их битва с недрагхами произошла вопреки воле Повелителя Аркина и нарушила тонкую материю Пяти Измерений.

— Боги мстительны, — прошептал Ганофакс.

— Я тоже мстительна, мабден, — сказала королева.

— Ты хочешь отомстить за своих подданных?

Она махнула худой рукой:

— Нет. Они напали на вас. Вы защищались. Но герцог Ариох из пустого каприза превратил мою цветущую страну в Огненные Земли.

— Значит, ты хочешь отомстить Валету Мечей? — спросил Корум.

— Когда-то у меня было много подданных. Одного за другим я посылала их — сквозь Пасть Льва, чтобы уничтожить Ариоха. Ни один не вернулся.

— Что такое Пасть Льва? — спросил Ганофакс. — Нам сказали, это — единственная дорога из Огненных Земель.

— Так оно и есть. И тот, кто пойдет этой дорогой, погибнет. А в конце ее — дворец Валета Мечей.

— Неужели с Валетом никто не может справиться?

Королева подняла голову, и ее слепые глаза уставились в огненное небо.

— Это под силу только великому герою, Принц в Алой Мантии.

— Когда-то вадаги не верили ни в героев, ни в героические поступки, — с горечью сказал Корум.

Урезе кивнула:

— Ты прав. Зачем было вердрагхам думать о героях в добрые старые времена?

Корум не нашел, что ответить, и после непродолжительного молчания спросил:

— Где находится Пасть Льва, сударыня?

— Я провожу тебя, принц Корум.

глава пятая

СКВОЗЬ ПАСТЬ ЛЬВА

Королева дала им напиться воды из фляжки, подозвала двух рогатых животных, чтобы Коруму и Ганофаксу не пришлось идти пешком. Они скакали друг за другом, перепрыгивая огненные реки, и копыта стучали по темно-зеленой обсидиановой поверхности земли.

Хотя Урезе была слепа, она искусно управляла своим скакуном и не умолкая рассказывала о холмах и долинах, лугах и лесах, как будто помнила каждое дерево, каждый куст на своем пути. Спустя несколько часов она внезапно остановилась и вытянула руку.

— Что ты видишь перед собой, принц Корум?

Корум прищурился, всматриваясь в дрожащий воздух.

— Похоже на большую скалу...

— Подъедем ближе, — перебила его королева.

Через несколько минут они подскакали к скале, сверкающей, словно расплавленное золото, и Корум увидел, что это была каменная голова льва с открытой в рыке огромной пастью, из которой торчали желтые клыки.

— О, Боги! — в ужасе прошептал Ганофакс. — Какой скульптор выдумал такое?

— Ариох, — ответила Урезе. — Когда-то на месте скалы стоял большой красивый город. А сейчас мы живем... жили в пещерах, где не так жарко и текут подземные ручейки.

Корум с трудом оторвал взгляд от львиной головы и посмотрел на королеву.

— Скажи, сколько тебе лет?

— Не знаю. В Огненных Землях время остановилось. Может быть, десять тысяч, а может, — больше.

Впереди высилась еще одна стена пламени. Корум спросил о ней королеву.

— Мы окружены стеной со всех сторон, — ответила она. — Многие ведрагхи бросились в огонь, лишь бы не видеть, во что Ариох превратил нашу землю. Так погибли мой муж, мои братья и мои сестры.

Внезапно Корум обратил внимание на то, что Ганофакс, обычно такой разговорчивый, все время молчит. Голова его была склонена на грудь, и он потирал себе лоб, словно не понимая, что с ним происходит.

— В чем дело, друг Ганофакс? — спросил Корум.

— Не обращай внимания, принц Корум. У меня разболелась голова. Наверное, от жары.

Послышался протяжный стон, и Ганофакс быстро посмотрел наверх.

— Кто это?

— Лев поет, — коротко ответила королева. — Он знает, что мы рядом.

И с губ Ганофакса тоже сорвался стон: так воет собака, пытаясь подражать волчьему вою.

— Ганофакс, друг мой! — Корум подъехал к нему вилотную. — Тебе плохо?

Ганофакс бросил на него странный взгляд.

— Нет. Я же сказал, жара... — Лицо его перекосилось. — А-а-а! О, Боги! Как мне больно! Нет! Нет!

Корум посмотрел на Урезе:

— Скажи, с твоими воинами тоже такое случалось?

Она покачала головой, к чему-то прислушиваясь и явно не сочувствуя Ганофаксу.

— Нет. Но...

— Ариох! Нет! Нет! — Ганофакс начал задыхаться.

Рука Кулла отпустила поводья и нанесла удар.

Корум попытался удержать ее, но жестко расставленные пальцы вонзились в глаза мабдена.

— Нет, Корум, не надо, пожалуйста! — вскричал Ганофакс. — Я могу справиться... Аа-аах!

Рука Кулла вновь стала рукой Корума. С пальцев ее стекала кровь и мозги Ганофакса, чье бездыханное тело упало с седла на землю.

— Что произошло? — спросила королева Урезе.

Не в силах оторвать взгляда от своей руки, Корум прошептал:

— Ничего. Я убил своего друга, только и всего. — Он поднял голову. На мгновение ему показалось, что на голове льва кто-то стоит и смотрит на него. Затем воздух задрожал и видение исчезло.

— Значит, мы с тобой догадались об одном и том же, — сказала королева.

— Я ни о чем не догадывался. Говорю тебе, я убил своего друга. Он помог мне. Он спас меня от... — Корум с трудом проглотил комок, застрявший в горле.

— Он был мабденом, принц Корум. Рабом Ариоха.

— Ганофакс ненавидел Ариоха!

— Но Валет Мечей овладел его душой. Ганофакс убил бы нас, Принц в Алой Мантии. Ты поступил правильно.

Корум печально посмотрел на слепую королеву:

— Лучше бы он меня убил. Для чего мне жить?

— Ты — ведрагх, последний на этой земле. Только ты можешь отомстить за гибель нашей расы.

— Пусть она останется неотомщенной! О какой мести может идти речь, когда я совершил столько преступлений? Я — убийца, виновник гибели многих ни в чем не повинных существ. Из-за меня о вадагах будут говорить не с любовью, а с ненавистью.

— О них и так говорят с ненавистью. Ариох об этом позаботился. Прощай, Принц в Алой Мантии.

Королева Урезе пришпорила рогатого скакуна и помчалась к далекой стене пламени.

Корум знал, зачем.

Он посмотрел на тело Ганофакса. Никогда больше весельчак-мабден не улыбнется, а если его душой действительно овладел Ариох, то сейчас она мучается вечными муками.

Корум опять остался в одиночестве.

Он задрожал, глубоко вздохнул и вновь услышал странный стон. Казалось, каменный зверь зазывает Корума в свою пасть. Вадагский принц пожал плечами. Что с того, если он погибнет? Ему не придется больше убивать, вот и все.

Он тронул поводья, пришпорил рогатого зверя и, громко крича, поскакал сквозь разомкнутые челюсти в темноту стонущей Пасти Льва.

Рогатый зверь споткнулся, потерял равновесие и упал. Корум вылетел из седла. Встав на колени, он начал шарить в темноте, стараясь нащупать поводья, но его скакун уже мчался обратно к дневному свету, который закрывал вход в Пасть Льва красной пеленой.

У Корума похолодело внутри. Он чуть было не побежал за зверем, но, вспомнив мертвое лицо Ганофакса, стиснул зубы и пошел вперед.

Он шел очень долго. В Пасти Льва царила приятная прохлада, и Корум подумал, что из-за глупых суеверий королева Урезе боялась самой обычной пещеры.

Затем он услышал шелестящие звуки. Ему показалось, что на него смотрят чьи-то глаза. В них застыло... обвинительное?.. нет, угрожающее выражение. Корум остановился. Внимательно посмотрел по сторонам. Сделал шаг вперед.

Вокруг него клубилось небытие. Кто-то визжал. Чей-то смех раздавался в его мозгу. Корум попытался сделать еще один шаг.

Он стоял на хрустальной равнине, в которую были замурованы миллионы существ: вадаги, надраги, мабдены, Рага-да-Кета и многие другие, которых он не знал. Мужчины и женщины. Глядя на него широко открытыми глазами, они заламывали руки, моля о пощаде. Корум ударил шпагой по хрустальной поверхности, но на ней не появилось даже трещинки. Он вновь шагнул вперед.

Корум увидел Пять Измерений, одно наложенное на другое — такими он видел их в детстве, такими

их видели его предки. Он очутился в каньоне, в лесу, в долине, на поле, снова в лесу. Он попытался переместиться на нужное ему измерение, но что-то помешало ему.

Визжащие твари накинулись на него, кусаясь и царапаясь. Он отбился от них шпагой, и они исчезли.

Корум шел по ледяному мосту. Лед таял, угрожающе трещал под ногами. Вадагский принц поскользнулся и упал прямо в ощерившиеся пасти невиданных хищников.

Он очнулся в омуте вечно меняющейся материи, которая создавала образы и мгновенно их уничтожала. Он видел города, возникающие, словно по волшебству, и исчезающие, как дым, унесенный ветром. Он видел красоту и уродство. Он видел то, что любил от всего сердца, и то, что ненавидел всеми силами души.

Корум вновь стоял в огромной темной пещере и слышал странные шелестящие звуки. По полу бегали, шурша палками, какие-то мелкие зверюшки.

И Корум понял, что любой смертный, не испытавший в жизни того, что испытал он, сошел бы сейчас с ума. Шуль подарил ему нечто большее, чем руку Кулла и глаз Ринна. Корум получил возможность бесстрастно смотреть на самые страшные картины потустороннего мира.

И вадагский принц понял: что-то он приобрел, а что-то потерял...

Корум сделал еще один шаг.

Он стоял по колено в бесформенной шевелящейся массе. Она стало жадно засасывать его в свое чрево. Корум рубил шпагой налево и направо, но провалился по пояс. Он шел, тяжело дыша, с трудом передвигая ноги.

Корум стоял под огромным ледяным куполом, а рядом с ним стояли миллионы Корумов. Корум, живущий в замке Эрорн; Корум, ничего не знающий о мабденах; Корум угрюмый и печальный; Корум с глазом Ринна и рукой Кулла; Корум умирающий...

Еще один шаг.

Корум плыл в потоке крови. Он пытался нащупать дно. Хищные рыбы неслись к нему, лязгая че-

люстями. Ему очень хотелось повернуть, но он продолжал плыть им навстречу.

Корум стоял в тоннеле из золота и серебра. В конце тоннеля была серебряная дверь, за которой слышался какой-то шум.

Со шпагой в руке он вошел в эту дверь, очутился на нижней галерее залы и услышал раскаты странного смеха.

Он понял, что находится во дворце Валета Мечей.

глава шестая

ПИЩА БОГОВ

В гигантском зале Корум казался пигмеем. Внезапно все его приключения, все его желания, все его преступления и все его страсти показались ему жалкими и ничтожными. Его отчаяние усугублялось еще и тем обстоятельством, что он ожидал вступить в единоборство с Ариохом сразу, как войдет во дворец.

Но на Корума никто не обратил ни малейшего внимания. Его появление осталось незамеченным. Два рогатых демона с длинными хвостами сражались друг с другом на одной из верхних галерей. Они громко смеялись, хотя оба были смертельно ранены.

Казалось, битва демонов поглотила все внимание Ариоха.

Валет Мечей, Повелитель Хаоса, лежал на куче отбросов и потягивал какую-то вонючую жидкость из грязного кубка. Огромные складки кожи на жирном теле Ариоха тряслись, когда он смеялся. Его голое тело как две капли воды походило на мабденское. С ног до головы он был покрыт струпьями и болячками. У него было красное уродливое лицо, а изо рта торчали гнилые корни зубов.

Если бы не рост Валета Мечей, Корум никогда не принял бы его за Бога. Но Ариох был великаном, а меч — символ его власти — не уступил бы в длину самой высокой башне Эрорна.

По стенам гигантского зала располагались ярусы. Они поднимались один за другим к далекому куполу, окутанному туманом. И на каждом из ярусов копошились мабдены, в большинстве своем — голые. Ни капельки не стесняясь, они совокуплялись прямо на

полу, дрались между собой, пытали друг друга. Между ними сновали существа, которых Ганофакс называл шефанго.

Черный, как ночь, меч Ариоха был испещрен рунами. Одни мабдены старательно начищали их, другие — мыли лезвие меча, третьи — натирали до блеска золотой эфес.

Каждый мабден был занят своим делом. Многие, подобно вшам, скакали и ползали по необъятному телу Бога, прокусывая кожу, высасывая кровь. Ариох не обращал на них никакого внимания. Он не отрывал взгляда от двух дерущихся демонов.

Неужели этот великан-мабден, похожий на пьяного крестьянина, валяющегося в хлеву, был всемогущим Ариохом? Злобным чудовищем, которое уничтожало народы, беспощадно мстило древним расам только за то, что они возникли до его появления в этом мире?

Валет Мечей расхохотался, и несколько мабденов-паразитов свалились на пол. Одни — разбились, другие — поднялись как ни в чем не бывало и вновь начали терпеливо карабкаться на тело Бога, высасывая по пути его кровь.

В грязной бороде Ариоха шло сражение за остатки пищи, прилипшей к волосам. В паху Ариоха мабдены толкались, выискивая места понежнее.

Оба демона упали без сил. Первый был мертв, второй едва дышал, но все еще смеялся. Через некоторое время он умолк.

Ариох хлопнул себя по бедру, прикончив несколько мабденов, затем поскреб живот. Посмотрев на окровавленную ладонь, он вытер ее о волосы. Копошащиеся в голове мабдены тут же кинулись пожирать свежую пищу.

Бог глубоко вздохнул и с наслаждением принялся ковырять в носу пальцем величиной с тополь.

Корум увидел, что галереи и ярусы были соединены лестницами, но он никак не мог сообразить, какая из них ведет в самую высокую башню дворца. Сойдя в зал, вадагский принц осторожно пошел по каменным плитам пола.

Ариох насторожился, — видимо, уши его уловили

непривычный звук. Наклонив голову, он посмотрел вниз. Огромные глаза уставились на Корума, гигантская рука вытянулась и схватила его.

Корум ударил по руке шпагой что было сил, но Ариох лишь рассмеялся и поднес его к себе.

— Это еще кто такой? — прогремел мощный голос. — Нет. Нет, не мой. Я таких не делал.

Корум продолжал рубить и колоть шпагой, но Ариох, казалось, ничего не чувствовал, хотя острие каждый раз вонзалось глубоко в руку.

— Нет. Определенно не мой, — раздраженно грохотнул голос. — Да. Его созданье.

— Кого — его? — выкрикнул Корум, отчаянно пытаясь освободиться.

— Того, чей дворец достался мне по наследству. Тебя сделал Аркин-законник. Очень мрачная личность. Думал, вас давно не существует!

— Ариох! Ты уничтожил весь мой народ!

— А, это хорошо! Говоришь, никого не осталось? И ты принес мне эту радостную весть? Почему никто из моих не доложил мне об этом раньше?

— Отпусти меня! — крикнул Корум.

Ариох раскрыл ладонь, и Корум поднялся на ноги, тяжело дыша. Он никак не ожидал, что Валет Мечей выполнит его просьбу.

А затем Корум внезапно понял, как несправедливо обошлась с ним судьба. Валет Мечей не питал ненависти к вадагам. Он относился к ним точно так же, как к мабденам-паразитам, которые сосали его кровь. Подобно художнику, соскребающему с палитры старые краски, Ариох стер картину с холста мира и нарисовал на нем новую. Все муки, которые выпали на долю вадагов, все испытания, которые перенес Корум, произошли из-за каприза беспечного Бога, который редко обращал внимание на тех, кем он правил.

Затем Ариох исчез.

На его месте стоял другой.

Мабдены тоже исчезли.

Этот другой был прекрасен, и он смотрел на Корума надменно, но с искренней привязанностью. Он был одет в черные с серебром одежды, на поясе у не-

го висел черный рунный меч. Выражение его лица казалось загадочным. Он улыбнулся. Он был квинтэссенцией зла.

— Кто ты? — прошептал Корум.

— Я — герцог Ариох, твой господин. Я — Повелитель Ада, дворянин Царства Хаоса, Валет Мечей. Я — твой враг.

— Значит, это ты! Тот образ не был твоим истинным образом!

— Как скажешь, магистр Корум. Но что ты подразумеваешь под словом "истинный"? Я могу стать, кем я захочу или кем ты захочешь. Считай меня воплощением зла, и я приму чудовищный облик. Считай меня мудрым и добрым, и я буду выглядеть соответственно. Мне это все равно. Мое единственное желание — жить в мире и покое. Убивать время. И если тебе хочется разыграть передо мной драму собственного сочинения, я с удовольствием приму в ней участие и стану актером, пока она мне не наскучит.

— И ты никогда не был тщеславен?

— Что? Никогда? О чем ты говоришь! Ради чего, по-твоему, я сражался с Повелителями Закона, которые правили до меня? Но сейчас я победил и заслуживаю того, за что боролся. Разве не все разумные существа поступают подобным образом?

Корум кивнул:

— Думаю, да.

— Вот видишь. — Ариох улыбнулся. — Чем же мы займемся, маленький вадаг по имени Корум? Ты ведь знаешь, что скоро должен погибнуть. Для моего спокойствия, хоть я и не питаю к тебе враждебных чувств. Ты пожертвовал многим, чтобы проникнуть в мой дворец. В награду я окажу тебе гостеприимство, а потом прихлопну, как муху. Надеюсь, ты догадался, почему.

Корум нахмурился:

— Ты ошибаешься, герцог Ариох. Во-первых, тебе не удастся так легко меня "прихлопнуть", а во-вторых, я не догадался, почему.

Валет зевнул и деликатно прикрыл рот изящной ладошкой:

— А почему — нет? И хватит об этом. Скажи, чем я могу развлечь тебя?

Корум задумался.

— Я хотел бы осмотреть твой дворец, — нерешительно сказал он. — Никогда не видел такой громадины.

Ариох поднял брови:

— И это все?

— Пока все.

Валет улыбнулся:

— Желание гостя — закон. Да и мне будет любопытно — ведь я еще не видел всего дворца. Пойдем.

Он мягко положил руку на плечо Корума и подтолкнул его к двери.

Они шли по галерее изумительной красоты со стенами из переливающегося мрамора, и Ариох говорил глубоким бархатным голосом:

— Видишь ли, друг Корум, Пятнадцать Измерений загнивали в течение многих тысячелетий. Возьмем, к примеру, вадагов. Чем вы занимались? По существу, ничем. Повелители Закона навели такой идеальный порядок, что его едва ли стоило нарушать, и, как следствие, вы превратились в болтунов и бездельников, закоснели в своем невежестве. Мы внесли там много нового в ваш мир: мой брат Мабельрод, моя сестра Ксиомбарг и я.

— Кто они?

— Ты должен знать их под именами Короля и Королевы Мечей. Каждый из них правит Пятью из оставшихся Десяти Измерений. Победив в битве, мы отправили в изгнание Повелителей Закона.

— И первым делом уничтожили все доброе и разумное, что они создали.

— Как скажешь, смертный.

Корум попытался собраться с мыслями. Логика Ариоха была безупречна, и, слушая гипнотический голос герцога, вадагский принц невольно убеждался в его правоте.

Он обернулся и посмотрел на Валета Мечей.

— Мне кажется, ты солгал мне, герцог Ариох. На самом деле ты куда более тщеславен, чем говоришь.

— Это зависит от точки зрения, Корум. Сила в наших руках, и нам нечего бояться. Лично я считаю, что мы живем в свое удовольствие, потакаем собственным капризам. Чего еще можно желать?

— Значит, и вы погибнете, подобно вадагам. И по той же причине.

Ариох пожал плечами:

— Вполне возможно.

— У вас уже есть один могущественный враг: Шуль-ан-Джайван с острова Сви-ан-Фавна-Бруль. Вам следует остерегаться его.

— Ты знаешь Шуля? — Ариох мелодично рассмеялся. — Бедняга Шуль. Вечно суетится, строит планы, устраивает заговоры, кипит злобой. Он такой потешный!

— Потешный? — недоверчиво спросил Корум. — И только?

— Ну, конечно!

— Он говорит, вы ненавидите его, потому что он обладает огромной силой.

— Мы никого не ненавидим.

— Я не верю тебе, Ариох.

— Каждый смертный считает, что Бог обманывает его.

Они поднимались по спиральной лестнице, ступеньки которой, казалось, были выкованы из сверкающего света. Ариох остановился.

— Давай обследуем другую часть дворца, — сказал он. — Эта лестница ведет в башню.

Наверху Корум увидел дверь, по центру которой пульсировал все тем же сверкающим светом знак: восемь стрел, расположенных по периметру круга.

— Что это, Ариох?

— Ничего особенного. Девиз Хаоса.

— В таком случае, что находится за дверью?

— Я ведь сказал: башня. — Валет нетерпеливо мотнул головой. — Пойдем, нас ожидает куда более приятное зрелище.

Корум неохотно спустился по лестнице вслед за Богом. Вадагский принц не сомневался, что обнаружил тайник, в котором Ариох хранил свое сердце.

В течение нескольких часов бродили они по замку, восхищаясь его красотой. Нарядные помещения были светлыми и чистыми, и Корум, ожидавший увидеть всякие ужасы, заподозрил какой-то подвох.

Затем они вернулись в огромный зал. Мабдены-паразиты исчезли. Исчезла куча отбросов. На ее месте был сервирован стол, и Ариох изящно откинул руку, приглашая Корума сесть.

— Не угодно ли тебе отобедать со мной, Принц в Алой Мантии?

Корум иронически улыбнулся:

— Прежде чем ты прихлопнешь меня, как муху?

— Если ты желаешь продлить свое существование на некоторое время, я не возражаю. Все равно тебе не удастся уйти из моего дворца. До тех пор, пока твоя наивность развлекает меня, можешь считать себя в безопасности.

— Неужели ты совсем меня не боишься?

— Ни капельки.

— И тебя не пугает то, что я собой олицетворяю?

— О чем ты, маленький принц?

— О справедливости.

И вновь Ариох рассмеялся:

— О, как наивно ты мыслишь! На свете нет справедливости!

— Тем не менее она правила миром при Повелителях Закона.

— Все, что угодно, может существовать короткий период, даже справедливость. Но истинное состояние Вселенной — анархия, хаос. Трагедия смертных состоит в том, что они не могут этого постичь.

Корум не нашел, что ответить. Он уселся за стол и принялся за еду. Ариох занял место напротив и налил себе бокал вина. Корум перестал есть. Валет Мечей улыбнулся.

— Не бойся, Корум. Пища не отравлена. Зачем мне прибегать к яду?

Корум продолжил трапезу и, насытившись, сказал:

— Если желание гостя для тебя — закон, то сейчас я хочу немного отдохнуть.

— О! — Ариох озадаченно посмотрел на него. — Что ж, тогда спи. — Он махнул рукой, и Корум повалился на стол.

И уснул.

глава седьмая

НА ВЕЧНЫЙ БОЙ С ПОВЕЛИТЕЛЯМИ МЕЧЕЙ

Корум проснулся, с трудом открыл глаза. Стола не было. Ариох исчез. Огромный зал, освещаемый мягким светом галерей, был погружен в полутьму.

Корум поднялся на ноги. Может, он все еще спал? А может, события прошедших дней ему тоже только приснились? Сны, превратившиеся в реальность, — единственное, что он мог сказать о жизни, которую вел с тех пор, как покинул замок Эрорн.

Куда подевался герцог Ариох? Отправился по своим делам? Валет Мечей наверняка думал, что Корум не проснется до его возвращения. Что ж, он просчитался, недооценил вадагской выносливости. Должно быть, Ариох и ненавидел древние расы только потому, что ничего в них не смыслил.

Внезапно Корум понял, что ему предоставилась возможность, может быть, единственная, украсть сердце Ариоха, убежать, пока герцога нет во дворце, а затем вернуться к Шулю и освободить Ралину. Корум не думал больше о мести. Ему хотелось как можно скорее исполнить поручение колдуна и прожить свою дальнейшую жизнь с любимой женщиной в замке Мойдель на берегу моря.

Он быстро побежал наверх, промчался по галерее с переливающимися мраморными стенами, поднялся по лестнице, выкованной из сверкающего света. Сейчас он едва мерцал, но на двери продолжал пульсировать девиз Хаоса: восемь стрел, расположенных по периметру круга.

Задыхаясь от быстрого бега, Корум остановился перед этой гигантской дверью, рядом с которой он казался карликом. Огромный Девиз Хаоса пульсировал равномерно, подобно сердцу, окуная Корума в оранжево-золотое сияние. Вадагский принц толкнул дверь, понимая бессмысленность своих действий. С тем же успехом мышь могла попытаться открыть крышку саркофага.

— Вот теперь мне нужна твоя помощь, — прошептал Корум, глядя на руку Кулла. — Но я не могу предложить обитателям потустороннего мира награды.

Рука Кулла сжалась в кулак и засветилась светом, перед которым померк Девиз Хаоса. Чуть не ослепнув, Корум закрыл глаза. Он почувствовал, как рука Кулла замахнулась и нанесла по двери могучий удар. Он услышал звук, похожий на перезвон колоколов. Раздался треск — так трескается при землетрясении земля. А затем рука Кулла вновь стала его собственной. Корум открыл глаза и увидел в нижнем правом углу небольшое отверстие, в которое можно было пробраться, чуть пригнувшись.

— Если б ты всегда мне так помогала! — воскликнул он.

За дверью еще одна лестница вела в необъятную высь. Странная мелодия звучала в воздухе: она появлялась и исчезала, приближалась и удалялась. Музыка угрожала и успокаивала, говорила о красоте и о смерти, восхваляла вечную жизнь и оповещала о ее ужасах. Корум схватился за эфес шпаги и тут же понял, что здесь она ему не пригодится. Он поставил ногу на первую ступеньку и начал подниматься в высокую башню.

Налетевший ветер раздувал полы алой мантии. Холодные его порывы леденили тело, горячее его дыханье иссушало мозг. Вокруг себя Корум увидел лица, многие из которых были ему знакомы. Они искажались, как в кривом зеркале, принимая чудовищные размеры и становясь совсем крошечными. Глаза пристально смотрели на Корума. Губы ухмылялись. Раздался печальный стон. Корума поглотило черное облако. Послышался перезвон колокольчиков. Чей-то голос позвал Корума по име-

ни, и эхо его катилось, не умолкая. Сверкающая радуга приблизилась к нему, прошла насквозь, и его тело засияло красочным многоцветьем. Корум продолжал подниматься, не останавливаясь.

Верхняя площадка лестницы напоминала платформу, висящую над бездонной пропастью. На платформе находился помост, а на помосте стоял постамент. На постаменте что-то пульсировало, испуская лучи.

Пронзенные этими лучами, неподалеку стояли, словно статуи, мабденские воины. Они следили за Корумом взглядом, в котором можно было прочесть и боль, и любопытство, и предостережение.

Корум остановился.

На постаменте лежал предмет, напоминающий драгоценный камень: маленький, сверкающий голубым светом, изготовленный в форме сердца, которое пульсировало, испуская лучи.

Сердце Ариоха.

И, судя по застывшим воинам, оно защищало само себя.

Корум сделал шаг. Луч ударил ему в щеку, и щека дернулась. Корум пошел вперед. Два луча пронзили его грудь, и он задрожал, но не застыл на месте. Мабденские воины остались сзади. Лучи били в его тело и голову, но, как ни странно, они вызывали у него приятные ощущения. Он протянул правую руку, но рука Кулла вновь ожила и схватила сердце Ариоха.

— Весь мир, должно быть, заполнен осколками Богов, — прошептал Корум.

Он повернулся и увидел, что мабденские воины ожили. Они растирали себе лица, массировали руки и ноги, вкладывали мечи в ножны. Корум обратился к одному из них:

— Зачем тебе понадобилось сердце Ариоха?

— Мне оно ни к чему. Колдун подарил мне жизнь с условием, что я добуду ему сердце Валета Мечей.

— Какой колдун? Уж не Шуль ли?

— Он самый. Принц Шуль.

Корум посмотрел на остальных мабденов и услышал разноголосый хор:

— Меня послал Шуль.

— И меня.

— И меня.

Корум вздохнул:

— Я тоже выполняю поручение Шуля. Но я не думал, что он пытается украсть сердце Ариоха не в первый раз.

— Ариох его дурачит, — сообщил ему мабденский воин. — Я точно знаю, что на самом деле Шуль — ничтожество. Валет дает колдуну свою силу, потому что ему нравится иметь врага, с которым он может играть, как кошка с мышкой. Но сейчас ты украл его сердце. Вряд ли Ариох предполагал, что правила этой игры будет диктовать не он, а другой.

— Верно, — согласился Корум. — Валет допустил оплошность. Теперь я должен выбраться из дворца, пока он не вернулся.

— Ты возьмешь нас с собой? — спросил мабден.

Корум кивнул:

— Поторопитесь.

Они начали осторожно спускаться с башни.

На полпути один из мабденов страшно закричал, взмахнул руками и полетел в зияющую пустоту.

Они ускорили шаг, миновали отверстие в гигантской двери; по лестнице из сверкающего света прошли в галерею с переливающимися мраморными стенами; очутились в полутемном зале.

Корум стал искать серебряную дверь, через которую проник во дворец, но поиски его не увенчались успехом, хотя он обошел нижнюю галерею несколько раз.

Корум понял, что дверь исчезла.

Внезапно зал ярко осветился, и вадагский принц увидел жирного великана, лежащего на куче отбросов. Мабдены-паразиты сновали по его телу: под мышками, по груди, за ушами, в паху.

Великан громко рассмеялся:

— Вот видишь, Корум, какой я добрый! Я исполнил все твои желания. Ты даже заполучил мое сердце. Увы! Я не могу позволить тебе унести его с собой. Без сердца я потеряю власть над Пятью Измерениями. Видно, придется мне вставить его туда, где ему положено быть: в свою грудь!

Голова Корума поникла.

— Валет Мечей обманул нас, — сказал он насмерть перепуганным мабденским воинам.

И один из них ответил:

— Он использовал тебя в своих целях, принц. Разве ты не знал, что Ариох не мог сам забрать своего сердца?

Валет расхохотался, и его жирный живот заходил ходуном. Мабдены-паразиты посыпались на пол.

— Истинная правда! Ты оказал мне услугу, принц Корум! Сердце каждого из Повелителей Мечей находится в таком месте, куда в первую очередь нет доступа ему самому, дабы остальные могли быть уверены, что он не посягнет на их власть. Видишь ли, Бог не может завоевать чужие владения, не имея сердца. А у меня оно есть, и я их завоюю... или не завоюю... там видно будет.

— Значит, я помог тебе, думая, что...

Голос Корума пресекся от волнения.

От смеха Ариоха затрясся каменный пол.

— Хорошая шутка, правда? А теперь давай сюда мое сердце, маленький вадаг!

Корум прислонился к стене и выхватил шпагу из ножен. Сердце Ариоха было у него в левой руке, шпага — в правой.

— Только через мой труп!

— Как скажешь, принц Корум.

Чудовищная рука протянулась к нему, и Корум отпрыгнул в сторону. Ариох вновь расхохотался, подхватил с пола двух мабденских воинов, закричавших от ужаса, и сунул себе в рот. Раздался хруст. Ариох рыгнул и выплюнул меч. Затем повернул голову и посмотрел на Корума.

Вадагский принц спрятался за колонну. Рука Ариоха попыталась его нашарить. Корум побежал.

От раскатов громового хохота содрогнулись стены. Веселье Бога отразилось и на мабденах-паразитах, возбужденно заверещавших. Ариох задел рукой колонну, и она с грохотом упала.

Валет Мечей схватил Корума и перестал смеяться:

— Отдай мое сердце!

Корум ловил ртом воздух. Рука, сжимавшая его, была мягкой и потной, с грязными обкусанными ногтями.

— Отдай мое сердце, жалкий червь!

— Нет!

Шпага Корума глубоко вонзилась в большой палец Ариоха, но Бог не обратил на это ни малейшего внимания. Мабдены-паразиты, уцепившиеся за волосы на его груди, смотрели на Корума отсутствующими взглядами. У него трещали ребра, но он не выпустил сердце Ариоха из своей левой руки.

— Ну и Бог с тобой, — внезапно сказал Валет Мечей, ослабляя свой захват. — В конце концов я могу проглотить и тебя, и сердце.

Он поднес руку ко рту. От зловонного дыхания Корум чуть было не задохнулся. Он видел гнилые корни зубов, волосатые ноздри, огромные глаза. Рот открылся, чтобы проглотить его. Корум ударил шпагой по верхней губе, с ужасом глядя в красную глотку Бога.

Затем левая рука Корума пришла в движение помимо его воли. Она сдавила сердце Ариоха. Корум никогда не смог бы сделать этого сам: не хватило бы сил. Но рука Кулла вновь показала свою мощь.

Ариох перестал смеяться. Звук, похожий на рычание, вырвался из его горла. Огромные глаза расширились, в них появился какой-то странный свет.

Рука Кулла сдавила сердце еще сильнее.

Ариох отчаянно закричал.

Сердце начало крошиться. Красные и голубые лучи брызнули из-под шести пальцев.

Стон, похожий на свист, пронесся по залу.

Ариох заплакал. Его посиневшие губы зашевелились.

— Нет, смертный... не надо... — В голосе Валета слышалась мольба. — Прошу тебя, смертный. Мы можем...

Тело великана начало таять в воздухе. Рука, державшая Корума, потеряла свои очертания.

Он упал с большой высоты, и осколки сердца Ариоха покатились по каменному полу. Корум увидел исчезающего Бога и, теряя сознание, услышал скорбный стон и последние его слова:

— Корум, принц вадагский! Ты победил, и теперь обречен на вечный бой с Повелителями Мечей!

глава восьмая

МИНУТА ПОКОЯ

Корум увидел процессию.

Представители тысяч различных народов маршировали, скакали, шли мимо него, и он знал, что видит смертные расы, которые существовали с тех пор, как Хаос и Закон начали борьбу за власть над Измерениями Земли.

У горизонта развевались их знамена; на первом был изображен девиз Хаоса. восемь стрел, расположенных по периметру круга, на втором — девиз Закона: одна прямая стрела.

А над знаменами висели огромные точно уравновешенные Весы: на одной их чаше стояли Повелители Закона, на другой — Повелители Хаоса.

И Корум услышал голос, который возвестил:

— Быть посему. Ни Закон, ни Хаос не властны повелевать судьбами смертных. Равновесие нельзя нарушить.

— Равновесия не существует! — вскричал Корум. — Вселенной правит Хаос!

И голос сказал:

— Равновесие никогда не нарушается. Одна чаша весов перевешивает. Только смертные, подобные тебе, могут восстановить баланс сил.

— Каким образом?

— Тебе придется продолжить дело, которое ты начал. Ты можешь погибнуть, не закончив его, но на твое место придут другие.

— Я не хочу! — крикнул Корум. — Мне не вынести такой ноши!

— ЭТО — ТВОЙ ДОЛГ!

Процессии не было ни конца ни края, но никто не видел ни Корума, ни развевающихся знамен, ни огромных весов, которые назывались Космическим Равновесием.

Туман скрыл Корума от посторонних глаз, и на душе у него воцарился покой. Зрение постепенно вернулось к нему, и он понял, что лежит на каменном полу огромного зала во дворце Ариоха. Корум хотел выхватить шпагу, но ножны были пусты.

— Я верну твое оружие, когда ты уйдешь, Корум, принц вадагский, — произнес спокойный мелодичный голос.

Корум повернул голову, и у него перехватило дыхание.

— Великан из Лаара!

На печальном благородном лице появилась улыбка.

— Так меня называли, когда я находился в изгнании. Сейчас моя ссылка закончилась, и я принял свое настоящее имя. Я — Повелитель Закона, Лорд Аркин, и это — мой дворец. Ариох потерял свою власть над Пятью Измерениями. Он не может находиться на них в своем телесном облике, не имея сердца. Сейчас здесь вновь правлю я.

Странный свет, исходивший из тела Аркина, все еще не давал рассмотреть его фигуру, но теперь она стала не такой бесформенной.

Повелитель Закона улыбнулся:

— Свой прежний образ я верну себе не скоро. Только огромная сила воли помогла мне остаться на этом Измерении, когда мы проиграли битву. Когда я спасал тебя, Корум, я не думал, что ты поможешь вернуть то, что принадлежит мне по праву. Я благодарю тебя, Принц в Алой Мантии.

— Это я тебе благодарен.

— Добро порождает добро. Зло порождает зло.

Корум улыбнулся:

— Не всегда.

Повелитель Закона ответил улыбкой на улыбку:

— Ты прав. Что ж, смертный, я должен отправить тебя на твое Измерение.

— Можешь ли ты доставить меня в определенное место, лорд Аркин?

— Да, могу.

— Ответь мне на один вопрос, Повелитель Закона. Ты ведь знаешь, что со мной произошло. По всему свету искал я вадагов и не нашел. Скажи, кроме меня кто-нибудь остался в живых?

Аркин склонил голову на грудь:

— Никого.

— И ты не можешь возродить их?

— Из всех смертных я больше всего любил вадагов, принц Корум. Но не в моей власти повернуть время вспять. Ты — последний вадаг на этой земле. И все же... — Он умолк, затем неуверенно произнес. — Быть может, настанет время, когда вадаги вернутся. Но я вижу будущее, как в тумане, и не имею права говорить о нем.

Корум вздохнул:

— Что ж, наберусь терпения. Ты ничего не знаешь о Шуле? Ралина в безопасности?

— Думаю, да. Я еще недостаточно окреп, а Шуль — порождение Хаоса, и мне трудно вникать в его дела. Но я верю, что с Ралиной не произошло ничего страшного, — ведь колдун стал беспомощным, когда исчез Ариох.

— Тогда я молю тебя: отправь меня поскорее на Сви-ан-Фавна-Бруль, потому что я люблю маркграфиню Мойдель.

— Способность любить дает тебе силу, принц Корум.

— А способность ненавидеть?

— Она управляет этой силой.

Повелитель Закона нахмурился. Корум посмотрел на него.

— Ты опечален, несмотря на то, что одержал победу, лорд Аркин? Скажи, ты всегда печален?

Аркин удивленно поднял брови:

— И опять ты прав, Принц в Алой Мантии. Я действительно опечален. Я скорблю о вадагах, и скорбь моя не меньше твоей. Я печалюсь о буром человеке из Лаара, которого убил твой враг, Гландита-Край.

— Он был добрым созданьем, — сказал Корум. — А Гландит все еще сеет смерть на Бро-ан-Вадаге?

— Да. Думаю, ты не раз с ним встретишься.

— Я убью его.

— Возможно.

Повелитель Закона, лорд Аркин, исчез. На мгновение все заволокло туманом.

Корум со шпагой в руке стоял перед низкими, причудливой формы дверьми особняка Шуля. Позади Корума растения в пышном саду вытягивали стебли, как шеи, и пили капельки дождя. Небо хмурилось.

Странная тишина царила в мрачном здании, но Корум, не колеблясь, вошел в него и побежал по извилистым коридорам.

— Ралина! Ралина! — Как бы громко он ни кричал, голос его звучал приглушенно. — Ралина!

Внезапно он услышал знакомый голос. Шуль.

— Шуль! Где ты?

— Принц Шуль. Как легко издеваться над Богом, которого победили могущественные враги! — Корум вошел в небольшую комнату и увидел колдуна, лежащего на кровати. Тело его было иссохшим и слабым, но в глазах по-прежнему светилось высокомерие. — Ты пришел мучить меня, зная, что я лишился своей силы, — продолжал Шуль. — Так всегда бывает, когда уходит былая слава!

— У тебя никогда не было своей силы, Шуль. Ариох давал ее тебе в шутку, играл с тобой, как кошка с мышкой.

— Молчать! — взвизгнул колдун. — Меня не обманешь! Ариох подло отомстил мне, потому что я — самый могущественный из всех Богов!

— Говорю тебе, ты пользовался лишь частичкой силы Валета Мечей. Сейчас он лишился власти над Пятью Измерениями. Ты сам дал ход событиям, которые привели к его изгнанию! Ты хотел поработить Ариоха и велел мабденам украсть его сердце. Им это не удалось. Тебе не следовало посылать с этим поручением меня, Шуль, потому что я преуспел, а в результате ты превратился в жалкого и беспомощного старика.

Колдун заплакал. Голова его беспомощно тряслась.

— Где Ралина, Шуль? Если ты причинил ей зло...

— Причинил ей зло? — идиотский смех сорвался с растрескавшихся губ. — Я причинил ей зло? Она так меня отделала, что я не могу встать с постели! Увези ее куда хочешь, только поскорей! Она хочет меня отравить!

— Где Ралина?

— Я сделал тебе такой ценный подарок. Новую руку. Новый глаз. Ты был бы калекой, если бы я не пожалел тебя. Неужели ты отплатишь мне злом за добро? Я знаю...

— Твой "ценный подарок", Шуль, искалечил мою душу! Где Ралина?

— Обещай, что не причинишь мне вреда, тогда скажу.

— С какой стати я буду пачкать руки о такую развалину, как ты? Говори!

— Дойдешь до конца коридора, поднимешься по лестнице и увидишь комнату. Она там заперлась. Я бы сделал ее своей женой. Это такое счастье — быть возлюбленной Бога! Бессмертие! Но она...

— Значит, ты хотел обмануть меня!

— Бог никому не обязан давать отчета в своих действиях!

Корум выбежал из комнаты Шуля, перепрыгивая через ступеньки, поднялся по лестнице и, немного запыхавшись, постучал в дверь эфесом шпаги.

— Ралина!

— Значит, твоя сила вернулась к тебе, — услышал он ее слабый голос. — Больше тебе не удастся обмануть меня, Шуль. Я и сейчас отличу тебя от Корума, как ты не прикидывайся. Даже если Корум погиб, я не отдамся никому другому...

— Ралина! Это я! Шуль беспомощен! Валет Мечей отправился в изгнание, а вместе с ним исчезла и сила Шуля.

— Правда?

— Ралина, открой!

Он услышал звук отодвигаемых засовов, увидел перед собой маркграфиню Мойдель. На ее усталом

лице можно было увидеть следы страданий, но для Корума не существовало на свете женщины прекрасней. Она посмотрела ему в глаза, и они засветились любовью. Затем Ралина упала в обморок.

Корум взял ее на руки и стал спускаться по лестнице. У дверей Шуля он задержался.

Колдуна в комнате не оказалось.

Заподозрив неладное, Корум побежал по извилистым коридорам.

Шуль семенил по тропинке сада. Тоненькие ножки с трудом несли его дряхлое тело. Оглянувшись, он увидел Корума с Ралиной на руках, заверещал от ужаса и нырнул в кусты.

Послышался чавкающий звук. Шипение. Протяжный всхлип.

Корума чуть не стошнило. Растения Шуля питались в последний раз.

Едва держась на ногах, он шел по тропинке, уворачиваясь от любвеобильных цветов и виноградных лоз.

Показался берег. По гладкой поверхности моря размеренно стучали капли дождя. На горизонте небо очищалось от облаков.

Корум сошел на причал, бережно положил Ралину на дно небольшого бота, отвязал его и поднял парус, держа курс на замок Мойдель.

Ралина проснулась через несколько часов. Она посмотрела на Корума, нежно улыбнулась и вновь заснула.

Корум сидел на корме, управляя парусом. Ночью Ралина пришла к нему и, не говоря ни слова, села рядом. Так же молча он завернул ее в свою алую мантию.

Когда поднялась луна, она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Я уже не надеялась...

Она заплакала.

Он утешил ее, как мог.

— Корум, — спросила она, всласть наплакавшись, — почему все так хорошо кончилось?

И он стал рассказывать ей о своих приключениях. Он говорил о Рага-да-Кета, и о волшебном змее, об Огненных Землях, об Ариохе и об Аркине.

Но Корум скрыл от Ралины, что он убил рукой Кулла короля Темгол-Лепа, который хотел отравить его, и ее соотечественника Ганофакса, который хотел ему помочь.

Когда Корум закончил свой рассказ, лицо Ралины просветлело и она счастливо улыбнулась.

— Наконец-то мы сможем обрести покой! Наши горести позади!

— Если повезет, наш покой долго никто не нарушит.

Восходящее солнце окрасило горизонт розовой краской. Корум держал бот строго по курсу.

— Но ведь ты больше не оставишь меня одну? Теперь, когда Повелитель Закона правит нами...

— Он обрел власть лишь над Пятью Измерениями. Повелители Хаоса вряд ли смирятся с тем, что произошло. Напоследок Ариох сказал, что я обречен на вечный бой с Повелителями Мечей. Лорд Аркин тоже не станет сидеть сложа руки, пока на десяти из Пятнадцати Измерений царит зло. И о Гландит-а-Крае мы еще не раз услышим.

— Ты все еще хочешь отомстить ему?

— Теперь уже нет. Герцог Край был слепым орудием Ариоха. Но он не забудет своей ненависти ко мне, Ралина.

На голубом небе сверкало золотое солнце. Дул мягкий теплый бриз.

— Значит, у нас никогда не будет покоя?

— Почему же? В любом сражении есть минута покоя, Ралина. Давай наслаждаться ею и забудем обо всем плохом. Думаю, мы это заслужили.

— Какой ты у меня умный! — В голосе Ралины впервые за много дней проскользнули шутливые нотки. — Оказывается, любовь и покой куда лучше заслужить, чем получить их по наследству!

Корум рассмеялся и обнял ее.

Солнце поднималось к зениту. Его лучи падали на глаз Ринна и руку Кулла, сверкавшие, как жидкий

огонь. Но Ралина не видела этого, потому что уснула в объятиях Корума.

Замок Мойдель был совсем близко.

Зеленые холмы выделялись на фоне ласкового голубого моря; дворец из белого мрамора сверкал и переливался. Прилив затопил дамбу.

Корум посмотрел на спящее лицо Ралины, улыбнулся и погладил ее по волосам.

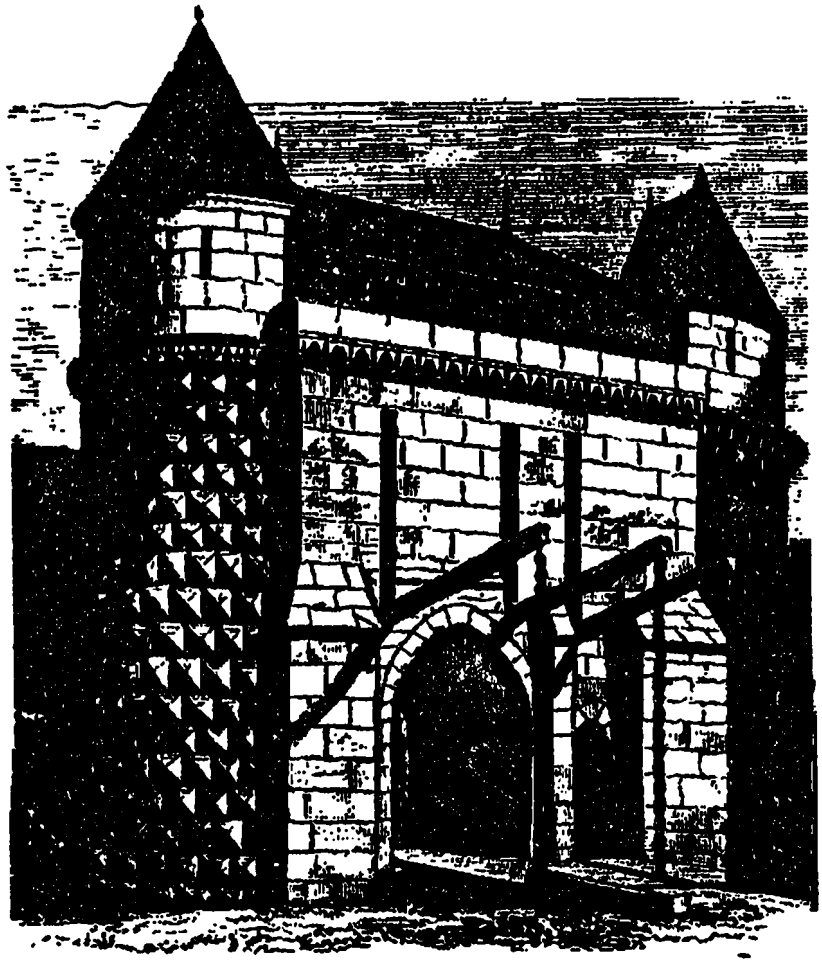
Он увидел берег Бро-ан-Вадага и величественный лес, который более не таил опасности.

Он перевел взгляд на безоблачное небо.

Он надеялся, что минута покоя будет долгой.

ТОМ ВТОРОЙ

КОРОЛЕВА МЕЧЕЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

В то время были океаны света, и города в небе, и дикие бронзовые птицы. Красные животные, выше замков, грозно рычали. В черных реках плавали изумрудные рыбы. То было время богов, сошедших на землю, великанов, блуждающих по воде; время гнусной нечисти и бездумных духов, которых можно было вызвать с помощью заклинаний и которые уходили только тогда, когда им приносилась страшная кровавая жертва, время магии, волшебства, меняющейся природы, безумных парадоксов; снов, которые сбывались, кошмаров, превращающихся в реальность.

Богатое на события время, мрачное время. Время Повелителей Мечей. Время, когда угасала цивилизация двух древних врагов, вадагов и надрагов. Время, когда появился Человек, раб страха, не ведая, что боится он самого себя. И это было так же смешно, как и многое другое, связанное с Человеком (который в те дни называл свою расу "мабдены").

Мабдены жили недолго и быстро размножались. В течение двух-трех веков они заселили западный континент, на котором появились, но из суеверия не посылали своих кораблей к вадагам и надрагам еще несколько столетий. Увидев, что на них не обращают внимания, мабдены осмелели, чувствуя ревность к древним расам, гневаясь на них великим гневом.

Вадаги и надраги ни о чем не подозревали. Миллион с лишним лет жили они на планете, на которой, как им казалось, наконец-то воцарился мир. Они знали о существовании мабденов, но считали их новым видом животных. Продолжая по традиции ненавидеть друг друга, они занимались изучением абстракций, создавали дивные произведения искусства, долгие часы проводили в размышлениях. Разумные, мудрые, обретшие внутренний покой, древние расы не могли пове-

рить, что в мире грядут перемены. И поэтому, как всегда бывает, не замечали их зловещих признаков.

Стариннейшие враги не делились друг с другом знаниями, хотя последняя битва между ними отгремела много веков назад.

Вадаги жили отдельными семьями в замках, разбросанных по всему континенту, который они называли Бро-ан-Вадаг. Семьи эти редко общались между собой, потому что вадаги давно потеряли всякий интерес к путешествиям. Надраги жили в городах на островах в океане к северо-западу от Бро-ан-Вадага. Они тоже не любили общения и редко встречались даже со своими близкими.

Появившиеся Люди плодились и размножались, расселяясь по всей Земле. Подобно чуме истребляли они представителей древних рас, попадавшихся им на пути. Человек нес с собой не только смерть, но и страх. Намеренно превращал он старый мир в руины, засыпая ими обломки костей. Сам того не понимая, он натворил столько бед, что ужаснулись Великие Древние Боги.

Великие Древние Боги тоже познали страх.

А Человек, раб страха, нахальный в своем невежестве, продолжал, спотыкаясь на каждом шагу, творить прогресс. Ему было невдомек, какие страшные перемены вызвал он в мире, удовлетворяя свои никчемные потребности. Кроме того, Человек обладал всего несколькими чувствами и не знал о множественности Вселенной, в то время как вадаги и надраги могли путешествовать по иным мирам, сосуществующим с Землей, которые они называли Пятью Измерениями.

Казалось несправедливым, что мудрецы должны погибнуть от руки невежественных мабденов, которые мало чем отличались от животных. Они напоминали вампиров, пирующих над парализованным телом поэта, который смотрит на них изумленным взглядом, теряя жизнь, которую кровососы не способны понять.

"Если б они ценили то, что украли, если б они познали то, что уничтожили, — сказал один ва-

даг в рассказе "Последний Осенний цветок", — я был бы утешен."

Несправедливость была налицо.

Создав Человека, Вселенная предала старые расы.

Впрочем, это была извечная и неизбежная несправедливость. Живое существо может воспринимать и любить Вселенную, но Вселенная не может воспринимать и любить живое существо. Она не делает различий между разнообразными формами жизни. Вселенная, вооруженная материей и властью созидания, созидает. Она не способна управлять тем, кого созидает, и те, кого она созидает, не способны управлять Вселенной (хотя многие обманывают себя, думая иначе). Тот, кто проклинает Вселенную, кричит в ее глухие уши. Тот, кто трясет кулаками, грозит слепым звездам.

Но это не означает, что во Вселенной не осталось созданий, которые борются за справедливость и пытаются превозмочь невозможное.

Такие создания будут всегда, и среди них найдется немало мудрецов, которые не захотят поверить в безразличие Вселенной.

Принц Корум Джайлин Ирси принадлежал к их числу. Он был одним из последних, а может, последним вадагом, и называли его "Принцем в Алой Мантии". В этой хронике повествуется о нем.

Вы уже знаете, что мабденские воины герцога Гландит-а-Края (которые называли себя денледиссси, что в переводе означает "убийцы") уничтожили и родных принца Корума, и всю расу вадагов. Принц в Алой Мантии познал страх, отчаяние и жажду мести. Он научился убивать. Вы знаете также, что Гландит подверг Корума пыткам: выжег ему глаз и отрезал кисть левой руки. Вадагского принца спас Великан из Лаара. С его помощью Корум попал во дворец маркграфини Мойдель, расположенный на скалистом острове. Ралина Мойдель тоже была мабденом (хоть и принадлежала к более разумному народу, населяв-

шему Лайвм-ан-Эш), и они с Корумом полюбили друг друга. Когда Гландит-а-Край объединил конские племена и бросил их на штурм замка, Ралина обратилась за помощью к сверхъестественным силам. Вместе со своим возлюбленным она попала на остров Сви-ан-Фавна-Бруль — Надежду Прожорливого Бога, — где Корум убедился, что тот мир, в котором он сейчас живет, и загадочен, и непонятен. Шуль беседовал с ним о снах и о реальной жизни. ("Ты, как я вижу, начал неплохо разбираться в мабденах, — сказал он. — Всегда рассуждай в том же духе, если хочешь выжить в мабденском сне". — "Разве это сон?" — спросил Корум. — "Конечно, — ответил колдун. — Такой же, как реальная жизнь. Можно назвать его сном Бога. Или сном, который Бог воплотил в жизнь. Когда я говорю о Боге, я само собой имею в виду Валета Мечей, Повелителя Пяти Измерений.")

Пользуясь тем, что Ралина была у него в руках, колдун заключил с Корумом договор. Он подарил вадагскому принцу руку Кулла и глаз Ринна взамен тех, которые Корум потерял во время пыток. (В самом начале существования Вселенной Владыка Кулл и Владыка Ринн — Потерявшиеся Боги — сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть, а потом загадочно исчезли.)

Итак, Шуль обещал освободить Ралину, если Корум выполнит его поручение. Колдун отправил вадагского принца во владения Валета Мечей, Повелителя Хаоса, герцога Ариоха, который правил Пятью Измерениями, отняв власть над ними у Повелителя Закона, лорда Аркина. Шуль потребовал, чтобы Корум украл сердце Валета, хранившееся в самой высокой башне его дворца. Лишившись сердца, Ариох потерял бы свой телесный облик, а следовательно, не смог бы управлять смертными.

Без надежды на успех, Корум отплыл на баркасе во владения Валета, но потерпел кораблекрушение, когда великан-рыбак прошел мимо его утлого суденышка, волоча за собой сети. В стране Рага-да-Кета Корум впервые прибегнул к помощи

глаза Ринна и руки Кулла и узнал, в чем заключается их сила. Глаз Ринна видел потусторонние миры, а рука Кулла приказывала ужасным обитателям этих миров сражаться на стороне вадагского принца. Но она не всегда повиновалась Коруму и убивала как его врагов, так и его друзей. И Корум понял, что, согласившись принять подарок Шуля, он признал окружающий мир реальным.

Во время своих приключений Корум узнал и о вечном сражении между Законом и Хаосом. Весельчак-священник из Лайвм-ан-Эша посвятил его в кое-какие подробности. "Повелители Хаоса управляют нашими судьбами, — сказал он. — Ариох — один из них. Давным-давно отгремела битва между Законом и Хаосом. Хаос выиграл, и его повелители стали безраздельно властвовать над Пятнадцатью Измерениями, а может, и за их пределами. Говорят, Закон потерпел полное поражение, Боги его исчезли, Космическое Равновесие нарушилось, и одна чаша весов опустилась до самого конца. Все течет, все изменяется. Я слышал даже, как кто-то утверждал, что когда-то наша планета была круглой, а не сплюснутой, как сейчас". — "То, что ты мне рассказал, я читал в вадагских легендах", — ответил Корум. — "Знаю, — сказал Ганофакс, — но вадагская цивилизация (впрочем, наряду со многими другими) достигла своего расцвета под властью Богов Закона. Именно поэтому Повелители Мечей так ненавидят древние расы. И поскольку Великим Богам не позволено вмешиваться в дела смертных, они действуют через мабденов..." — "Ты в этом уверен? — спросил Корум. — Ганофакс пожал плечами: "Эта версия кажется мне наиболее вероятной..."

Путешествуя по Огненным Землям, Корум встретился со слепой королевой Урезе. Когда Корум стоял у каменной Пасти Льва, ему показалось, что сверху на него кто-то смотрит. А затем он убил Ганофакса (рука Кулла знала, что душой мабдена овладел Ариох, и вновь приняла са-

мостоятельное решение). Ариох рассказал вадагскому принцу о своей сестре, Королеве Ксиомбарг, и о своем брате, самом могущественном из них, Короле Мабельроде. Сердца Повелителей Мечей находились в тайниках, куда они сами не могли проникнуть.

Избежав многочисленных опасностей, Корум похитил сердце Ариоха и, спасая свою жизнь, уничтожил его. Герцог Хаоса, лишившись своего телесного облика, отправился в изгнание, а Повелитель Закона, лорд Аркин, вернулся во дворец. Но теперь Корум был обречен на вечный бой с Повелителями Мечей. Голос сказал ему: "Ни закон, ни Хаос не властны повелевать судьбами смертных. Равновесие нельзя нарушить". — "Равновесия не существует! — вскричал Корум. — Вселенной правит Хаос!" — И голос ответил: "Равновесие иногда нарушается. Одна чаша весов перевешивает. Только смертные, подобные тебе, могут восстановить баланс сил. Тебе придется продолжить дело, которое ты начал. Ты можешь погибнуть, не закончив его, но на смену тебе придут другие". — "Я не хочу! — крикнул Корум. — Мне не вынести такой ноши!" — И голос сказал: "Это твой долг!"

А затем Корум очутился на острове Сви-ан-Фавна-Брулъ и увидел, что колдун потерял свою силу, а Ралина стала свободной.

Корум и Ралина вернулись в свой прекрасный замок Мойдель, но они понимали, что больше не являются хозяевами своих судеб.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой принц Корум встречает поэта, выслушивает предсказание и подумывает о путешествии

Глава первая

ТО, ЧТО БЛУЖДАЮЩИЙ БОГ ВЫБРОСИЛ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ

Голубое летнее небо казалось темно-синим, отражаясь в глубоком море; солнце вызолотило листья на деревьях, согрело зеленые склоны холмов и разбилось о дворец, стоявший на вершине горы. Во дворце этом жили двое влюбленных: Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, и маркграфиня Алломглильская, Ралина Мойдель.

Правый глаз Корума из нескольких драгоценных камней изумительной огранки напоминал глаз насекомого. Его всегда закрывала черная повязка. Левый глаз Корума миндалевидной формы, с желтым зрачком и пурпурным белком, сразу выдавал в нем чистокровного вадага. У него были узкий длинный череп, прижатые к голове плоские уши без мочек, большой рот с пухлыми губами, кожа золотисто-розового оттенка и пышные волосы, которым могла бы позавидовать любая мабденская девушка. Вадагский принц был бы очень красив, если б не черное бельмо на глазу и сурово сжатые губы, подчеркивающие угрюмое выражение лица. Кроме того, у Корума была чужая левая рука, которую он, откидывая алую мантию, часто держал на эфесе шпаги с клинком из неземного металла.

Казалось, это — рука в перчатке, усыпанной драгоценными камнями. Но на ней было шесть пальцев, и она обладала зловещей силой, уничтожившей сердце Валета Мечей, Повелителя Хаоса, герцога Ариоха. Корум познал жажду мести. Когда-то он поклялся

отомстить за гибель своєй семьи и своего народа Гландит-а-Краю, вассалу короля Лир-а-Брода, управляющего континентом, на котором раньше жили вадаги. Кроме того, вадагский принц, волею судеб обреченный на вечный бой с Повелителями Мечей (овладевшими душами короля Лир-а-Брода и его подданных), знал, что рано или поздно ему придется сражаться на стороне Закона против Хаоса. Знание это возвеличивало Корума в его собственных глазах, но на душе у него было неспокойно.

Нежное лицо красавицы Ралины обрамляли густые черные кудри. На нем выделялись огромные карие глаза и коралловые губы. Она часто думала о подарке, который колдун Шуль сделал ее возлюбленному, и на душе у нее тоже было неспокойно. Маркграфиня совсем не вспоминала своего покойного мужа, который погиб при кораблекрушении, направляясь в Лайвм-ан-Эш — страну, поглощенную морем.

Ралина Мойдель старалась быть жизнерадостной ради Корума и развлекала его, как могла. Корум же с грустью думал о том времени, когда был невинным молодым принцем, и грусть эта навевала на него другие воспоминания: о трупах, лежащих подле пылающего замка Эрорн, о Гландит-а-Крае, обесчестившем его семью. Сцены насилия, встававшие перед глазами вадагского принца, вытесняли другие образы. Корум старался ни о чем не думать, но стоило ему хоть ненадолго забыть о своих несчастьях, страшные мысли начинали сверлить его мозг с новой силой. Он видел огонь, трупы, чувствовал страх, которым, казалось, был пропитан воздух; вновь смотрел на повозки денледисси, набитые награбленными у вадагов ценностями; стоял рядом с горящим замком Эрорн; скрывался от бородатых мабденов, одетых в вадагские доспехи.

Чаще всего Коруму снилось свирепое, перекошенное злобой лицо герцога Края, и тогда вадагский принц просыпался в середине ночи, задыхаясь и громко крича, а Ралина успокаивала его, гладя по волосам, прижимаясь к нему всем телом.

Первые дни жаркого лета двое влюбленных про-

вели в мире и согласии. Они часто отправлялись на прогулки на Бро-ан-Вадаг и скакали среди величественных деревьев, не опасаясь больше конских племен, разбежавшихся при виде покойного маркграфа и команды мертвецов, управляющих кораблем-призраком, который Шуль послал на подмогу защитникам замка Мойдель, когда варвары пытались взять его штурмом.

В лесу кипела жизнь. Бегали мелкие зверюшки, цветы источали нежные ароматы. Природа словно говорила Коруму, что помимо ужасов, несчастий и смертей на свете существует гармония, и что разумный Закон олицетворяет собой не стерильную скуку, а разнообразие всех форм жизни.

Но Корум знал: пока жив Гландит, смердящее чудовище, имя которому — Страх, уничтожит все разумное.

В один жаркий солнечный день, когда они скакали в лесу бок о бок, Корум повернулся к Ралине и сказал:

— Гландит должен умереть!

Маркграфиня привыкла к таким неожиданным заявлениям вадагского принца и поэтому не удивилась. Она молча кивнула и, натянув поводья, остановилась у полянки с фиалками и колокольчиками в цвету. Соскочив на землю, Ралина грациозным движением подобрала длинную юбку и пошла вперед по колено в высокой траве.

Корум сидел в седле, глядя на свою возлюбленную и получая от этого огромное удовольствие, о чем она, кстати, прекрасно знала.

Солнечную полянку окружали добродушные вязы, могучие дубы, раскидистые ясени. Белки бегали по стволам, птицы весело щебетали на ветвях.

— Ох, Корум, если б мы могли остаться здесь навсегда! — воскликнула Ралина. — Мы бы поставили маленький домик, посадили бы сад...

— К сожалению, это только мечты, — сказал он. — Шуль был прав, согласившись признать сон реальной жизнью, я предопределил свою судьбу. Если б я даже позабыл о мести, отказался служить Закону против Хаоса, Гландит все равно отыскал бы

меня, и нам пришлось бы вновь защищать свой покой. А Гландит с удовольствием уничтожит самый могучий лес, когда узнает, что мы его любим.

Ралина опустилась на колени и спрятала лицо в цветы, наслаждаясь их ароматом.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила она. — Неужели ненависть всегда порождает ненависть, а любовь не властна ее превозмочь?

— Лорд Аркин говорил, что рано или поздно в мире произойдут перемены. Но тот, кто верит в любовь, должен быть готов умереть за нее в любую минуту.

Ралина быстро подняла голову и испуганно посмотрела на него. Корум пожал плечами:

— Такова жизнь.

Ралина медленно поднялась на ноги, подошла к лошади, сунула ногу в стремя, села в седло. Корум смотрел, как медленно поднимается трава, примятая маркграфиней.

— Такова жизнь, — как эхо повторила она.

Корум вздохнул:

— Нам пора домой. Скоро прилив.

Они молча поскакали к берегу.

Голубое море лениво накатывало волны на белый песок; впереди виднелась дамба, соединявшая Броан-Вадаг с замком Мойдель — давнишней границей Лайвм-ан-Эша. От княжества, когда-то занимавшего огромную территорию, остался один скалистый остров, — остальные земли были затоплены водой.

Чайки, громко крича, парили в безоблачном небе, а затем возвращались в гнезда на скалах острова. Копыта вязли в мягком песке.

Внезапно Корум уловил краешком глаза какое-то движение далеко в море. Он привстал на стременах и натянул поводья.

— Что ты увидел? — спросила Ралина.

— Сам не знаю. Похоже на гигантский вал, но сейчас не время штормов.

Ралина наклонилась в седле:

— Мне кажется, в миле-двух от берега поднялся туман. Очень плохо видно... Да, ты прав...

Вода у берега покрылась рябью, заволновалась.

— Такие волны бывают от корабля, идущего с большой скоростью, — заметил Корум. — Когда...

Он оборвал себя на полуслове и пристально посмотрел вдаль:

— Скажи, ты не видишь в тумане тень... тень... тень человека?

— Конечно, вижу. Мираж, должно быть, слишком уж она большая.

— Нет, — сказал Корум. — Это — рыбак-великан. По его вине я потерпел кораблекрушение у берегов Кулокраха.

— Блуждающий Бог! — воскликнула Ралина. — Бог-Рыболов! Увидеть его — дурное предзнаменование!

— Что верно, то верно, — пошутил Корум. — Когда я видел его в последний раз, добром дело не кончилось.

Волны все сильней и сильней накатывали на берег, и Корум с Ралиной вынуждены были отвести своих коней в лес.

— Он приближается. И туман приближается вместе с ним, — сказала Ралина.

Волны становились все выше и выше; до гиганта, казалось, было рукой подать. Он вытащил сеть и нагнулся, рассматривая улов.

— Интéресно, кого он ловит? — пробормотал Корум. — Китов? Морских змеев?

— Все подряд, — ответила Ралина, едва шевеля губами. — Все то, что находится в море и на дне морском.

Высокие волны затопили дамбу, так что Коруму и Ралине некуда было спешить. На всякий случай они отъехали за деревья.

Туман покрыл берег; стало холодно, хотя солнце все так же ярко светило на небе. Корум запахнулся в мантию. Блуждающий Бог медленно шел по воде, и Коруму почему-то показалось, что он обречен вечно тащить за собой тяжелую сеть по океанам мира, не находя того, что ищет.

— Говорят, Рыболов пытается поймать собственную душу, — прошептала Ралина. — Потерянную душу.

Великан распрямил плечи и вытащил сеть. В ней билось множество разных существ, известных и неизвестных Коруму. Блуждающий Бог внимательно рассмотрел улов, вытряхнул сеть в воду и медленно побрел дальше, не оставляя надежды найти то, чем ему, видимо, не суждено было владеть.

Туман рассеялся, удаляясь вслед за Рыболовом в море, которое постепенно успокоилось. Фигура Блуждающего Бога скрылась за горизонтом.

Конь Корума храпел и бил копытами по мокрому песку. Принц в Алой Мантии бросил взгляд на Ралину. Она смотрела вдаль отсутствующим взором.

— Вот опасность и миновала, — сказал он, пытаясь успокоить ее.

— Опасность нам не грозила. — Ралина вздохнула. — Но теперь ее не избежать.

— Ты слишком суеверна.

Глаза маркграфини сверкнули.

— Разве у меня нет причин быть суеверной?

Корум молча кивнул:

— Надо вернуться в замок, пока настоящий прилив не затопил дамбу.

Лошади окончательно успокоились, почувствовав, что возвращаются домой, и поскакали галопом. Вскоре двое влюбленных въехали в настежь распахнутые ворота, за которыми их поджидали возбужденные воины во главе с Белданом.

— Я решил, Гландит нашел себе нового союзника, — взволнованно сказал юноша. — Непонятно, почему он удалился, не разрушив замка.

— Это был Блуждающий Бог, — успокоила его Ралина, легко соскакивая с седла. — Он пришел сюда по своим делам.

Белдан с облегчением вздохнул. Вместе со всеми обитателями замка Мойдель он ожидал нападения варваров и готовился к нему. Быть может, не напрасно.

Рано или поздно Гландит-а-Край выступит в поход, и на этот раз за его спиной будут стоять не суеверные варвары, а готовые ко всему денледисси. До

защитников замка дошли слухи, что, потерпев фиаско, Гландит в ярости вернулся в Каленвир и потребовал у Лир-а-Брода чуть ли не армию, чтобы уничтожить ненавистного ему шефанго. Если герцог Край получит в свое распоряжение корабли и нападет на остров и с суши, и с моря, он сотрет замок Мойдель с лица земли.

Солнце клонилось к западу, когда слуга доложил, что кушать подано. Корум, Ралина и Белдан уселись за стол, накрытый в большом зале дворца. Вадагский принц почти не прикоснулся к разнообразным кушаньям, но рука его часто тянулась к кувшину с вином. Мрачное настроение Корума подействовало на Ралину и Белдана, и все трое молчали, даже не пытаясь завести какой-нибудь разговор.

Так прошло два часа. Корум наливал себе бокал за бокалом.

Внезапно Белдан поднял голову. Ралина нахмурилась, услышав непонятные посторонние звуки. Корум, думающий горькие думы, ничего не видел и не слышал.

Кто-то настойчиво стучал в ворота дворца. Послышались голоса; стук на мгновение прекратился, но потом раздался с новой силой.

Белдан встал из-за стола:

— Пойду посмотрю, в чем дело.

Ралина бросила на Корума быстрый взгляд:

— Я останусь.

Корум невидящим взглядом смотрел в бокал, то теребя повязку на глазу Ринна, то рассматривая руку Кулла, сгибая ее шесть пальцев, словно удивляясь, что они послушны его воле.

Ралина напряженно прислушивалась. Белдан о чем-то невнятно спросил. Стук вновь повторился. До нее донеслись обрывки разговора. Наступила тишина.

Юноша вернулся в зал и обратился к маркграфине.

— К нам гость, — коротко доложил он.

— Откуда?

— Говорит, он — путешественник, который попал в беду и нуждается в крыше над головой.

— Ловушка?

— Не знаю.

Корум поднял голову:

— Чужеземец?

— Да, — ответил Белдан. — Возможно, шпион Гландита.

Корум поднялся на ноги, покачнулся и ухватился за край стола:

— Надо идти.

Ралина тревожно посмотрела на него:

— Может, лучше останешься...

— Не беспокойся. — Корум провел рукой по лицу, глубоко вздохнул и твердым шагом вышел из зала.

Он успел подойти к воротам дворца, как стук возобновился.

— Кто ты? — крикнул Корум. — Зачем пришел в замок Мойдель?

— Я — Джерри-ан-Конель, путешественник, забрел сюда совершенно случайно. Я буду очень признателен, если ты накормишь меня и позволишь провести одну ночь под твоей крышей.

— Ты не из Лайвм-ан-Эша? — спросила Ралина, незаметно подошедшая к Коруму.

— Я отовсюду и ниоткуда. Я тот, кого ты пожелаешь, и никто. И тем не менее я не тот, за кого ты меня принимаешь, а именно, — не твой враг. Я промок с головы до ног и умираю от холода и голода.

— Как ты мог "случайно забрести" в замок Мойдель, если дамба сейчас затоплена приливом? — спросил Белдан. Он посмотрел на Корума. — Я уже задавал ему этот вопрос, но не получил ответа.

Невидимый собеседник что-то пробормотал.

— Что ты сказал? — переспросил Корум.

— Черт бы вас всех побрал. Не очень-то приятно кричать на весь мир, что тебя поймали, как рыбу! Я был частью улова. Меня притащили сюда в рыболовной сети и вышвырнули обратно в море. Я доплыл до вашего дурацкого острова, взобрался на вашу дурацкую скалу, стучал в ваши дурацкие ворота, а сейчас стою, продрогший, и объясняюсь с дураками! Неужели в замке Мойдель никогда не слышали о милосердии?

Корум, Ралина и Белдан онемели от изумления,

но теперь они больше не сомневались, что незнакомец не был шпионом. Ралина сделала знак воинам, ворота приоткрылись, и в створку проскользнула изящная фигура в странном костюме, в широкополой шляпе, с которой ручьями текла вода, и с мешком за плечами. Незнакомец был относительно молод и, несмотря на довольно жалкий вид, обладал привлекательной внешностью, а в глазах его светились ум и какое-то пренебрежительное высокомерие.

— Джерри-ан-Конель, к вашим услугам, — сказал он и поклонился.

— Как тебе удалось сохранить шляпу, если ты долгое время плыл морем? — подозрительно спросил Белдан. — И мешок?

Джерри-ан-Конель подмигнул:

— Я никогда не расстаюсь со своей шляпой и очень редко — с мешком. Вечные странники, подобные мне, дорожат тем немногим, что имеют, и не теряются ни при каких обстоятельствах.

— Значит, ты — вечный странник? — спросил Корум.

Джерри-ан-Конель нетерпеливо передернул плечами:

— Твое гостеприимство напоминает прием, оказанный мне в Каленвире...

— Ты пришел из Каленвира?

— Я там был. Но если мне не удалось пристыдить вас и этим сравнением...

— Прости нас, чужеземец, — сказала Ралина. — Пойдем во дворец. Стол накрыт, и я прикажу принести тебе смену одежды, белье и полотенца.

Они вернулись в большую залу, и Джерри-ан-Конель с любопытством посмотрел по сторонам.

— Очень уютно, — заявил он и, ничуть не стесняясь, стащил с себя мокрый костюм, а затем разделся догола и почему-то почесал нос. Насухо вытеревшись полотенцем, Джерри отказался от белья и одежды, завернулся в другое полотенце, сел за стол и накинулся на еду, запивая ее вином. — Когда мой костюм высохнет, — объявил он слугам, — тащите его сюда. У меня дурная привычка — ношу только свое. Когда будете сушить шляпу, потрудитесь ото-

гнуть поля следующим образом... — И он пустился в долгие объяснения, а закончив наставлять слуг, повернулся к Коруму, весело улыбаясь: — Как же тебя зовут в этой точке пространства-времени, друг мой?

Корум нахмурился:

— Прости, я тебя не понимаю.

— Что здесь непонятного? Я хочу узнать твое имя, которое меняется так же часто, как мое. Иногда ты об этом знаешь, а я — нет, а иногда — наоборот. В редких случаях мы являемся одной и той же личностью, вернее, ее аспектами.

Корум покачал головой. Незнакомец явно был сумасшедшим.

— Вот, например, — продолжал Джерри, с жадностью уплетая блюдо из морских водорослей, — мое имя и Темерас, и Шаленек. Изредка я — герой, но как правило, я — спутник героя.

— Твои речи загадочны и туманны, рыцарь, — мягко сказала Ралина. — Боюсь, принц Корум ничего не понял, да и я не догадываюсь, о чем ты говоришь.

Джерри ухмыльнулся.

— Ах! — воскликнул он. — Значит, я попал в такое время, где герой знает только об одной своей жизни. Тем лучше для него: не так уж это и приятно — помнить все свои инкарнации. Принц Корум — мой старый друг, хоть он меня и не узнал. Ну да ладно, ничего страшного. — Джерри съел все до крошки, поправил полотенце и с наслаждением откинулся на спинку кресла.

— Ты загадал загадку и не удосужился дать на нее ответ, — мрачно сказал Белдан.

— Не сердись. Я не собирался над вами подшучивать и сейчас все объясню. Дело в том, что я не совсем обычный путешественник и странствую по Измерениям пространства-времени. Такая у меня судьба. Я не помню, когда родился. Я знаю, что никогда не умру. Мое имя часто меняется. На вопрос "откуда я", могу лишь ответить, что я — из Танелорна.

— Но Танелорн — несуществующий сказочный город! — воскликнул Белдан.

— Каждый мир — сказка для другого мира. А

Танелорн, если как следует поискать, можно найти на любом из них.

— Значит, ты не занимаешься ничем определенным? — сказал Корум.

— Когда-то я писал стихи, сочинял музыку. Но мое основное занятие — быть спутником героя. Я много странствовал под различными именами и в разных обличьях. С Ракширом-Лучником мы бродили по Кселерансу, где шлюпки плавают по небу, словно по морю; с Эльриком из Мельнибонэ посетили царство Мертвого Бога; с Асквиолем из Помпеи исследовали глубины Вселенной, где расстояния в космосе измеряются не световыми годами, а галактиками; с Хокмуном из Кельна отправились в Лондру, жители которой носят на лицах звериные маски, усыпанные драгоценными камнями. Я узнал, что время не существует, а пространство — не более чем иллюзия.

— А Боги? — запальчиво выкрикнул Корум.

— Мне кажется, мы сами их создаем. Варвары придумывают Богов невежественных, чтобы объяснить, отчего гремит гром; мудрецы — Богов всемогущих, чтобы не ломать голову над абстракциями. Многие говорят, что Боги не могут существовать без смертных, а смертные — без Богов.

— И тем не менее от Богов зависят судьбы смертных, — сказал Корум.

— А разве от смертных не зависят судьбы Богов?

— Ты убедился в этом на собственном опыте, — шепнул Белдан на ухо вадагскому принцу.

— Значит, ты, подобно древним вадагам, можешь путешествовать по Пятнадцати Измерениям, когда захочешь, — вкрадчиво сказал Корум.

Джерри улыбнулся.

— Я нигде не могу путешествовать, "когда захочу". Изредка я имею возможность вернуться в Танелорн, если у меня возникает такое желание, но, как правило, меня швыряет, подобно щепке в водовороте, из одной жизни в другую без всякой последовательности и без причин. И почти каждый раз мне удается выполнить миссию, о которой я говорил — быть спутником героя. Вот почему я сразу узнал тебя — Бессмертного Воина. Я видел его во многих образах,

но он не всегда узнавал меня. Возможно, теряя память, я не всегда узнавал его.

— А сам ты никогда не бываешь героем?

— Возможно, с точки зрения других, я и совершал героические поступки. Но мое предназначение — составлять одно целое с героем или с народом, который совершает подвиг. Личности наши растворяются в космических потоках — непредсказуемых подводных течениях — множественной Вселенной. Существует теория — по крайней мере, я ее слышал, — что все смертные и все Боги — частички одной космической личности, а все миры, все века — грядущие и прошедшие, все изменения пространства, возникающего и исчезающего, — мысли в его космическом мозгу, чувства, которые он испытывает. Такие размышления ведут и к познанию, и в никуда, но они не имеют отношения к той проблеме, которая интересует нас в настоящий момент.

— Твоя последняя фраза мне по душе, — с чувством облегчения сказал Корум. — А теперь, может, расскажешь подробно, как ты попал в замок Мойдель?

— Я расскажу тебе все, что захочешь, друг Корум. Так получилось, что внезапно я очутился в довольно мрачном городе, который называется Каленвир. Не помню, как это произошло, но со мной так часто бывает. Каленвир похож на гранитную гробницу и пришелся мне не по вкусу. Не успел я пробыть в нем и нескольких часов, как горожане меня в чем-то заподозрили, и мне пришлось удирать от них по крышам. Сначала я украл повозку, а затем — лодку и по реке добрался до моря. Пристать к берегу было негде, поэтому я поплыл вдоль него. Вдруг поднялся туман, начался самый настоящий шторм, и внезапно меня вместе с лодкой подняли наверх. Рядом со мной бились рыбы, акулы, морские чудовища. Мне повезло: я уцепился за веревки гигантской сети, которую с большой скоростью тащили по воде. До сих пор не понимаю, как я не задохнулся. Затем сеть вытряхнули, и мы оказались на свободе. Мои товарищи по несчастью поплыли в разные стороны, как ни в чем не бывало, а я остался барахтаться в море. Потом я

увидел остров и ваш дворец, ухватился за обломки лодки и...

— Не слыхал ли ты в Каленвире о человеке по имени Гландит-а-Край? — перебил его Белдан.

Джерри нахмурился:

— О герцоге Крае с восхищением говорили в одной таверне, как о могучем воине. Весь город готовится к войне, но я так и не понял, с кем они собираются сражаться. По-моему, речь шла о Лайвм-ан-Эше. Войска Лир-а-Брода ждут подкреплений, чтобы напасть на эту страну.

— Подкреплений? — переспросил Корум. — Уж не с надрагских ли островов?

— Нет. Кажется, с Бро-ан-Мабдена.

— С западного континента! — изумленно воскликнула Ралина. — Я и не знала, что там живут мабдены. Но почему они хотят напасть на Лайвм-ан-Эш?

— Возможно, по той же причине, по которой они истребили всех вадагов, — грустно сказал Корум. — Из зависти и из ненависти. Ты говорила, твой народ перенял многие вадагские обычаи. Этого вполне достаточно, чтобы Гландит и ему подобные стремились вас уничтожить.

— Ты прав, — согласилась Ралина. — И Лайвм-ан-Эш не знал войн уже более ста лет. Боюсь, там не успеют подготовиться к нападению.

Слуга внес костюм Джерри-ан-Конеля. Вечный странник поблагодарил его и начал одеваться, вновь ни капельки не стесняясь присутствующих. Он надел ярко-голубую рубашку и алые панталоны, под цвет мантии Корума. Повязал широкий желтый пояс вокруг талии и нацепил на него саблю в ножнах и длинный кинжал. Сунул ноги в сапоги из мягкой кожи и обмотал шею шарфом. Темно-голубой плащ, шляпу (поля которой он старательно разгладил) и мешок. Джерри положил рядом с собой на скамью. Казалось, он был очень доволен собой.

— Объясни мне, друг Корум, если сочтешь возможным, что тебя беспокоит? — спросил он. — Я постараюсь помочь, чем могу.

И Корум, вздохнув, рассказал спутнику героев о

Повелителях Мечей и о Пятнадцати Измерениях, о борьбе между Законом и Хаосом и о Космическом Равновесии. Джерри-ан-Конель внимательно его слушал, хотя, казалось, знал все, о чем говорил вадагский принц. Когда Корум закончил свой рассказ, Джерри сказал:

— Совершенно очевидно, что в данный момент нет смысла обращаться за помощью к лорду Аркину. Пока память об Ариохе не исчезнет из мыслей и душ большинства людей, Повелитель Закона не вернет былой силы. И, как всегда и всюду, битва смертных будет олицетворять битву Богов, а война между королевством Лир-а-Брода и Лайвм-ан-Эш будет отражением войны между Законом и Хаосом на других Измерениях. Если выиграет Лир-а-Брод, Хаос восторжествует и лорд Аркин вновь отправится в изгнание. К тому же Ариох отнюдь не самый могущественный из Повелителей Мечей. Ксиомбарг куда сильней, чем он, а Мабельрод намного сильнее, чем Ксиомбарг. Я бы даже сказал, что здесь, на Земле, вы практически не испытали влияния Хаоса.

— Мне от этого не легче, — пробормотал Корум.

— Давайте трезво оценим обстановку, — предложила Ралина.

— Скажи, а Королева и Король Мечей могут прийти на помощь Лир-а-Броду? — спросил Корум.

— Боги не имеют права самолично участвовать в сражениях между смертными. Но существует много способов повлиять на исход битвы. Ты хотел бы узнать планы короля Лира?

— Конечно. К сожалению, это невозможно.

Джерри улыбнулся:

— Думаю, скоро ты поймешь, как повезло герою иметь такого спутника, как я. — И с этими словами он запустил руку в мешок и к удивлению всех присутствовавших достал оттуда какое-то животное. Оно, казалось, даже не заметило, что больше суток провело в мешке, и, открыв большие глаза, радостно замурлыкало.

Это был кот, или, по крайней мере, нечто похожее на кота с черной спинкой и хвостом, белыми лапками, мордочкой и грудкой и с парой красивых черных

крыльев с белой окантовкой. Джерри предложил ему полакомиться прямо со стола, и кот с жадностью набросился на еду.

Ралина велела слугам принести молоко, и, всласть налакавшись, кот уселся на скамью рядом с Джерри и принялся тщательно умываться, начав с лапок и грудки, а закончив крыльями.

— Никогда в жизни я не видел такого чуда, — прошептал Белдан.

— И я, где только не побывал, второго такого не видел, — согласился Джерри. — Он — кот дружелюбный и часто меня выручал. Иногда наши пути расходятся, и я не встречаюсь с ним лет сто, но, как правило, мы всегда вместе, и после долгой разлуки он сразу меня узнает. Я назвал его Базилий. Признаться, имя отнюдь не оригинальное, но оно ему нравится. Надеюсь, он сумеет нам помочь.

— Каким образом? — спросил Корум.

— Очень просто, друзья мои. Он слетает во дворец Лир-а-Брода, посмотрит, что там происходит, а затем вернется и все нам расскажет.

— Он умеет говорить?!

— Речью это не назовешь, но я его понимаю. Ну так как, хотите, чтобы я послал его в Каленвир?

Корум недоумевающе смотрел то на кота, то на его хозяина.

— Почему бы и нет? — растерянно произнес он.

— Тогда мы с Базилием поднимемся на крышу, и я объясню ему, что надо делать.

Ралина, Корум и Белдан молча смотрели, как Джерри тщательно приладил на голове свою шляпу, взял кота под мышку, поклонился и вышел из зала. В открытую дверь было видно, как спутник героев поднимается по лестнице на крышу.

— По-моему, я сплю, — сказал Белдан.

— Так оно и есть. — Корум вздохнул. — Теперь нам снится новый сон. Будем надеяться, что мы сможем проснуться...

глава вторая

СОБРАНИЕ В КАЛЕНВИРЕ

Маленький крылатый кот быстро летел по ночному небу на восток, по направлению к Каленвиру. Серый дым из тысячи труб поднимался над городом, затмевая луну. Дома и дворцы были сложены из гранитных плит. Над всеми зданиями возвышался мрачный замок короля Лир-а-Брода, черные башни его сверкали, освещенные огнями; звуки, похожие на гром, прокатывались над его крышей, хотя небо было безоблачным.

К этому замку подлетел маленький кот Базилий и, усевшись на одну из башен, сложил крылья. Желтые зрачки глаз сверкнули: в одну сторону, потом в другую, словно он не знал, что делать дальше.

Мех у кота вздыбился, усы встопорщились, хвост стал трубой. Базилий почувствовал присутствие темных сил, сверхъестественных существ, одно из которых он ненавидел лютой ненавистью. Осторожно спрыгнув на крышу, кот протиснулся в узкое оконце и попал в темную круглую комнату. За открытой ее дверью виднелась лестница, ведущая в башню. В замке Лир-а-Брода царила полутьма; в нем легко было спрятаться и затаиться.

От верхней площадки лестницы начинался коридор, освещенный факелами, а в конце его слышались звуки голосов, бряцанье оружия, звон кубков. Кот расправил крылья, поднялся к потолку, опустился на широкую черную балку, пробежал по ней и очутился в огромном зале. Внизу волновалось море голов. Кот уселся поудобнее и приготовился смотреть и слушать.

В городе Каленвире в замке короля Лир-а-Брода по центру большого зала стоял помост из неотшлифованного обсидиана. На помосте высился гранитный трон в оправе из полудрагоценных камней. Кто-то начал вырезать на нем гирлянды цветов, но бросил грубую работу на полпути, отчего трон выглядел устрашающе.

На подлокотниках его сидели две голые девушки с неприличной татуировкой на коже. Каждая из них держала в руках по кувшину и, соблюдая очередность, наливала вино в кубок человеку, сидевшему на троне. Человек этот был более семи футов ростом, на голове его красовалась корона из белого железа. Грязные спутанные волосы спадали на лоб. В светлых длинных прядях просвечивала седина. На изможденном рыхлом лице, обрамленном рыжей бородой, торчал крупный нос с синими прожилками вен; глубоко посаженные голубые глаза оглядывали присутствовавших с ненавистью и подозрением.

Король был одет в парчовые вадагские одежды, — засаленные, с пятнами грязи. Наброшенная на плечи куртка из волчьих шкур висела на нем мешком. Пальцы монарха сверкали кольцами, украденными у вадагов и у надрагов. Одну руку Лир-а-Брод держал на эфесе кованого железного меча, другой сжимал медный кубок в оправе из бриллиантов. Окружая помост, спиной к своему повелителю, держа меч наголо и выставив перед собой обитые кожей и медью щиты, плечом к плечу стояли стражники. Каждый из них не уступил бы королю ростом. Медные шлемы почти полностью скрывали бородатые лица. Глаза, горящие ненавистью, смотрели вдаль. Звездная, или как ее обычно называли, Хмурая Стража, была фанатично предана своему господину.

Король Лир-а-Брод окинул взглядом зал.

Его заполняли воины.

Единственными женщинами в нем были две голые татуированные девки, наливающие вино и королю, и его придворным. В синяках, кровоподтеках и царапинах, со спутанными волосами, они с трудом передвигались среди одетых в доспехи мужчин, прижимая кувшины к бедрам.

Волосы и бороды воинов были заплетены в косички. Пахло потом и кровью. Кожаные куртки скрипели, кольчуги позвякивали. Совсем недавно пир здесь был в полном разгаре, но сейчас слуги унесли скамьи и столы, оттащили перепившихся дворян в угол. Воины с нетерпением ждали, когда заговорит их король.

Каждый из присутствующих в зале был военачальником. Герцоги, графы, генералы собрались со всех концов королевства на эту встречу. Были здесь и заморские гости, предпочитающие меха парчовым вадагским одеждам: эмиссары Бро-ан-Мабдена, — скалистого континента на северо-западе, — колыбели человечества.

Свет в железных светильниках, прикрепленных к стенам, и свет факелов разбросал по всему залу гигантские тени, которые плясали на гранитном полу. Глаза людей блестели в полутьме, словно глаза зверей.

Король Лир-а-Брод положил руки на подлокотники трона и медленно поднялся на ноги. В ту же секунду пять сотен кубков взметнулись на высоту вытянутой руки, пять сотен воинов крикнули в одно горло:

— ЛИР — ЭТО ГОСУДАРСТВО!

— А государство — это Лир, — механически ответил король на тост, поднятый в его честь. Он вновь обвел взглядом зал и долго смотрел на голых девиц, словно не понимая, что они здесь делают.

Придворный с серыми выцветшими глазами, нездоровым цветом лица, густыми черными волосами вышел из толпы и, оскалив зубы в волчьей усмешке, остановился пред Хмурой Стражей. На голове у него был шлем с крыльями, отделанный золотом, на плечах висела огромная волчья шкура. Сразу чувствовалось, что человек этот, выглядевший более величественно, чем король, привык повелевать.

Лир-а-Брод нахмурился, губы его зашевелились.

— Герцог Гландит-а-Край?

— Сир, я — Гландит, герцог Край, — согласно этикету ответил придворный. — Я — капитан денледисси, которые принимали участие в захвате надрагских островов, а также очистили твое королевство от

вадагской нечисти и всех тех, кто был союзниками вадагов. Я — брат Собаки, сын Рогатого Медведя, слуга Повелителей Хаоса!

Король Лир кивнул:

— Я знаю тебя, Гландит. Ты мне предан.

Герцог Край поклонился.

Наступила тишина.

— Говори, — приказал король.

Гландит дернул за завязки куртки, сунул руку за пазуху и вытащил два мешочка, висевших у него на шнурке на шее. В одном была иссохшая черная кисть руки. В другом — глаз.

— Эти трофеи я добыл собственноручно, и принадлежали они одному вадагу, который скрылся от меня в замке Мойдель, расположенном на границе твоего королевства. Сейчас этот вадаг живет с мабденской женщиной, маркграфиней Ралиной-а-Аллом-глиль, одной из защитниц Лайвм-ан-Эша — страны, которую мы собираемся завоевать, потому что она олицетворяет собой зло.

— Все это я не раз от тебя слышал, — недовольно сказал Лир-а-Брод. — И помню, что защитники замка отбили твою атаку, прибегнув к помощи ужасных колдовских сил. Продолжай.

— Я хочу овладеть замком Мойдель. До меня дошли слухи, что Корум и предательница Ралина вернулись в него, ничуть не опасаясь твоего справедливого гнева.

— Наши армии идут на запад, — ответил король. — Все силы брошены против Лайвм-ан-Эша. По пути мы сотрем замок Мойдель с лица земли.

— Молю, сир, поручить это дело лично мне.

— Ты — один из наших лучших военачальников, герцог Край. Мы хотим использовать тебя и твоих денледисси в основном сражении.

— Пока жив колдун Корум, всем нам грозит смертельная опасность. Я знаю, что говорю, великий король! Он — могущественный враг, и справиться с ним, возможно, будет тяжелее, чем захватить Лайвм-ан-Эш.

— С одним искалеченным шефанго? Как так?

— Он заключил союз с Повелителем Закона. У ме-

ня есть доказательства. Мой раб-надраг видел, как это произошло, своим вторым зрением.

— Где этот надраг?

— За дверью, сир. Я не осмелился осквернить твой взор видом столь грязного животного без твоего соизволения.

— Пусть он войдет.

Бородатые воины, как один, уставились на дверь с чувством отвращения и любопытства. Звездные стражники не шелохнулись. Король Лир уселся на трон и протянул кубок одной из девиц.

Дверь открылась.

Существо, чем-то напоминающее человека, вошло в зал. Ряды воинов разомкнулись, и оно, подобострастно кланяясь на каждом шагу, стало медленно идти вперед.

У него было темное лицо с плоскими чертами и заросший волосами низкий лоб. Куртка и брюки из тюленьей кожи висели на нем мешком.

Король Лир-а-Брод с отвращением скривил губы. Он нетерпеливо махнул рукой герцогу Краю.

— Пусть твой раб говорит, что знает, и убирается вон.

Гландит вытянул руку и крепко ухватил надрага за жесткие волосы:

— Говори, падаль, моему королю, что ты увидел своим уродским зрением!

Надраг открыл рот, но от страха не смог вымолвить ни слова.

— Говори! Живо!

— Я... видел другие Измерения...

— Ты видел Иффарн? Ад? — в ужасе пробормотал король.

— Другие Измерения... — надраг вздрогнул и испуганно кивнул. — Да, Иффарн, Ад. Я разговаривал с одним... дьяволом. Он сказал мне, что Повелитель Хаоса Ариох...

— Он имеет в виду Повелителя Мечей, Арага, — пояснил Гландит. — Великого Старого Бога.

— Дьявол сказал мне, что Ариоха Арага убил один вадаг, принц Корум. Повелитель Закона вновь

правит нашими Пятью... нашим миром. — Надраг судорожно вздохнул и умолк.

— Рассказывай! Все рассказывай! — свирепо выкрикнул Гландит, дергая его за волосы. — Не вздумай лгать моему королю! Что ты узнал о мабденах?

— Повелитель Закона Аркин еще не полностью захватил власть в свои руки. Он собирается сделать это с помощью смертных, в том числе Корума и мабденов из Лайвм-ан-Эша, которые будут служить ему верой и правдой.

— Значит, мы были правы! — торжественно объявил король. — Мы хорошо сделали, что подготовились к войне! Придется уничтожить мягкотелых дегенератов, собирающихся служить Закону!

— Ты согласен, что мой долг — убить Корума? — вкрадчиво спросил Гландит-а-Край.

Король нахмурился и пристально посмотрел в глаза своему подданному.

— Хорошо, — сказал он после непродолжительного молчания. — Действуй! — Он махнул рукой. — И убери с глаз моих этого вонючего надрага! Пришло время совершить обряд Вызывания Собаки и Рогатого Медведя!

Сидя на высокой балке, кот внезапно почувствовал, что шерстка его вздыбилась. Базилий уже не один раз хотел покинуть Зал Приемов, но он был котом исполнительным и очень любил своего хозяина, а Джерри строго-настрого приказал ему увидеть и услышать все, что происходило на собрании в Каленвире.

Мабденские воины отошли к стенам, король Лира-Брод покинул свой трон, голые девки куда-то исчезли. Центр зала опустел.

Наступила мертвая тишина.

Король Лир, окруженный Хмурой Стражей, громко хлопнул в ладоши.

Двери распахнулись настежь, и в зал ввезли большую клетку, в которой находились дети, молодые девушки и несколько юношей крестьянского сословия. Взрослые давно уже не пытались утешить детей и,

уцепившись за прутья, с отчаянием смотрели на своих мучителей.

— Ага! — восхищенно вскричал Лир. — Нежная пища, вкусная пища! Лакомый кусочек для Собаки и Медведя! — Он сделал шаг вперед, и Звездные Стражники, как один, шагнули вслед. Король внимательно оглядел пленников и облизнул губы. — Пусть мясо поджарят, — приказал он. — Сладкий запах дойдет до Иффарна и возбудит аппетит Богов. Они придут к нам!

Одна из девушек громко вскрикнула и упала в обморок. Юноши склонили головы и заплакали. Дети испуганно смотрели по сторонам, не понимая, что их ждет.

Сквозь верхние прутья клетки были продеты веревки, перекинутые через балку, и слуги начали тянуть за них, поднимая несчастных крестьян к потолку.

Кот сжался в комочек, но не покинул свой наблюдательный пост.

Глаза мабденских воинов возбужденно блестели. Слуги внесли большую жаровню, поставили ее под клетку и вылили на раскаленные угли кувшины с маслом. Пламя столбом поднялось в воздух. Обезумевшие пленники дико кричали.

Король Лир-а-Брод весело хохотал.

Гландит-а-Край вторил своему королю.

Герцоги, графы, генералы вторили королю и Гландит-а-Краю.

Крики жертв постепенно утихли. Огонь слегка потрескивал, пахло горелой человеческой плотью.

Смех тоже утих, и в зале воцарилась мертвая тишина. Мабденские военачальники застыли в напряженном ожидании.

В городе Каленвире, в замке короля Лир-а-Брода, в Тронном Зале раздался вой.

На всякий случай кот отбежал поближе к коридору.

Вой нарастал. Он леденил кровь. Светильники и факелы внезапно погасли. Зал погрузился во тьму.

Жуткий вой слышался со всех сторон, то затихая, то усиливаясь. Затем послышалось грозное рычание.

Эти звуки издавали Собака и Рогатый Медведь — темные и страшные Боги мабденов.

Стены зала содрогнулись. Помост, на котором стоял трон, слабо осветился. В радужном сиянии, раздражающем глаз, на помосте появилось огромное существо, которое, словно пародируя Человека, встало на задние лапы и вытянулось во весь рост. Открыв пасть, оно поворачивало голову то в одну, то в другую сторону, жадно принюхиваясь. Собака замотала головой; из горла ее вырвалось рычание.

Ответное рычание, куда более грозное, раздалось с другой стороны трона. Свет сгустился, превратился в громадного черного медведя с длинными рогами, загибающимися к шее. Медведь злобно наморщил нос, обнажив большие острые клыки, схватил лапой закопченные прутья клетки и притянул ее к трону.

Собака и Медведь с жадностью накинулись на еду, запихивая в рот куски мяса, хрипя и чавкая, хрустя костями, вылизывая кровь.

Насытившись, Неразумные Боги неразумных мабденов уселись на помосте и уставились на молчаливых, перепуганных насмерть воинов.

Король Лир-а-Брод вышел из круга, образованного Хмурой Стражей, и подошел к трону. Опустившись на колени, он поднял руку в знак полного повиновения Собаке и Рогатому Медведю.

— Великие Боги, услышьте нас! — простонал он. — Нам стало известно, что Повелитель Араг убит одним шефанго, который примкнул к нашим врагам из Лайвм-ан-Эша, погружающейся в море страны. Нам грозит гибель, а значит, и вы, о Боги, находитесь в опасности. Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

Собака завыла, Медведь зарычал.

— Вы поможете нам, о Великие Боги?

Лютой ненавистью вспыхнули глаза Собаки, и в ответ глаза всех присутствовавших также загорелись злобой. Собака удовлетворенно кивнула и произнесла отрывистым, резким голосом, с трудом открывая пасть:

— Мы знаем об опасности. Она больше, чем вы думаете. Надо как можно скорее уничтожить врага. Тогда те, кому мы служим, вернутся и дадут нам силу.

— Мы готовы, о Собака! Наши войска стоят в Каленвире и ждут приказа о выступлении.

— Хорошо. Мы вам поможем. — Она повернула голову и посмотрела на своего рогатого брата.

Голос Медведя был высоким, но говорил он внятно.

— Наши враги обратятся к Повелителю Закона, но Аркин слишком слаб и не окажет им помощь. Ариох, которого вы называете Араг, сможет вернуться во дворец, который принадлежит ему по праву, и управлять Пятью Измерениями. Для этого ему нужны новое сердце и новый облик. Только одно сердце и только один облик подойдут Повелителю Мечей. Вам придется поймать его убийцу, Принца в Алой Мантии. Страшный обряд необходимо совершить, чтобы изгнать душу из тела, но сначала вы должны привести Корума к нам.

— Значит, я не смогу убить его? — послышался разочарованный голос Гландита.

— Зачем ты хочешь пощадить врага? — спросил Медведь и, услышав эти слова, даже Гландит задрожал от ужаса.

— Нам пора, — сказала Собака. — Мы пришлем вам подкрепления. Командовать ими будет эмиссар Повелительницы Мечей, Королевы Ксиомбарг. Он знает больше, чем мы.

А затем Боги мабденов исчезли, и о том, что они пировали в зале, напоминал лишь горелый запах человеческой плоти. В темноте раздался хриплый голос короля Лира:

— Факелы! Внесите факелы!

Двери распахнулись настежь, и в центре зала осветился помост, трон, разломанная клетка, потухшая жаровня и дрожащий, коленнопреклоненный король Лир-а-Брод.

Двое воинов Хмурой Стражи помогли своему повелителю, у которого закатывались глаза, подняться на ноги. Казалось, он не понимал, какое бремя взва-

лили на него Собака и Рогатый Медведь. Чуть ли не умоляюще король посмотрел на Гландита.

А герцог Край ухмылялся и тяжело дышал, подобно собаке, объевшейся мяса.

Маленький кот прополз по бревну над коридором, спустился, побежал по лестнице в башню. Выбравшись на крышу, он расправил крылья и, чувствуя недомогание и усталость, медленно полетел по направлению к замку Мойдель.

глава третья

ЛАЙВМ-АН-ЭШ

Стоял теплый ясный день середины лета; на горизонте неподвижно висели несколько легких облачков. Разнообразные дикорастущие цветы, словно ковер, устилали высокий холм, создавая впечатление огромного сада, за которым давно никто не ухаживал.

Небольшая изящная шхуна причалила к берегу Четверо путешественников, не дожидаясь остальных, сошли по сходням, ведя лошадей в поводу, и поскакали вверх по склону холма. Высокие бархатные тюльпаны били их по ногам; воздух был наполнен сладкими ароматами.

Первый путешественник — высокий, стройный, с перчаткой на левой шестипалой руке и с черной повязкой, усыпанной драгоценными камнями, на правом глазу, — отличался от своих спутников странными чертами лица. На нем была парчовая рубашка, брюки и сапоги из мягкой кожи, кольчуга из миллиона крошечных звеньев (верхний слой — серебряный, нижний — медный) и высокий конический серебряный шлем с серебряной сеткой вместо забрала. Его алую мантию пересекала тетива лука. Шпага с клинком из неземного металла и с эфесом, в головке которого сверкал черный оникс, красовалась у него на поясе, а на луке седла висели боевой топор и колчан со стрелами... — Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, был готов к битве.

Рядом с ним скакала прелестная всадница — в шлеме, кольчуге и со щитом из раковин морских животных, когда-то населявших западные моря, — во-

оруженная изящной шпагой и коротким копьем... — и маркграфиня Алломглильская, Ралина Мойдель, была готова к битве.

За Ралиной ехал молодой человек в таких же, как у нее, доспехах, но вооруженный боевым топором, длинным копьем, мечом и секирой. На нем был парчовый оранжевый плащ; попона из парчи того же цвета покрывала седло его коня, чья упряжь, украшенная драгоценными камнями, стоила намного дороже, чем все снаряжение всадника... — Белдан-ан-Алломглиль, дальний родственник Ралины Мойдель, был готов к битве.

У четвертого путешественника первым делом бросалась в глаза широкополая шляпа — на сей раз с плюмажем, — лихо сдвинутая набекрень. Он был одет в ярко-голубую рубашку, панталоны, которые могли своим цветом соперничать с алой мантией Корума, сапоги из мягкой кожи и длинный темно-голубой плащ, закрывавший чуть ли не всю спину лошади. На ярко-желтом поясе висели сабля в ножнах и кинжал, а на плече сидел черно-белый кот со сложенными крыльями. Путешественник изредка поднимал руку и чесал кота за ухом, что-то бормоча... — Вечный странник, поэт, спутник героев, Джерри-ан-Конель; битв он не любил и никогда к ним не готовился.

В некотором отдалении от четырех путешественников скакали обитатели замка Мойдель: воины и их жены. Все они были в традиционных алломглильских доспехах из раковин давно вымерших ракообразных.

Живописный отряд всадников не нарушал гармоничного пейзажа герцогства Бердильраль-нан-Раймского, расположенного на восточных границах Лайвм-ан-Эша.

Они отплыли из замка Мойдель на корабле после тщетной попытки разбудить летучих мышей, спавших мертвым сном в гигантских пещерах. ("Создания Хаоса, — объяснил Джерри-ан-Конель. — Вряд ли теперь удастся ими воспользоваться".) И, несмотря на все усилия, Коруму так и не удалось установить связь с лордом Аркином, который, очевидно, был

занят какими-то неотложными делами и не хотел отвлекаться по пустякам. Впрочем, ни у кого не вызывало сомнений, что замок Мойдель обречен: защитить его от огромных армий, о которых говорил кот Базилий, было невозможно. Поэтому Корум и Ралина решили покинуть остров, добраться до столицы Лайвм-ан-Эша, именуемой Хельвиг-нан-Вейк, и предупредить короля о грозящей ему опасности с востока и с юга.

Глядя по сторонам и наслаждаясь красотой природы, Корум понял, почему мабдены из Лайвм-ан-Эша обладали многими достоинствами вадагов.

Корум решил покинуть замок Мойдель не из трусости. Во-первых, он считал, что осторожность не помешает, а во-вторых, надеялся выиграть время, не сомневаясь, что Гландит потратит много дней, если не недель, строя планы захвата замка, давно покинутого людьми.

До столицы герцогства Бердильраль-нан-Раймского — Лларака-ан-Фоль — было не меньше двух дней пути. Путешественники надеялись получить там свежих лошадей и узнать последние новости. Герцог, живший в Лараке, знал Ралину еще девочкой. Он наверняка поверит ее рассказу и окажет им помощь. От Лларака до Хельвиг-нан-Вейка они доберутся примерно за неделю.

Корум, предложивший этот план действий, никак не мог избавиться от мысли, что он с каждым шагом удаляется от своего врага. Вадагского принца так тянуло вернуться в замок Мойдель и дождаться там прихода Гландита. Он боролся с этим нелепым желанием, стал мрачен и угрюм и почти не разговаривал со своими товарищами.

Спутники Корума были настроены более оптимистично и радовались, что смогут помочь жителям Лайвм-ан-Эша подготовиться к нападению, которое Лир-а-Брод считал внезапным. С помощь современного оружия варваров легко будет разбить наголову. Джерри-ан-Конель несколько омрачил это настроение, напомнив, что Собака и Рогатый Медведь обещали прислать подкрепления королю Лиру.

Ночью они разбили лагерь на Равнине Цветов, а

наутро подъехали к высоким холмам, за которыми, как в глубокой чаше, лежал Лларак-ан-Фоль.

Примерно в полдень путешественники увидели небольшую деревушку, живописно раскинувшуюся по обеим сторонам реки. На деревенской площади собралась толпа; человек, стоящий на помосте, что-то говорил и возбужденно размахивал руками.

Джерри-ан-Конель нахмурился:

— Похоже, они чем-то сильно взволнованы. Может, узнали о готовящемся вторжении?

Корум, глядя на толпу, машинально теребил правой рукой повязку на глазу.

— Несомненно, у них что-то случилось. Придется спросить, в чем дело.

Джерри кивнул, и Корум, сделав знак своим товарищам и отряду воинов следовать за ним, поскакал к площади, человек в черном плаще, безумно сверкая глазами, выкрикнул:

— Кто вы такие? На чьей вы стороне? Нам не прокормить вашу армию.

— Ничего себе армия, — пробормотал Джерри и громко добавил: — Не надо нас бояться, друзья. Мы проезжаем вашу деревню по пути в Лларак.

— Ага! Значит вы — сторонники герцога! — вскричал безумец. — Горе нам!

— Почему? — спросил озадаченный Джерри. — Прости, но я тебя не понимаю.

— Потому что вы станете защищать слабых глупых выродков, которые говорят о мире, не понимая, что тем самым они накличут на нас войну!

— Опять ничего не понял. Кто ты такой?

— Веренак, священник Урлеха. Я служу ему и тем самым забочусь не только о благополучии жителей этой деревни, но и всей страны в целом.

— Урлех, — прошептал Корум на ухо Джерри, — местный божок, один из вассалов Ариоха. Я думал, после исчезновения Валета Мечей о нем забудут.

— Наверное, так оно и есть. Посмотри, как расстроен Веренак.

— Ты прав.

Веренак не отрываясь смотрел на Корума.

— Ты — не человек!

— Я — смертный, — спокойно ответил Принц в Алой Мантии. — Но я не из расы мабденов.

— Ты — вадаг!

— Да. Последний на этой земле.

— Гоните их отсюда! — взревел Веренак. — Иначе Повелители Мечей страшно отомстят вам! Недалеко то время, когда сюда придет Хаос, и каждый из нас должен денно и нощно молиться Урлеху, если он хочет выжить!

— Твой Урлех давно погиб, — сказал Корум. — Он исчез из нашего Измерения вместе со своим господином, герцогом Ариохом.

— Ложь! Наглая ложь! — завопил священник. — Урлех жив!

— Это вряд ли, — лениво протянул Джерри.

Корум привстал на стременах и обратился к деревенским жителям.

— Нашими Пятью Измерениями сейчас правит Повелитель Закона, лорд Аркин. Он принесет нам мир, сделает нашу жизнь безопасной.

— Неправда! — крикнул Веренак. — Ариох победил Аркина много веков назад.

— А сейчас Ариох вновь изгнан, — твердо сказал Корум. — И мы должны защитить землю, на которой живем, и позаботиться, чтобы никто не смог нарушить наш покой. Могущественный Хаос разрушает все на своем пути, сеет ужас в наших душах. На Лайвм-ан-Эш собираются напасть чужеземные захватчики — мабдены, которые служат Хаосу и собираются уничтожить всех мирных жителей!

— А я говорю — ты лжешь! — воскликнул Веренак. — Ты клевещешь на Великого Повелителя Мечей Ариоха и на Бога Урлеха. Но мы останемся верны Хаосу!

Крестьяне неуверенно переглядывались.

— В таком случае вы сами накличите на себя беду, — уверенно сказал Корум. — И я не лгу. Ариох исчез на моих глазах, когда я уничтожил его сердце!

— Святотатство! — вскричал Веренак. — Убирайтесь отсюда! Я не позволю развращать невинные души моих прихожан!

Крестьяне подозрительно смотрели то на Корума,

то на священника. Один из них отделился и вышел к помосту.

— По правде сказать, нас не интересует ни Закон, ни Хаос, — негромко произнес он. — Мы хотим жить тихо и мирно, как всегда. Еще недавно, Веренак, ты не позволял себе вмешиваться в наши дела. Да, ты помогал нам заклинаниями, но мы каждый раз тебе платили. Сейчас ты говоришь о священной войне и требуешь, чтобы мы восстали против нашего герцога, если хотим спасти наши души. А теперь этот... вадаг утверждает, что мы должны сражаться на стороне Закона, и тоже, чтобы спастись. Но, по-моему, нашим жизням пока ничто не угрожает. Сам знаешь, Веренак, когда нет предзнаменований...

— Они были! — возопил священник. — Я видел их во сне! Мы должны доказать нашу преданность Урлеху и выступить на стороне Хаоса!

Корум пожал плечами:

— Сражаться за Хаос — безумие. А если вы останетесь нейтральны, он все равно вас уничтожит. Наш небольшой отряд вы сочли за армию, а это значит, вам никогда не доводилось видеть настоящего войска. Если вы не объединитесь, чтобы отразить натиск врага, ваши цветущие холмы в один прекрасный день почернеют от всадников, которые сотрут деревню с лица земли, и не заметят этого. Я сам пострадал от рук варваров и знаю, с какой жестокостью они грабят, пытают, убивают, насилуют. От вашего покоя не останется и следа, если вы не пойдете со мной в Лларак и не приготовитесь защищать свою страну.

— Признаться, я не понимаю, с чего начался спор? — неожиданно спросил Джерри, меняя тему разговора. — Почему ты уговариваешь людей восстать против их законного господина, Веренак?

Священник нахмурился:

— Потому что герцог сошел с ума. Уже месяц, как он выгнал всех священников Урлеха из города и возродил слащавый культ Илаха. Таким образом он открыто принял сторону Закона и презрел Хаос. Но гнев Богов падет на его голову! Ему отомстит Урлех! Ему отомстит сам Повелитель Мечей Ариох! И

кара постигнет каждого, кто не воспротивится воле герцога! Вот почему я хочу, чтобы эти простые невинные люди выступили против него.

— Мне кажется, эти простые невинные люди намного умнее тебя, друг мой, — рассмеялся Джерри.

Веренак воздел руки к небесам:

— Великий Урлех, заклинаю тебя, уничтожь этого ухмыляющегося идиота!

Позади помоста, на котором Веренак произносил свои пылкие речи, находилась большая цистерна. Священник задрал голову в небо, бормоча заклинания, и в эту минуту поскользнулся, нелепо замахал руками в воздухе и плюхнулся в воду. Крестьяне расхохотались. Мужчина, только что выступавший от их имени, подошел к Коруму.

— Не беспокойся, друг, в нашей деревне война никому не по душе. Помимо прочих дел, нам еще предстоит собрать урожай.

— Вам не удастся этого сделать, если восточные мабдены поведут войска через Лларак, — предупредил Корум. — Но я не хочу с тобой спорить. Скажу только, что одно время мы, вадаги, тоже не верили в кровожадность мабденов и не обращали внимания на слухи. Вот почему погибли мои мать, отец, сестры и братья. Вот почему я — последний вадаг на этой земле.

Крестьянин отер пот со лба тыльной стороной ладони и почесал в голове.

— Я подумаю над твоими словами, друг вадаг.

— А что будет со священником? — Корум кивнул на Веренака, которому никак не удавалось выбраться из воды.

— Мы его не тронем, да и он не будет нас больше беспокоить. Ему предстоит обойти еще много деревень. Правда, я сомневаюсь, что крестьяне в них так же терпеливы, как мы.

Корум кивнул:

— Хорошо, но помни, что мелкие стычки, споры, вроде нашего, незначительные решения — например, то, которое принял герцог, изгнав священников Урлеха — прямо указывают, что очень скоро разразится война между Законом и Хаосом. Веренак вербует

солдат в армию Хаоса, герцог — выступает на стороне Закона. Оба они чувствуют приближение опасности, но я знаю, что войско мабденов выступило в поход и идет на Лайвм-ан-Эш. Не забудь, что я предупредил тебя, друг мой. И какое бы решение вы не приняли, будьте осторожны.

Крестьянин закусил губу.

— Я подумаю, — сказал он после непродолжительного молчания.

Площадь опустела. Веренак, ковыляя, шел к своей лошади, бросая на Корума угрожающие взгляды.

— Будь нашим гостем, — добродушно предложил крестьянин. — Мы с удовольствием примем и тебя и твоих людей.

Корум покачал головой:

— Спасибо тебе за приглашение, но нам надо торопиться. То, что я здесь видел и слышал, подтверждает мои худшие опасения. Необходимо предупредить герцога о грозящей опасности. Прощай.

— Прощай, друг, — задумчиво ответил крестьянин.

Они скакали по деревне, и Джерри неожиданно рассмеялся.

— Забавная получилась сцена, не хуже, чем в комедии, которую я как-то сочинил.

— Смех сквозь слезы, — мрачно пробормотал Корум.

— Как и в любой хорошей комедии, — заявил Джерри.

Они гнали коней во весь опор, словно воины Лир-а-Брода гнались за ними по пятам. Казалось, атмосфера была накалена до предела: в каждой деревне велись на первый взгляд ничего не значащие споры между сторонниками Урлеха и Илаха, но никто не хотел слушать Корума, который предупреждал, что Хаос восторжествует и все они будут уничтожены, если не возьмутся за оружие и не подготовятся отразить нападение армий короля Лир-а-Брода.

Когда Корум и его товарищи увидели с вершины холма Лларак-ан-Фоль, они поняли, что там кипит битва.

Города Лайвм-ан-Эша, как правило, окружали

крепостные стены, и Лларак не был исключением. Дворец герцога Бердильральского мало чем отличался от других высоких зданий; все дома в городе, и каменные, и кирпичные, были разрисованы яркими красками. Сейчас улицы казались безмолвными и пустынными; одно из строений неподалеку от резиденции герцога — там, где происходило сражение, — горело ярким пламенем.

Оставив своих жен на вершине холма, отряд воинов княжества Алломглильского поскакал к городу.

— Похоже, не все священники такие мирные, как Веренак! — крикнул Корум Ралине, подавая ей копье. На галопе подскакали они к окраине города.

— Тебе придется быть нашей провожатой! Заодно покажешь, кто сражается за герцога, а кто — против!

Ралина ничего не ответила, лишь пришпорила коня, и они понеслись за ней к центральной площади Лларак-ан-Фоля.

И вот они оказались в гуще битвы. Воины в голубых мундирах, в доспехах из раковин гигантских морских животных оборонялись против толпы крестьян, во главе которых дрались профессиональные солдаты в пурпурно-коричневой форме.

— Голубые — за герцога! — крикнула Ралина. — Коричневые — городская стража. Они всегда соперничали друг с другом!

Коруму не хотелось убивать. Он не испытывал враждебных чувств ни к крестьянам, ни к солдатам, которые сами не знали, почему они дерутся; не могли понять, что являются слепыми орудиями Хаоса. Наверняка эти люди просто озлобились, когда священников Урлеха выгнали из города, и сейчас нашли выход своей злобе.

Но Ралина повела своих всадников в атаку. Держа копья наперевес, кавалеристы врезались в толпу, прокладывая в ней широкую кровавую дорогу. Большинство крестьян сражались пешими, и Корум, вынужденный принять участие в битве, рубил боевым топором направо и налево, видя изумленные лица тех, кто пытался остановить его. Лошадь вадагского принца встала на дыбы, заржала и вновь помчалась

вперед, оставляя под копытами трупы. Отряд прорвался вперед сквозь ряды противника и соединился с воинами в голубых мундирах.

Корум почувствовал облегчение, увидев, что многие крестьяне побросали оружие и разбежались в разные стороны. Городская стража продолжала сражаться, и теперь Корум заметил среди них священников. Человек небольшого роста, почти карлик, на большом пегом скакуне одобрительно закричал, приветствуя неожиданных союзников, и взмахнул огромным мечом. По богатым одеждам маленького человечка Корум догадался, что это — герцог.

— Бросайте оружие! — крикнул он солдатам. — Сдавайтесь, и я вас помилую.

Один из стражников поднял голову, нерешительно посмотрел на свою саблю и бросил ее на землю. В ту же секунду священник, стоявший сзади, одним ударом снес ему голову с плеч.

— Стоять насмерть! — закричал он. — За Хаос! Лучше погубить тело, чем душу!

Оставшиеся в живых солдаты городской стражи явно потеряли интерес к битве. Один из них повернулся к священнику, и глаза его зажглись ненавистью. Лезвие меча со свистом рассекло воздух, и служитель Урлеха упал. На его шее зияла огромная кровавая рана.

Корум повесил боевой топор на луку седла. Сражение практически закончилось. Копьеносцы Ралины и воины в голубых мундирах окружили солдат, не желавших бросать оружие, и вынудили их сдаться в плен.

Ралина присоединилась к Коруму и Джерри-ан-Конелю, а через несколько минут к ним подскакал маленький человечек на большой лошади. Кот Базилий, все еще сидевший на плече Джерри, выглядел скорее удивленным, чем испуганным.

— Я — герцог Гвелин Бердильральский, — представился карлик, обращаясь к Ралине. — За помощь твою премного благодарен. Токмо не из Айвиша ты, и в Адвине воины столь славные мне неведомы, а из прочих княжеств, услыхав про мои невзгоды, никог-

да не успел бы ты, рыцарь, прискакать мне на помощь.

Ралина сняла шлем и тряхнула волосами. Она улыбнулась, но ответила герцогу так же торжественно:

— Неужель не узнал ты меня, герцог Гвелин?

— Прости, но память меня подводит.

Она рассмеялась:

— Сколько воды утекло! Я — Ралина, которая вышла замуж за твоего брата...

— Княжество Алломглильское! Но мне сообщили, что маркграф погиб при кораблекрушении.

— Да, — ответила она, перестав улыбаться.

— Я думал, замок Мойдель давно поглотило море. Где же ты была все это время, девочка моя?

— До недавних пор — в замке Мойдель. Восточные варвары вынудили меня покинуть родные края, и я пришла предупредить тебя, что Хаос готовится к битве. Сегодняшнее сражение — сущие пустяки по сравнению с тем, что ожидает нашу страну.

Герцог Гвелин запустил пальцы в бороду. Он перевел взгляд на пленников и отдал какое-то приказание своим воинам. Затем улыбнулся:

— Так, так. А кто этот храбрец с повязкой на глазу? И юноша в шляпе с котом на плече? И...

Ралина вновь рассмеялась:

— Я все тебе расскажу, герцог Гвелин, при условии, что ты пригласишь нас в гости.

— Посмей только отказаться! Пойдемте, друзья. Дело сделано. Теперь можно отдохнуть.

В небольшой гостиной дома Гвелина, обставленной просто, но со вкусом, они отобедали холодными мясными блюдами, хлебом, сыром и запили эту скромную трапезу местным пивом.

— Мы совсем не умеем сражаться, — признался герцог, когда присутствующие были ему представлены и Ралина объяснила цель их приезда в Ллорак. — Сегодняшняя потасовка для нас — страшная битва. Если б у моих людей был военный опыт, они быстро справились бы с мятежом, захватили восставших в плен и избежали бы ненужного кровопро-

лития. Но они растерялись. Боюсь, нас перебили бы, как мух, не подоспейте вы на помощь. То, что я услышал от вас о битве между Законом и Хаосом, только подтверждает мои подозрения. Даже у меня последнее время происходит частая и непонятная смена настроений. Вы слышали, как я уничтожил культ Урлеха? Его священники стали заниматься непотребными вещами. Приносить жертвы... не хочу об этом говорить. И главное, не пойму, почему меня охватило такое беспокойство. Вроде бы все мои подданные довольны. У нас всего вдоволь. Значит, говоришь, нас контролируют силы, которые нам неподвластны? Я бы предпочел, чтобы моей судьбой не распоряжались ни Закон, ни Хаос. Лучше я останусь нейтральным.

— Любой разумный человек подпишется под твоими словами, — сказал Джерри. — Тем не менее существуют ситуации, когда надо принять чью-либо сторону, если хочешь сохранить то, что тебе дорого. Другого пути нет, хотя я согласен, что человек — независимо от того, сражается он за Закон или за Хаос — теряет частичку своей человечности.

— Теперь я подпишусь под твоими словами, — пробормотал Гвелин и поднял кубок с пивом, салютуя вечному страннику.

— Мы все так считаем, — согласилась Ралина. — Но если мы не подготовимся к войне, король Лир-а-Брод не оставит от Лайвм-ан-Эша камня на камне.

— Наша прекрасная страна погибнет, — задумчиво сказал герцог Гвелин. — С каждым годом море поглощает все больше и больше земель. Но вы правы: коль ей суждено исчезнуть, пусть это произойдет естественным путем. Вам придется убедить короля...

— Кто сейчас правит в Хельвиг-нан-Вейке? — спросила Ралина.

Герцог бросил на нее удивленный взгляд:

— Твое княжество действительно было на краю света! Наш король — Ональд-ан-Гисс. Племянник старого Ональда, безвременно скончавшегося...

— А какой у него нрав? Я спрашиваю потому, что только от характера человека зависит, примет он сторону Закона или Хаоса.

— Мне кажется, Ональд предпочтет Закон, но я не могу с уверенностью говорить за его военачальников. Темперамент военных...

— Возможно, они уже захватили власть, — еле слышно сказал Джерри. — Когда вся страна охвачена безумием, сильному человеку, поддерживающему Хаос, ничего не стоит сместить короля с трона. От тебя ведь тоже пытались избавиться, герцог Гвелин.

— Мы должны немедленно отправиться в Хельвиг! — воскликнул Корум.

Герцог кивнул:

— Да, конечно. Но ведь в нашем отряде много женщин... Пройдет не меньше недели, прежде чем вы доберетесь до столицы.

— Мы поскачем вперед, а отряд последует за нами, — приняла решение Ралина. — Белдан, назначаю тебя его капитаном.

Белдан скорчил мину:

— Хорошо. Хоть я и предпочел бы не расставаться с вами.

Корум встал из-за стола:

— Решено. Ралина, Джерри и я отправимся в Хельвиг сегодня ночью. Если ты извинишь нас и позволишь где-нибудь прилечь на часок-другой, герцог Гвелин, мы будем тебе очень признательны.

Герцог хмуро уставился в стену:

— Я настаиваю, чтобы вы как следует выспались перед отъездом. Вряд ли вам удастся как следует отдохнуть в течение следующих нескольких дней.

глава четвертая

ВРАТА МЕЖДУ СФЕРАМИ

Они скакали во весь опор. Повсюду в стране началось брожение умов; люди раздражались по пустякам и давали выход своему раздражению, хватаясь за оружие, толком не понимая, зачем они это делают.

А священники Хаоса — многие из них искренне заботясь о благополучии крестьян и горожан — продолжали вдохновлять их, поощряя насилие там, где все можно было решить полюбовно.

В душах людских поселилась неопределенность.

Путешественники часто останавливались, чтобы перекусить и дать лошадям отдых. Земля полнилась слухами, весьма отдаленно напоминающими истину, и Корум устал без толку предупреждать людей о грозящей им опасности. Теперь он решил говорить только с королем, который мог издать любой декрет и покончить с ненужными спорами.

Но поверит ли им король? Разве они могли доказать, что говорят правду?

Хельвиг-нан-Вейк был древним городом и справедливо гордился своими прекрасными замками и дворцами из белого мрамора. Множество дорог, посыпанных белым песком, вели в столицу. По ним шли купцы и солдаты, крестьяне и священники, торговцы и музыканты. Корум, Ралина и Джерри скакали по Великой Восточной дороге; одежда их была серой от пыли; они едва держались в седлах от усталости.

Хельвиг был окружен крепостной стеной, но она скорее представляла собой декорацию, чем защищала от врагов. На ее белом мраморе скульпторы вы-

секли мифических зверей, сцены былых баталий, развлекательные картинки. Городские ворота были распахнуты настежь, и сонные стражники даже не поинтересовались, по какому делу едут в город путешественники. Улицы благоухали ароматами; сады окружали каждый дом; окраины утопали в экзотических растениях. Казалось, жители Хельвига только и делают, что разводят цветы и наслаждаются сладкими запахами. Особенно красив был дворец короля, увитый виноградными лозами. Казалось, он вырос из земли вместе с башнями и стенами, как причудливое дерево изумительной красоты. Даже Корум с удовольствием улыбнулся, увидев эту картину.

— Никогда не видел я ничего подобного, — признался он. — Неужели у кого-то может возникнуть мысль уничтожить такое чудо?

Джерри окинул дворец критическим взглядом.

— Может, — коротко сказал он. — У варваров.

Ралина обратилась к стражнику, стоявшему на невысокой стене.

— Доложи о нас королю Ональду, — сказала она. — Мы скакали не останавливаясь много дней, чтобы сообщить ему очень важное известие.

Стражник, одетый в красивые одежды, ничем не напоминающие солдатскую форму, отсалютовал ей.

— Я передам твои слова королю. Подожди меня здесь.

И вот, наконец, они стояли перед королем.

Большая комната была залита солнечным светом; из окна открывался прекрасный вид на южные кварталы города. На мраморном столе, за которым сидел король, лежали карты Лайвм-ан-Эша, которые он, видимо, только что просматривал. Ональд был молод, невысок ростом, с мелкими чертами лица. На нем была простая светло-желтая парчовая мантия; волосы его стягивал золотой обруч — символ власти.

Увидев, что в комнату вошли посетители, король грациозно поднялся на ноги и приветствовал их.

— Вы устали, — заметил он и сделал знак слу-

ге. — Сейчас принесут удобные кресла и прохладительные напитки.

Он ждал стоя, пока его распоряжение выполнили, а затем сел вместе со всеми у окна за столик, уставленный закусками и бутылками с легким вином.

— Мне доложили, вы хотите сообщить мне какое-то важное известие, — произнес король Ональд. — Но сначала ответьте, вы пришли с востока?

— С запада, — коротко ответил Корум.

— С запада? Значит, и там началась война?

— Извини меня, сир, — Ралина сняла шлем и тряхнула головой. — Мы не знали, что ты с кем-то воюешь.

Король поморщился:

— Пираты бесчинствуют на морях. У них большая флотилия. Недавно они зашли в порт Девиш-ан-Вод, захватили город и перерезали всех от мала до велика. Как правило, варвары нападают внезапно, стараются застать нас врасплох, но в нескольких городах мои гарнизоны отразили нападение и даже взяли пленных. Одного из них недавно доставили ко мне. Он сумасшедший.

— Вот как? — спросил Джерри.

— Да. Он свято верит, что судьба избрала его орудием уничтожения всего Лайвм-ан-Эша, лепечет что-то о сверхъестественных существах, об огромной армии, которая выступила в поход.

— Он не сумасшедший, — спокойно сказал Корум. — Во всяком случае, он говорит правду. Именно об этом мы и хотели предупредить тебя. Пираты, о которых ты говоришь, — мабдены с континента Бро-ан-Мабден, союзники варваров с Бро-ан-Вадага. Они действительно призвали на помощь силы Хаоса и поклялись уничтожить всех, кто вольно или невольно встал на сторону Закона. Повелитель Мечей, герцог Ариох, недавно был изгнан из наших Пяти Измерений, но он вернется, если те, кто сражаются за Закон, потерпят поражение. Королева Ксиомбарг не может сама помочь варварам, но она направила к ним своего эмиссара.

Тонкие пальцы короля Ональда нервно забарабанили по столу.

— Значит, положение наше еще хуже, чем я предполагал. Я с трудом справляюсь с пиратами, а против варваров и сверхъестественных существ я бессилен.

— Надо поднять народ, — уверенно сказала Ралина.

— Естественно. Мы откроем наш арсенал и вооружим каждого, кто способен оказать сопротивление врагу. Но этого недостаточно...

— Вы разучились драться? — мягко спросил Джерри.

Король кивнул:

— Ты прочитал мои мысли, рыцарь.

— Если б только лорд Аркин обрел былую силу! — воскликнул Корум. — Он смог бы оказать нам помощь. Но сейчас осталось слишком мало времени. Армия Лира наступает с востока, пираты нападают с севера...

— Они уничтожат мою страну, — прошептал Ональд. — Их слишком много.

— И к тому же к ним примкнули сверхъестественные существа, — напомнила Ралина. — К сожалению, нам не удалось выяснить, какие именно, потому что мы спешно покинули замок Мойдель. — Она объяснила королю, каким образом им стали известны планы Лира, и в конце ее рассказа Джерри улыбнулся.

— К сожалению, мой кот не сможет перелететь через море, — сказал он. — Ему становится дурно при одной мысли о воде.

— Не обратиться ли нам к жрецам Илаха? — задумчиво спросил король. — Вдруг они дадут дельный совет?

— Неплохая идея, — согласился Корум. — Но боюсь, они сейчас мало на что способны.

— Да, нам не найти союзников. — Ональд вздохнул. — Что ж, приготовимся достойно умереть.

Наступила тишина.

В комнату вошел слуга. Он наклонился к королю, что-то прошептал на ухо. Ональд удивленно посмотрел на него и перевел взгляд на своих гостей.

— Нас четверых просят пройти в храм Закона, —

сказал он. — Возможно, жрецы обладают большей силой, чем мы предполагали. Не понимаю, откуда им стало о вас известно. — Он повернулся к слуге. — Приготовь карету. Мы едем.

Слуга побежал исполнять приказание, а тем временем Ональд предложил гостям пройти в приготовленные для них апартаменты, где они вымылись в ваннах и привели себя и свою одежду в порядок. Затем путешественники спустились во двор и сели вместе с королем в небольшую открытую карету, которая тут же помчалась по живописным улицам города и вскоре остановилась на западной его окраине перед невысоким зданием. У входа их встретил человек в длинной белой мантии с изображенной на ней прямой стрелой — символом Закона. У жреца была коротко подстриженная седая борода и длинные седые волосы. На его сером лице выделялись большие карие глаза, словно принадлежавшие другому человеку. Увидев Ональда, жрец поклонился.

— Приветствую тебя, сир. Здравствуйте, госпожа Ралина, принц Корум, Джерри-ан-Конель. Простите, что так внезапно нарушил ваш покой, но... — Он неопределенно помахал рукой и провел их внутрь прохладного храма.

— Меня зовут Алерьян-ан-Найвиш, — представился жрец. — Рано утром меня вызвал... повелитель моего Короля. Он поведал мне многое, а затем назвал имена трех путешественников, которые должны прибыть во дворец. Он велел пригласить вас сюда...

— Повелитель Короля? — недоуменно переспросил Корум.

— Лорд Аркин. Только он, и никто другой, может повелевать мною.

Внезапно тени в дальнем углу зала сгустились, и из них вышел высокий человек со статной фигурой. Он был одет, как знатный вельможа Лайвм-ан-Эша. Губы его улыбались мягкой улыбкой, глаза отражали мудрость веков, лицо было печальным.

Он сильно изменился, но Корум сразу узнал Повелителя Закона, с которым ему доводилось встречаться.

— Лорд Аркин, — сказал он.

— Благий Корум, сколь успешно житие твое?

— Душа моя страхом полнится, — ответил вадагский принц, — ибо Хаос хочет пожрать нас всех.

— Знаю. Пройдет немало времени, прежде чем на земле позабудут об Ариохе, как однажды позабыли обо мне. И я почти ничем не могу тебе помочь, потому что не вернул своей былой силы. Существа из потустороннего мира уже примкнули к армиям короля Лир-а-Брода. Королева Ксиомбарг направила к ним своего эмиссара, который способен вызывать страшных существ из ее измерений. Сама она не имеет права вмешиваться в дела смертных, и, если попытается прийти в наш мир, ее ждет гибель.

— Но где же нам найти союзников, лорд Аркин? — спросил Джерри.

— А разве ты этого не знаешь, человек с тысячью имен? — улыбнувшись, спросил Аркин.

— Я знаю, что если ответ и есть, он парадоксален, — сказал Джерри. — Это я хорошо уяснил, будучи по профессии другом Бессмертных Воинов.

И вновь Аркин улыбнулся:

— Существование тоже парадокс, друг Джерри. Добро является злом, а зло — добром. Впрочем, ты разбираешься в этом не хуже, чем я.

— И всегда отношусь безразлично и к тому, и к другому.

— А сейчас волнуешься.

Джерри рассмеялся:

— Ты прав. Итак, каков ответ?

— Я пришел, чтобы дать его. Вам необходимо получить помощь. Если Лайвм-ан-Эш падет, дело, которому служит Закон, погибнет. Ты знаешь, что у вас не хватит ни сил, ни опыта сдержать натиск Лир-а-Брода и Гландит-а-Края, в особенности после того, как они позвали на подмогу Собаку и Рогатого Медведя. Заключить с вами военный союз согласится только один народ, но его не существует на моих Пяти Измерениях. Кроме тебя, Корум, Ариох уничтожил всех, кто мог противостоять силам Хаоса.

— Где же он живет, этот народ? — спросил Корум.

— Во владениях Повелительницы Мечей, Королевы Ксиомбарг.

— Нашего злейшего врага! — Ралина судорожно

вздохнула. — Если мы окажемся в ее власти, она уничтожит нас не задумываясь!

— Только в том случае, если обнаружит. Но особо не беспокойтесь: все внимание Ксиомбарг приковано к бывшему герцогству Ариоха, и скорее всего она даже не поймет, что вы проникли в ее королевство.

— А кто они такие, наши будущие союзники? — спросил Джерри. — И зачем им сражаться на стороне Закона? Ксиомбарг давно уничтожила всех его сторонников, — ведь она могущественней Ариоха!

— Не совсем так. И не забывай, что во владениях Повелительницы Мечей Хаос утвердился в меньшей степени, чем в королевстве ее брата, Мабельрода. Один город до сих пор оказывает Ксиомбарг сопротивление, несмотря на все попытки королевы уничтожить его. Если вам удастся отыскать Город в Пирамиде, вы найдете союзников.

— Как же мы отыщем его? — спросил Джерри.

— Придется поспрашивать, — просто ответил лорд Аркин. — Ну так как? Согласны? Это — ваш единственный шанс на спасение.

— И твой тоже, — с улыбкой сказал Джерри. — Знаю я вас, Богов. Помогая смертным, вы заставляете их делать то, чего не можете сделать сами, и в первую очередь думаете о себе. Разве я не прав?

— Ты говоришь, что знаешь Богов. Значит, ты не можешь не понимать, что я поставил на карту не только ваши жизни, но и свою дальнейшую судьбу, и рискую не меньше, чем вы. Если вам не повезет, я исчезну, а вместе со мной исчезнет все доброе и хорошее в этом мире. К тому же я не принуждаю вас...

— Если нам удастся найти в королевстве Ксиомбарг союзников, мы согласны отправиться туда немедленно, — твердо сказал Корум.

— Тогда я открываю Врата между сферами, — спокойно ответил Аркин. — Приготовьтесь. — Он повернулся, прошел в угол зала и вновь скрылся в глубоких тенях.

Внезапно раздался какой-то странный звук, хотя вадагский принц мог бы поклясться, что в храме царила мертвая тишина. Его товарищи, видимо, испытывали те же чувства.

Затем перед глазами Корума возникла туманная сцена, сквозь которую он с трудом видел Ралину и Джерри-ан-Конеля. Воздух задрожал, как при сильном жаре.

Огромный серебряный крест появился в середине зала. Они удивленно уставились на него, обошли со всех сторон, а крест словно двигался за каждым из них, и его не удавалось рассмотреть ни сзади, ни с боков. Сквозь крест, как сквозь окно, открывался вид на необычный пейзаж.

— Врата в королевство Ксиомбарг, — послышался сзади голос Аркина.

Странные черные птицы летели по небу. Они хрипели и каркали.

Корум задрожал. Ралина прижалась к нему.

— Если вы останетесь, — хрипло произнес король Ональд, — я не буду на вас в претензии.

— Это невозможно. — Коруму вновь казалось, что он видит сон. — Мы должны идти.

Джерри-ан-Конель сделал шаг вперед. Глядя на черных птиц, он чесал кота Базилия за ухом.

— Как нам вернуться? — спросил Корум.

— Когда вы найдете Город в Пирамиде, то получите ответ на этот вопрос. — Голос Аркина звучал все тише и тише. — Поторопитесь. Я теряю силы, держа Врата открытыми.

Рука об руку шагнули Ралина и Корум вперед, присоединившись к Джерри-ан-Конелю. Крест таял в воздухе. На мгновение мелькнуло и исчезло встревоженное лицо Ональда.

— Вот оно, королевство Ксиомбарг! — Джерри ухмыльнулся. — Признаться, невеселая картина.

Черные горы возвышались на фоне серого неба. Черные птицы взвизгивали на лету. Неподалеку волны накатывали на каменистый берег.

КНИГА ПЯТАЯ,

в которой принц Корум и его товарищи в очередной раз вызывают гнев Повелителей Хаоса и узнают много нового о колдовстве

глава первая

ОЗЕРО ГОЛОСОВ

— Куда мы пойдем? — Джерри огляделся по сторонам. — К морю или к горам? И то, и другое выглядит достаточно непривлекательно.

Корум глубоко вздохнул. Унылый пейзаж лишил его душевного равновесия. Ралина положила ему руку на плечо и сочувственно улыбнулась:

— Пойдемте к горам. Ведь у нас нет ни баркаса, ни простой лодки.

Вечный странник тщательно привязывал мешок (с которым почти никогда не расставался) на спину.

— Можно подумать, у нас есть лошади, — ответил он. — Идти пешком — слишком далеко. И откуда ты знаешь, что в горах есть проход?

Корум признательно посмотрел на Ралину.

— Раз уж мы здесь, не будем топтаться на месте. — Он положил руку на эфес шпаги и решительно пошел к горам. — Я познал власть Хаоса, когда путешествовал по владениям Ариоха, но такую мрачную картину вижу впервые. Может быть, по дороге нам удастся встретить местных жителей, которые знают, где находится Город в Пирамиде.

Они молча шли по оплавленной каменистой поверхности земли. Через некоторое время им стало ясно, что солнце не двигается по небу. Стояла мертвая тишина, которую изредка нарушал безумный визг черных птиц, гнездившихся на скалах. Казалось, воздух был пропитан отчаянием. Джерри попытался на-

свистать какую-то веселую мелодию, но звуки ее исчезали, едва успев сорваться с губ.

— Никогда не думал, что мне покажутся страшными не бушующие в ярости, а молчаливые в ненависти творения Хаоса, — сказал Корум.

Джерри пожал плечами:

— В конечном итоге Хаос (хоть он и обвиняет в этом Закон) ведет к полному вырождению цивилизаций, к деградации личности. Он ищет все новых и новых ощущений, творит чудеса за чудесами, а в результате исчерпывает все свои возможности и умирает от скуки.

Сильная усталость дала себя знать, и они улеглись на каменную поверхность и уснули, а когда проснулись, увидели, что изменилось только...

Черные птицы парили над их головами.

— Вот интересно, чем они питаются? — с любопытством спросила Ралина. — Здесь нет ни мелких зверюшек, ни растений. Ума не приложу, как им удается прокормиться.

Джерри многозначительно посмотрел на Корума. Вадагский принц пожал плечами.

— Продолжим путь, — сказал он. — Быть может, время в этой стране и стоит на месте, но если мы не поторопимся, Лайвм-ан-Эш будет уничтожен.

А птицы опустились еще ниже, махая перепончатыми крыльями, легко поворачивая в воздухе свои маленькие тельца, глядя на чужеземцев крохотными злыми красными глазками, угрожая длинными и острыми, как кинжалы, клювами.

Глядя на черных птиц, кот свирепо заурчал, выгнул спину и вздернул хвост трубой.

Путешественники шли, не останавливаясь, и постепенно дорога стала подниматься в гору. Скалы нависали над ними, подобно спящим чудовищам, которые могли в любую минуту пробудиться и пожрать их. Камни были гладкие и скользкие, как стекло. Каждый шаг давался с большим трудом.

Черные птицы влетали в расщелины и вылетали

из них. Дикий визг и карканье раздавались все громче, все настойчивей. Крылья яростно хлопали над головами путешественников, но они были так измучены тяжелым подъемом, что не обращали на это внимания.

Чтобы успешно отбиться от мерзких тварей, необходимо было найти какую-нибудь пещеру или хотя бы углубление в скале. Тяжелое дыхание, скрип сапог по гладкому камню смешивались с визжащей птичьей болтовней. Корум мельком посмотрел на Ралину и увидел, что она плачет от страха, но продолжает упрямо карабкаться по скалам. У него возникло такое ощущение, что Аркин обманул их, послал на верную гибель.

Крылья захлопали над ухом Корума, холодным ветром повеяло на лицо. Коготь царапнул по серебряному шлему. Вскрикнув, вадагский принц выхватил из ножен шпагу. Черная масса сверкала глазами и щелкала клювами. Описав полукруг, клинок сверкнул на солнце. Крик черных птиц звучал издевательски.

Левая рука Корума помимо его воли с быстротой молнии схватила одну из птиц; шесть пальцев сдавили ей горло. Удивленно и испуганно она закричала и забилась в агонии. Рука Кулла швырнула труп на камни. Мерзкие твари отлетели на безопасное расстояние, настороженно глядя на Корума, который совсем позабыл, что страшный подарок Шуля не раз выручал его из беды. Он погрозил рукой Кулла птицам, те тревожно закричали.

Ралина перевела дыхание и удивленно взглянула на своего возлюбленного. Джерри поджал губы, вытащил из ножен саблю и встал спиной к скале; кот вцепился ему в плечо.

Путешественники и птицы смотрели друг на друга. И те, и другие боялись напасть первыми. Внезапно Корум подумал о глазе Ринна. Ему очень не хотелось прибегать к помощи обитателей потусторонних миров. Он с ужасом вспомнил вадагов, подданных королевы Урезе, погибших нелепой смертью.

Но у Корума не было выхода. Он прекрасно понимал, что рука Кулла справится с одной-двумя птицами, но это не спасет ни Ралину, ни Джерри, ни его самого.

Вадагский принц нерешительно поднял повязку.

Сверкающий глаз мертвого Бога уставился в мир куда более страшный, чем тот, на который попал Корум.

Черные облака плыли над черной землей. А в пещере, как статуи, стояли те, кого он боялся увидеть. Они смотрели на него остекленевшим взором, и лица их были печальны. Раны живых мертвецов больше не кровоточили. Рядом с ними лежали двурогие скакуны с толстой кожей, покрытой чешуей, напоминающей нагрудники кирас.

Отчаяние охватило Корума, когда он увидел вадагов, чью страну каприз Ариоха превратил в Огненные Земли. Вадагский принц хотел уже опустить повязку, но рука Кулла сделала повелительный жест.

Медленно двадцать воинов тронулись с места. Медленно оседлали они своих скакунов. Медленно поскакали они из пещеры безымянного мира и появились на скользких каменистых склонах горы.

Черные птицы изумленно и злобно завизжали, но почему-то не взлетели. Они переступали с лапы на лапу, угрожающе разевая клювы, и только когда мертвые воины оказались с ними рядом, попытались подняться в воздух.

Расширенными от ужаса глазами Ралина смотрела на сцену, которая не привидится и в кошмарном сне.

— Великие Древние Боги! — воскликнула она. — Корум, что это за нечисть? Кто они такие?

— Наши защитники, — хмуро ответил вадагский принц и громко крикнул вадагам. — Птицы — ваша награда!

Копья с зазубренными наконечниками взметнулись в воздух, и ни одно не пролетело мимо цели. В воздухе начался переполох, трупы мерзких тварей усеяли склон горы. Ралина задрожала от отвращения.

Мертвые вадаги спешились и неторопливо подобрали свою добычу. Корум давно догадался, что новые жертвы заменяли предыдущие в потустороннем мире, а затем — по крайней мере вадагский принц на это надеялся — обретали вечный покой.

Предводитель вадагов взял двух птиц за горло, перекинул их через плечо. Он повернулся к Коруму искалеченным лицом и уставился на него пустыми глазницами.

— Дело сделано, Повелитель, — прозвучал монотонный голос.

— Вы получили награду, — задыхаясь, пробормотал Корум. — Теперь возвращайтесь.

— Сначала я должен выполнить данное мне поручение, Повелитель.

— Поручение? Кто дал его тебе?

— Тот, Кто ближе Тебе, чем Ты думаешь. Он велел сказать, что ты должен найти Озеро Голосов. Если у тебя хватит смелости переправиться через него, ты получишь помощь, которую ищешь.

— Озеро Голосов... Где оно? И о ком ты говорил, когда...

— Озеро Голосов лежит за горным хребтом. Прощай, Повелитель. Спасибо тебе за награду.

Корум не в силах был вынести вида мертвых вадагов. Он отвернулся и опустил повязку. Лицо Ралины было белым, как мел.

— Твои "защитники" хуже созданий Хаоса. Они могут погубить твою душу, Корум...

Вадагский принц повернулся. Мертвые вадаги исчезли; пропали все птицы, кроме той, которую убила рука Кулла.

Джерри-ан-Конель подошел к своим спутникам.

— Погубить нас может только Хаос, — беспечно сказал он, — а значит, в борьбе с ним все средства хороши. Он развращает даже тех, кто ему не служит. Можешь поверить мне, госпожа Ралина. Я знаю, о чем говорю.

Маркграфиня опустила голову:

— Давайте пойдем к озеру. Как оно называется?

Корум не отрываясь смотрел на дохлую птицу.

— Озеро Голосов, — машинально ответил он.

Они продолжали подниматься в гору, часто останавливаясь и отдыхая. Черных птиц не было видно, но теперь путешественникам грозила другая опасность: голод и жажда. Отправившись в королевство Ксиомбарг, они не взяли с собой ни пищи, ни воды.

Перевалив через хребет, Корум, Ралина, Джерри довольно быстро достигли нижних склонов горы, покрытых чахлым кустарником, за которым лежало спокойное голубое озеро, абсолютно не гармонирующее с мрачной природой этого мира.

— Как прекрасно! — воскликнула Ралина. — По крайней мере, мы вдосталь напьемся, а может, найдем что-нибудь съедобное.

— Гм-мм-мм... — нерешительно протянул Корум.

— Насколько я помню, — заметил Джерри, — нам сказали, что только смельчак сможет переправиться через озеро. Хотел бы я знать, какую опасность оно таит?

Каменистые склоны горы, поросшие черным кустарником, остались позади, и путешественники, не чувствуя ног от усталости, остановились отдохнуть на зеленой лужайке, по которой пробегал небольшой ручеек. Они с наслаждением напились прохладной воды, и Джерри что-то прошептал коту, который тут же расправил крылья, поднялся в воздух и скрылся из виду.

— Куда это ты послал Базилия, Джерри? — поинтересовался Корум.

Вечный странник подмигнул:

— На охоту.

И действительно, не прошло и нескольких минут, как кот вернулся с кроликом в когтях, бросил его под ноги своему хозяину и вновь улетел за добычей. Джерри быстро развел костер, и вскоре путешественники накинулись на еду, а потом, дежуря по очереди, улеглись на траву и как следует выспались.

Через несколько часов они продолжили путь. При-

мерно в четверти мили от озера Корум внезапно остановился.

— Слышите? — спросил он своих спутников.

— Нет, — ответила Ралина. — Что случилось?

Джерри кивнул:

— Да... похоже на шум толпы... Голоса...

Они пошли дальше, шагая по пружинящему торфу, а голоса становились все слышнее и слышнее. Звон стоял в воздухе, и путешественники в ужасе закрыли уши руками. Теперь они поняли, какого рода смелость была нужна, чтобы переплыть это озеро.

Говорила вода. Казалось, миллионы утопленников не желают умолкнуть, несмотря на то, что кости их давно лежат на дне.

Корум в ужасе огляделся по сторонам, но обойти Озеро Голосов было невозможно — на многие мили вокруг расстилалось непроходимое топкое болото.

Корум заставил себя подойти к берегу. Мужчины, женщины, дети стенали, словно души их мучились вечными муками.

— Пожалуйста...

— Я хочу.. я хочу... я хочу...

— Никто не...

— Это мука...

— Но почему?...

— Ложь... меня обманули...

— Меня тоже обманули... я не могу...

— Аааааааа! Аааааааа! Аааааааа!

— Помоги мне!

— ...ги мне...

— ... и мне...

— Мне...

— Судьбы моей нельзя избежать, разве только...

— Ха!

— Помоги!

— Сжалься!

— Спаси ее... спаси ее... спаси ее...

— Я так страдаю...

— Ха, ха...

— Было так прекрасно, и кругом горели огни...
— Звери... звери... звери... звери... звери...
— Ребенок... это был ребенок...
— Все утро она плакала и плакала, пока не покинула меня...
— Искусство...
— Покинутый в Рендане, я тосковал о ней...
— Покой...
— Я хочу... я хочу... я хочу...
— Покой... покой... покой...
— Покой...

Корум увидел на берегу лодку, словно поджидавшую путешественников. Быть может, они сойдут с ума... если, конечно, переберутся на другую сторону озера.

глава вторая

БЕЛАЯ РЕКА

Корум и Джерри, усевшись рядом, налегли на длинные весла. Ралина, рыдая, лежала на корме. С каждым гребком вместо всплесков раздавались новые голоса, словно в каплях воды были заключены души человеческие, стремящиеся вырваться на свободу, осознающие весь ужас своего положения. Корум невольно подумал, что всех утопленников ждет такая судьба, хотя не каждого из них можно будет услышать. Он постарался как можно скорее выкинуть эту жуткую мысль из головы.

— Хочу, чтобы...

— Так будет...

— Если я...

— Смогу...

— Любовь... любовь... любовь...

— Печальные песни успокоят страждущие души, нежно и ласково принесут им покой...

— Прекратите! Остановитесь! — умоляюще закричала Ралина, но голоса не умолкли. Корум и Джерри налегли на весла.

— Я хочу... я хочу... я хочу... я хочу...

— Я пробудился, проклиная...

— Однажды... однажды... однажды...

— Помоги нам!

— Освободи нас!

— Дай нам покой! Покой!

— Пожалуйста, покой, пожалуйста, покой...

— Безнадежно...

— Холодно...

— Холодно...

— Холодно...

— Мы не можем помочь вам, — простонал Корум. — Мы бессильны!

Ралина кричала и рыдала взахлеб.

Губы Джерри-ан-Конеля были крепко сжаты, глаза его смотрели вдаль, тело ритмично двигалось взад и вперед, в такт гребкам.

— О, спасите нас!

— Спаси меня!

— Ребенок, ребенок...

— Плохой, сумасшедший, печальный, прошедший, прошедший, глухой, одинокий, нормальный, страдалец печальный...

— Замолчите! Мы ничего не можем для вас сделать!

— Корум! Остановите их! Неужели твои защитники не могут им помочь?

— Нет.

— Аааааааа!

— Орум каниш, орум каниш, орум каниш, сашан форум, алан, алан, орум каниш, орум каниш...

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха...

— Никто, ничто, нигде, никогда, глупо страдать, для чего, зачем...

— Шепчи мягко, шепчи тихо, но шепчи... шепчи... шепчи...

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет...

Корум греб одной рукой, а второй ожесточенно бил себя по голове, словно пытаясь изгнать оттуда многоголосый хор. Обессилевшая Ралина свалилась на дно лодки, и вадагский принц теперь уже не мог отличить ее слезный голос от других голосов.

— Прекратите!

— Прекратите... прекратите... прекратите... прекратите...

— Прекратите...

— Прекратите...

— Прекратите...

По лицу Джерри-ан-Конеля текли слезы, но он продолжал грести, ни разу не сбившись с ритма. Один только кот невозмутимо сидел между своим хозяином и Корумом и спокойно мыл мордочку лапой.

Для Базилия эта вода не отличалась от любой другой, и он старался держаться от нее подальше.

— Спаси нас, спаси нас, спаси нас, спаси нас...

Глубокий, добродушный голос заглушил остальные.

— Почему бы вам не присоединиться к ним? Вы сразу перестанете мучаться. Бросайте весла, выходите из лодки в мягкую прозрачную воду, и она откроет вам свои нежные объятия. Зачем гордо страдать в одиночестве, когда можно радоваться всем вместе?

— Нет, не слушайте! Слушайте меня!

— Слушайте нас!

— Не слушайте их. Ведь они по-настоящему счастливы. Ваше неожиданное появление мешает им собраться с мыслями. Они мечтают соединиться с вами, соединиться с вами... соединиться с вами...

— Нет, нет, нет!

— Нет! — вскричал Корум. Он выхватил весло из уключины и принялся бить им по воде. — Прекратите! Прекратите! Прекратите!

— Корум! — За все время, что они провели на озере, Джерри заговорил впервые. Он откинулся на борт, стараясь удержать лодку в равновесии. Ралина подняла голову и уставилась на своих спутников безумными глазами. — Корум! Ты все равно не сможешь им помочь! Ты нас погубишь!

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

Отняв одну руку от весла, Джерри дернул вадагского принца за край мантии.

— Корум! Опомнись!

Внезапно Принц в Алой Мантии сел на место и посмотрел на Джерри, как на своего заклятого врага. Постепенно выражение его лица смягчилось, и, вдев весло в уключину, он начал грести. До берега было рукой подать.

— Мы должны как можно скорее высадиться, — сказал Джерри. — Это — единственный способ избавиться от голосов. Потерпи, осталось совсем немного.

— Да, — с трудом произнес Корум. — Да...

Он продолжал грести, стараясь не смотреть на измученное лицо Ралины.

— Расплавленные спящие змеи, и старые совы, и голодные ястребы наводняют мои воспоминания о Каратату...

— Соединяйтесь с ними, и все их волшебные воспоминания станут вашими. Соединяйтесь с ними, принц Корум, госпожа Ралина, рыцарь Джерри. Соединяйтесь с ними. Соединяйтесь с ними. Соединяйтесь с ними.

— Кто ты? — спросил Корум. — Что ты с ними сделала?

— Я — Голос и Душа Озера Голосов. Во мне слились их голоса и души. Я несу им мир и покой. Не слушайте тех, кто громко кричит. Заблудшие души всегда недовольны...

— Нет, нет, нет, нет...

Корум и Джерри налегли на весла, и днище лодки внезапно заскрипело по песчаному пляжу берега. Вода заволновалась; высокая волна поднялась в небо и, раскачиваясь, взревела:

— НЕТ! Я НЕ ПОТЕРПЛЮ ВОЗРАЖЕНИЙ! ВЫ — МОИ! НИКТО НЕ ПОКИНЕТ ОЗЕРО ГОЛОСОВ!

Волна заколебалась, и они увидели свирепое, искаженное неописуемой яростью лицо, тяжелое туловище и руки, жадно тянущиеся в их сторону.

— ВЫ — МОИ! ВАМ ПРИДЕТСЯ ПЕТЬ ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ, СТАТЬ ЧАСТЬЮ МОЕГО ХОРА!

Трое путешественников быстро выскочили из лодки и побежали по берегу, а чудовище ревело все громче и громче:

— ВЫ — МОИ! ВЫ — МОИ! Я ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ ОСТАТЬСЯ!

А тысячи тоненьких голосов звенели:

— *Бегите, бегите скорее, не возвращайтесь, бегите, бегите, бегите...*

— ПРЕДАТЕЛИ! ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ ЗАМОЛЧАТЬ!

Внезапно наступила мертвая тишина. Водяное чудовище, в отчаянии воздев руки, вскричало:

— НЕТ! ИЗ-ЗА ВАС МОИ ГОЛОСА ЗАМОЛЧАЛИ — МОИ ГОЛОСА — МОИ ЛЮБИМЦЫ! ТЕПЕРЬ ОНИ ИСЧЕЗЛИ НАВЕКИ! МНЕ ПРИДЕТСЯ

НАБИРАТЬ НОВЫЙ ХОР! ВЕРНИТЕСЬ! ВЕРНИТЕСЬ!

Волна перегнулась чуть ли не пополам, пытаясь схватить смертных, обманувших ее ожидания. Затем, не в силах больше сохранять свой облик, она с громким всплеском упала обратно в озеро. Перед путешественниками вновь расстилалась спокойная голубая гладь, которой они так восхищались, глядя со склонов горы.

Корум глубоко вздохнул и уселся на траву.

— Кончено, — устало сказал он. — Наконец-то эти несчастные обрели покой. — Он улыбнулся, глядя на взъерошенного кота, и представил себе, как испугался Базилий, когда волна пыталась нахлынуть на берег.

Немного отдохнув, путешественники взобрались на холм и увидели перед собой коричневую пустыню, по которой текла белая, как молоко, широкая река.

Корум вздохнул:

— Конца-края не видно.

— Посмотри! — внезапно сказала Ралина и протянула руку. — Всадник!

И действительно, по направлению к ним по склону холма скакал какой-то человек, пригибаясь к шее усталой лошади. Он крепко спал, но на всякий случай Корум вытащил шпагу из ножен. Одетый в засаленные, потертые кожаные одежды, незнакомец держал в одной руке меч на перевязи, а в другой — поводья. По усталому измученному лицу с орлиным носом и неухоженной бородой трудно было определить его возраст. Выглядел он довольно непритязательно, но на луке его седла висела (хоть и покрытая пылью) золотая корона, украшенная драгоценными камнями.

— Может, это — вор? — предположила Ралина. — Украл корону, а теперь скрывается от преследования.

Лошадь пошла медленным шагом; не доходя нескольких футов до путешественников, она остановилась, грустно посмотрела на них, нагнула голову и принялась щипать травку.

Всадник зашевелился. Приподнялся в седле, про-

тер глаза. Равнодушно посмотрел на Корума, Ралину и Джерри. Что-то пробормотал себе под нос.

— Приветствую тебя, рыцарь, — сказал Корум.

Измученный человек прищурился и посмотрел на вадагского принца. Затем, намеренно не обращая внимания на путешественников, потянулся за бутылью с водой, всласть напился и убрал ее на место.

— Приветствую тебя, — повторил Корум.

Всадник кивнул:

— Здравствуй.

— Из каких ты краев? — спросил Джерри. — Дело в том, что мы заблудились и будем рады, если ты подскажешь, где мы находимся и что лежит за этой пустыней.

Незнакомец вздохнул, огляделся по сторонам:

— Это не пустыня, а Поле Крови. Река называется Белой, или Молочной, хотя в ней течет отнюдь не молоко.

— Почему Поле Крови? — спросила Ралина.

Всадник нахмурился и выпрямился в седле.

— Потому, госпожа, что это — поле, и покрыто оно — кровью. То, что тебе кажется коричневым песком, — высохшая кровь, пролитая тысячелетия тому назад в битве между Законом и Хаосом.

— А что находится за Полем Крови?

— Много чего, но в нашем мире — после того, как его захватил Хаос, — нет пейзажей, которые радуют глаз.

— Тебе не нравится Хаос?

— Как он может мне нравиться? Хаос разорил меня, отправил в изгнание, был бы рад моей смерти. Я вынужден скрываться, вести кочевой образ жизни. Быть может, когда-нибудь...

Джерри-ан-Конель представил незнакомцу своих друзей, затем представился сам.

— Нам необходимо найти Город в Пирамиде, — сказал он.

Всадник рассмеялся.

— И только! Я тоже его ищу и, кажется, перестал верить в его существование. По-моему, Хаос специально распространяет о нем слухи, чтобы поизде-

ваться над людьми, вселив в их души несбыточные надежды. Меня зовут, господа, Король без Королевства. Когда-то я носил имя Норег-Дана и правил прекрасной страной. Говорят, я был справедливым и мудрым монархом. А потом в нашем мире воцарился Хаос, и его приспешники истребили мой народ. Теперь мне ничего не остается, как скитаться в поисках сказочного города...

— Несмотря на то, что ты не веришь в его существование?

— Сколько ни искал, я не сумел найти Города в Пирамиде.

— Может, он находится за Полем Крови? — предположил Корум.

— Может быть, но я не настолько глуп, чтобы путешествовать по пустыне, не зная, где она заканчивается. У вас же нет лошадей, а пешими вы далеко не уйдете. — Норег-Дан пожал плечами. — Я не трус, но у меня сохранились остатки здравого смысла. Можно было бы попытаться пересечь пустыню на лодке, но ее не из чего построить, потому что леса здесь нет...

— А лодка — есть, — перебил его Джерри.

— Ты хочешь вернуться к Озеру Голосов? — тревожно спросила Ралина.

— Озеро Голосов! — воскликнул Норег-Дан и покачал головой. — Не ходите туда, утопленники зазовут вас...

Корум рассказал, что с ними приключилось, и Король без Королевства слушал, затаив дыхание. В конце рассказа он восхищенно улыбнулся, соскочил с лошади и подошел к вадагскому принцу.

— Ты — странный человек, — сказал он. — У тебя шестипалая рука, повязка на глазу, незнакомые мне вооружение и доспехи, но... ты герой, и я поздравляю тебя — и всех вас — с большой победой. — Он посмотрел на Ралину и Джерри. — Я с удовольствием пойду с вами на берег озера и помогу перетащить старую лодку Фриншака. Привяжем ее к моей лошади.

— Кто такой Фриншак? — спросил Корум.

— Одно из имен водяного чудовища, с которым вы столкнулись. Могущественный дух, появившийся на нашем Измерении вместе с Королевой Ксиомбарг. Ну так как, попытаемся украсть у него лодку?

Корум ухмыльнулся.

— Пойдем, — сказал он.

Немного нервничая, они вернулись на берег озера, но Фриншак, видимо, не успел собраться с силами, так что путешественники привязали лодку к лошади, которая и дотащила ее до вершины холма. В кормовом ящике Корум обнаружил парус, а вдоль одного из бортов — небольшую мачту.

— Что будем делать с твоей лошадью? — спросил он у Норег-Дана.

Король без Королевства глубоко вздохнул:

— Видно, придется ее оставить. Пусть моя лошадка как следует отдохнет, ведь она служила мне верой и правдой.

Они тащили лодку по коричневому песку, и каждый из них испытывал отвращение при мысли о том, что ступает по засохшей крови. Лошадь стояла и смотрела на них с вершины холма, а затем отвернулась и опустила голову. В глазах Норег-Дана стояли слезы.

Солнце неподвижно висело над их головами, и путешественники даже не знали, сколько времени они провели в этом мире. Белая вода в реке была густая, как сироп.

— Постарайтесь не замочиться, — предупредил Норег-Дан. — Можно получить сильный ожог.

— Разве эта жидкость такая ядовитая? — поинтересовалась Ралина, когда они отчалили. — Не испортит ли она днище лодки?

— Со временем. Говорят, что если коричневый песок — кровь смертных, то в Белой Реке — кровь Великих Древних Богов, которая никогда не высохнет.

— Так не бывает. Река должна где-то начинаться и где-то заканчиваться.

— Не обязательно.

— То есть как?!

— Не забывай, нашим миром правит Хаос, а не Закон.

Подул легкий ветерок, и Корум поднял парус. Лодка быстро пошла вперед, и вскоре холмы скрылись из виду. Мужчины отдыхали по очереди, выставляя дозорного. Ралина засыпала и просыпалась несколько раз и, открывая глаза, все время видела перед собой коричневую пустыню.

— Сколько крови, — прошептала она. — Сколько крови...

А лодка продолжала плыть по Белой реке, и Норег-Дан рассказывал им о правлении Ксиомбарг.

— Королева уничтожила всех, кто не захотел служить Хаосу. Со мной и с некоторыми другими она играет в кошки-мышки: Повелители Мечей славятся подобными шутками. Самые порочные инстинкты, самые низменные страсти пробудила Ксиомбарг в смертных, и мир содрогнулся от ужаса. Моих жену и детей... — Голос Норег-Дана пресекся. — Впрочем, пострадало все человечество. Я не знаю, когда это произошло, может — год, а может — сто лет назад. Солнце не движется по небу, погода не меняется.

— Если Ксиомбарг пришла к власти одновременно с Ариохом, прошло куда больше ста лет, Король без Королевства, — сказал вадагский принц.

— Повелительница Мечей остановила время, — пояснил Джерри. — Так что ты не совсем прав, Корум. На этих Измерениях царят другие законы.

Корум кивнул:

— Тебе виднее. А теперь скажи мне, Норег-Дан, что ты слышал о Городе в Пирамиде?

— Насколько я понял, он перемещался по Пяти Измерениям, которыми правит Ксиомбарг, пока не остановился в нашем мире. Королева тратит почти все свои силы, чтобы уничтожить его. Наверное, именно поэтому ей не до меня и не до таких, как я.

— Разве таких, как ты, много?

— Нет, конечно! Несколько жалких скиталъцев. Быть может, и они давно погибли...

— Или нашли убежище в Городе в Пирамиде.

— Все возможно.

— Ксиомбарг занята сейчас делами других Пяти Измерений, — уверенно сказал Джерри-ан-Конель. — Ее интересуют сражения между приспешниками Хаоса и теми, кто служит Закону.

— Тем лучше для тебя, принц Корум, — заявил Норег-Дан. — Если б Повелительница Мечей знала, что убийца ее брата здесь...

— Давайте не будем говорить на эту тему, — перебил его Корум.

Белые волны лениво накатывались одна на другую, и вадагский принц подумал, что в мире, где нет времени, у реки может не быть конца, а у Поля Крови — пределов.

— Интересно, у Города в Пирамиде имеется какое-нибудь другое название? — спросил Джерри-ан-Конель.

— Думаешь, это твой Танелорн? — Ралина с надеждой посмотрела на спутника героев.

Джерри усмехнулся и покачал головой.

— Одни говорят, что он построен в пирамиде, другие — что похож на нее, — сказал Король без Королевства. — Об этом городе сложено много легенд.

— Я много бродил по свету, но не припоминаю, чтобы мне встречался подобный город, — задумчиво произнес Джерри.

— А мне он напоминает Небесные Города, — мечтательно сказал Принц в Алой Мантии. — Один из них обрушился на равнину Броггфитус во время великой битвы между вадагами и надрагами, и обломки его до сих пор лежат рядом с замком Эрорн, где я родился и вырос. Такие города, свободно перемещающиеся между Измерениями, строили обе наши расы. Когда беспокойная пора в нашей истории закончилась, Небесные Города куда-то исчезли, и мы спокойно зажили в своих замках... — Корум умолк. — Может, мы найдем Небесный Город, — грустно добавил он.

— По-моему, самое время причалить к берегу, — весело заявил Джерри.

Корум недоуменно посмотрел на него:

— Почему?

— Потому, что и Белая Река, и Поле Крови наконец закончились.

Корум обернулся и вздрогнул. Коричневая пустыня обрывалась, словно срезанная гигантским ножом; Белая Река водопадом летела в пропасть.

глава третья

ЗВЕРИ — ОБИТАТЕЛИ ПРОПАСТИ

Белая Река бурлила и ревела, как будто старалась выйти из берегов. Корум и Джерри вытащили весла из уключин и, орудуя ими как шестами, попытались причалить к берегу.

— Приготовься, Ралина! — крикнул Корум, и она тут же поднялась на ноги, ухватившись одной рукой за мачту. Король без Королевства поддержал ее за плечи.

Лодка раскачивалась посередине реки; затем течение подхватило ее и поволокло к берегу. Корум покачнулся и чуть было не свалился за борт, но удержался и изо всех сил оттолкнулся от дна веслом. Пропасть приближалась с угрожающей быстротой, сквозь водяные брызги можно было разглядеть ее противоположную стену — примерно в миле от водопада. Лодку стукнуло о берег, и вадагский принц немедленно крикнул:

— Прыгай, Ралина!

Она послушалась, не колеблясь ни секунды; за ней последовал Норег-Дан. Оба растянулись на коричневом песке.

Третьим прыгнул Джерри. Лодку выворачивало на середину реки, и он очутился по щиколотку в белой жидкости. Корум вспомнил предупреждение Норег-Дана о ее свойствах, но у него не было выхода: мощно оттолкнувшись от борта лодки, он упал в реку, а тяжелые доспехи помешали быстрому течению унести его в пропасть. Нащупав ногами дно, Принц в Алой Мантии быстро выбрался на берег.

Тяжело дыша, он лежал на коричневом песке и смотрел, как водоворот закружил лодку и бросил ее в пропасть.

Спотыкаясь, они шли по Полю Крови и, когда рев водопада затих в отдалении, остановились, чтобы передохнуть и обсудить, что делать дальше.

Пропасть казалась бездонной. Края ее были прямыми, стены — отвесными и гладкими, как стекло, и она тянулась от горизонта до горизонта. Создавалось впечатление, что кто-то вырыл огромный канал между скалами: на милю в длину и на милю в ширину. Далеко-далеко внизу клубился желтый туман. У Корума закружилась голова, и он поспешно сделал шаг назад, почувствовав себя букашкой, на которую в любую минуту может наступить каменный гигант. Поле Крови казалось бесконечным. Противоположную сторону пропасти почти не было видно.

Небольшое облачко заслонило солнце, неподвижно висевшее над их головами.

Четыре крохотные фигурки шли вдоль края пропасти, топча засохшую кровь смертных, удаляясь от реки крови Богов.

Корум первый нарушил молчание.

— Ты никогда не бывал здесь раньше, Норег-Дан? — спросил он.

Король без Королевства покачал головой:

— Нет. Я не знаю этих мест, а если б и знал, моя информация тебе не пригодилась бы.

Ралина с любопытством поглядела на него:

— Почему?

— Пейзажи Хаоса меняются по прихоти Повелителей Мечей, если Королева Ксиомбарг поняла, что мы в ее власти, она с удовольствием поиграет с нами в кошки-мышки.

— Похоже на правду, друг Норег-Дан, — сказал Джерри, — но я думаю, Ксиомбарг, знай она, что здесь находится убийца ее брата, сыграла бы с ним в более развлекательную игру.

— А может, это — начало, — предположила Ралина. — В конце концов, она всегда успеет с нами разделаться.

— Навряд ли. Я боролся против Хаоса в разные времена и в разных мирах и смею утверждать, что он не терпит промедленья, в особенности когда речь идет об исполнении желаний. Мне кажется, если бы Ксиомбарг знала о Коруме, она давно показалась бы ему и объяснила бы, что его ждет. Нет, скорее всего Повелительница Мечей все еще занята войной в том мире, из которого мы пришли. — Джерри улыбнулся. — Я вовсе не хочу сказать, что нам ничего не грозит. Чем осторожнее мы будем себя вести, тем лучше.

— Прежде всего нам грозит умереть от голода, — сказал Корум. — Кругом — сплошная пустыня, вернуться назад невозможно, вперед — хода нет, а на дно пропасти не попасть, потому что у нас нет крыльев.

— Пойдем по ее краю, пока не найдем способ либо перебраться на другую сторону, либо спуститься, — посоветовала Ралина. — Не может же так продолжаться до бесконечности.

— Вынужден тебе напомнить, что нами управляет Хаос. — Норег-Дан потер лоб рукой. — Насколько я понял, герцог Ариох почти не изменил ваш мир; впрочем, и сил у него было меньше, чем у королевы Ксиомбарг. Говорят, король Мабельрод — самый могущественный из Повелителей Мечей, и его королевство состоит из постоянно меняющейся материи, создающей самые разнообразные формы бытия с быстротой мысли...

— Не хотел бы я стать гостем короля Мабельрода, — пробормотал Джерри. — Хватит с меня и Королевы Ксиомбарг. Как-то раз мне довелось видеть совершенный Хаос, и я сыт им по горло.

Корум шел вперед, ни о чем не думая, и поэтому не сразу заметил, что небо потемнело. Неужели солнце сдвинулось с места?

Он поднял голову. Небо заволакивало тучами, быстро несущимися над пропастью. Товарищи Корума тоже заметили грозовые облака. Они остановились,

размышляя, колдовство ли это Ксиомбарг или проявление естественных сил природы.

Норег-Дан выглядел взволнованным. Он запахнулся в кожаный плащ и облизнул сухие губы.

Внезапно кот Базилий подпрыгнул на плече Джерри и, расправив крылья, взвился вверх. Он поднялся высоко над ущельем и начал кружить в воздухе. Судя по недоуменному выражению на лице вечного странника, такое поведение кота было ему в диковинку.

— Ты можешь объяснить, в чем тут дело, Норег-Дан? — спросил Корум. — В вашем мире небо часто заволакивает тучами?

Король без Королевства покачал головой.

— Впервые вижу. Но я знаю Хаос. Всем нам грозит смертельная опасность.

— Что ж, приготовимся защищаться. — Корум откинул полы алой мантии, выхватил шпагу с клинком из неземного металла. Его товарищи тоже заняли оборонительные позиции.

Базилий опустился ниже и настойчиво, пронзительно замяукал. Он явно что-то увидел. Путешественники встали на край пропасти и посмотрели вниз.

В желтом тумане двигалась чья-то красная тень. Она поднималась все выше и выше, постепенно превращалась в омерзительное чудовище, скорее напоминающее обитателей моря, чем дракона. Огромные красные крылья, не меньше тридцати футов в размахе, загребали воздух, словно воду. Морда напоминала акулью; острые, как кинжалы зубы в несколько рядов торчали из широких челюстей, которыми зверь лязгал в предвкушении добычи. Желтые глаза горели злобой и ненавистью.

— Это — Ганн, — безнадежным тоном сказал Король без Королевства. — Любимчик Королевы Ксиомбарг. Он командовал армиями Хаоса, которые разорили мою страну. От него нет спасенья.

— Значит, здесь его зовут Ганном? — заинтересованно спросил Джерри. — Он — мой старый знакомый, и я не раз видел, как его убивали.

— Каким образом? — спросил Корум, глядя на неумолимо приближающееся к ним чудовище.

— Вот этого я не помню.

— Давайте разбежимся, — предложил вадагский принц, отступая от края пропасти. — Тогда у нас появится шанс на спасенье.

— Прости, что навязываю тебе свое мнение, друг Корум, но мне кажется, самое время обратиться к твоим союзникам из потустороннего мира.

— Но ведь сейчас ими стали черные птицы. Смогут ли они одолеть Ганна?

— Именно это я и предлагаю тебе выяснить, причем чем скорее, тем лучше.

Корум нерешительно поднял повязку и в который раз увидел знакомый пейзаж. Мерзкие твари со следами ударов от вадагских зазубренных копий угрюмо сидели в пещере. Они увидели Принца в Алой Мантии и узнали его. Одна из птиц открыла клюв и закричала в такой безысходной тоске, что Коруму стало ее жалко.

— Ты слышишь меня? — спросил вадагский принц.

Ралина схватила его за руку.

— Мы... слышим... Повелитель, — ответила птица. — Ты наградишь нас?

Корум задрожал:

— Да... если вам удастся завоевать эту награду.

Рука Кулла сделала повелительный жест, и птицы Хаоса послушно поднялись в воздух. От шелеста черных крыльев мороз продирал по коже. Через мгновенье они преодолели невидимый барьер, вылетели в мир, где солнце висело неподвижно, а время остановилось, и поднялись высоко в небо.

— Вот ваша награда! — громко крикнул Корум, указывая на пропасть, над краем которой появилась ухмыляющаяся морда Ганна. Увидев четырех смертных, чудовище пронзительно завизжало.

— Бежим! — воскликнул Корум, и они бросились врассыпную, увязая в кровавом песке.

Не зная, на кого напасть, Ганн в нерешительности замер на месте, и вадагский принц чуть было не задохнулся от зловонного дыхания чудовища.

Корум посмотрел на небо. Он помнил, как трусливо вели себя птицы, как долго они колебались, прежк-

де чем напасть на трех путешественников. Хватит ли у них смелости — хоть это и означало избавление от вечных мук потустороннего мира — напасть на Ганна?

Сложив крылья, черные птицы камнем упали вниз. Ничего не подозревающий Ганн закричал от удивления и от боли, когда их клювы впились в его мягкое тело. Мощные челюсти щелкнули, перекусили двух птиц пополам, но они, словно не замечая этого, продолжали долбить с прежним упорством. "Живые мертвые" были неуязвимы.

Ганн забил крыльями, взметая тучи кровавого песка. Чудовище подпрыгивало и изворачивалось, щелкало челюстями и пронзительно визжало, но черные птицы неустанно долбили его череп. Зеленая кровь ручьями хлынула из тела Ганна.

Внезапно он скатился в пропасть и полетел вниз. Путешественники бросились к ее краю и увидели, что сражение в воздухе разгорелось с новой силой. Потом желтый туман поглотил и Ганна, и черных птиц.

Корум и его спутники долго стояли, глядя в пропасть, но так и не дождались исхода битвы.

— Значит ли это, что у тебя не осталось союзников в потустороннем мире? — спросил Джерри. — Если птицы не получат обещанной награды...

— Я только что об этом подумал. — Корум приподнял повязку. Пещера была пуста. — Ты прав. Мне некого больше звать на помощь.

— Что ж, по крайней мере, сейчас нам ничего не грозит, — весело заявил Джерри-ан-Конель. — Пойдемте дальше.

Они продолжили путь, а черные тучи перестали мчаться по небу и закрыли солнце. Стало холодно.

Корум заметил, что беззаботный спутник героев мрачнеет с каждой минутой.

— Что тебя беспокоит, Джерри? — спросил он.

— Если Ганн не убит и вернулся в свое логово, Повелительница Мечей узнает — если уже не узнала, — что в ее владения проникли враги. Она захочет немедленно отомстить за своего питомца и увидит Корума...

Принц в Алой Мантии снял шлем и рукой Кулла пригладил волосы. Его товарищи остановились и внимательно слушали Джерри.

— Все верно, — сказал Король без Королевства, тяжело вздохнув. — Ксиомбарг обязательно отомстит. Если она решит, что в ее королевство проникли простые смертные, она пошлет на расправу с ними своих слуг, а если догадается, что здесь находится убийца ее брата — явится сама.

Ралина, стоявшая у самого края пропасти, внезапно вытянула руку и воскликнула:

— Посмотрите!

Они подбежали к ней и увидели, что она указывает на выступ в скале, который оказался первой ступенькой каменной лестницы, уходящей вниз и теряющейся в желтом тумане. Лестница была очень узкой, не более фута в ширину, и практически отвесной, так что любой неверный шаг грозил гибелью на дне пропасти.

Корум растерялся. Может, Королева Ксиомбарг хочет заманить их в ловушку и лестница, неизвестно откуда появившаяся, исчезнет, когда они доберутся до ее середины?

Надо было принимать решение. Идти дальше Корум считал бессмысленным. Он давно уже подозревал, что Поле Крови было круглым, а пропасть окружала его со всех сторон. Значит, оставалось воспользоваться лестницей. Вздохнув, вадагский принц поставил ногу на первую ее ступеньку.

Четыре крохотные фигурки осторожно спускались по гладким каменным ступеням, и край пропасти постепенно темнел, теряясь из виду, а внизу все так же лениво клубился желтый туман. Путешественники не осмеливались разговаривать, боялись сделать лишнее движение. Они дрожали от холода и от страха поскользнуться и полететь в зияющую бездну.

Затем им показалось, что они слышат странные звуки. Нет, не показалось. Хрюканье, фырканье, свистящее дыханье, хрипы становились все громче и громче.

Корум остановился и посмотрел на своих спутников. За ним шла Ралина, потом Джерри; последним спускался Норег-Дан. Король без Королевства первый нарушил молчание.

— Мне приходилось много раз слышать подобные звуки, — сказал он. — Я знаю, кто их издает.

— Кто? — шепотом спросила Ралина.

— Звери Ксиомбарг. Помнишь, я говорил, что Ганн командовал армией, разорившей мою страну? Так вот, ее солдаты — звери. Я мог бы сразу догадаться, что мы не увидим в желтом тумане никого другого...

Корум почувствовал, что у него похолодело внутри. Если они не сорвутся в пропасть, на дне ее их поджидает звериная свора Хаоса.

глава четвертая

КОЛЕСНИЦЫ ХАОСА

— Что будем делать? — прошептала Ралина. — Что можно сделать?

Корум промолчал. Оперевшись о скалу, он осторожно вытащил шпагу из ножен. Пока Ганн сражался с черными птицами, вадагский принц не мог рассчитывать на помощь из потустороннего мира.

— Слышишь? — спросил его Джерри. — Скрипит...

Корум кивнул. Скрипящие звуки показались ему до странности знакомыми.

— Все равно у нас нет выхода, — сказал он. — Придется продолжить спуск. По крайней мере, очутившись на твердой земле, мы сможем дать бой этим... этим...

Шаг за шагом они погружались в желтый туман.

Корум попытался нащупать ногой очередную ступень и понял, что он стоит на дне пропасти. Желтый туман резко ограничивал видимость.

Через несколько секунд к вадагскому принцу присоединились Ралина, Джерри-ан-Конель и Король без Королевства.

Отчетливо слышались хрюканье и хрипенье, от зловонного запаха першило в горле, но поблизости никого не было видно. Свистящее дыхание и скрипы становились все сильнее и сильнее.

И наконец путешественники поняли, что это были за звуки.

— Клянусь шпагой Эльрика! — воскликнул Джерри. — Как я раньше не догадался? Колесница Хаоса!

В тумане постепенно вырисовывались огромные повозки, влекомые рептилиями. В них находилось множество самых разнообразных существ: некоторые из них сидели один на другом; каждый их них был пародией на человека — вооруженного и в доспехах. Свиньи, Собаки, Коровы, Лягушки, Лошади с изуродованными в большей или меньшей степени человеческими фигурами хрипели, хрюкали, фыркали, сопели и чавкали.

— Зачем Хаос так сильно покалечил этих зверей? — в ужасе вскричал Корум.

— Ты все перепутал, — ответил ему Джерри.

В их разговор вмешался Норег-Дан.

— Когда-то эти звери были людьми, — сказал он. — Среди них много моих подданных, перешедших на сторону Хаоса после того, как мы начали терпеть поражения.

— И в награду Хаос превратил их в омерзительных чудовищ? — с отвращением спросила Ралина.

— Скорее всего, они сами не понимают, что изменилось, — спокойно сказал Джерри. — Вырождение зашло так далеко, что люди забыли свою прошлую жизнь.

Черные колесницы, скрипя, подкатывались все ближе и ближе, и путешественники повернулись и побежали, не выпуская из рук оружия, спотыкаясь о камни, задыхаясь от зловония.

Свора Хаоса завыла от восторга и бросилась в погоню. Кнуты нещадно хлестали бока рептилий. Звери явно наслаждались охотой.

Усталые и ослабевшие от испытаний, выпавших на их долю, четверо друзей не могли бежать быстро. Остановившись передохнуть, они спрятались за большой валун, в надежде, что звери их не заметят и колесницы проедут мимо. Но приспешники Хаоса прекрасно ориентировались в желтом тумане. Несколько колесниц развернулись, помчались к путешественникам. Корум забрался на валун и, когда Свиное Рыло полезло вслед, изо всех сил стукнул по нему кулаком. Не обращая внимания на боль, Свиное Рыло взмахнуло дубинкой, и только после того как вадагский принц проткнул мягкое тело шпагой, задрожа-

ло и свалилось на землю. Товарищам Корума приходилось туго. Ралина оборонялась от зверей коротким мечом. Джерри-ан-Конель и Король без Королевства сражались бок о бок. Собачья Пасть попыталась схватить Принца в Алой Мантии за руку. Он разрубил бесформенное туловище пополам. Руки с когтями тянулись к Коруму, челюсти лязгали, хватаясь за мантию, раздирая сапоги. В ход пошли мечи и дубинки, а затем дьявольская свора накатила на камень подобно приливной волне. Вадагский принц наступал на пальцы, отрубал конечности, пронзал горла, глаза и сердца, а душа его леденела от страха и отчаяния.

Свора Хаоса верещала на разные лады. Все новые и новые колесницы появлялись из тумана. Около семисот зверей окружили валун со всех сторон.

И тогда Коруму стало ясно, что свора Хаоса во что бы то ни стало хочет взять их в плен. Вспомнив о том, как его пытали мабдены, Корум стиснул зубы и начал биться еще ожесточеннее, в надежде, что зверям не останется ничего другого, как быстро его прикончить.

Приливная волна мерзких тварей неумолимо накатывала на валун, подножье которого было усеяно трупами. Товарищи Корума были зажаты, как в тисках. Вадагский принц продолжал отчаянно сопротивляться, но кто-то подобрался к нему сзади, схватил за ноги и стащил вниз, к безоружным и связанным Ралине, Джерри-ан-Конелю и Королю Норег-Дану.

Лошадиная Морда прошла сквозь ряды своры Хаоса и осклабилась, показав огромные коричневые зубы. Она засмеялась — или заржала — и, крепче насадив шлем себе на голову, засунула большие волосатые пальцы рук за ремень пояса.

— Самим нам с вами поразвлекаться или отправить к нашей Повелительнице? — поинтересовалась она. — Ксиомбарг наградит нас по-королевски!

— Зачем Повелительнице Мечей четверо простых смертных? — спросил Корум.

— А вдруг вы не простые смертные? Вдруг вы шпионы Закона?

— Ты прекрасно знаешь, что в этом мире нет Закона!

— Вы могли прийти из другого мира. Закон коварен.

— Разве ты не узнаешь меня? — неожиданно вскричал Норег-Дан.

Лошадиная морда поскребла бакенбарды и тупо уставилась на Короля без Королевства.

— С чего ты взял, что я тебя знаю?

— А я сразу тебя узнал. Я вижу знакомые черты бывшего твоего лица...

— Замолчи! Я не понимаю, о чем ты говоришь! — Лошадиная Морда выхватила из-за пояса кинжал. — Приказываю тебе замолчать!

— Значит, ты боишься воспоминаний! — воскликнул Норег-Дан. — Ты — Полиб-Бав, граф Тернский. Вместе со своим отрядом ты перешел на сторону Хаоса, когда нашей стране грозила опасность!

В глазах Лошадиной Морды появился страх. Она затрясла головой и слабо заржала.

— Нет!

— Ты — Полиб-Бав, жених моей дочери, девушки, которую твоя свора... ааахххх! Я не хочу вспоминать этого ужаса!

— Ты лжешь, — басом сказал Полиб-Бав. — Я тот, за кого себя выдаю.

— А как тебя зовут? — спросил Король без Королевства. — Как твое имя, Полиб-Бав, граф Тернский?

Лошадиная Морда неуклюже размахнулась и влепила Норег-Дану пощечину.

— Что с того, что я — Полиб-Бав? Я служу не тебе, а Королеве Ксиомбарг.

На верхней губе Норег-Дана показалась кровь.

— Мне не нужны такие слуги, как ты, — прохрипел он. — Посмотри, в кого ты превратился, Полиб-Бав!

Лошадиная Морда отвернулась.

— Я жив, — сказала она. — Я командую этим отрядом.

— Легионом печальных уродцев, — вставил Джерри и расхохотался.

Коровье Вымя лягнуло спутника героев в пах, и он согнулся пополам, застонав от боли; потом поднял голову и вновь засмеялся.

— То, что с вами произошло, — только начало. Я видел, как смертные, которые служат Хаосу, превращались в бездушных изгоев, в бесформенных калек.

— Ну и что? Мы приняли решение. Изменить его невозможно. Королева Ксиомбарг обещала нам вечную жизнь.

— Она будет вечной, — согласился Джерри, — но вряд ли ее можно назвать жизнью. В течение долгих веков странствовал я по множеству Измерений, и знаю, что Хаос заканчивается там, где начинается бесплодие. Его, конечно, можно называть вечным, по крайней мере до тех пор, пока не вмешается Закон.

— Ха! — ответила Лошадиная Морда. — Швырните этих умников в мою колесницу. Мы отвезем их к Королеве Ксиомбарг.

Король Норег-Дан сделал последнюю попытку обратиться к разуму Полиб-Бава.

— Когда-то ты был красив, граф Тернский. Моя дочь любила тебя, а ты любил ее. Ты был моим преданным слугой.

Полиб-Бав отвернулся.

— А сейчас предан Повелительнице Мечей. Теперь это ее королевство. Повелитель Закона, король Шалод сбежал и никогда не вернется. Тебе ведь хорошо известно, что его армии были разбиты наголову на Поле Крови... — Полиб-Бав махнул рукой, и Лягушечье Отродье с поклоном протянуло ему шпагу Корума, мечи Ралины и Норег-Дана и саблю Джерриан-Конеля. Бывший граф Тернский небрежно сунул оружие под мышку.

— Пошевеливайтесь! Мы едем во дворец Королевы Ксиомбарг!

Когда пленников бросили на дно колесницы, Корума охватило отчаяние. Крепкие веревки стягивали его руки сзади; бежать было невозможно. Как только их приведут к Повелительнице Мечей, она тут же уничтожит и вадагского принца, и его спутников, и

тогда Лайвм-ан-Эш обречен на гибель. А если Лира-Брод одержит победу, Хаос соберется с силами, и Повелители Мечей вновь будут властвовать над всеми Пятнадцатью Измерениями.

Принц в Алой Мантии лежал у ног Полиб-Бава, рядом со своими друзьями, связанными по рукам и ногам. Колесницы, скрипя, тронулись с места. Корум потерял сознание.

Он очнулся, моргая от яркого света. Желтый туман исчез. Огромные скалы с отвесными стенами остались позади. Они ехали по редкому лесу среди чахлых низкорослых деревьев. Корум повернул разламывающуюся от боли голову и увидел Ралину. По лицу ее катились слезы, но, заметив его взгляд, она попыталась улыбнуться.

— Мы выбрались из пропасти несколько часов назад, — сказала маркграфиня Алломглильская. — Наверное, дворец Ксиомбарг находится не близко.

— Не понимаю, почему они не прибегнут к колдовству, чтобы переместиться туда за долю секунды? — задумчиво спросил Корум.

— В этом мире нет времени, а следовательно нет смысла торопиться, — раздался голос Джерри-ан-Конеля.

— Где Базилий? — шепотом спросил его Корум.

— Мой кот оказался умнее меня и удрал. Я не видел...

— Молчать! — взревела Лошадиная Морда, сидевшая на козлах и правившая колесницей. — Ваша болтовня меня раздражает!

— А может, она напоминает тебе, что когда-то ты мыслил, как человек, был обходителен в обращении...

Полиб-Бав ударил его сапогом в лицо, и Джерри замолчал, чуть не захлебнувшись кровью, пошедшей из носа.

Корум вскрикнул и напряг мышцы, тщетно пытаясь освободиться. Лошадиная Морда посмотрела на него сверху вниз и заржала.

— Ты так уродлив, мой друг, что не знай я иного,

я решил бы, что ты служишь Хаосу. Твои глаз и рука просто восхитительны!

— А может, ты угадал, — загадочно сказал Корум. — Может, я действительно служу Хаосу. Ты ведь меня ни о чем не спрашивал, когда связал и бросил в колесницу.

Полиб-Бав нахмурился; затем на его глупом лице появилась улыбка.

— Ты хочешь обмануть меня. Я ничего не предприму, пока мне не прикажет Королева Ксиомбарг. — Он тряхнул поводьями, и рептилии ускорили бег. — В конце концов, я почти не сомневаюсь, что ты и твои друзья убили нашего главнокомандующего. Мы видели, как он атаковал вас, а потом исчез.

— Ты говоришь о Ганне! — воскликнул Корум, и внезапно почувствовал лихорадочное возбуждение. — О Ганне!

Рука Кулла вновь доказала свою мощь. Она едва шевельнулась, но веревки, стягивающие запястья Корума, порвались, как гнилые нитки.

— Ага! — вскричал Полиб-Бав. — Это я тебя обманул! Ты признался, что Ганн убит, а значит... что такое? Почему ты свободен?! — Он изо всех сил натянул поводья. — Тпру!

Корум выпрыгнул из колесницы, уклонившись от удара мечом. Вадагский принц вскочил на ноги, быстро поднял повязку с глаза Ринна. Черные облака плыли над черной землей. В пещере лежал Ганн, и голова его была месивом запекшейся крови.

Звери, понукаемые Полиб-Бавом, осторожно приближались к Коруму. Рука Кулла повелительным жестом указала на них Ганну, который задвигался с явной неохотой.

— Ты обязан мне подчиниться, — сказал Корум. — Только тогда ты обретешь вечный покой. Я награжу тебя по-королевски!

Ганн ничего не ответил, но челюсти его широко раскрылись, обнажая ряды острых зубов, и из горла вырвался дикий крик, похожий на протяжный стон.

— Вперед! — крикнул Корум. — Вот твоя награда!

Красные крылья Ганна загребали воздух, как во-

ду. Он медленно выплыл из пещеры, предолел невидимый барьер и появился на том измерении, из которого его только что изгнали черные птицы.

— Ганн вернулся! — в полном восторге закричал Полиб-Бав. — О, наипрекраснейший, как мы счастливы, что ты не оставил нас, своих преданных слуг!

Приспешники Хаоса схватили Корума, который стоял, улыбаясь, и не оказывал никакого сопротивления. Крылья Ганна обхватили ближайшую колесницу и запахнулись. Послышались предсмертные стоны.

Воспользовавшись тем, что державшие его звери обомлели от ужаса, Корум вырвался из их рук и отбежал в сторону. Рука Кулла сжалась в кулак, разбила лицо одного урода, проломила череп второму. Корум кинулся к колеснице Полиб-Бава. Бывший граф Тернский стоял рядом с ней, не отрываясь глядя на своих гибнущих товарищей. Принц в Алой Мантии быстро схватил свою шпагу, лежавшую на козлах, нанес удар. Лошадиная Морда отпрыгнула, схватилась за меч. Движения Полиб-Бава были скованными, неуклюжими, и вскоре острие шпаги пронзило его горло. Захлебнувшись кровью, он упал замертво.

Корум быстро освободил Ралину, Джерри-ан-Конеля и Норег-Дана, и они тоже вооружились, приготовившись дорого продать свои жизни. Но звери Хаоса, не выдержав атаки Ганна, начали разбегаться, громко крича от страха. Всем спастись не удалось. Корум наклонился, вытащил из-за пояса Полиб-Бава бутыль с водой и завернутый в мешковину каравай хлеба. Путешественники остались одни на лесной дороге.

Корум задумчиво посмотрел на колесницу. Рептилии покорно стояли и ждали, когда им прикажут тронуться с места.

— Как ты думаешь, Норег-Дан, — спросил Корум, — мы сможем управлять этими животными?

Король без Королевства с сомнением покачал головой.

— Навряд ли. Впрочем...

— Такие колесницы мне не в диковинку, — пе-

ребил его Джерри. — И я с удовольствием довезу вас до места назначения. — Лихо сдвинув шляпу набекрень, поправив мешок на поясе, он вскочил на козлы, взял вожжи в руки и, ухмыльнувшись, посмотрел на своих спутников.

— Куда прикажете? Во дворец Ксиомбарг?

Корум рассмеялся.

— Чуть погодя. Я думаю, она сама пошлет за нами, когда увидит, что произошло с ее дьявольской сворой. — Он посерьезнел и вытянул руку, указывая на просвет между деревьями. — Мне кажется, нам надо в ту сторону.

Джерри взял вожжи в руки. Вскоре лес закончился, и, спустившись с холма, они въехали в долину, где стояли изящные каменные статуи.

глава пятая

ЗАСТЫВШАЯ АРМИЯ

Это были не изваяния.

Это были люди.

Каждый из них — воин, у каждого — оружие в руках.

Неподвижные изваяния.

— Застывшая армия, — спокойно и очень грустно сказал Король без Королевства. — Последняя из армий, которая выступила против Хаоса...

— И поэтому ее постигла эта участь?

— Да.

Джерри тряхнул поводьями.

— И они не умерли? Знают ли они, что мы проезжаем мимо?

— Да. Я слышал, как Королева Ксиомбарг сказала, что воинам, которые так рьяно служили Закону, она дарует то, чего Закон добивается в конечном итоге: познание бесконечного покоя.

Ралина задрожала всем телом.

— Неужели Закон ставит перед собой такую цель?

— Нет, конечно, — ответил Джерри, — но Хаос старательно распространяет подобные слухи. Впрочем, Космическое Равновесие нельзя нарушить: Закон и Хаос должны уравновешивать друг друга. Разница между ними заключается в том, что Закон признает такое положение вещей, а Хаос — нет.

Но и Хаос не в силах отрицать могущества Космического Равновесия, потому что Повелители Мечей знают: откажись они подчиняться некоторым зако-

нам, их ничто не спасет. Именно поэтому Королева Ксиомбарг не может явиться собственной персоной во владения другого Великого Древнего Бога и вынуждена посылать туда своих слуг. Не имеет она права и уничтожать смертных из прихоти или по своему желанию, — на то есть другие законы.

— Но нет такого закона, чтобы защитить этих несчастных, — сказала Ралина, кивая на статуи воинов.

— Почему же? Они — живые. Ксиомбарг их не убила.

Корум вспомнил башню, в которой хранилось сердце Ариоха. Там тоже стояли застывшие люди.

— Только приспешникам Повелительницы Мечей позволено уничтожить ее смертных врагов, — продолжал объяснять Джерри. — Сама Ксиомбарг может убить смертных, только если они нападут на нее, в противном случае ей остается лишь обезвредить их, как, например, этих воинов.

— Значит, мы можем не бояться Королевы Ксиомбарг? — спросил Корум.

Джерри улыбнулся.

— Если тебе легче от этой мысли, продолжай так думать. Но, по-моему, ты убедился на собственном опыте, что у Повелительницы Мечей достаточно слуг, готовых прикончить нас в любую минуту.

— Верно! — Король без Королевства яростно кивнул. — Верно!

Держа вожжи в одной руке, Джерри тщательно отряхнул свои пыльные, испачканные кровью, измятые одежды.

— Дорого бы я дал за новый костюм, — пробормотал он. — Хоть с Ксиомбарг договаривайся...

— Мы слишком часто упоминаем ее имя, — нервно перебил его Норег-Дан. — Как бы она не услышала!

Небо засмеялось.

Облака вспыхнули золотым огнем. Оранжевое сияние отбросило тень на застывших воинов.

Джерри натянул поводья и остановил повозку. Лицо его побледнело.

Пошел дождь из пурпурных искр.

Смех не умолкал.

— Что это? — Ралина положила руку на эфес меча.

Плечи Короля без Королевства поникли, он закрыл измученное лицо руками.

— Повелительница Мечей. Я ведь предупреждал вас.

Корум выхватил шпагу из ножен:

— Ксиомбарг? Ты говоришь о Ксиомбарг, Норег-Дан?

— Да.

Земля затряслась от смеха. Несколько застывших воинов покачнулись и упали. Корум огляделся по сторонам.

— Где ты, Королева Ксиомбарг? — вскричал он, потрясая шпагой. — Где ты, порождение зла?

— ПОВСЮДУ, — раздался громкий, но очень приятный мелодичный голос. — Я — ЭТО КОРОЛЕВСТВО, А КОРОЛЕВСТВО — ЭТО Я.

— Мы обречены, — запинаясь, сказал Норег-Дан.

Корум повернулся к Джерри-ан-Конелю:

— Ты говорил, она не может нас убить.

— Я говорил, она не может убить нас собственноручно. Посмотри...

Корум обернулся и увидел, что по долине длинными прыжками передвигаются какие-то животные. У них было несколько пар ног из туловища торчали щупальца. Их огромные глаза беспрестанно вращались, челюсти с острыми клыками свирепо лязгали.

— Карманаль из Зерта, — удивленно воскликнул Джерри и, бросив поводья, взял в одну руку саблю, в другую — копье. — Мне уже приходилось с ними сражаться.

— Как тебе удалось победить? — спросила Ралина.

— В то время я был спутником героя, обладающего большими силами.

— У меня тоже есть эти силы, — хмуро сказал Корум, поднимая руку к повязке на глазу Ринна.

Джерри поморщился и покачал головой.

— У тебя их нет. Карманаль из Зерта невозможно уничтожить. Однажды и Закон, и Хаос решили избавиться от них раз и навсегда — слишком уж они непредсказумы: нападают на всех без разбора и сражаются то на одной стороне, то на другой. Но и Богам не удалось с ними справиться. У них нет душ; их даже нельзя назвать живыми.

— В таком случае они не смогут причинить нам вреда!

Смех не умолкал.

— С точки зрения логики — ты прав, — спокойно согласился Джерри. — Но на практике Карманаль из Зерта разорвут нас на кусочки.

Примерно десять тварей приближалось к колеснице, мелькая между статуями воинов.

Карманаль из Зерта пели.

— Они всегда поют, когда охотятся, — пояснил Джерри-ан-Конель.

Корум решил, что вечный странник сошел с ума. Чудовища с торчащими во все стороны щупальцами были в нескольких шагах от колесницы, а Джерри болтал весело и беззаботно. Карманаль из Зерта пели очень красиво; им вторил мелодичный смех Ксиомбарг. Звери замерли перед последним прыжком, и тогда Джерри, не выпуская копья и сабли воздел руки.

— Повелительница Мечей! Королева Ксиомбарг! Как ты думаешь, кого ты обрекла на гибель?

Карманаль из Зерта замерли на месте, превратившись в такие же статуи, как и застывшие воины.

— Я наказываю нескольких смертных, которые убили тех, кого я люблю, — раздался позади них нежный голос.

Корум обернулся и увидел женщину, прекрасней которой он не встречал на свете. Темно-золотые волосы с красными и черными прядями ниспадали ей на плечи, лицо с идеальными чертами светилось внутренним светом, глаза и губы обещали в тысячу раз больше, чем любая женщина обещала мужчине за всю историю человечества. Высокая, с изумитель-

ной фигурой, она была одета в пурпурное и оранжевое с золотом платье.

Королева Ксиомбарг ласково улыбнулась.

— Разве я что-нибудь напутала? — проворковала она. — Если так, поправь меня, рыцарь Темерас.

— В настоящий момент меня зовут Джерри-ан-Конель, — любезно ответил ей вечный странник. — Могу ли я представить тебе моих...

Корум схватил его за плечо.

— Неужели ты предашь нас, Джерри? Или ты с самого начала служил Хаосу?

— К моему великому сожалению, он никогда не служил Хаосу, — сказала Ксиомбарг. — Но рыцарь этот часто сопутствует тем, кто сражается на стороне Закона. — Она посмотрела на него с искренней привязанностью. — Ты совсем не изменился, Темерас. И в мужском обличье ты мне больше нравишься.

— А ты превратилась в очаровательную женщину, Ксиомбарг.

— Мне пришлось принять женский облик, чтобы управлять этим королевством. Ты вечно трешься около героев, Темерас-Джерри, а следовательно, стоящий рядом с тобой очаровательный вадаг со странными глазом и рукой... — Она вздрогнула и уставилась на Корума. — Я знаю!

Корум выпрямился во весь рост.

— Я ЗНАЮ!

Ее облик начал меняться. Тело расплылось от горизонта до горизонта. Лицо меняло свои черты, становясь то мужским, то птичьим, то вновь женским.

Королева Ксиомбарг, выше ста футов ростом, стояла перед ними, и в глазах ее сверкала ненависть, а губы перекосились от злобы.

— Я ЗНАЮ!

Джерри рассмеялся:

— Итак, могу я наконец представить тебе Корума Джайлин Ирси, Принца в Алой Мантии?

— КАК ОСМЕЛИЛСЯ ТЫ ПОЯВИТЬСЯ В МОЕМ КОРОЛЕВСТВЕ, УБИЙЦА МОЕГО БРАТА? ПРЕДАННЫЕ МНЕ СЛУГИ ИЩУТ ТЕБЯ ПОВСЮДУ. Я ДУМАЛА, ГЕРЦОГА АРИОХА ПОБЕДИЛ ВЕЛИКИЙ

ГЕРОЙ, А ТЫ — СЛАБОУМНЫЙ. КАРМАНАЛЬ, ИЗЫДЬТЕ! — Прыгающие звери исчезли. — Я ОТОМЩУ ТЕБЕ И ТВОИМ СПУТНИКАМ, И СТРАШНА БУДЕТ МОЯ МЕСТЬ!

Золотой свет расселся, оранжевое сияние исчезло, пурпурный дождь закончился, но фигура королевы Ксиомбарг затмевала небо.

— КЛЯНУСЬ КОСМИЧЕСКИМ РАВНОВЕСИЕМ, Я ВЕРНУСЬ И ОТОМЩУ! Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ ХОТЬ НА КРАЙ СВЕТА, И ТЫ ГОРЬКО ПОЖАЛЕЕШЬ О ТОМ, ЧТО БРОСИЛ ВЫЗОВ ГЕРЦОГУ АРИОХУ И НАВЛЕК НА СЕБЯ ГНЕВ ЕГО СЕСТРЫ КСИОМБАРГ!

Повелительница Мечей исчезла. Наступила мертвая тишина.

Потрясенный Корум повернулся к Джерри-ан-Конелю.

— Зачем ты сказал ей обо мне? Теперь нам никуда от нее не скрыться. Ты сам слышал: она обещала следовать за нами хоть на край света. Зачем, Джерри?

— Рано или поздно она все равно узнала бы тебя, — спокойно ответил вечный странник. — А мне удалось всех нас спасти.

— Спасти?!

— Конечно. Если бы я не заговорил с Ксиомбарг, мы давно были бы в желудках Карманаль из Зерта. Я подумал, что она вряд ли тебя знает — для Богов все мы на одно лицо, — но увидев, как ты сражаешься, сразу поймет, кто ты такой. Я просто упредил события и заодно избавил нас от неминуемой опасности.

— А что изменилось? Теперь ее месть будет еще страшней. Скоро она вернется, и мы не сможем оказать ей сопротивление.

— Должен признаться, — спокойно сказал Джерри, — что я открылся Ксиомбарг еще по одной причине. Мне хотелось выиграть время. Скоро мы узнаем, что там такое движется.

Путешественники разом повернули головы в ту сторону, куда указывала рука Джерри-ан-Конеля.

Какой-то предмет летел по небу и гудел, сверкая в лучах неподвижного солнца.

— Что это? — спросил Корум.

— По-моему — воздушный корабль. Надеюсь, он прилетел, чтобы спасти нас.

— А вдруг его послала Ксиомбарг? — резонно возразил Корум. — Зря ты все-таки сказал ей, что я...

— Говорить правду легко и приятно, — весело ответил вечный странник.

глава шестая

ГОРОД В ПИРАМИДЕ

Сложный узор из керамики и разноцветных эмалей покрывал голубой корпус воздушного корабля. Он приземлился, и гудение перешло в протяжный стон, похожий на человеческий, а в воздухе запахло миндалем.

Корум увидел медные перильца, железную, серебряную и платиновую оснастку, причудливую рубку управления и почувствовал, как в душе его пробуждаются смутные воспоминания раннего детства. Внезапно с борта кто-то спрыгнул и полетел.

Кот Базилий.

Корум вздрогнул, повернулся к Джерри-ан-Конелю и рассмеялся. Кот замахал крыльями, уселся на плечо друга героев и сунул нос ему в ухо.

— Ты послал Базилия за помощью, когда на нас напала свора Хаоса! — воскликнула Ралина. — Вот почему ты сказал Ксиомбарг, кто такой Корум! Ты ждал, что нас спасут, и тянул время!

Джерри пожал плечами.

— Мне казалось, что помощь близка, хоть я этого и не знал.

— Откуда прилетела столь странная повозка? — спросил Король без Королевства.

— Конечно, из Города в Пирамиде. Я приказал Базилию во что бы то ни стало отыскать его, и, насколько я понимаю, кот меня не подвел.

— Как же ему удалось объясниться с жителями Небесного Города? — спросил Корум.

— В случае необходимости Базилий может разговаривать со мной. В случае крайней необходимости

он может разговаривать с кем угодно. К сожалению, ему приходится тратить слишком много сил на разговоры, и он очень устает.

Кот замурлыкал и лизнул хозяина в нос маленьким шершавым языком. Джерри что-то прошептал ему и обратился к Коруму.

— Нам нельзя мешкать. Очень скоро Ксиомбарг задумается, с какой стати я открыл ей твое имя. Нас выручила ее запальчивость — недостаток многих Богов Хаоса, — но рано или поздно она поймет, что ее обманули.

По бортам воздушного корабля — не менее сорока футов в длину — располагались удобные сиденья. Казалось, на нем никого не было, но не прошло и минуты, как из рулевой рубки вышел его капитан. Высокий, стройный, с узким черепом, пурпурными глазами и ушами без мочек, он, улыбаясь, подошел к Коруму, потерявшему дар речи от изумления.

— Здравствуй, Принц в Алой Мантии, — сказал вадагский капитан. — Я прилетел, чтобы пригласить тебя и твоих друзей в Гвалас-кор-Гварус — единственное место во всем королевстве, где ты можешь чувствовать себя в безопасности.

Как в тумане поднялся Корум на борт воздушного корабля, а капитан продолжал улыбаться, глядя на недоуменное лицо своего соотечественника.

Они уселись на мягкие сиденья рядом с рубкой управления, и корабль поднялся в воздух. Ралина посмотрела вниз, на армию застывших воинов.

— Неужели беднягам ничем нельзя помочь, Джерри? — спросила она.

— Если Закон окончательно победит на наших Измерениях, лорд Аркин, быть может, что-нибудь и придумает.

Они пролетали над морем колеблющейся слизи, которая то и дело выкидывала в небо щупальца, пытаясь схватить воздушный корабль. Иногда на поверхности ее появлялись чьи-то лица, вздымались руки, словно моля о пощаде.

— Море Хаоса, — объяснил Норег-Дан. — Говорят, оно единственное на планете. В конечном итоге все смертные, служащие Хаосу, становятся его частью.

Джерри согласно кивнул:

— Мне не раз приходилось наблюдать подобные картины.

Под ними проносились леса из причудливых деревьев, огненные равнины. Реки из расплавленного металла текли мимо прекраснейших дворцов, сложенных из драгоценных камней. Огромные омерзительные птицы, завидев воздушный корабль, кидались к нему, но, подлетев ближе, почему-то резко сворачивали в сторону.

— Должно быть, вадаги — могущественные волшебники, раз их корабли летают, — прошептала Ралина Коруму.

Сначала вадагский принц, погруженный в свои мысли, ничего не ответил. Затем лицо его прояснилось, и он с нежностью посмотрел на марграфиню Алломглильскую.

— Волшебство здесь ни при чем. Для того чтобы корабль летел, не нужно прибегать к сверхъестественным силам, и требуются не заклинания, а знания законов механики. Определенные силы — настолько сложные, что мабденам их не понять, — не только влекут корабль по небу, но и помогают ему преодолевать пространство между сферами. Говорят, предки изобрели этот способ передвижения, хоть и не любили им пользоваться, предпочитая иной образ жизни. Я смутно помню легенду о том, как один из Небесных Городов отправился в путешествие по миллиону сфер множественной Вселенной. Возможно, вадаги построили много таких городов, и сейчас нам предстоит посетить один их них, который называется Гваласкор-Гварус. — Корум улыбался радостно, говорил возбужденно. Правой рукой он сжимал руку Ралины.

— О, Ралина! Можешь ли ты понять, какие чувства я испытываю при мысли о том, что Гландит истребил не всех вадагов!?

Ралина улыбнулась ему в ответ:

— Конечно, Корум.

Воздух вокруг них задрожал, корабль встряхнуло.

— Не волнуйтесь! — крикнул из рубки капитан. — Мы перемещаемся на другое Измерение!

— Значит, нам удалось удрать от Ксиомбарг? — весело спросил Король без Королевства.

— Нет, — сказал Джерри. — Ксиомбарг повеле-

вает Пятью Измерениями, и мы все еще находимся в ее владениях.

Корабль окунулся в разноцветное газовое облако.

— Материя, из которой Хаос творил все, что ему заблагорассудится, — пояснил Джерри. — Повелительница Мечей пока что ничего с ней не сделала.

Они вылетели из газового облака и увидели внизу огромный горный хребет. Каждая скала — более тысячи футов в высоту — представляла собой идеальный куб. За горным хребтом лежали темные джунгли, за джунглями — хрустальная пустыня. Песок ее находился в непрерывном движении и, звеня, исполнял одну мелодию за другой. Его пожирали гигантские желтые звери, бездумно бродившие по пустыне.

Впереди показалась черная равнина, на которой стоял Город в Пирамиде. На его террасах располагалось множество домов, окруженных садами. Цветы и деревья росли на улицах, заполненных толпами гуляющих. Небесный Город сверкал зеленым светом, окружающим его в форме пирамиды. Внезапно на зеленом фоне появилось темное пятно, и воздушный корабль влетел в него. Описав круг над дворцом с металлическими башнями, он опустился на его крышу. Корум вскрикнул от удовольствия, увидев, что им навстречу вышли вадаги.

— Это мои соотечественники! — воскликнул он, обращаясь к своим друзьям. — Они — вадаги!

Капитан корабля вышел из рубки и положил руку на плечо Корума. Он подал какой-то знак стоявшим внизу мужчинам и женщинам, и внезапно Корум, сам не свой от изумления, очутился на крыше дворца. Через несколько секунд трое его друзей стояли рядом с ним, тоже не совсем понимая, что произошло.

Из толпы вышел величественный древний старец, одетый в мантию и опирающийся на посох.

— Приветствую вас в последнем оплоте Закона на этих Измерениях, — сказал он.

Они сидели за красивым серебряным столом, отделанном рубинами, и слушали древнего старца — принца Юретта Хасдан Ньюри, Командора Гваласкор-Гваруса, Небесного Города. Догадка Корума оказалась верной.

После сытного обеда принц Юретт подробно рассказал о том, как после великой борьбы между вадагами и надрагами предки Корума решили остаться в своих замках, посвятив себя изучению наук и занятиям искусствами, а жители Небесного Города предпочли отправиться в путешествие. Им удалось преодолеть невидимый барьер между сферами, и они очутились на других Пяти Измерениях, но не смогли вернуться, потому что механизмы города затратили на перемещение слишком много энергии, которую никак не удавалось восполнить. С тех пор вадаги занялись исследованиями этих Пяти Измерений, а когда началась битва между Законом и Хаосом, сохраняли строгий нейтралитет.

— Мы, конечно, были глупцами, — со вздохом сказал принц Юретт, — считая ниже своего достоинства принимать участие в спорах как смертных, так и Богов. Мы видели, что Закон постепенно отступает, а Хаос победно шествует по стране, повсюду насаждая свою порочную красоту. А когда нам все-таки пришлось выступить против Повелительницы Мечей, было поздно. Хаос набрал силу, и мы не могли с ним бороться. Ксиомбарг посылал и продолжает посылать против нас легионы мерзейших тварей, но пока что мы успешно отражаем все ее атаки. Кроме тебя и нас, никто не защищает здесь Закон.

— А на наших Пяти Измерениях Закон победил, — сказал Корум и поведал старцу обо всех своих приключениях.

— Сейчас лорд Аркин вновь может быть вынужден отправиться в изгнание, — закончил он свой рассказ, — потому что Закон еще слишком слаб, и Хаос бросил все силы, чтобы сокрушить его.

— Значит, Закон существует! — воскликнул принц Юретт. — Мы этого не знали! Нам казалось, Повелители Мечей властвуют над всеми Пятнадцатью Измерениями. Если б только мы могли вернуться, преодолеть невидимый барьер между сферами, мы помогли бы вам! К сожалению, это невозможно. На этих Измерениях отсутствуют редкие элементы, которые требуются нашим механизмам для пополнения энергии.

— А при наличии элементов, — осторожно спросил Корум, — сколько времени понадобится, чтобы подготовить Небесный Город к полету?

— Совсем немного. Но нам становится все труднее и труднее отражать атаки Ксиомбарг. Каждая из них может стать для нас последней.

Корума охватило отчаяние. Неужели он нашел своих соотечественников только для того, чтобы стать свидетелем их гибели?

— Мы надеялись улететь вместе с вами и спасти Лайвм-ан-Эш, — безнадежным тоном сказал он, — а теперь нам придется остаться здесь, и наши друзья не получат помощи.

Принц Юретт вздохнул.

— Редкие элементы... впрочем, вы ведь можете достать их!

— Каким образом? — осведомился Джерри. — Если б даже произошло чудо — что невозможно, — и мы, оказавшись в нашем мире, разыскали бы нужные тебе элементы, нам никогда не удалось бы передать их в Небесный Город.

Принц Юретт нахмурился:

— У нас хватит мощности послать сквозь сферы один воздушный корабль. Это ослабит нашу защиту, но я готов рискнуть.

Корум с надеждой посмотрел на него:

— Ради спасения Закона, принц Юретт, можно рискнуть чем угодно.

Пока принц Юретт совещался с учеными, четверо друзей отправились прогуляться по чудесному городу Гвалас-кор-Гварусу. Его дома, дворцы, башни, террасы, арки, дороги, лестницы и перила были изготовлены из чудесного разноцветного металла, который даже Корум никогда раньше не видел. Город жил своей жизнью, а механизмы вырабатывали для его жителей все необходимое, включая воздух, которым они дышали.

Никто не сидел без дела. Одни занимались выращиванием цветов, другие — приготовлением пищи, третьи — следили за чистотой. Музыканты и худож-

ники упорно трудились над своими произведениями; на улицах играли оркестры и выставлялись картины на бархате, мраморе и стекле, — очень похожие на те, которые висели в галереях замка Эрорн, но отличающиеся сюжетами. Коруму не очень понравилась манера их исполнения.

Им показали механизмы, управляющие городом, школы, рестораны, театры, музеи, залы для отдыха. Корум увидел то, что считал навсегда утерянным, уничтоженным варварами Гландит-а-Края. Впрочем, сейчас Небесному Городу тоже грозила гибель.

Путешественники как следует поели и всласть выспались, а тем временем их одежды, оружие и доспехи тщательно скопировали портные и оружейники Гвалас-кор-Гваруса. Больше других остался доволен таким заботливым отношением Джерри-ан-Конель, и, когда наконец их пригласили к принцу Юретту, вечный странник рассыпался в благодарностях.

— Воздушный корабль готов к полету, — просто сказал принц Юретт. — Надо лететь как можно скорее, потому что мне сообщили, что Повелительница Мечей собирается перейти в решительное наступление.

— А вы выдержите ее натиск? — озабоченно спросил Джерри-ан-Конель. — Ведь теперь Гвалас-кор-Гварус защищен не так хорошо, как раньше.

— Надеюсь, выдержим, — коротко ответил принц Юретт.

Король без Королевства сделал шаг вперед:

— Прошу тебя, принц, позволь мне остаться с вами. Если Закон вступит в сражение с Хаосом в моем мире, я тоже хочу принять участие в битве.

Юретт наклонил голову:

— Да будет так. А сейчас поторопись, принц Корум. Воздушный корабль ожидает тебя на крыше замка. Встань на круг из мозаики, который находится перед тобой, ты будешь доставлен по месту назначения.

Трое друзей встали на мозаичный круг и через секунду оказались на борту воздушного корабля. Их приветствовал вадагский капитан, который прилетал за ними на поле застывших воинов.

— Меня зовут Бвудит-а-Горн, — представился он. — Займите, пожалуйста, прежние места и держитесь покрепче.

— Смотрите! — вскрикнул Корум и указал на черную равнину. Пылающее яростью лицо Королевы Ксиомбарг затмевало небо. А под ним, внизу, маршировала армия омерзительных существ, потерявших всякий человеческий облик.

Воздушный корабль вылетел через темное пятно, появившееся в куполе Гвалас-кор-Гваруса, и путешественники услышали какофонию звуков, издаваемых сворой Хаоса.

Звуки эти заглушили мстительный смех Повелительницы Мечей, королевы Ксиомбарг.

— ДО СИХ ПОР Я БАЛОВАЛАСЬ С ВАМИ, ПОТОМУ ЧТО МНЕ НРАВИЛАСЬ ЭТА ИГРА! НО СЕЙЧАС, КОГДА ВЫ ПРИЮТИЛИ УБИЙЦУ МОЕГО БРАТА, НЕ ЖДИТЕ ПОЩАДЫ!

Воздух задрожал, и воздушный корабль окутался зеленым светом. Город в Пирамиде, армия Хаоса, Королева Ксиомбарг — исчезли. Корабль трясло, болтало из стороны в сторону, как при сильной качке; гул перешел в надсадный вой.

А затем путешественников тряхнуло в последний раз, и они попали в тот мир, где родились и выросли.

Воздушный корабль летел над Лайвм-ан-Эшем, и картина, открывшаяся их взору, мало чем отличалась от той, которую они только что видели во владениях Ксиомбарг.

Армии Хаоса были на марше.

КНИГА ШЕСТАЯ,

в которой принц Корум и его товарищи сражаются, одерживают победу и сетуют на путь, который Закон выбирает для достижения своих целей

глава первая

ОРДА ХАОСА

Густой дым поднимался над пылающими деревнями, городами и замками. Корабль летел на юго-восток, через герцогство Керн-а-Лаун, по направлению к реке Огин, и путешественники поняли, что одна из армий Лир-а-Брода высадилась на южном берегу Лайвм-ан-Эша.

— Интересно, знает Гландит о том, что мы покинули замок Мойдель? — прошептал Корум, с грустью глядя на горящие поля. Урожаи были уничтожены, здесь и там виднелись разлагающиеся на жарком солнце трупы как людей, так и домашних животных. Ралине стало нехорошо, и она отвернулась.

— Конечно, знает, — тихо ответила она Коруму. — Столько времени прошло!

Изредка внизу мелькали небольшие отряды варваров — пеших или в повозках, — грабящих села, в которых некого было больше пытать и убивать. Эти отряды составляли арьергард наступающей армии, уничтожавшей все живое на своем пути. Иногда путешественники видели и жителей Лайвм-ан-Эша, убегающих в горы, где они, видимо, надеялись найти временный приют.

Воздушный корабль пролетал над рекой Огин, и теперь уже не только Ралине стало нехорошо. Корум и Джерри угрюмо смотрели на воду, почерневшую от множества трупов. Дышать было невозможно: воздух, казалось, был пропитан зловонием.

А затем путешественники увидели небольшой крестьянский дом, находившийся в стороне от деревни.

Дети вбегали в его распахнутую настежь дверь; отец стоял у входа с заржавленным мечом в руках; мать пыталась подтащить мебель к окнам. К дому скакал небольшой отряд примерно из десяти всадников. Каждый из них держал по зажженному факелу, они неслись во весь опор, радостно крича и улюлюкая.

Корум хорошо знал повадки варваров. Они ничем не отличались от денледисси Гландит-а-Края, разве что скакали на лошадях, а не передвигались в повозках. Одетые в черные засаленные меховые одежды, варвары с ног до головы были увешаны награбленными золотыми и серебряными украшениями.

Корум встал с места и прошел в рубку управления.

— Нам надо приземлиться, — резко сказал он Бвудит-а-Горну. — Гибнут люди.

Бвудит печально посмотрел на вадагского принца.

— У нас совсем нет времени, принц Корум. — Он похлопал себя по карману. — Необходимо как можно скорее доставить список редких элементов в Хельвиг-нан-Вейк. Если мы опоздаем, погибнет и Небесный город, и Лайвм-ан-Эш.

— Спускайся! — приказал Корум.

Бвудит посмотрел на него, кивнул.

— Хорошо, — сказал он и защелкал переключателями, уставившись на экран, на котором расстилалась панорама земли, над которой он пролетали.

Воздушный корабль пошел на снижение. Корум вышел из рубки. Варвары увидели его и, возбужденно крича, указывали наверх, еле сдерживая лошадей. Бвудит выбирал место для посадки. Цыплята, хлопая крылышками, кинулись врассыпную, свинья захрюкала и заворочалась в хлеву.

Воздушный корабль приземлился.

— Приготовься к битве, рыцарь Джерри, — сказал Корум.

Но сабля вечного странника, также как и копье, давно были у него в руках.

— Их человек десять-двенадцать, — предупредил

Джерри Принца в Алой Мантии. — Нас только двое. Ты хочешь обратиться за помощью в потусторонний мир?

— Нет. Мне отвратительно все, что имеет хоть малейшее отношение к Хаосу.

— Двое против десяти...

— Ты забываешь о капитане корабля. И о крестьянине.

Джерри поджал губы, но промолчал. Капитан вышел из рубки, держа в руках большой боевой топор.

— Кто вы такие? — раздался из-за запертой двери нервный голос крестьянина.

— Друзья, — отозвался Корум. Он спрыгнул на землю и крикнул капитану: — Помоги женщинам и детям подняться на борт. А мы тем временем постараемся задержать варваров.

Джерри присоединился к Коруму и неуверенно переступил с ноги на ногу. Он не привык драться пешим.

Варвары приближались осторожно, но когда их предводитель увидел, что перед ними всего двое противников, он громко расхохотался. Отшвырнув пылающий факел в сторону, он выхватил из ножен огромный меч и пришпорил коня, перепрыгнув через примитивную баррикаду, которую крестьянин сложил у ворот. Корум уклонился от удара, и лезвие со свистом рассекло воздух над его ухом. Острие шпаги с клинком из неземного металла впилось предводителю варваров в колено. Закричав от боли и ярости, он покачнулся в седле. Тем временем Джерри выскочил за забор, схватил пылающий факел и, уворачиваясь от всадников, швырнул его на баррикаду, сделанную из сухих досок, мгновенно вспыхнувших. Один из варваров поднял лошадь на дыбы, стремясь растоптать вечного странника, но Джерри отпрыгнул и поразил нападавшего копьем в глаз. Протяжно застонав, варвар свалился на землю, и Джерри тут же схватил поводья и вскочил в седло.

Корум тоже сражался успешно. Он пронзил бок предводителю отряда, который упал на шею лошади, тщетно пытаясь зажать рану рукой. Остальные всад-

ники, поняв, что им не перепрыгнуть через горящую баррикаду, скакали вдоль забора.

Бвудит помогал жене крестьянина с узлом в руке и трем ее детям — двум мальчикам и одной девушке — подняться на борт корабля. Сам крестьянин, растерянно оглядываясь по сторонам и не выпуская из рук ржавого меча, шел за ними следом.

Трое всадников перескочили через забор в дальнем конце двора и помчались к воздушному кораблю: Джерри был начеку. Он метнул копье, и один из варваров взмахнул руками и вылетел из седла. Корум быстро вскочил на его лощадь, отражая удар боевым топором. Всадник, нанесший удар, на мгновение потерял равновесие, и Джерри, сделав выпад саблей, поразил его со спины в сердце.

Теперь уже во дворе дома собрался весь неприятельский отряд. Крестьянин, размахнувшись с плеча, ударил по ногам лошади, и прежде чем варвар успел соскочить с нее, разрубил его пополам, орудуя мечом, как дровосек топором.

Женщины и дети поднялись на борт корабля. Корум убил очередного противника выпадом в горло, наклонился, помогая крестьянину подняться с колен, и указал ему рукой на воздушный корабль. Отец семейства, казалось, ничего не понял, но затем кивнул, отбросил меч в сторону и побежал к зовущим его жене и детям. Корум прикончил еще одного нападавшего, а Джерри подобрал свое копье и засунул саблю в ножны, так как оставшиеся в живых варвары больше не нападали. Лица их были хмуры: легкая с виду добыча ускользнула из их рук, им пришлось сражаться, и они потеряли многих своих товарищей.

Джерри и Корум быстро поднялись на борт корабля, который в ту же секунду взмыл в воздух.

— Мой дом, — сказал крестьянин, глядя вниз, и в глазах его стояли слезы.

— Ты остался жив, — напомнил ему Джерри.

Ралина, как могла, утешала жену крестьянина. Маркграфиня держала на руках одного из мальчиков; рядом с ней на сиденье лежал меч — она гото-

вилась в любую минуту прийти мужчинам на помощь.

Кот Базилий выглянул из рубки, убедился, что опасность миновала, и спокойно взлетел на плечо своему хозяину.

— Ты ничего не слышал об основной армии противника? — спросил Корум у крестьянина, потирая правую руку, оцарапанную лезвием меча.

— Говорят... — крестьянин испуганно оглянулся, — в этой армии сражаются сверхъестественные существа.

— Возможно, — согласился Корум. — Но в данный момент меня интересует, где она находится.

— Наверное, рядом с Хельвиг-нан-Вейком, а может, и в самой столице. Скажи мне, рыцарь, куда вы меня везете?

— В Хельвиг-нан-Вейк, — ответил Корум.

Воздушный корабль пролетал над выжженной землей. Теперь путешественникам попадались огромные отряды всадников. Варвары часто бросали в корабль копья или стреляли в него из луков, но, убедившись, что не могут причинить ему вреда, возвращались к грабежам и насилию. Корум опасался не смертных, а их сверхъестественных союзников, которые теперь наверняка уже примкнули к войскам Лир-а-Брода.

Крестьянин не отрываясь смотрел вниз.

— Неужели так происходит повсюду? — угрюмо спросил он.

— Думаю, да, — ответил Корум. — Две армии наступают на Хельвиг-нан-Вейк: одна — с востока, другая — с юго-запада. Сомневаюсь, что варвары с Бро-ан-Мабдена мягкосердечнее своих товарищей по оружию.

— Интересно, какова судьба Лларак-ан-Фоля, — прошептала Ралина, продолжая укачивать уснувшего у нее на руках малыша. — Где-то сейчас Белдан?

— Надеюсь, скоро узнаем.

Джерри разрешил второму мальчику погладить кота. Базилий терпеливо вынес это посягательство на свое достоинство.

— Вот они, — внезапно сказал вечный странник. — Дьявольские отродья.

Корум посмотрел вниз.

Океан голов. Океан сверкающих мечей и копий. Тысячи и тысячи мабденских всадников. Варварские повозки. И существа, ни на кого не похожие, призванные страшными заклинаниями на службу Лир-а-Броду. Армия Собаки: псы, ростом с лошадь, напоминающие вампиров. Армия Медведя: косолапые звери, марширующие на задних лапах, со щитами и дубинками в передних. Армия Хаоса: люди, превращенные в зверей, с товарищами которых Корум уже сражался во владениях Повелительницы Мечей. Их предводителем был высокий стройный всадник в сверкающих доспехах, закрывающих его с головы до ног: видимо, эмиссар Королевы Ксиомбарг.

В рядах орды Хаоса загремел барабан. Кровожадные мабдены затрубили в сигнальные рожки. Собаки засмеялись и издевательски завыли, заранее торжествуя победу.

Запахло гнилью. Не помня себя от ярости, Корум плюнул вниз. Зрачок его правого глаза почернел и засверкал; радужная оболочка стала золотой; из горла вырывались дикие звуки. Всю ненависть, которую он питал к мабденам, надругавшимся над его семьей, искалечивших его самого, вложил Корум в этот плевок. Рука вадагского принца сжала эфес шпаги с такой силой, что побелели пальцы. Он обратил внимание на знамя короля Лир-а-Брода, на штандарты Собаки и Медведя. Гландит-а-Края нигде не было видно.

— Корум! — словно издалека услышал он голос Ралины. — Не трать сил, побереги их для битвы.

Принц в Алой Мантии откинулся на спинку сиденья. Он дышал хрипло, подобно Собаке, марширующей внизу; лицо его исказилось до неузнаваемости.

Ралина задрожала, впервые увидев Корума в таком состоянии. Вадагский принц перестал походить на простого смертного; напоминал полубога из самых страшных мабденских легенд, которые Ралине доводилось слышать. Глядя на своего возлюбленного, маркграфиня испытывала сейчас не любовь, а ужас.

Корум закрыл белое, как мел, лицо шестипалой рукой и застонал. Постепенно он овладел своими чувствами, но борьба с самим собой отняла у него остаток сил. Он сидел неподвижно, и взор его был устремлен вдаль.

Воздушный корабль кружил над Хельвиг-нан-Вейком.

— Войско Лир-а-Брода в миле от города, — заметил Джерри-ан-Конель. — К утру варвары осадят его со всех сторон.

— Разве мы сможем остановить их продвижение? — безнадежным тоном спросила Ралина. — Боюсь, правление лорда Аркина окажется кратковременным.

Сигнальные рожки пели, не умолкая. Грохот барабанов сотрясал воздух. Собаки выли, медведи рычали, армия Хаоса фыркала и хрюкала, гром лошадиных копыт сотрясал землю, обитые железом повозки скрипели, доспехи лязгали, оружие бряцало, варвары громко смеялись.

Орда неумолимо приближалась к городу цветов, Хельвиг-нан-Вейку.

глава вторая

НАЧАЛО ОСАДЫ

Воздушный корабль, постепенно снижаясь, кружил над безмолвным городом. Солнце садилось; над улицами, переполненными людьми, слышалось слабое эхо марширующих армий Хаоса.

В парках и на площадях Хельвиг-нан-Вейка разместились отряды воинов, съехавшихся в столицу со всех концов страны. У них были усталые, измученные лица; они безразличными взглядами провожали воздушный корабль, пролетевший над их головами и опустившийся на крышу дворца короля Ональда. Стражники в шлемах и кирасах из панциря гигантского мурекса в ту же секунду окружили невиданный им доселе летательный аппарат, держа мечи наголо и выставив щиты с изображенными на них гербами Лайвм-ан-Эша. Узнав Корума и Ралину, они со вздохом облегчения опустили оружие. Среди них было много раненых, и они явно не спали последние несколько ночей.

— Принц Корум, — с поклоном сказал начальник стражи. — Я доложу королю о твоем прибытии.

— Благодарю тебя. Я надеюсь, твои люди позаботятся о крестьянах, которых мы спасли от варваров Лир-а-Брода.

— Будет сделано, принц Корум. Хотя, должен признаться, наши продовольственные запасы подходят к концу.

Корум задумался:

— Постараемся вам помочь. Нашим кораблем нельзя рисковать, но в крайнем случае он слетает за продуктами питания.

Капитан вытащил из кармана свернутый в трубку лист пергамента и протянул его вадагскому принцу.

— Список редких элементов, необходимых для того, чтобы Небесный Город смог вернуться на наши Измерения.

Корум кивнул:

— Постараюсь передать его лорду Аркину. В конце концов, он Бог, а значит, и возможностей у него больше, чем у нас.

На мраморном столе все еще лежали карты местности. Король был угрюм и печален.

— Что тебе известно о народе Лайвм-ан-Эша? — спросил его Джерри, как только вошел в просторную комнату, из окон которой открывался вид на южные кварталы города.

— У меня не осталось моего народа! — с горечью воскликнул король Ональд. — Нас теснили все дальше и дальше от границ, пока не загнали в Хельвиг. — Он указал на большую карту страны и сказал хриплым голосом. — Графство Арлут-а-Каль захвачено морскими пиратами; княжество Пенгард и его древняя столица Энин-ан-Алдарн уничтожены огнем: герцогство Оран-нан-Галун и княжество Гон-а-Гураг в южных отрогах гор оказывают врагу сопротивление, но могут пасть в любую минуту; герцогство Бердильраль-нан-Раймское сметено с лица земли; о герцогстве Палантирн-ан-Кенак я не имею известий...

— Его больше не существует, — сказал Корум.

— Вот как...

— Кажется, мы попали в окружение, — пробормотал Джерри, внимательно рассматривая карту. — Войска высадились на побережье и взяли нас в кольцо. Кто бы мог подумать, что варвары способны разработать такой блестящий план действий?

— Ты забываешь об эмиссаре Ксиомбарг, — сказал Корум. — Я не сомневаюсь, что именно он выработал и тактику, и стратегию нападения на Лайвм-ан-Эш.

— Ты говоришь о существе в сверкающих доспехах, главнокомандующем армий Хаоса? — спросил король Ональд.

— Да. Тебе что-нибудь о нем известно?

— Я знаю, что он неуязвим. Его часто можно увидеть рядом с королем Лир-а-Бродом. Имя его — Принц Гейнор Проклятый.

Джерри кивнул.

— Принц Гейнор обречен вечно служить Хаосу. Значит, сейчас он — лакей Королевы Ксиомбарг? Высокое положение, выше того, которое у него было... или будет... что, впрочем, одно и то же.

Король Ональд недоуменно посмотрел на вечного странника и продолжил свой рассказ:

— Даже если не считать армию Хаоса, у Лир-а-Брода в десять раз больше солдат, чем у меня. Тем не менее мы смогли бы оказать варварам сопротивление, не допустить высадки войск на побережье и уж по крайней мере сражаться с ними не один год, если бы принц Гейнор не был их военным советником. И, должен признаться, он дает хорошие советы.

— У него большой опыт, — заметил Джерри-ан-Конель, потирая подбородок.

— Долго ли Хельвиг выдержит осаду? — задумчиво спросила Ралина.

Король Ональд пожал плечами и посмотрел в окно на площадь, переполненную народом. Вид у короля был жалкий.

— Не знаю. Мои воины устали, крепостные стены города слишком низкие, на стороне Лир-а-Брода сражаются сверхъестественные существа...

— Не будем терять времени, — предложил Корум. — Отправимся в храм и попытаемся вызвать лорда Аркина.

Они скакали по городу, глядя на отчаявшихся людей, толпившихся повсюду. Кое-где горели костры. Многие воины были ранены; вооружение их оставляло желать лучшего. Осада будет недолгой, подумал Корум, пришпоривая коня.

Во дворе храма вповалку лежали тяжело ранен-

ные солдаты, а у входа стоял Алерьян-ан-Найвиш. Он приветствовал путешественников кивком головы и тут же спросил:

— Вы добились успеха?

— Трудно сказать, — ответил Корум. — Нам необходимо срочно связаться с лордом Аркином. Ты сможешь это устроить?

— Он ждет вас. Повелитель Закона явился в храм несколько минут назад.

Они быстро прошли в большой зал. Красивый молодой человек — именно этот облик почему-то избрал сегодня лорд Аркин — вышел им навстречу.

— Что новенького в королевстве Ксиомбарг? — шутливо спросил он и, выслушав рассказ Корума, глубоко задумался. — Дай мне список. Для того чтобы достать элементы, необходимые Городу в Пирамиде, потребуется много времени. И я не уверен, что найду их.

— А пока ты будешь искать, оба осажденных города могут погибнуть, — печально сказала Ралина. — Я говорю о Гвалас-кор-Гварусе в королевстве Ксиомбарг и Хельвиг-нан-Вейке в Лайвм-ан-Эше. Судьба одного города зависит от судьбы другого.

— Принцип зеркального отражения, — пробормотал Джерри. — Характерен и для Закона, и для Хаоса.

— Ты прав, — согласно кивнул лорд Аркин. — Но сейчас вы должны во что бы то ни стало удержать Хельвиг. И будем надеяться, Гвалас-кор-Гварус тоже выстоит. Нам еще повезло, что Королева Ксиомбарг рассредоточила силы на своем и на нашем Измерении.

— Зато ее эмиссар, Принц Гейнор Проклятый, стоит во главе армии у стен Хельвига, — заметил Корум. — По-моему, он справляется со своими обязанностями не хуже, чем Повелительница Мечей.

— От Гейнора необходимо избавиться, — твердо сказал лорд Аркин. — Тогда Лир-а-Брод, ничего не понимающий в тактике и стратегии, лишится почти всех своих преимуществ.

— Варваров слишком много, — напомнил Джерри, — и этого преимущества Лир-а-Брод никогда не

лишится. Кроме того, ему помогают Собака и Медведь...

— Согласен, рыцарь Джерри. Тем не менее я продолжаю утверждать, что ваш самый страшный враг — Гейнор Проклятый.

— Он неуязвим.

— Его может победить тот, чья судьба неразрывно связана с судьбами Богов. — Лорд Аркин многозначительно посмотрел на Корума. — Но ему потребуются большое мужество и сила воли, потому что скорее всего в схватке погибнут оба противника.

Корум наклонил голову:

— Я подумаю над твоими словам, Повелитель Закона.

— Что ж, мне пора. — Красивый молодой человек внезапно исчез.

Корум посмотрел на Ралину. Она отвела глаза. Он посмотрел на Джерри-ан-Конеля. Вечный странник отвернулся. Оба понимали, о чем лорд Аркин просил Корума; знали, какое бремя он взвалил на его плечи.

Принц в Алой Мантии нахмурился, невольно дотронулся до повязки, усыпанной драгоценными камнями, несколько раз сжал и разжал шесть пальцев левой руки.

— Глаз Ринна и рука Кулла, — торжественно произнес он, — которыми колдун Шуль испоганил не только мое тело, но и мою душу, помогут мне избавить мир от Принца Гейнора Проклятого.

глава третья

ПРИНЦ ГЕЙНОР ПРОКЛЯТЫЙ

Стояла ночь. Они вышли на крепостную стену дворца, глядя на тысячи лагерных костров орды Хаоса, обложивших город со всех сторон.

— Когда-то он был героем, — задумчиво сказал Джерри Коруму. — Но затем Принц Гейнор влюбился, стал ренегатом и перешел на сторону Хаоса. Говорят, он совершил поступок настолько страшный, что его наказало Космическое Равновесие. Во веки веков обречен он служить Хаосу и никогда не познает радостей Закона. Впрочем, и ты обречен вечно служить Закону...

— Вечно? — обеспокоенно переспросил Корум.

— Давай прекратим разговор на эту тему. По крайней мере в твоей жизни бывают редкие минуты, когда ты ощущаешь покой. Принц Гейнор лишь помнит об этих минутах, но никогда не сможет пережить их вновь.

— Даже когда умрет?

— Он бессмертен, потому что смерть, даже если она длится мгновение, дает покой.

— Как же я смогу убить его?

— Убить Принца Гейнора так же невозможно, как и Великого Древнего Бога. Ты должен попытаться прервать его существование, изгнать из наших Пятнадцати Измерений. Сделать это трудно, но возможно...

— И ты знаешь как?

— Да. — Джерри опустил голову и начал ходить взад и вперед по крепостной стене. Казалось, вечный странник о чем-то глубоко задумался. — Я помню

легенду, — сказал он, останавливаясь рядом с Корумом, — где говорилось о том, что Проклятого Принца может победить только смертный, служащий Закону, если он поднимет забрало шлема Гейнора и посмотрит ему в лицо. Но такая задача не под силу ни одному смертному... Мир волшебства полон парадоксов.

— Это все, что ты знаешь? — разочарованно спросил Корум.

— Да.

— Что ж, не будем медлить. Вряд ли варвары ожидают нападения сегодня ночью. Мы должны атаковать армию Хаоса и попытаться убить или изгнать — мне это все равно — Принца Гейнора Проклятого. Он — эмиссар Королевы Ксиомбарг, и вместе с ним наверняка исчезнут и ее звери.

— Прекрасный план, — иронически сказал Джерри. — Кого ты возьмешь на подмогу? Отряд Белдана? Я видел его в Хельвиге.

— Я не стану рисковать жизнью ни одного из защитников города. Мой замысел может не удасться, а у короля Ональда и так не хватает людей. Нет, Джерри, мы отправляемся в лагерь Принца Гейнора вдвоем.

Спутник героев пожал плечами и вздохнул.

— Тебе лучше остаться дома, друг мой, — сказал он коту и почесал его за ухом.

Они выскользнули из ворот города, ведя лошадей в поводу. Джерри обмотал их ноги тряпками, чтобы дозорные не услышали стука копыт. Впрочем, лагерь армии Хаоса охранялся не так хорошо, как лагеря мабденов.

По зловонному запаху они легко определили, где разместились дьявольские отродья Принца Гейнора. Существа с тупыми выражениями на лицах и бессмысленными взорами исполняли вокруг огромного костра ритуальные танцы, делая омерзительные похотливые движения, скорее свойственные зверям, чем людям. Они беспрерывно пили из мехов вонючее вино,

которое заставляло их забыть о прошлой жизни и не думать о настоящей.

Закованный с ног до головы в доспехи из серебра, золота и стали, Принц Гейнор сидел на положенном на землю богатом седле, отделанном слоновой костью и черным деревом. Руки Проклятого Принца лежали на эфесе большого меча, также из серебра, золота и голубой стали; шлем его украшал желтый плюмаж; на нагруднике кирасы был выгравирован символ Хаоса: восемь стрел, расположенных по периметру круга. Принц Гейнор выглядел величественно.

Коруму и Джерри пришлось расправиться с несколькими громко храпящими варварами, прежде чем они проникли в лагерь армии Хаоса, который был расположен — впрочем, как и лагеря Собаки и Медведя — в стороне от основных сил Лир-а-Брода. Пьяные мабдены, встретившиеся двум друзьям по пути, не обратили на них ни малейшего внимания: никому из них и в голову не пришло, что воины Лайвман-Эша осмелились на ночную вылазку.

Не доходя до огромного костра, вокруг которого плясали звери Хаоса, Корум и Джерри вскочили на лошадей и долгое время наблюдали за Принцем Гейнором Проклятым, который сидел все в той же позе, следя за непристойными движениями пирующих.

Друзья переглянулись и, одновременно тряхнув поводьями, поскакали к костру.

Принц Гейнор вскочил и поднял руку. Звери замерли, потом увидели Корума и начали рычать и плеваться — они явно узнали вадагского принца.

— Молчать! — прикрикнул на них Принц Гейнор Проклятый и сделал шаг вперед, вложив меч в ножны. — Эй, кто-нибудь, оседлайте моего скакуна! Принц Корум и его спутник пришли, чтобы вызвать меня на поединок!

Голос у него был глубокий и приятный, но Коруму показалось, что в нем проскальзывают нотки затаенной грусти.

— Согласен ли ты, рыцарь, сражаться со мной в честном бою? — спросил он.

Слуга Хаоса рассмеялся.

— С какой стати? Я давно позабыл, что такое

благородство, принц Корум. И моя повелительница, Королева Ксиомбарг, велела мне уничтожить тебя, используя любые средства. Я и не знал, что она умеет ненавидеть... но тебя она ненавидит, принц вадагский!

— Быть может, потому, что боится, — предположил Корум.

— Не спорю.

— Значит, ты хочешь спустить на нас свою свору?

— Почему бы нет? Если ты так глуп, что попался мне в руки...

— И у тебя нет гордости?

— Нет.

— Ты струсил?

— Мы говорим на разных языках. У меня нет ни одного из перечисленных тобою качеств. Я боюсь только... своего страха.

— Вот видишь, ты — честен.

Из-под забрала послышался глубокий смех.

— Как скажешь. Зачем ты явился сюда, принц Корум?

— Ты ведь знаешь, зачем.

— Ты надеешься убить меня, лишить варваров их предводителя. Хорошая мысль. К сожалению, я неуязвим. Если б... как часто я молил о смерти! Ты хочешь выиграть время, укрепить город, дождаться подкреплений. Может, твои мечты и сбылись бы, но... это я убью тебя, принц Корум! И Хельвиг-нан-Вейк лишится одного из главных своих защитников!

— Если ты неуязвим, почему ты отказываешься сражаться со мной в честном бою?

— Потому что не хочу тратить времени на пустяки.

Звери выстроились за своим господином, который легко вскочил на белого скакуна. В одной руке Принц Гейнор держал щит, в другой — копье.

Корум поднял повязку с глаза Ринна. Исчез в тумане образ Принца Гейнора Проклятого. Исчезла в тумане армия зверей. Корум увидел пещеру, в которой подобно статуям, стояли жертвы Ганна во главе с Полиб-Бавом. Повелительным жестом рука Кулла указала своре Хаоса на свору Хаоса.

— Так пусть же Хаос воюет сам с собой! — вскричал Корум. — Я щедро награжу тебя, Полиб-Бав! Иди, сражайся за свою душу!

И ужас встретился с ужасом, когда звери кинулись друг на друга. Коровье Вымя билось с Собачьей Пастью, Лошадиная Морда вцепилась в Лягушечье Отродье; дубины, секиры и топоры поднимались и падали в гуще тел. Крики, стоны, визги, хрюканье, проклятья носились в воздухе. Принц Гейнор молча глядел на сражение, потом повернулся к Коруму.

— Поздравляю тебя, Принц в Алой Мантии. Я вижу, ты рассчитывал не только на мое благородство. А теперь скажи, вы оба будете биться со мной?

— Нет. — Корум взял в руку копье и приподнялся на стременах. — Мой друг не возьмется за оружие, пока жизни его не будет грозить опасность. Если я погибну, он засвидетельствует мою смерть перед королем Лайвм-ан-Эша.

— Значит, честный поединок? — Принц Гейнор вновь рассмеялся и тоже приподнялся на стременах. — Прекрасно!

Противники понеслись навстречу друг другу. Ваданский принц пригнулся к шее лошади, держа копье наперевес, прикрывая лицо щитом. Сверкающие доспехи Принца Гейнора почти ослепили Корума, но тем не менее он не промахнулся, и копье его угодило в шлем противника, не оставив на голубом металле даже вмятины. Принц Гейнор покачнулся в седле и не успел нанести ответного удара. Громко рассмеявшись, он развернул коня и попытался пронзить шею Корума своим копьем, но угодил в подставленный щит.

Страшная битва разгорелась между сворами Хаоса. Отряд Полиб-Бава был невелик, но живые мертвые не могли погибнуть во второй раз.

Лошади обоих соперников поднялись на дыбы, чуть не сбросив своих седоков. Держа поводья одной рукой, Корум что было сил бросил копье и вновь попал в Гейнора, на сей раз выбив его из седла. Проклятый Принц упал в зловонную жижу, покрывавшую всю территорию, на которой расположилась армия Хаоса, но тут же вскочил на ноги и тоже бро-

сил копье, пронзившее щит Корума и застрявшее в нем в дюйме от повязки на глазу Ринна. Затем Гейнор подрубил ноги лошади, и вадагский принц полетел на землю.

Несмотря на тяжелые доспехи, Принц Гейнор быстро подбежал к оглушенному Коруму, занося над его головой меч. Барахтаясь в вонючей грязи, Принц в Алой Мантии выставил вперед щит, и лезвие меча прорубило его насквозь, остановившись на наконечнике копья, которое Корум не успел вытащить.

Лежа на боку, вадагский принц нанес удар по коленям Гейнора, но тот отпрыгнул в сторону. Корум с трудом поднялся на ноги.

Смех Гейнора гулко звучал из-под шлема.

— Ты неплохо бьешься, принц Корум. Но ты — смертный, а я — нет!

Звуки сражения, разнесшиеся по всему лагерю, переполошили варваров. Они привыкли подчиняться Лиру, во всем полагавшемуся на советы Гейнора, который в настоящий момент не мог отдать никаких распоряжений.

Два воина кружили, не спуская друг с друга глаз, а вокруг них кипела битва. Испуганные суеверные мабдены стояли поодаль, не понимая, что происходит.

Корум отбросил щит, крепко сжал шестью пальцами рукоятку боевого топора и, размахнувшись, швырнул его в Гейнора (так когда-то воевала вадагская пехота против захватчиков-надрагов). Лезвие сверкнуло в воздухе, и Проклятый Принц едва успел подставить щит, расколовшийся от удара. Бросив обломки на землю, Гейнор взял меч двумя руками и атаковал Корума.

Удар, второй, третий — Корум вынужден был отступить, не выдержав яростного натиска. Из доспехов Принца Гейнора со свистом вырывалось хриплое дыхание.

— Хоть ты и бессмертный, — крикнул Корум своему сопернику, — но у тебя совсем не осталось сил!

— Ты не можешь меня убить. Неужели ты думаешь, я не приветствовал бы смерть, как благо?

— Тогда сдавайся! — Корум тоже тяжело дышал,

чувствуя, что его сердце вот-вот выпрыгнет из груди. — Сдавайся, и мы посмотрим, смогу я убить тебя или нет!

— Я не имею права нарушить клятву, данную мною Королеве Ксиомбарг.

— Значит, ты все-таки знаешь, что такое честь!

Гейнор расхохотался.

— Честь? Я боюсь. Если я предам Повелительницу Мечей, она меня накажет. Твое счастье, что ты не понимаешь, о чем я говорю, Корум. — И он вновь бросился на Принца в Алой Мантии, высоко занеся меч над головой.

Корум отклонил корпус и нанес страшной силы удар по колену Гейнора. Ноги Проклятого Принца подкосились, и он отступил на шаг, бросил через плечо взгляд на свою армию.

Отряд Полиб-Бава завершил кровавую жатву. Один за другим воины подбирали трупы и волокли их в пещеру потустороннего мира.

Дико вскрикнув, Гейнор вновь бросился на вадагского принца, схватив его за запястье правой руки. Корум вырвался, но лезвие меча сверкнуло, опустившись ему на плечо, пробило первый — серебряный — слой кольчуги. Вадагский принц выпустил шпагу из рук, и Гейнор подхватил ее.

— Сдавайся, принц Корум! Сдавайся, и я сохраню тебе жизнь!

— И отведешь к своей госпоже, Королеве Ксиомбарг?

— Это мой долг.

— Я никогда тебе не сдамся!

— Тогда я вынужден буду убить тебя!

Все еще тяжело дыша, Принц Гейнор Проклятый бросил шпагу Корума в грязь и пошел к своему врагу, чеканя шаг.

глава четвертая

СРАЖЕНИЕ С ВАРВАРАМИ

Инстинктивно Корум закрыл лицо, защищаясь от удара. Внезапно рука Кулла, не раз спасавшая ему жизнь, ожила, схватила меч за лезвие, шутя вырвала его из рук Гейнора и ударила Проклятого Принца рукоятью по голове.

Гейнор застонал и медленно осел на землю. Теперь уже Корум бросился на него и схватил за одетую в металл шею.

— Сдаешься, принц Гейнор?

— Я не могу сдаться, — раздался глухой голос. — Мне некого сдавать.

Рука Кулла, все еще жившая самостоятельной жизнью, дернула поверженного врага за забрало.

— НЕТ! — вскричал Принц Гейнор. — Ни один смертный не должен видеть моего лица! — Он попытался извернуться, но Корум крепко держал его, а рука Кулла вновь потянула забрало вверх.

— ПРОШУ ТЕБЯ!

Забрало приподнялось.

— Я ЗАКЛИНАЮ ТЕБЯ, ПРИНЦ В АЛОЙ МАНТИИ! ОТПУСТИ МЕНЯ! Я НИКОГДА НЕ ПРИЧИНЮ ТЕБЕ ВРЕДА!

— Ты не имеешь права мне клясться, — сурово сказал Корум. — Ты — слуга Хаоса, и у тебя нет ни чести, ни совести.

Молящий голос звучал, словно из пустоты.

— Пощади меня, Корум!

— А я не имею права щадить тебя, потому что я — слуга Закона.

Забрало поднялось.

Ошеломленный Корум увидел молодое лицо, похожее на маску из копошащихся белых могильных червей. В мертвых красных глазах утонули такой страх и такое отчаяние, которые Коруму не могли привидеться и в кошмарном бреду. Лицо его вспухло, как у покойника, издавая зловонный запах, превратилось в женское, опять в мужское, в детское, в... Корум с ужасом узнал в нем свои собственные черты. За миллионы лет проклятый Принц Гейнор сменил множество обликов, и они чередовались один за другим, а в красных глазах застыла мучительная агония.

Миллионы лет страданий. Видимо, тяжким было безымянное преступление Гейнора; настолько тяжким, что взвешивали его Космические Весы. Облики все менялись и менялись, и теперь уже Корум не держал Проклятого Принца, а положил его голову к себе на колени и плакал навзрыд, скорбя о том, кто заплатил... платит... будет платить цену, которую не должно платить ни одно живое существо.

И Корум понял, что свершилась последняя справедливость, равная последней несправедливости. Принц Гейнор не мог умереть. Он переходил из одного существования в другое, и вскоре должен был появиться вдали от Пятнадцати Измерений, продолжая обреченно служить Хаосу.

Сверкающие доспехи были пусты.

Как в полузабытьи, услышал вадагский принц голос Джерри-ан-Конеля:

— Скорее, Корум! Дело сделано! Садись на лошадь Гейнора, и бежим! Варвары приходят в себя!

Спутник героев тряс его за плечо. Корум поднялся на ноги, подобрал свою шпагу, послушно сел в седло, отделанное черным деревом и слоновой костью...

Они скакали к Хельвиг-нан-Вейку, а солдаты Лир-а-Брода преследовали их по пятам.

Городские ворота открылись и быстро захлопнулись, а варвары в бессильной злобе застучали мечами по обитым железом створкам. Соскочив с коней, Корум и Джерри увидели встречающих их Ональда и Ралину.

— Принц Гейнор жив? — взволнованно спросил король Лайвм-ан-Эша.

— Да, — безжизненным голосом ответил Корум. — Он жив.

— Значит, ничего не вышло!

— Нет.

Корум отвернулся и зашагал по темной улице, ведя в поводу лошадь своего врага. Он ни с кем не хотел разговаривать, даже с Ралиной.

Ональд поднял руку, словно пытаясь задержать его, потом посмотрел на Джерри-ан-Конеля.

— Я ничего не понял из его ответа.

— Корум победил Гейнора, — устало сказал вечный странник. — Варвары лишились клавнокомандующего. Но численность их осталась прежней, и Собака и Медведь по-прежнему им помогают. — Он невесело засмеялся. — Вот и все новости, король Ональд.

Ралина молча смотрела вслед Коруму, который шел с низко опущенной головой, едва волоча ноги.

Король Ональд вздохнул:

— Пойду отдам распоряжения. Надо подготовиться к штурму. Думаю, они пойдут на приступ города рано утром.

— И я так думаю, — рассеянно согласилась Ралина. Ей очень хотелось пойти к Коруму, но она подавила в себе это желание.

На заре армия короля Лир-а-Брода, войско из Бро-ан-Мабдена, а также отряды Собаки и Медведя сомкнули кольцо вокруг Хельвиг-нан-Вейка.

Защитники города стояли на низких крепостных стенах. Варвары не взяли с собой осадных орудий, полагаясь на военное искусство Принца Гейнора, который помог им захватить не один город. Но их было слишком много. Нескончаемые потоки пехоты, кавалерии, повозок хлынули к столице Лайвм-ан-Эша.

Корум отдохнул несколько часов, но заснуть ему не удалось. Лицо Гейнора все время стояло у него перед глазами. Вадагский принц попытался вспомнить о своей ненависти к Гландит-а-Краю и вгляделся в

море голов, чтобы найти вождя денледисси, но того нигде не было видно. Может, он все еще охотился за Корумом в окрестностях замка Мойдель?

Король Лир красовался на белом скакуне, держа в руках знамя своей армии. Рядом с ним на низкорослой лошадке сидел горбатый король Бро-ан-Мабдена, Кронекин-а-Дрок. Он был полуидиотом, и в народе его прозвали "Маленькой Жабой".

Варвары маршировали не в ногу, часто ломая ряды, и Лир-а-Брод нервно на них посматривал: видимо, он не умел командовать такими большими силами.

Затем король Лир высоко поднял железный меч, и в ту же секунду всадники выпустили по Хельвигу тысячи зажженных стрел. В городе загорелся сухой кустарник, который долгое время не поливали.

Король Ональд слышал о судьбе осажденных городов и приготовился к подобной атаке. Жители Хельвига, в течение нескольких дней собиравшие мочу в большие сосуды, затушили пожар.

Громко крича, варвары подскакали к стенам города. Отряды Собаки и Медведя остались в резерве.

Корум безразлично смотрел на разворачивающееся сражение. Запыхавшийся мабден с факелом в одной руке и мечом в другой вскарабкался на стену, и вадагский принц нехотя проткнул его шпагой.

Все утро Корум дрался на стенах, отражая атаку за атакой, но мысли его были далеко. Рядом с ним бились Ралина, Джерри и Белдан. Но защитники города практически не отдыхали, а у короля Лира хватило ума посылать на штурм все новых и новых воинов.

Корум сражался машинально, не совсем понимая, что он делает. Кольчуга его была порвана в нескольких местах, из неглубоких ран шла кровь, но он и этого не замечал.

Дым поднимался над Хельвиг-нан-Вейком. Кровь хлестала ручьями. Содержимое вспоротых животов перепачкало стены. Повсюду валялось сломанное оружие, трупы лежали штабелями, за которыми защитники города сражались, как за баррикадами.

Внизу варвары пытались сломать ворота, орудуя

наспех срубленными стволами деревьев, но обитые железом створки пока что не поддавались.

Продолжая находиться в какой-то прострации, Корум подумал, что его поединок с Принцем Гейнором не был бессмысленным. Если бы эмиссар королевы Ксиомбарг командовал сейчас войском варваров, от Хельвиг-нан-Вейка не осталось бы камня на камне.

Долго ли смогут они продержаться? Когда Лорд Аркин достанет необходимые Небесному Городу элементы? Жив ли еще принц Юретт?

Корум хмуро улыбнулся. Повелительница Мечей наверняка уже знала, что он победил Гейнора. Гнев Ксиомбарг будет ужасен, чувство бессилия, которое она испытает, приведет ее в ярость.

Быть может, она оставит Гвалас-кор-Гварус в покое и все свои силы бросит на Лайвм-ан-Эш?

А может, наоборот, попытается уничтожить Город в Пирамиде, чего бы это ей не стоило?

Корум постарался выкинуть все мысли из головы. Зачем думать? Он подобрал копье, брошенное варваром, и швырнул его обратно, пронзив живот мабденскому воину, который схватился за древко, покачнулся и упал со стены на гору трупов.

После полудня сигнальные рожки протрубили отбой, и варвары отступили, унося с собой раненых.

Корум видел, как король Лир совещается с королем Кронекином. Наверное, скоро в бой вступят армии Собаки и Медведя. А может, двум королям было наплевать, ценою скольких человеческих жизней возьмут они город?

К вадагскому принцу подбежал мальчик.

— Принц Корум! — крикнул он. — Тебя просят срочно прийти в храм.

Ноги Корума затекли, с трудом гнулись в коленях. Он сошел с городской стены и уселся в коляску, которую прислал за ним Алерьян-ан-Найвиш.

Жрец, как всегда, встретил его у входа:

— Лорд Аркин вернулся?

— Да, принц Корум.

Корум вошел в большой зал и остановился, глядя на лежащих на матрасах людей.

— Они умирают, — тихо сказал Алерьян. — Ты можешь покойно говорить в присутствии этих бедняг.

Из глубоких теней в углу зала вышел Повелитель Закона. Лицо его, хоть он и был Богом, выглядело очень усталым.

— Возьми, — сказал лорд Аркин, протягивая Коруму металлическую коробку. — Не открывая крышки, потому что излучение элементов может убить тебя. Передай капитану воздушного корабля, чтобы он как можно скорее возвращался в Гвалас-кор-Гварус.

— Но ведь корабль не сможет преодолеть барьер между сферами!

— Я открою Ворота, по крайней мере надеюсь, что у меня это получится. Ксиомбарг ведет со мной тонкую игру, и я почти лишился сил. Попытаюсь раздвинуть пространство рядом с Небесным Городом, потому что корабль погибнет, оказавшись вдали от него. Я сделаю все, что смогу.

Корум кивнул.

— Я буду молиться за благополучие Гвалас-кор-Гваруса.

Аркин усмехнулся:

— Только не молись мне. Я знаю не больше твоего.

Вадагский принц поспешно вышел из храма, держа под мышкой коробку из тусклого металла. Она была тяжелой и теплой на ощупь. Корум сел в коляску, хлестнул лошадей, помчался по заваленным камнями улицам ко дворцу короля Ональда. Он быстро взбежал по лестнице на крышу, где стоял воздушный корабль. Протянув коробку капитану, который с сомнением посмотрел на нее и запер в ящик стола в рубке, Корум передал ему слова лорда Аркина.

— Прощай, Бвудит-а-Горн, — с чувством произнес вадагский принц. — Дай тебе Бог вернуться в Город в Пирамиде и прилететь на нем в наше Измерение.

Бвудит отсалютовал Коруму и поднял корабль в воздух.

Внезапно в небе появилось темное пятно. Оно дрожало и колебалось. В глубине пятна проносились золотые облака, шел дождь из пурпурных искр.

Оно поглотило воздушный корабль и затянулось. Корум молча смотрел наверх, и в этот момент страшный рев вырвался из тысяч и тысяч глоток. Варвары вновь пошли на приступ.

Вадагский принц сбежал по лестнице. Перед дворцом он увидел плачущих женщин. Некоторые рыдали взахлеб. Многие стояли на коленях. Несколько высоких воинов несли на плечах носилки, на которых лежало тело, закрытое плащом.

— Что случилось? — спросил их Корум. — Кого вы несете?

— Погиб король Ональд, — печально ответил один из воинов. — На нас наступают армии Собаки и Медведя. Хельвиг-нан-Вейк ждет печальная участь, и никто не в силах предотвратить ее!

глава пятая

ЯРОСТЬ КОРОЛЕВЫ КСИОМБАРГ

Корум хлестнул лошадей и помчался по улицам к городским стенам. Жители Хельвиг-нан-Вейка, казалось, потеряли всякую надежду на спасение и пассивно ожидали смерти от рук варваров. Две женщины покончили самоубийством на глазах вадагского принца. Быть может, они поступили мудро, подумал он.

Выпрыгнув из коляски, Корум взбежал на стену, где Ралина и Джерри-ан-Конель бились плечом к плечу. Принц в Алой Мантии понял, что положение защитников города безнадежно.

Огромные собаки, сверкая глазами и вывалив языки, вскачь неслись к городу, обгоняя варваров. А за собаками шли гигантские рогатые медведи, сжимая в лапах дубины и щиты.

Корум знал, что собаки могут запрыгнуть на стены, а медведи сломать ворота дубинками. Вадагский принц принял решение.

— Всем, кто может носить оружие, собраться во дворце! — приказал он. — Пусть жители Хельвиг-нан-Вейка спрячутся, если смогут!

— Ты бросаешь горожан на произвол судьбы? — в ужасе спросила Ралина, глядя на сверкающий гневом пурпурный глаз Корума.

— Я пытаюсь их спасти и заодно выиграть время. Все свои силы варвары бросят на осаду дворца, и пока не возьмут его, не будут трогать мирное население. — Выполняйте приказ! — громко крикнул он.

Многие повиновались ему с явной неохотой. Солдаты брели ко дворцу, подбирая раненых, объясняя

создавшееся положение жителям города. Корум, Джерри и Ралина покинули стену последними и побежали по обезлюдевшим улицам мимо сожженных кустов, вытоптанных цветов и сваленных в кучи трупов. Очутившись во дворце, Корум первым делом велел забаррикадировать окна и двери.

Победные крики варваров, вой собак, рев медведей слышались все ближе и ближе. Казалось, защитников города охватило спокойствие отчаяния. Повсюду стояла мертвая тишина.

Три товарища поднялись на крышу замка. Глядя вниз, Ралина прошептала:

— Когда они будут здесь, Корум?

— Ты имеешь в виду зверей?

— Да.

— Скоро они подойдут к городским стенам и, если заподозрят неладное, потеряют немного времени. Сломать ворота — дело нескольких минут. А потом собаки и медведи осадят дворец, Ралина, и мы не сможем против них долго выстоять.

— И ты ничего не можешь придумать?

— У меня есть план, но... их слишком много. — Он задумался и после непродолжительного молчания сказал: — Я ведь и сам не знаю всех своих возможностей...

Вой и рев слышались все отчетливее. Затем наступила тишина.

— Они подошли к стенам, — сказал Джерри.

Корум поправил разодранную алую мантию. Поцеловал Ралину.

— Прощай, маркграфиня Алломглильская.

— Что ты...

— Прощай, Джерри, друг Бессмертных Воинов. Желаю тебе найти другого героя и стать его спутником.

Джерри слабо улыбнулся:

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет.

Несколько собак перепрыгнули через стены и остановились, тяжело дыша и подозрительно нюхая воздух.

Корум спустился по лестнице, пробрался сквозь

баррикаду, вышел на широкую площадь перед дворцом, направился к главной улице города, остановился.

В близлежащих садах горели кусты, лужайки были завалены трупами. Маленький крылатый кот сделал круг над головой Корума и улетел обратно на крышу дворца.

Собаки продолжали прыгать через стены; настороженно оглядываясь по сторонам, они двинулись к Коруму.

Ворота треснули и упали внутрь. Раздувая ноздри, держа дубинки наготове, медведи хлынули в город.

С крыши дворца было видно, как Корум поднял повязку, и кисть его левой руки внезапно исчезла. Через несколько мгновений вадагского принца окружили искалеченные полулюди-полузвери, недавно подчинявшиеся Гейнору, а сейчас фанатично преданные Коруму — единственному, кто мог принести им освобождение. Рука Корума повелительным жестом указала вперед.

Ралина испуганно посмотрела на Джерри. Вечный странник остался невозмутим.

— Разве могут эти жалкие калеки победить собак, и медведей, и тысячи варваров? — спросила она.

— Не знаю, — ответил друг героев. — Мне кажется, Корум решил испытать свою силу. Если он проиграет, рука Кулла и глаз Ринна больше ему не пригодятся, потому что они не смогут нас спасти, если мы попытаемся бежать.

— Наверное, именно это Корум и хотел сказать, когда попрощался с нами, — кивнув, сказала Ралина.

Армия Хаоса бежала по улице к собаками и медведям. Удивленные животные ворчали, не понимая, друзей они видят или врагов.

Жалкие существа с зияющими бескровными ранами, без рук, без голов, поддерживающие один другого на бегу, катились волной по главной улице города, зная, что убить их во второй раз невозможно. Собаки зарычали и залаяли, требуя, чтобы они убрались с дороги.

Но свора Хаоса продолжала наступать. У них не

было выхода: избавиться от ужасов потустороннего мира и обрести вечный покой они могли только уничтожив и собак, и медведей.

Корум стоял неподвижно. В душе он не верил, что его искалеченная армия сможет справиться со свирепыми зверьми. Потом вадагский принц увидел, что за отрядом медведей, вошедших в город, показались варвары во главе с королем Лиром и королем Кроникеном. И хоть Корум не надеялся победить, он хотел выиграть для защитников дворца хотя бы час времени.

Оглянувшись через плечо, вадагский принц посмотрел на возвышающуюся вдалеке башню Закона. Где сейчас лорд Аркин? Видит ли он, что здесь происходит?

Собаки защелкали челюстями. Одна из них схватила зубами безрукого живого мертвеца и отшвырнула его в сторону. Упав, калека тут же пополз обратно. Пес прижал уши и поджал хвост.

Несмотря на величину и свирепость, подумал Корум, собаки были и остались трусливы. Впрочем, на это он тоже рассчитывал.

Двурогие медведи, грозно рыча и обнажая клыки, колотили дубинками направо и налево, раскидывая зверей армии Хаоса в разные стороны. Но они не могли умереть. Вновь и вновь поднимались живые мертвецы, продолжая атаковать, мертвой хваткой вцепляясь в шкуры. Наконец, одна из собак свалилась, махая лапами в воздухе, а калеки вгрызлись зубами ей в горло. Корум угрюмо улыбнулся.

Но случилось то, чего он боялся. Пробираясь между дерущимися зверьми, варвары осторожно пошли вперед.

Корум повернулся и побежал во дворец.

Корум едва успел подняться на крышу дворца, как варвары пошли на штурм. Собаки и медведи продолжали сражаться с армией Хаоса.

Лучники выпустили из окон стрелы, и первой их жертвой стал король Кроникен. Лир-а-Брод, закованный в доспехи, издевательски помахал мечом и

бросил своих солдат в атаку. Мечи и боевые топоры застучали по забаррикадированным окнам и дверям.

На крышу вбежал капитан королевской стражи.

— Мы продержимся на нижних этажах всего несколько минут, — доложил он. — Прости, но на большее мы не способны.

Корум кивнул:

— Постарайтесь отступать с боем. Я скоро приду.

— Как ты думаешь, долго мы выстоим? — спросила Ралина.

— Трудно сказать. Мне кажется, после гибели Гейнора королева Ксиомбарг сосредоточила все свое внимание на нашем Измерении. Думаю, она попытается уничтожить меня, чего бы ей это ни стоило.

— Но ведь Повелительница Мечей не посмеет сама явиться в наш мир, — сказала Ралина. — Даже Великие Древние Боги боятся нарушить законы Космического Равновесия.

— Кто знает? — задумчиво произнес Корум. — Ярость Ксиомбарг так велика, что она на все способна.

— Но тогда всем нам придет конец, — прошептала Ралина. — Неужели лорд Аркин ничего не может сделать?

— Он и так выбивается из сил. К тому же Повелители Закона, как и Повелители Хаоса, не имеют права вмешиваться в дела смертных. Скорее всего, лорд Аркин готовится к решительной битве с королевой Ксиомбарг. А сейчас пойдем к нашим воинам.

Они только начали спускаться, как увидели ревущих варваров, которые, не обращая внимания на огромные потери, атаковали защитников замка, отступающих вверх по лестнице. Капитан стражи бросился к Коруму и безнадежно развел руками. Впрочем, вадагский принц и сам понимал, что битва проиграна.

— Нам надо вернуться на крышу, — сказал он. — По крайней мере там мы сможем продержаться еще несколько минут.

— Но ведь это — конец, принц Корум! — отчаянно воскликнул капитан.

А затем они услышали страшный нечеловеческий крик — крик неописуемой ярости.

Ралина закрыла лицо руками.

— Ксиомбарг, — прошептала она. — Я узнала ее голос, Корум.

У Принца в Алой Мантии пересохло во рту. Комок подступил к его горлу. Он не смог вымолвить ни слова.

Крик повторился. А потом они услышали гудение, которое становилось все громче и громче и, наконец, переросло в гул.

— На крышу! — воскликнул Корум. — Скорее!

Задыхаясь, они выбежали на крышу дворца и невольно зажмурились, увидев ослепительное сияние, которое затмевало собой солнце.

Лицо Повелительницы Мечей, перекошенное злобой, заслоняло горизонт; волосы ее развевались по небу, как облака; в руке она держала гигантский меч, словно собираясь разрубить планету пополам.

— Королева Ксиомбарг! — простонала Ралина. — Она нарушила законы Космического Равновесия, и теперь ее ничто не остановит. Мы погибли!

— Взгляните! — внезапно воскликнул Джерри-ан-Конель. — Теперь понятно, почему она так разъярилась!

Город в Пирамиде висел над искалеченным Хельвиг-нан-Вейком. В его зеленом свечении появилось темное пятно, и воздушный корабль вылетел из него и пошел на снижение. У борта стоял Король без Королевства с каким-то предметом в руках.

Воздушный корабль приземлился на крыше дворца, и Норег-Дан, спрыгнув вниз, подошел к Коруму.

— Я привез тебе подарок, — улыбаясь, сказал он, — от благодарных жителей Гвалас-кор-Гваруса.

— Спасибо, — ответил Корум. — Но сейчас не время...

— Наш подарок тебе пригодится. Это — оружие. Возьми его. — Корум неуверенно повертел в руках цилиндрик с рукояткой, покрытой странным узором.

— Это — оружие, — повторил Норег-Дан. — Ты можешь убить им своего врага, если наставишь на него дуло и нажмешь на рукоятку.

Корум нерешительно посмотрел на Королеву Ксиомбарг.

— Великие Древние Боги неуязвимы, — тут же сказал Король без Королевства. — Я говорил только о смертных.

Корум подбежал к лестнице. Варвары под предводительством Лир-а-Брода преодолевали последний ее пролет, практически не встречая сопротивления.

— Направь на него дуло и нажми на рукоятку, — повторил свои инструкции Норег-Дан.

Король Лир бежал по ступенькам, горделиво задрав подбородок с всклокоченной бородой, а за ним, не отставая ни на шаг, бежала Хмурая Стража. Увидев Корума, Лир-а-Брод расхохотался.

— Никак ты надумал сдаться, последний вадаг на этой земле?

И Корум рассмеялся ему в лицо.

— Я докажу тебе, что я — не последний вадаг, — сказал он и нажал на рукоятку.

Лир-а-Брод схватился за грудь, поперхнулся и упал, мертвый, на руки своих телохранителей. Язык его вывалился изо рта, седые клочья волос разметались по лбу.

— Король умер! — вскричал один из них. — Отомстим за смерть нашего короля!

И вновь Корум нажал на рукоятку; он продолжал нажимать на нее до тех пор, пока в живых не осталось ни одного воина Хмурой Стражи.

Норег-Дан улыбался.

— Этим оружием мы уничтожили почти все войско Ксиомбарг, — сказал он. — Если б ты видел, в какую она пришла ярость! Теперь ей потребуется немало времени, чтобы найти смертных, готовых служить Хаосу!

— Не обязательно. Она нарушила законы Космического Равновесия один раз, пренебрежет ими и во второй.

Прекрасное бешеное лицо Королевы Мечей поднималось над горизонтом; постепенно стали видны ее плечи, грудь, талия.

— КОРУМ! СТРАШНЫЙ УБИЙЦА ВСЕХ, КОГО Я ЛЮБЛЮ!

От громоподобного голоса раскалывалась голова. Корум попятился, завороженно глядя на огромный меч, поднимающийся над головой Ксиомбарг, глаза которой пылали, как два солнца. Лезвие меча стре-

мительно опускалось на него, и Корум приготовился к смерти.

Ралина кинулась в его объятия.

Затем...

— ТЫ ПОСМЕЯЛАСЬ НАД ЗАКОНАМИ КОСМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ, СЕСТРИЦА КСИОМБАРГ!

И на далеком горизонте появился лорд Аркин, такой же гигантский, как Повелительница Мечей. В руках он держал шпагу. Рядом с двумя Богами Небесный Город казался крохотным муравейником.

— ТЫ ПОСМЕЯЛАСЬ НАД ЗАКОНАМИ КОСМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ, ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА МЕЧЕЙ!

— НЕ Я ПЕРВАЯ!

— И ТОЛЬКО ОДИН ИЗБЕЖАЛ НАКАЗАНИЯ, И ИМЯ ЕМУ — БЕЗЫМЯННАЯ СИЛА! ТЫ ПОСТАВИЛА НА КАРТУ СВОЕ КОРОЛЕВСТВО И ПРОИГРАЛА ЕГО!

— НЕТ! КОСМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА РАСПОРЯЖАТЬСЯ МОЕЙ СУДЬБОЙ!

Голос, не принадлежащий ни Ксиомбарг, ни Аркину, произнес:

— ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ. ИМЕЕТ...

И Космические Весы, которые привиделись Корому после того, как он уничтожил сердце Ариоха, появились между Ксиомбарг и Аркином, и они были так велики, что Боги по сравнению с ними казались карликами.

— ИМЕЕТ.

И Чаша Весов стала клониться в сторону Аркина.

— ИМЕЕТ.

Королева Ксиомбарг закричала от ужаса, и от крика этого планета содрогнулась, чуть не сойдя с предначертанного ей звездного курса.

— ИМЕЕТ.

Меч — символ ее власти — исчез из руки Повелительницы Мечей и на мгновенье упал на чашу весов, клонившуюся к лорду Аркину.

— НЕТ! — взмолилась королева Ксиомбарг. — АРКИН ЗАМАНИЛ МЕНЯ СЮДА ХИТРОСТЬЮ. ОН ЗНАЛ, ЧТО...

Тело Повелительницы Мечей начало таять в воздухе. Легкие облачка поплыли по небу. Повелитель Закона, лорд Аркин, со сверкающей шпагой в руке, окутанный ослепительным белым сиянием, выпрямился во весь свой гигантский рост.

— ДЕЛО СДЕЛАНО! — громко сказал он, и, казалось, от слов этих потеплел воздух.

— ДЕЛО СДЕЛАНО!

— Лорд Аркин! — крикнул ему Корум. — Скажи, ты знал, что ярость ослепит Ксиомбарг и она нарушит законы Космического Равновесия?

— Я НАДЕЯЛСЯ НА ЭТО. О, КАК Я НАДЕЯЛСЯ!

— Значит, ты специально подвергал мою жизнь опасности, чтобы вызвать гнев Повелительницы Мечей?

— ДА.

Корум вспомнил, сколько испытаний выпало на его долю. Он подумал о тысяче лиц Принца Гейнора, мелькавших, как в калейдоскопе.

— Кажется, я возненавижу всех Богов, — сказал он.

— ЭТО ТВОЕ ПРАВО. МЫ НЕ НАРУШАЕМ ЗАКОНОВ, ИСПОЛЬЗУЯ СМЕРТНЫХ В СВОИХ ЦЕЛЯХ.

Лорд Аркин исчез. Десятки воздушных кораблей, вылетевших из Гвалас-кор-Гваруса, посылали невидимую смерть на разбегавшихся, обезумевших от страха варваров. Не видно было своры Хаоса, сгинули отряды Собаки и Медведя. Корум не знал и не хотел знать, отозвали их обратно страшные Боги мабденов, или они занимают сейчас пещеру потустороннего мира.

К нему подошел Король без Королевства.

— Видишь, какой ценный я сделал тебе подарок, принц Корум.

— Да.

— Теперь лишь пять измерений из пятнадцати страдают под властью Хаоса. Король Мабельрод должен нас бояться.

— Наверное, так оно и есть, — безразличным тоном сказал Корум.

— А я больше не Король без Королевства. Я вернусь и выстрою город, и вновь буду править своей страной.

— Хорошо, — вяло согласился Корум.

Он подошел к краю крыши и посмотрел на заваленный трупами Хельвиг-нан-Вейк. Горожане, оглядываясь по сторонам, постепенно появлялись на улицах. Варвары были разбиты наголову, и теперь покой воцарится во владениях Повелителей Закона.

Ралина подошла к Коруму, погладила его по измученному лицу.

— Вернемся в замок Мойдель? — спросила она.

Корум пожал плечами:

— Боюсь, Гландит сровнял его с землей.

— Кстати, куда подевался герцог Край? — весело спросил Джерри, почесывая кота за ухом. Базилий, сидевший у вечного спутника на плече, блаженно замурлыкал.

— Вряд ли он погиб, — ответил Корум. — Мне кажется, мы с ним еще встретимся. Я честно служил Закону, выполнил все требования Аркина, но я еще не отомстил.

К ним подлетел воздушный корабль с принцем Юреттом на борту.

— Здравствуй, Корум, — сказал он, радостно улыбаясь. — Не согласишься ли ты стать нашим гостем хоть ненадолго? Мабдены вернутся на Бро-ан-Мабден, а нам с тобой надо обсудить, как возродить земли Бро-ан-Вадага, где построить наши замки.

И наконец на усталом лице Корума появилась улыбка.

— Спасибо тебе, принц Юретт. Быть твоим гостем — большая честь для меня.

— Пора нам покончить с путешествиями, — усмехнулся принц Юретт.

— И мне тоже! — с чувством воскликнул Корум. — За последнее время у меня не было ни минуты покоя!

Город в Пирамиде осторожно опускался на землю.

ЭПИЛОГ

Гландит-а-Край и его денледисси, сидевшие в повозках вплотную друг к другу, смертельно устали. Остановившись у подножья холма, они наблюдали за сражением Королевы Ксиомбарг с лордом Аркином; видели вадагов-шефанго, уничтоживших войско короля Лир-а-Брода.

Герцог Край много месяцев искал Корума Джайлин Ирси и его развратную любовницу, Ралину Мойдель, и, не закончив поисков, поспешил соединиться с основной армией, чтобы принять участие в осаде Хельвиг-нан-Вейка. Он опоздал.

Теперь ему, Гландиту, придется испытать участь того, кто объявлен вне закона, познать страх и отчаяние, — потому что вадаги вернулись, а миром правил лорд Аркин.

Стояла ночь. Волшебный город озарял ее причудливым зеленым сиянием. Гландит-а-Край принял решение. Он развернет повозки к морю, скроется в непроходимых лесах северо-востока. И Гландит поклялся, что найдет сильного союзника и уничтожит Корума и тех, кого Корум любил всем сердцем.

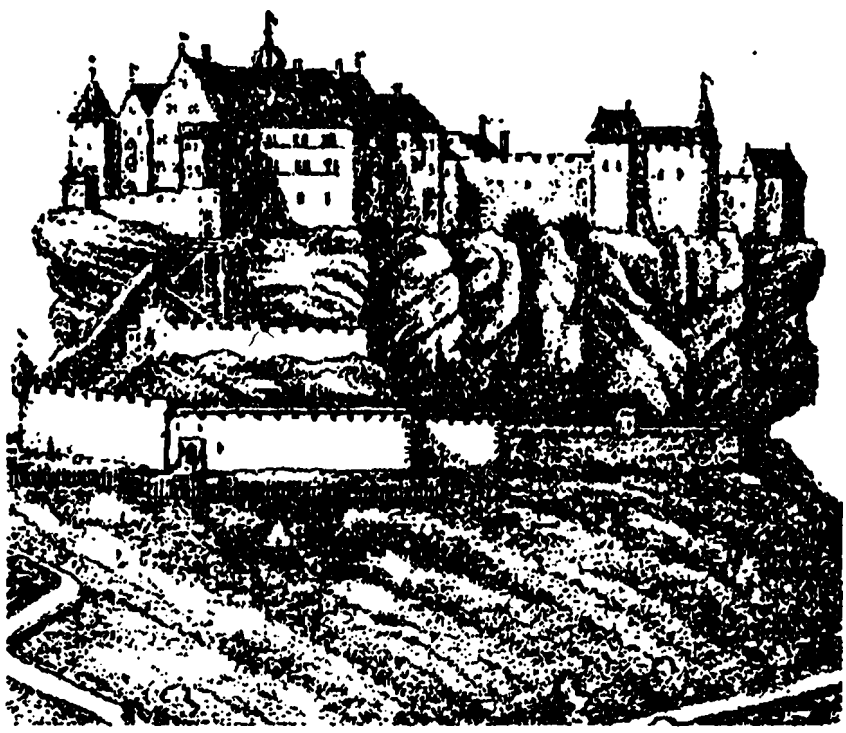
Герцог Край знал, к кому обратиться.

Он верил в победу.

Он не сомневался, что победит.

ТОМ ТРЕТИЙ

КОРОЛЬ МЕЧЕЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

В то время были океаны света, и города в небе, и дикие бронзовые птицы. Красные животные, выше замков, грозно рычали. В черных реках плавали изумрудные рыбы. То было время богов, сошедших на землю, великанов, блуждающих по воде; время гнусной нечисти и бездумных духов, которых можно было вызвать с помощью заклинаний и которые уходили только тогда, когда им приносилась страшная кровавая жертва; время магии, волшебства, меняющейся природы, безумных парадоксов; снов, которые сбывались, кошмаров, превращающихся в реальность.

Богатое на события время, мрачное время. Время Повелителей Мечей. Время, когда появился Человек, раб страха, не ведая, что боится он самого себя, это было так же смешно, как и многое другое, связанное с Человеком (который в те дни называл свою расу "мабдены").

Мабдены жили недолго и быстро размножались. В течение двух-трех веков они заселили западный континент, на котором появились, но из суеверия не посылали своих кораблей к вадагам и надрагам еще несколько столетий. Увидев, что на них не обращают внимания, мабдены осмелели, чувствуя ревность к древним расам, гневаясь на них великим гневом.

Вадаги и надраги ни о чем не подозревали. Миллион с лишним лет жили они на планете, на которой, как им казалось, наконец-то воцарился мир. Они знали о существовании мабденов, но считали их новым видом животных. Продолжая по традиции ненавидеть друг друга, они занимались изучением абстракций, создавали дивные произведения искусства, долгие часы проводили в размышлениях. Разумные, мудрые, обретшие внутренний покой, древние расы не могли поверить, что в мире грядут перемены. И поэтому,

как всегда бывает, не замечали их зловещих признаков.

Стариннейшие враги не делились друг с другом знаниями, хотя последняя битва между ними отгремела много веков назад.

Вадаги жили отдельными семьями в замках, разбросанных по всему континенту, который они называли Бро-ан-Вадаг. Семьи эти редко общались между собой, потому что вадаги давно потеряли всякий интерес к путешествиям. Надраги жили в городах на островах в океане к северо-западу от Бро-ан-Вадага. Они тоже не любили общения и редко встречались даже со своими близкими.

Появившиеся Люди плодились и размножались, расселяясь по всей Земле. Подобно чуме истребляли они представителей древних рас, попадавшихся на их пути. Человек нес с собой не только смерть, но и страх. Намеренно превращал он старый мир в руины, засыпая ими обломки костей. Сам того не понимая, он натворил столько бед, что ужаснулись Великие Древние Боги.

Великие Древние Боги тоже познали страх.

А Человек, раб страха, нахальный в своем невежестве, продолжал, спотыкаясь на каждом шагу, творить прогресс. Ему было невдомек, какие страшные перемены вызвал он в мире, удовлетворяя свои никчемные потребности. Кроме того, Человек обладал всего несколькими чувствами и не знал множественности Вселенной, в то время как вадаги и надраги могли путешествовать по иным мирам, сосуществующим с Землей, которые они называли Пятью Измерениями.

Казалось несправедливым, что мудрецы должны погибнуть от руки невежественных мабденов, которые мало чем отличались от животных. Они напоминали вампиров, пирующих над парализованным телом поэта, который смотрит на них изумленным взглядом, теряя жизнь, которую кровососы не способны понять.

«Если б они ценили то, что украли, если б они познали то, что уничтожили, — сказал один

старый вадаг в рассказе "Последний Осенний Цветок", — я был бы утешен.»

Несправедливость была налицо.

Создав Человека, Вселенная предала старые расы.

Впрочем, это была извечная и неизбежная несправедливость. Живое существо может воспринимать и любить Вселенную, но Вселенная не может воспринимать и любить живое существо. Она не делает различий между разнообразными формами жизни. Вселенная, вооруженная материей и властью созидания, созидает. Она не способна управлять теми, кого созидает, и те, кого она созидает, не способны управлять Вселенной (хотя многие обманывают себя, думая иначе). Тот, кто проклинает Вселенную, кричит в ее глухие уши. Тот, кто борется против нее, пытается сокрушить несокрушимое. Тот, кто трясет кулаками, грозит слепым звездам.

Но это не означает, что во Вселенной не осталось созданий, которые борются за справедливость и пытаются превозмочь невозможное.

Такие создания будут всегда, и среди них найдется немало мудрецов, которые не захотят поверить в безразличие Вселенной.

Принц Корум Джайлин Ирси принадлежал к их числу. Он был одним из последних, а может, последним вадагом, и называли его "Принц в Алой Мантии". В этой хронике повествуется о нем.

Вы уже знаете, что мабденские воины герцога Гландит-а-Края (которые называли себя денледиссы, что в переводе означает "убийцы") уничтожили и родных принца Корума, и всю расу вадагов. Принц в Алой Мантии познал страх, отчаяние и жажду мести. Он научился убивать. Вы знаете также, что Гландит подверг Корума пыткам: выжег ему глаз и отрезал кисть левой руки. Вадагского принца спас Великан из Лаара. С его помощью Корум попал во дворец маркграфини Мойдель, расположенный на скалистом острове. Ралина Мойдель тоже была мабденом (хоть и принадлежала к более разумному народу, населяв-

шему Лайем-ан-Эш), и они с Корумом полюбили друг друга. Когда Гландит-а-Край объединил конские племена и бросил их на штурм замка, Ралина обратилась за помощью к сверхъестественным силам. Вместе со своим возлюбленным она попала на остров Сви-ан-Фавна-Бруль — Надежду Прожорливого Бога, — где Корум убедился, что тот мир, в котором он сейчас жил, был и загадочен, и непонятен. Шуль беседовал с ним о снах и о реальной жизни. ("Ты, как я вижу, начал неплохо разбираться в мабденах, — сказал он. — Всегда рассуждай в том же духе, если хочешь выжить в мабденском сне." — "Разве это сон?" — спросил Корум. — "Конечно, — ответил колдун. — Такой же, как реальная жизнь. Можно назвать его сном Бога. Или сном, который Бог воплотил в жизнь. Когда я говорю о Боге, я само собой, имею в виду Валета Мечей, Повелителей Пяти Измерений.")

Пользуясь тем, что Ралина была у него в руках, колдун заключил с Корумом договор. Он подарил вадагскому принцу руку Кулла и глаз Ринна взамен тех, которые Корум потерял во время пыток. (В самом начале существования Вселенной Владыка Кулл и Владыка Ринн — Потерявшиеся Боги — сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть, а потом загадочно исчезли).

Итак, Шуль обещал освободить Ралину, если Корум выполнит его поручение. Колдун отправил вадагского принца во владения Валета Мечей, Повелителя Хаоса, герцога Ариоха, который правил Пятью Измерениями, отняв власть над ними у Повелителя Закона, лорда Аркина. Шуль потребовал, чтобы Корум украл сердце Валета, хранившееся в самой высокой башне его дворца. Лишившись сердца, Ариох потерял бы свой телесный облик, а следовательно, не смог бы управлять смертными.

Без надежды на успех, Корум отплыл на баркасе во владения Валета, но потерпел кораблекрушение, когда Великан-Рыбак прошел мимо его утлого суденышка, волоча за собой сети. В стране

Рага-да-Кета Корум впервые прибегнул к помощи глаза Ринна и руки Кулла и узнал, в чем заключается их сила. Глаз Ринна видел потусторонние миры, а рука Кулла приказывала ужасным обитателям этих миров сражаться на стороне вадагского принца. Но она не всегда повиновалась Коруму и убивала как его врагов, так и его друзей. И Корум понял, что, согласившись принять подарок Шуля, он признал окружающий мир реальным.

Во время своих приключений Корум узнал также о вечной битве между Законом и Хаосом. Весельчак-священник из Лайвм-ан-Эша посвятил его в кое-какие подробности. "Повелители Хаоса управляют нашими судьбами, — сказал он. — Ариох — один из них. Давным-давно отгремела битва между Законом и Хаосом. Хаос выиграл, и его Повелители стали безраздельно властвовать над Пятнадцатью Измерениями, а может, и за их пределами. Говорят, Закон потерпел полное поражение, Боги его исчезли, Космическое Равновесие нарушилось, и одна чаша Весов опустилась до самого конца. Все течет, все изменяется. Я слышал даже, что когда-то наша планета была круглой, а не сплюснутой, как сейчас." — "То, что ты мне рассказал, я читал в вадагских легендах," — ответил Корум. — "Знаю, — сказал Ганофакс, — но вадагская цивилизация (впрочем, как и многие другие) достигла своего расцвета под властью Богов Закона. Именно поэтому Повелители Мечей так ненавидят древние расы. И поскольку Великим Богам не позволено вмешиваться в дела смертных, они действуют через мабденов..." — "Ты в этом уверен?" — спросил Корум. — Ганофакс пожал плечами: "Эта версия кажется мне наиболее вероятной..."

Путешествуя по Огненным Землям, Корум встретился со слепой королевой Урезе. Когда вадагский принц стоял у каменной Пасти Льва, ему показалось, что на него кто-то смотрит. А затем он убил Ганофакса (рука Кулла знала, что душой мабдена овладел Ариох, и вновь приняла са-

мостоятельное решение). Ариох рассказал Коруму о своей сестре, королеве Ксиомбарг, и о своем брате, самом могущественном из них, короле Мабельроде. Сердца Повелителей Мечей находились в тайниках, куда они сами не могли проникнуть.

Избежав многочисленных опасностей, Корум украл сердце Ариоха и, спасая свою жизнь, уничтожил его. Герцог Хаоса, лишившись своего телесного облика, отправился в изгнание, а Повелитель Закона, лорд Аркин, вернулся во дворец. Но теперь Корум был обречен на вечный бой с Повелителями Мечей. Голос ему сказал: "Ни Закон, ни Хаос не властны повелевать судьбами смертных. Равновесие нельзя нарушить". — "Равновесия не существует! — вскричал Корум. — Вселенной правит Хаос!" — И голос ответил: "Равновесие иногда нарушается. Одна чаша весов перевешивает. Только смертные, подобные тебе, могут восстановить баланс сил. Тебе придется продолжить дело, которое ты начал. Ты можешь погибнуть, не закончив его, но на смену тебе придут другие". — "Я не хочу! — крикнул Корум. — Мне не вынести такой ноши!" — И голос сказал: "Это твой долг!"

А затем Корум очутился на острове Сви-ан-Фавна-Брульн и увидел, что колдун потерял свою силу, а Ралина стала свободной.

Корум и Ралина вернулись в свой прекрасный замок Мойдель, но они понимали, что больше не являются хозяевами своих судеб.

Мир и покой в их душах продолжался недолго. Блуждающий Бог (или Бог-Рыболов), искавший то, чем ему, видимо, не суждено было владеть, забросил сети недалеко от замка Мойдель, а затем выкинул улов обратно в море. Корум и Ралина знали, что увидеть Блуждающего Бога — дурное предзнаменование. Той же ночью в ворота дворца постучал незнакомец — молодой человек по имени Джерри-ан-Конель, — объявивший себя вечным странником и спутником героев. Казалось, он знал о судьбе Корума больше, чем сам Корум. В мешке Джерри находился его любимец, маленький крылатый кот Базилий, который по прика-

занию хозяина полетел в Каленвир и узнал о кровожадных замыслах короля Лир-а-Брода, намеревавшегося огнем и мечом уничтожить Лайвм-ан-Эш, страну разумных и добрых мабденов, во многом подражающих вадагам.

Обитатели замка Мойдель отправились в Лайвм-ан-Эш, чтобы предупредить его жителей о грозящей опасности, и по дороге стали свидетелями многих стычек между последователями Закона и приспешниками Хаоса. Прибыв в столицу государства, Хельвиг-нан-Вейк, Корум, Ралина и Джерри познакомились с королем Ональдом, а затем отправились на встречу с лордом Аркином.

Повелитель Закона отправил их в королевство Ксиомбарг, где находился Город в Пирамиде, который мог помочь жителям Лайвм-ан-Эша в борьбе с Хаосом. Очутившись на Измерениях Повелительницы Мечей, путешественники увидели много разных чудес — Озеро Голосов, Поле Крови, Белую Реку — и, наконец, нашли Город в Пирамиде, населенный вадагами, не сумевшими вернуться в свой мир, который покинули много тысячелетий назад. Корум — с помощью лорда Аркина — раздобыл редкие элементы, необходимые для механизмов Небесного Города, прилетел на помощь жителям Хельвиг-нан-Вейка и уничтожил войска варваров.

Не помня себя от ярости, Королева Ксиомбарг решила уничтожить вадагского принца и нарушила законы Космического Равновесия, в результате чего лишилась власти над своими Пятью Измерениями. Казалось, мир воцарился на Земле, но герцог Гландит-а-Край, ненавидевший Корума лютой ненавистью, поклялся отомстить. Гландит знал, к кому обратиться за помощью, и верил в победу.

КНИГА СЕДЬМАЯ,

в которой Корум убеждается, что покой недолговечен

глава первая

СИЛУЭТ НА ХОЛМЕ

Совсем недавно отгремела война, унесшая тысячи человеческих жизней, но Хельвиг-нан-Вейк постепенно восставал из руин. Дворец короля Ональда был отстроен в первую очередь и вновь стал напоминать цветущее дерево, увитое виноградными лозами. В небо забили фонтаны; на улицах, украшенных цветами, появились новые статуи; с городских площадей исчезли виселицы: самые жестокие военачальники Лир-а-Брода не избежали заслуженного наказания.

Страна залечивала свои раны, становилась такой же прекрасной, а может, еще прекрасней, чем раньше. Возрождался и Бро-ан-Вадаг. О варварах, вновь поселившихся на Бро-ан-Мабдене, напоминали лишь мрачные руины Каленвира, о котором вадаги старались не вспоминать. На островах в море бывшие рабы мабденов, надраги, влачили жалкое существование, но в их жизнь никто не вмешивался. Быть может, их раса будет когда-нибудь вновь гордиться своими сыновьями.

На земле воцарился мир. Вадаги, прилетевшие на Гвалас-кор-Гварусе, взялись за дело засучив рукава. Они покинули Небесный Город, который сейчас одиноко стоял в далеком сосновом лесу, и заново отстроили древние замки.

Мабдены из Лайвм-ан-Эша и вадаги из Бро-ан-Вадага познали покой. Никто не боялся Хаоса. Повелители Закона управляли Десятью из Пятнадцати Измерений. Закон оказался сильнее Хаоса.

В этом не сомневались регентша Лайвм-ан-Эша, королева Крайф, ее внук, маленький король Аналът,

его подданные. В этом не сомневался бывший капитан Гвалас-кор-Гваруса принц Юретт Хасдан Ньюри. В этом не сомневались прежние жители Города в Пирамиде.

И только один вадаг сильно в этом сомневался. Он походил на остальных вадагов высоким ростом, длинным узким черепом, ушами без мочек, но его правый глаз, закрытый черной повязкой, состоял из нескольких драгоценных камней, а на левой руке, тоже усыпанной драгоценными камнями, было шесть пальцев. Звали его Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, и он ненавидел эту руку и этот глаз, которые помогли ему уничтожить одного Бога, изгнать другого и часто спасали от смертельной опасности в сражениях против врагов Закона.

Но и Корум, на долю которого так редко выпадали минуты покоя, познал радость, глядя, как отстраивается замок Эрорн. В небо вздымались красивые башни с видом на море, неумолчно шумевшее и точившее скалы. Казалось, волны плясали, радуясь, что возвращается к жизни их старый друг. Искусные вадаги из Гвалас-кор-Кваруса воссоздали движущиеся стены, менявшие форму в зависимости от погоды и цвет в зависимости от ветра. Хрустальные фонтаны в залах вновь играли многоголосные фуги. Но пропали картины, пропали скульптуры, пропали ценнейшие рукописи, которые Гландит-а-Край уничтожил, нельзя было вернуть к жизни отца Корума, принца Клонски, его мать, принцессу Калаталарну, его сестер-близняшек, Илястру и Фолинру, его дядю, принца Ранана, его тетю, Сертреду, и его дальних родственников.

Когда Корум вспоминал о своих лишениях, жгучая ненависть к герцогу Краю вспыхивала в его душе. Гландит и денледисси исчезли неизвестно куда — тела их не были обнаружены. Нечеловеческим усилием воли гнал от себя Корум мрачные мысли. Он старался с головой уйти в работу, чтобы сделать замок Эрорн еще прекрасней, чем раньше. Ему очень хотелось доставить удовольствие женщине, которую он любил больше всех на свете — своей жене, Ралине

Алломглильской, потерявшей покой по вине все того же Гландита.

Джерри-ан-Конель, обычно скупой на похвалу, открыто восхищался замком Эрорн. Вечный странник заявил, что вид замка вдохновляет его, и уселся сочинять сонеты, которые нередко читал Коруму и Ралине вслух, не спрашивая на то их разрешения.

Он также написал довольно сносные портреты Принца в Алой Мантии в вадагских доспехах, Ралины Алломглильской в голубом парчовом платье и множество автопортретов, развесив последние чуть ли не в каждой комнате замка. К тому же Джерри увлекся шитьем костюмов, непрерывно обновляя гардероб, и даже ухитрился изготовить несколько модных шляп, хотя предпочитал носить свою старую, лихо сдвигая ее набок. Маленький черно-белый кот Базилий, мяукая, летал по всем помещениям, но чаще всего спал в таких местах, которые считал наиболее для себя удобными, с чем никак не могли согласиться окружающие.

Дни текли один за другим.

На западном побережье Бро-ан-Вадага, где стоял замок Эрорн, было не очень жарко летом и не слишком холодно зимой. В этих местах обычно снимали два-три урожая в год, не слыхивали о заморозках, а снег видели только в самом холодном месяце, да и то не всегда.

Но той зимой, когда закончилась постройка замка Эрорн, снег шел, не переставая, пока ветви дубов, сосен и вязов не согнулись под его тяжестью, а стволы не занесло сугробами. Снег не таял и, несмотря на яркое дневное солнце, был настолько глубоким, что в него с головой проваливались всадники.

Плохую погоду Корум воспринял как дурное предзнаменование. У него испортилось настроение, хотя в замке жарко топились камины, хватало продовольствия, да и соседи-вадаги часто навещали его, прилетая в гости на воздушных кораблях. И тем не менее Корум все время хмурился, вызывая тем самым изумление у Джерри и озабоченность у Ралины, ко-

торая старалась вести себя тише воды, ниже травы и ничем не раздражать мужа, полагая, что он озабочен думами о Гландит-а-Крае.

Однажды утром Корум и Джерри стояли на балконе высокой башни и смотрели на страну, словно покрытую белым покрывалом.

— Почему я стал так подозрителен, Джерри? — спросил Корум. — Идет снег, а я виню в этом Богов. Зачем Богам портить погоду?

Джерри пожал плечами:

— При Повелителях Хаоса наша земля была сплюснутой. Может, Боги Закона вновь сделали ее круглой, и поэтому изменился климат.

Корум покачал головой. Он не слышал того, что сказал ему Джерри. Облокотившись о засыпанные снегом перила балкона, Принц в Алой Мантии прищурившись смотрел на далекие холмы, ослепительно сверкавшие под лучами солнца.

— Когда Бвудит-а-Горн прилетал к нам на прошлой неделе, он говорил, что снегом засыпан весь Бро-ан-Вадаг. По-моему, это неспроста. — Он вдохнул холодный свежий воздух полной грудью. — Никак не пойму, для чего Хаосу насылать на нас мороз, — ведь он никому не причиняет вреда.

— Кроме крестьян Лайвм-ан-Эша, — иронически ответил Джерри.

— Верно... но в Лайвм-ан-Эше погода куда лучше, чем здесь. Такое ощущенье, что кто-то хочет... парализовать все наши мысли.

— Думаю, Хаос избрал бы более эффективные методы для достижения этой цели.

— А может, он на большее не способен. Не забывай, сейчас Десятью Измерениями правит Закон.

— Ты меня не убедил. Скорее, Закон преобразует климат планеты, чтобы устранить последствия изменений, вызванных Хаосом.

Корум кивнул:

— Я согласен. Твое рассуждение — логично.

— А я вообще не понимаю, о чем тут рассуждать.

— Наверное, ты прав. Скорее всего мои подозрения не обоснованны.

Корум повернулся, намереваясь вернуться в замок, и в это время Джерри схватил его за плечо.

— В чем дело?

— Посмотри на холм, — сказал спутник героев странным голосом.

— На холм? — Корум уставился вдаль, прищурился и вздрогнул, как от удара. По холму двигался чей-то силуэт, возможно, зверя — например, лисы, — преследующего добычу. Впрочем, нет. Силуэт был слишком большим, ростом выше медведя, вставшего на задние лапы, и показался Коруму очень знакомым. Силуэт то вспыхивал, то гас, словно перемещаясь из этого Измерения на другое и обратно. Затем он медленно пошел к северу, остановился, обернулся, и Коруму показалось, что кто-то заглянул ему в глаза. Вадагский принц невольно поднял руку Кулла, усыпанную драгоценными камнями, к глазу Ринна из драгоценных камней. С большим трудом справился он с искушением поднять черную повязку, хотя в нем крепла уверенность, что этот силуэт как-то связан с потусторонним миром. А может, Хаос прислал одного из своих слуг, чтобы уничтожить замок Эрорн?

— Кто бы это мог быть? — спросил Джерри. — Зверь или человек?

— Ни то и ни другое, — задумчиво ответил Корум.

Странное существо сделало несколько шагов и скрылось из виду.

— Может, слетаем на холм на воздушном корабле? — предложил Джерри.

— Нет.

— Ты узнал его, Корум?

— Мне кажется, я встречался с ним раньше... не помню, при каких обстоятельствах. Скажи, Джерри... оно посмотрело на меня... или я совсем свихнулся?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. У меня тоже возникло такое чувство, что мне заглянули прямо в душу.

— Вот-вот, ты верно подметил.

— Интересно, что ему надо? Может, его появление как-то связано с резким похолоданием?

— Навряд ли. Этот образ не ассоциируется у меня со снегом. Скорее, наоборот, с огнем... Вспомнил! Точно такое же ощущенье я испытал, когда убил... когда рука Кулла убила Ганофакса. Я рассказывал тебе эту историю.

Задрожав, Корум вспомнил громко кричащего Ганофакса; руку Кулла, нанесшую смертельный удар; стену пламени; слепую королеву Урезе с бесстрастным лицом; каменную голову льва, с вершины которой кто-то бросил на него пронизывающий взгляд.

— Наверное, я схожу с ума, — прошептал он. — У меня начались галлюцинации, потому что душа невинно убиенного Ганофакса не дает мне покоя.

— Теория хоть куда, — саркастически заметил Джерри. — Но ты забыл, что я первым увидел это существо, хотя не имею к убийству ни малейшего отношения и никогда не мучаюсь, подобно вам, людям, угрызениями совести.

— Да... Прости...

Корум отвернулся и прошел в замок. На лестничной площадке он остановился и посмотрел на своего друга.

— Неужели ты ничего о нем не знаешь, Джерри?

— Нет.

— Но ведь ты так много странствовал по свету!

— И почти ничего не помню. Я ведь не герой, а спутник героев. Я восхищаюсь. Я поражаюсь. Я даю мудрые советы, которым, как правило, герои не следуют. Я сочувствую. Я нередко спасаю жизни. Я страшусь, потому что герой не может себе это позволить. Я осторожничаю...

— Прекрати, Джерри. Надеюсь, ты шутишь?

— Надейся. Я тоже устал, друг мой. Мне надоело общество мрачных героев, обреченных на вечную борьбу и начисто лишенных чувства юмора. Как бы мне хотелось хоть изредка посидеть с простыми нормальными людьми, напиться в каком-нибудь кабаке, переспать с парой красивых женщин, влюбиться...

— Джерри! Ты говоришь серьезно? Почему?

— Отстань от меня в кон... — вечный странник нахмурился. — А действительно, почему я несу эту

чушь, да еще таким истеричным голосом? Такое поведение мне несвойственно.

— Вот именно. — Корум насупил брови. — Твой голос просто омерзителен. Если ты ищешь со мной ссоры, Джерри, я к твоим...

— Подожди! — Джерри-ан-Конель потер лоб. — Подожди, Корум! Я ощущаю какое-то давление на свой мозг, словно кто-то пытается восстановить меня против моих друзей. Попробую сконцентрироваться. Скажи, ты ничего такого не чувствуешь?

Несколько мгновений Корум смотрел на Джерри, сжимая и разжимая кулаки; затем он расслабился, и на лице его появилось удивленное выражение.

— Ты прав. Как будто черное пятно затмило сознание и заставило меня злобствовать и кипеть от ненависти. Неужели существо на холме оказало на нас такое влияние?

Джерри недоуменно покачал головой:

— Не знаю. Прости, что я так с тобой разговаривал. Впрочем, это был не я.

— Не будем считаться, ведь и мне надо просить у тебя прощения. Надеюсь, такого больше не повторится.

Они молча спустились по лестнице на нижние этажи замка. Движущиеся стены, ставшие серебристыми, говорили о том, что вновь пошел снег.

Ралина встретила их на одной из галерей. Она сидела у фонтана, слушая любовную песню, которую отец Корума сочинил когда-то для его матери. Тихие хрустальные звуки убаюкивали, успокаивали. Корум заставил себя улыбнуться.

— Любимый! — сказала Ралина. — Несколько минут назад мною почему-то овладела нелепая ярость. Сама не пойму, что со мной произошло, но внезапно мне захотелось ударить одного из наших слуг...

Корум обнял ее, прижал к себе:

— Я знаю. Мы с Джерри только что испытали подобные чувства. Боюсь, Хаос пытается проникнуть в наш мир, воздействовать на наши умы, заставить нас ненавидеть друг друга. Мы должны сопротивляться

темным силам, Ралина, и одновременно попытаться найти их источник. Нам нельзя поддаваться панике.

В глазах Ралины внезапно появился ужас.

— Ох, Корум!

— Мы должны сопротивляться темным силам! — упрямо повторил он.

Джерри почесал нос и улыбнулся. Он снова стал самим собой.

— Интересно, безумие охватило весь мир или только нас троих? — спросил он, картинно поднимая вверх одну бровь.

глава вторая

БОЛЕЗНЬ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

По ночам Коруму снились страшные сны. Он видел ненавистного ему Гландит-а-Края; Повелителя Закона, лорда Аркина — виновника всех его несчастий; Джерри-ан-Конеля с раздражающе глупой ухмылкой на лице; Ралину, мешавшую ему жить спокойно. Он боролся с этими снами, в особенности, с последним, чувствуя, как лицо его перекашивается от ненависти, а из горла вырывается не то стон, не то хрип от дикого желания убить всех, кого он знал и любил. И Корум понимал, что Ралина, лежащая рядом с ним, вздрагивающая и сжимающая руки в кулаки, тоже борется с охватившей ее страстью к уничтожению.

Ему снились кровавые сны... В воспаленном мозгу вадагского принца проносились картины таких пыток, которым не подвергал его даже Гландит-а-Край.

Много раз просыпался Корум по ночам от собственного крика — "Нет! Нет! Нет!" — и, как бешеный, соскакивал с постели, яростно глядя на Ралину.

А маркграфиня Алломглильская смотрела на него, и рот ее кривился в презрительной усмешке, а ноздри раздувались, как у зверя.

Огромным усилием воли подавлял в себе Корум чувство ненависти и, как мог, успокаивал свою жену. А потом они плакали в объятиях друг друга и засыпали, не способные даже заниматься любовью.

Снег начал таять, словно он выполнил свою миссию, породив в людях страсть к насилию. Как-то раз

Корум не выдержал и, выбежав из замка, стал рубить шпагой сугробы, кляня их на чем свет стоит, обвиняя во всех несчастьях.

Джерри, ни на секунду не сомневавшийся, что плохая погода не имеет ни малейшего отношения к происходящим событиям, бросился вслед за Корумом и попытался успокоить своего друга. Ему удалось привести вадагского принца в чувство и заставить его вложить шпагу в ножны.

Корум и Джерри стояли полуодетые, тяжело дыша.

— А силуэт на холме? — истерично спросил Корум. — Или ты считаешь, он тоже не причастен к тому, что с нами происходит?

— Все может быть. По-моему, весь мир поразила какая-то болезнь. Мы видим ее следствие, но не знаем причины.

Корум пожал плечами и вырвал свою руку из руки Джерри.

— Ты хочешь сказать, на нашем Измерении происходит что-то страшное?

— Да. По крайней мере, положение куда более серьезное, чем мы думаем.

— Может, ты считаешь, наши дела идут лучше некуда?

— Я бы сказал, хуже не бывает, но боюсь ошибиться.

Корум понял, что Джерри пытается развеселить его. Принц в Алой Мантии попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. В борьбе с самим собой он потратил остатки сил.

— От любой болезни должно быть какое-то лекарство. — Корум отер пот со лба тыльной стороной ладони. — Мне страшно... Я боюсь, Джерри!

— Мы все в одинаковом положении, Корум.

— Я боюсь, что однажды ночью убью Ралину. Я очень этого боюсь, Джерри.

— Придется каждому из нас спать в отдельных помещениях и запирать их на ночь. Слуги страдают так же, как мы.

— Знаю.

— Не мешало бы и им тоже выделить по комнате. Как ты думаешь?

Корум машинально поглаживал эфес шпаги; рассеянно смотрел вдаль.

— Да, конечно, — невнятно пробормотал он. — Пойди распорядись, Джерри.

— А ты последуешь моему совету, Корум? Я уже несколько дней пытаюсь приготовить одно снадобье, которое успокоит нас и излечит от чувства ненависти. Возможно, мы не сможем так быстро двигаться, как сейчас, но я согласен на все, что угодно, лишь бы не устроить кровавую резню.

— Кровавую резню?! — Корум зло уставился на щегольский шелковый жилет, который недавно вызывал его восхищение, а сейчас привел в бешенство. И выражение лица у Джерри было явно насмешливым. Какое право он имел издеваться над Корумом? — Как ты посмел... — Он заставил себя замолчать, понимая, что им вновь управляет чья-то чужая воля и, с трудом справившись с яростью, медленно произнес: — Нам надо покинуть замок Эрорн. Слишком много злодеяний совершил здесь Гландит-а-Край, и мне кажется, на этом месте поселился какой-то злой дух. Говорят, так бывает. — Джерри скептически посмотрел на него. Корум вспыхнул. — Говорю тебе, так бывает! — Тупость Джерри выводила его из себя.

— Возможно. — Вечный странник почесал переносицу, посмотрел по сторонам, моргая воспаленными глазами. — В одном ты прав: нам придется оставить замок Эрорн. Необходимо проверить, не заболел ли, кроме нас, кто-нибудь еще. Воздушный корабль... двор... снег давно растаял... Я должен... — Он растерянно потер лоб рукой. — Что это я болтаю? О Боги, до чего я устал! Надо полететь к нашему другу, принцу Юретту, и узнать, как у него дела.

— Вчера ты предлагал то же самое.

— А ты согласился.

— Конечно! — Корум попятился к воротам замка. — Я согласился с тобой и вчера, и позавчера.

— Надо хорошенько подготовиться к полету. Как

ты думаешь, возьмем Ралину с собой или оставим ее здесь?

— Какое тебе дело до Ралины? Такой наглости я... — Корум скрипнул зубами и вновь взял себя в руки. — Прости меня, Джерри.

— Ты о чем?

— Что же это за сила, заставляющая мужа желать смерти жены, а старых друзей — кидаться друг на друга? — в отчаянии воскликнул Корум.

— Мы этого никогда не узнаем, если останемся в замке Эрорн, — резко выкрикнул Джерри.

— Решено, — не допускающим возражений тоном сказал вадагский принц. — Мы улетаем завтра. Ты в состоянии управлять воздушным кораблем?

— Можешь не беспокоиться.

Снег постепенно таял, и мир окрасился в серую краску. Серыми стали деревья, холмы и луга; движущиеся стены в замке казались грязными. Однажды вечером, перед заходом солнца, Ралина окликнула Корума и Джерри.

— Скорее идите сюда! К нам летят воздушные корабли! С ними что-то случилось!

Они кинулись к окну и увидели два корабля, которые кувыркались в воздухе, словно исполняя ритуальный танец, то опускаясь к поверхности серого океана, то поднимаясь высоко в небо.

Сверкнула молния. Ралина судорожно вздохнула:

— Они стреляют друг в друга!

— Да, — мрачно согласился Корум. — Идет бой.

Один из кораблей внезапно завис в воздухе, сильно накренился (так что с его борта посыпались крошечные фигурки вадагов), выровнялся и взмыл вверх, явно намереваясь пойти на таран. Второй корабль ловко отвернул, а первый, продолжая набирать высоту, сделал плавный круг, неожиданно вошел в штопор и стремительно упал в серое море. В воздух поднялся фонтан брызг; вода заволновалась, вспенилась.

Второй корабль неуклюже развернулся и, виляя

из стороны в сторону, полетел к небольшой бухточке; затем изменил курс и направился к замку Эрорн.

— Он врежется сейчас прямо в башню, — пробормотал Джерри.

Корум пожал плечами. С некоторых пор он относился к замку своих предков, как к тюрьме, и перестал считать его своим домом.

В последнюю секунду воздушный корабль пошел на снижение и с трудом опустился на лужайку перед воротами. Из кормы его вилась струйка дыма, таявшая в сером воздухе. Один за другим вадаги в полном боевом вооружении сошли на землю. Золотые и медные кольчуги тускло блестели, конические серебряные шлемы мерно покачивались, клинки шпаг угрожающе сверкали.

Корум сразу узнал капитана корабля:

— Бвудит! Бвудит-а-Горн! Должно быть, он нуждается в нашей помощи. Пойдем узнаем, в чем дело.

Джерри неохотно последовал за Корумом и Ралиной, поспешившим подойти к воротам замка. Вадагский принц окликнул Бвудита, но тот ничего не ответил.

— Привет, Бвудит! Добро пожаловать в замок Эрорн!

И вновь капитан корабля промолчал.

Почувствовав, как в душе его зарождается подозрение, Корум чуть не выхватил шпагу из ножен, но сдержал свой гнев, улыбнулся и развел руки в стороны.

— Бвудит! Это я, Корум!

— Советую тебе приготовиться к битве, — пробормотал Джерри. — А Ралине лучше вернуться домой.

Маркграфиня вздрогнула и удивленно посмотрела на вечного странника.

— Зачем? Бвудит — не враг нам.

Джерри уставился на нее. Ралина потупилась, повернулась и послушно пошла в замок.

Корума душила злоба. Он тяжело дышал, пытаясь справиться с обуревавшей его злобой.

— Если он хочет драться...

— Корум! — тревожно сказал Джерри. — Не теряй головы. Возможно, Бвудит страдает от той же болезни, что и мы. Попробую договориться с ним. — Он сделал шаг вперед. — Бвудит, старина! Мы — твои друзья! Как хорошо, что ты решил навестить нас! Давай не будем ссориться. В последнее время с нами тоже случаются какие-то странные припадки, и нам неплохо было бы собраться всем вместе и обсудить, как с ними бороться.

Бвудит продолжал неуклонно идти вперед; его люди с хмурыми лицами маршировали сзади. Разноцветные мантии раздувались от ветра, задувшего с моря, острия шпаг целились в хмурое небо.

— Бвудит! — раздался из-за спины Корума голос Ралины, вернувшейся к воротам замка. — Не поддавайся чувству гнева, сковавшего твой мозг. Корум — твой друг. Он помог и тебе, и всем вадагам вернуться на родину.

Бвудит-а-Горн остановился и поднял голову:

— И за это я тоже тебя ненавижу, Корум.

— Тоже? За что еще ты меня ненавидишь?

— То есть как?.. За твой омерзительный облик. Ты заключил союз с дьяволом. За твою извращенную любовь к мабденской женщине. За то, что твой друг — трус.

— Ах, значит я трус?! — взревел Джерри, хватаясь за саблю. Корум удержал его за руку.

— Бвудит, поверь, нас всех поразил один недуг. Мы стали ненавидеть тех, кого любим; желаем зла тем, кто для нас дороже всех на свете. Если мы поддадимся темным силам, то уничтожим друг друга. А ведь это значит, что у нас есть общий враг, который хочет нашей гибели.

Бвудит нахмурился, опустил шпагу:

— Я тоже задумывался, почему вадаги сражаются с вадагами. Возможно, ты прав, Корум. Хорошо. Я согласен сесть за стол переговоров.

Один из вадагских воинов, вне себя от ярости, кинулся вперед.

— Негодяй! Скотина! Я всегда подозревал, что

ты — предатель! — И с этими словами он сделал выпад шпагой. Острие ее пронзило кольчугу и впилось в тело Бвудита. Капитан корабля страшно закричал и упал лицом на тающий снег.

— Яд ненависти действует быстро, — с горечью заметил Джерри, глядя, как вадаги набросились друг на друга. Крики ярости и отчаяния сотрясли воздух, кровь ручьями полилась на серую мокрую землю.

Цивилизованные мудрые вадаги озверели, ослепленные жаждой убийства; они сражались, как вороны сражаются за лакомые кусочки падали.

глава третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХАОСА

Вскоре дорожка к замку Эрорн была завалена трупами. Лишь четверо вадагских воинов остались в живых. Почти одновременно повернулись они к Коруму и Джерри, стоявшим у ворот. Глаза их безумно сверкали.

Корум почувствовал, как ярость затуманила его мозг. Испытывая огромное облегчение при мысли о том, что больше ему не надо сдерживаться, он пронзительно закричал и кинулся на воинов, размахивая шпагой. Джерри-ан-Конель не отставал от него ни на шаг.

Удар, второй... вадаги были сильно утомлены, на их измученных лицах застыло безнадежное выражение. Казалось, они не спали много дней. Но Корум, ни о чем не думал, упоенно сражался и остановился только тогда, когда прикончил последнего своего противника. Принц в Алой Мантии тяжело дышал; он был похож на взбесившегося пса. Внезапно до него донесся какой-то посторонний звук.

Корум обернулся. Джерри стоял на коленях перед Бвудит-а-Горном, с губ которого срывались тихие стоны.

— Корум... — вечный странник посмотрел на вадагского принца. — Он зовет тебя.

Чувствуя, как ярость покидает его, Принц в Алой Мантии сделал несколько шагов вперед к Бвудиту.

— Я здесь, друг мой, — ласково пробормотал он.

— Прости меня, Корум. Я боролся, сколько мог, с тем, что происходило в моем мозгу. У меня не хватило сил справиться с самим собой.

— Нас всех охватило безумие, Бвудит.

— Когда в голове моей немного прояснилось, я решил полететь к тебе, Корум, надеясь, что ты нам поможешь. И я хотел предупредить тебя об опасности... Но второй воздушный корабль бросился за нами в погоню, а после сражения ярость вспыхнула в каждом из нас с новой силой. Вадаги воюют друг против друга, Корум... И в Лайвм-ан-Эше не лучше... восстание за восстанием... — Голос Бвудита постепенно становился все тише и тише.

— И ты не знаешь, почему?

— Нет. Принц Юретт надеялся выяснить... он погиб... нами овладели темные силы... нельзя было покидать Небесный Город... Хаос вернулся...

Корум кивнул.

— Вне всяких сомнений, без Хаоса здесь не обошлось. Слишком быстро мы успокоились; решили, что ничто не может причинить нам вреда, так как Закон правит Десятью Измерениями из Пятнадцати. И Хаос воспользовался нашей беспечностью. Мабельрод не может сам явиться в наш мир, потому что его постигнет участь Ксиомбарг. Значит, Повелитель Мечей нашел сторонника среди людей... но кого именно?

— Уж не Гландита ли? — прошептал Джерри. — Быть может, герцог Край вновь появился на сцене? Если человек обладает непреклонной волей, Хаос с удовольствием дает ему власть над темными силами...

Бвудит-а-Горн закашлялся.

— Ах, Корум, мне так стыдно...

— Не надо, друг мой. Не твоя вина, что вадагов поразил страшный недуг безумия.

— Узнай, в чем его причина, Корум... — Глаза Бвудит-а-Горна мрачно загорелись; он приподнялся на локте. — Уничтожь врага, если сможешь... отомсти за меня... отомсти за всех нас...

Бвудит-а-Горн скончался.

Корум лихорадочно дрожал, не в силах справиться с обуревавшими его чувствами.

— Джерри, ты приготовил снадобье, о котором говорил мне?

— Оно почти готово, но я ни за что не ручаюсь, Корум. Не всякое лекарство помогает от болезни.

— Поторопись. — Корум пошел к замку, на ходу вкладывая шпагу в ножны. Внезапно он услышал дикий крик и, ворвавшись в дверь, помчался к галерее с музыкальным фонтаном. Ралина отбивалась от двух горничных, рычавших, словно волчицы, и пытавшихся выцарапать маркграфине глаза. Корум ударил первую из них эфесом шпаги по голове, и она упала как подкошенная. Вторая горничная повернулась к нему, дико вращая глазами. Изо рта у нее капала слюна, на губах выступила пена. Рукой Кулла Корум толкнул ее что было сил. Глядя на двух поверженных женщин, вадагский принц вновь почувствовал, как в нем закипает ярость. Он высокомерно посмотрел на рыдающую Ралину.

— Изволь объясниться. Чем ты оскорбила своих служанок?

От изумления она перестала плакать и подняла голову.

— Оскорбила?! О чем ты говоришь?!

— В таком случае я требую... — словно издалека услышал он свой истеричный визгливый голос и вновь огромным усилием воли взял себя в руки.

— Прости меня, Ралина. Я понимаю, что ты ни в чем не виновата. Мы улетаем из замка Эрорн при первой возможности. Джерри обещал приготовить лекарство, которое должно вернуть нам рассудок. Мы должны отправиться в Лайвм-ан-Эш и встретиться с лордом Аркином. Может, Повелитель Закона сумеет помочь и вадагам, и людям.

— Почему же он не помог нам в самом начале? — с горечью спросила Ралина. — Лорд Аркин бросил нас на произвол Хаоса, хоть мы и помогли ему захватить власть на наших Измерениях.

— Если Хаос набрал такую силу в нашем мире, значит, он действует повсюду. Возможно, лорд Аркин и его брат, король Шалод, заняты более важными делами, от которых зависит безопасность их королевств. Ты ведь знаешь, что Боги не имеют права вмешиваться в дела смертных.

— Однако Хаос только этим и занимается, — презрительно сказала Ралина.

— Такова его сущность; но и Хаос не нарушает законов Космического Равновесия, а лишь обращается со смертными, как со своими игрушками, в то время как Закон гарантирует каждому свободу выбора. Собирайся, Ралина. Возьми на дорогу все необходимое.

— Почему ты не хочешь признать, что Хаос могущественнее Закона? Ты раз за разом побеждал темные силы, а они становились все сильнее и сильнее. Мы обречены, Корум.

— Тебе только кажется, что Хаос всесилен, так как Боги его ведут себя агрессивно и ничем не брезгуют для достижения своих целей. Закон терпелив. И не думай, что мне по душе роль героя — я не виноват, что судьба взвалила на мои плечи эту непосильную ношу. Но за Закон надо бороться. Иди, Ралина. Поторопись.

Она неохотно вышла из комнаты, а Корум склонился над горничными. Он подумал, что они могут броситься одна на другую, когда очнутся, и решил оставить им немного снадобья, если Джерри успеет его приготовить.

Принц в Алой Мантии тяжело вздохнул и нахмурился. Неужели виновником сумасшествия, охватившего мир, действительно был Гландит: не волшебник, не ученый, а кровожадный негодяй, свирепый воин, обладающий — по канонам варваров — определенными достоинствами? Как мог герцог Край заняться колдовством, если он боялся черной магии, как чумы?

И тем не менее на земле, кроме Гландита, не осталось людей, которые согласились бы добровольно служить Хаосу, — а только добровольное согласие человека могло проложить темным силам тропинку на другие миры.

Корум решил больше не думать о своем враге. Прежде чем делать выводы, надо добраться до Хельвиг-нан-Вейка, связаться с лордом Аркином и спросить у него совета.

Он прошел в комнату, где хранились оружие и до-

спехи; надел кольчугу из миллиона крохотных звеньев (верхний слой — серебряный, нижний — медный), серебряные наголенники, конический серебряный шлем, на котором было выгравировано его имя: Корум Джайлин Ирси. Алую мантию вадагский принц накинул на плечи, а затем вооружился луком со стрелами, копьем, боевым топором искусной работы, а также шпагой с клинком из неземного металла и с серебряным эфесом, в головку которого был вставлен черный оникс. Корум собирался на войну, и вид у него был одновременно и величественный и ужасающий, чему немало способствовали усыпанные драгоценными камнями рука Кулла и повязка на глазу Ринна. В свое время Корум горячо молился, чтобы никогда больше не пришлось ему прибегать к помощи чужих руки и глаза, которые повелевали живыми мертвыми в потустороннем мире. Но и тогда он чувствовал, что молитва его не будет услышана, потому что самая главная битва с силами Хаоса была впереди.

А сейчас битва с самим собой измотала Корума до такой степени, что он едва стоял на ногах.

В комнату вошел Джерри. Вечный странник, не признающий доспехов, нацепил на свою кожаную куртку кучу платиновых и золотых украшений, якобы заменяющих ему нагрудник кирасы. Его пышные волосы волнами падали на плечи, а широкополая шляпа, как всегда, была лихо сдвинута набекрень. Разодетый в шелковые и сатиновые одежды, в мягких кожаных сапогах, отороченных красными и белыми кружевами, Джерри вызвал бы зависть у любого щеголя и фата. На плече у вечного странника сидел крылатый черно-белый кот — неизменный спутник во всех его путешествиях. Джерри держал в руках бутылку с узким горлом, в которой плескалась какая-то бурая жидкость.

— Лекарство готово, — медленно, словно в полусне, произнес он. — По-моему, получилось то, что надо. По крайней мере, я ни на кого не гневаюсь. Правда, меня клонит в сон, но надеюсь, такое состояние быстро пройдет.

Корум подозрительно посмотрел на бутылку.

— Может, рассудок к нам и вернется, но кто защитит нас в случае нападения, если мы будем ползать, как сонные мухи? Мне бы не хотелось рисковать, Джерри.

— Уверяю тебя, когда ты примешь мое лекарство, твои взгляды переменятся. — Вечный странник мечтательно улыбнулся. — У нас нет выхода, Корум. Лучше покоиться с миром, чем жить по злобе.

— Тут я с тобой согласен. — Корум вздохнул. — Много надо выпить?

— Мое снадобье — сильнодействующее. Обмакни в него мизинец и лизни.

Корум последовал совету своего друга. Задумчиво пожевав губами, он нахмурился:

— Я ничего не чувствую. Может, твое лекарство не действует на вадагов?

— Не знаю. Не забудь дать его Ралине.

— И слугам.

— Да, конечно.

Они стояли во дворе, стряхивая мокрый снег с брезента, покрывавшего воздушный корабль (значительно меньших размеров, чем тот, который спас их в королевстве Ксиомбарг). На его голубом металлическом корпусе выделялись желто-коричневые геометрические узоры.

Джерри прошел на нос, провел ладонями рук над разноцветной хрустальной панелью управления. Раздался еле слышный звук, и корабль оторвался от земли на дюйм. Вслед за вечным странником на борт поднялись Корум и Ралина. Они улеглись на небольшие кушетки. Вадагский принц повернулся на бок и с любопытством стал следить за действиями своего друга.

Джерри двигался медленно, на губах его играла слабая улыбка. Корум давно уже не чувствовал себя так хорошо. Он взглянул на Ралину и увидел, что жена его тихо дремлет. Лекарство действовало безотказно: от ярости, обуревавшей их много месяцев подряд, не осталось и следа. Тем не менее Принц в Алой Мантии понимал, что нынешнее их состояние ничуть не лучше прежнего — вылечившись от одной болезни, они тут же заболели другой.

Корабль медленно набрал высоту и полетел вдоль побережья по направлению к Лайвм-ан-Эшу.

Глядя на замерзшую землю, дыша холодным туманным воздухом, Корум с тоской подумал о весне, которая, быть может, никогда не придет на Бро-ан-Вадаг. Вадагский принц решил поговорить на эту тему с Джерри, но щеголь не отходил от панели управления, делая над ней пассы руками. Базилий спрыгнул с его плеча, уселся на борт, расправил крылья и полетел к холмам.

Несколько мгновений Корум наблюдал за котом, не понимая, какая муха его укусила, но затем позабыл обо всем на свете и принялся бездумно рассматривать расстилавшееся внизу серое море.

глава четвертая

НОВЫЙ СОЮЗНИК ГЕРЦОГА КРАЯ

Маленький кот летел весь день, не останавливаясь, то и дело меняя направление, словно невидимая тропинка в небе сильно петляла. Когда береговая линия закончилась, ему пришлось продолжить полет над морем, которое он люто ненавидел. Впрочем, не прошло и часа, как в поле его зрения оказались надрагские острова, где влачили жалкое существование представители некогда гордой расы, ставшие рабами кровожадных мабденов и превратившиеся сейчас в безразличных ко всему полуидиотов, тихо доживающих оставшиеся им дни и годы.

Базилий явно что-то искал, причем полагался он не на свое обоняние, а на то самое шестое чувство, которое помогло ему когда-то отыскать в Каленвире тронный зал, где справлялась черная месса в честь Собаки и Рогатого Медведя — ныне изгнанных мабденских богов. Но в тот раз шпионить за королем Лир-а-Бродом приказал ему Джерри, а сейчас Базилий действовал на свой страх и риск.

Города, деревни, дворцы центрального — самого большого — острова Малифуля лежали в руинах. Виновником страшных разрушений был, конечно, Гландит-а-Край, который позже возглавил набеги на вадагские замки и уничтожил, как он считал, всех вадагов, за исключением Корума. Представителей древних рас герцог Край называл "шефанго", и истребление их заняло у него всего несколько лет. Ни о чем не подозревающие вадаги и надраги погибли, потому что не верили в могущество мабденов, считая их новым видом животных. Впрочем, некоторым над-

рагам была дарована жизнь; они предпочли рабство смерти и стали верными псами своих хозяев, сообщая им сведения об оставшихся в живых вадагах.

Маленький кот увидел временный лагерь, куда отправили надрагов после великой битвы за Хельвиг-нан-Вейк. Они пытались отстроить свои города, жили, как дикари, одевались в меха — согласно древнему надрагскому обычаю. У них были плоские лица, заросшие волосами лбы, густые брови, глубоко посаженные глаза. От былого могущества надрагов не осталось и следа.

Прекрасный город Оз — так когда-то называли бывшую столицу Мелифуля жители страны — привлек внимание Базилия. Он летел над разрушенными домами и дворцами, над остатками крепостной стены, поросшими высокой травой. Кот продолжал петлять по известной ему одному небесной тропинке и, наконец, опустился на полупрозрачный купол, выстроенный на плоской крыше одного из уцелевших зданий. Внутри купола на желтом фоне виднелись два темных силуэта: один — в доспехах и с оружием, другой — в мехах. Слышны были приглушенные голоса. Кот устроился поудобнее и приготовился смотреть и слушать.

Заглядывая через плечо Эртиля в клубящуюся дымом жидкость, Гландит-а-Край хмурил брови.

— Скажи, Эртиль, твое проклятье все еще действует?

Надраг кивнул:

— И вадаги, и люди продолжают убивать друг друга. Первый раз в жизни мне удалось такое сильное колдовство.

— Тебе помогает Хаос, глупец! Вернее, он помогает мне, потому что я предан ему душой и телом!

Герцог Край выпрямился и огляделся по сторонам. Пучки зловонных трав висели по стенам; бутылки и пузырьки со всевозможными жидкостями и порошками стояли на полках; крысы и обезьяны сидели в клетках; небольшой стол был завален рукописями. Отец Эртиля — великий ученый — все свои знания

передал сыну, который постепенно деградировал (как и прочие надраги) и занимался теперь только колдовством, причем мало в нем разбираясь. Тем не менее он использовал страшные силы, которые только что привели Гландита в такой восторг, что он обнажил желтые крупные зубы в недоброй усмешке.

Красное лицо герцога Края украшала большая борода, заплетенная в косички. Волосы на его голове были расчесаны на прямой пробор. Большие серые глаза болезненно сверкали. Толстые красные губы выдавали в нем человека непристойного и непорядочного.

— Где принц Корум и его друзья? Что стало с шефанго, которые прилетели в волшебном городе?

— Мне неведомы судьбы отдельных людей и вадагов, повелитель, — прошептал колдун, сжавшись в комок от страха. — Но я знаю, что мои заклинания действуют.

— Надеюсь, ты не лжешь мне, собака!

— Я клянусь, повелитель! Облако Раздора несется, подгоняемое невидимым ветром, и друзья сражаются не на жизнь, а на смерть, мужья убивают своих жен, матери — детей. — На темном лице надрага появилась злобная улыбка. — Рано или поздно на земле не останется ни одного вадага. Они сдохнут, как паршивые псы!

— Я тобой доволен, колдун. Но в первую очередь меня интересует Корум. Если он погиб, я найду союзников в Лайвм-ан-Эше, где сейчас царит неразбериха, и завоюю земли, которые потерял Лир-а-Брод. Скажи, ты можешь навести порчу на Принца в Алой Мантии.

Эртиль задрожал:

— Он — смертный. Его постигнет участь остальных вадагов.

— Корум хитер, у него могущественные покровители. Я должен знать, что с ним, потому что завтра мы отправляемся в Лайвм-ан-Эш.

— Мне неведома его судьба, — вновь прошептал Эртиль.

Гландит поскреб подбородок грязными сломанными ногтями:

— А может, ты все-таки лжешь мне?

Колдун упал на колени:

— Разве я посмел бы обмануть тебя, повелитель?

Герцог Край усмехнулся, глядя в расширенные от ужаса глаза надрага:

— Успокойся. Я тебе верю. А сейчас вызови мне демона из королевства Мабельрода.

Эртиль всхлипнул:

— Ритуал опять отнимет у меня год жизни.

Гландит выхватил из-за пояса кинжал, приставил его к горлу надрага.

— Вызывай, скотина!

— Слушаю и повинуюсь, повелитель.

Шаркающей походкой Эртиль подошел к клетке, достал из нее обезьянку. Животное заверещало от страха и неожиданно прижалось к нему, словно прося защиты. Колдун дрожал всем телом, негромко постанывал. Взяв со стола невысокий крест, он установил его в углублении у стены. Гландит нетерпеливо мерил комнату шагами.

Эртиль достал гвозди и молоток, дал обезьянке понюхать какое-то снадобье. Когда она немного успокоилась, колдун, белый, как мел, распял ее на кресте. Животное верещало, не умолкая; из ее маленьких ручек и ножек текла кровь.

У Базилия, наблюдавшего за варварским ритуалом, сузились глаза, поднялась шерстка на загривке, кончик хвоста нервно задергался из стороны в сторону. Но кот не двинулся с места.

— Пошевеливайся, вонючий шефанго! — нетерпеливо вскричал Гландит. — Если будешь мешкать, я подыщу себе другого колдуна!

— Где его взять, — невнятно пробормотал Эртиль.

— Заткнись! Делай свое дело!

Лицо Гландита перекосилось от злобы. К его великому сожалению, Эртиль говорил правду. После поражения при Лайвм-ан-Эше на земле почти не ос-

талось черных магов; к тому же мабденов боялись сейчас только надраги, да и то по привычке.

Зубы обезьянки дробно стучали, глаза закатились. Эртиль поставил вокруг креста девять чаш, поджег благовония в каждой из них. Затем он докрасна накалил на жаровне железный прут и начертил им какой-то знак на теле животного. Купол заполнился желто-зеленым дымом. Гландит закашлялся, прикрыл рот платком, сделал шаг назад.

— Йиркан, Йиркан, Азель Асан. Йиркан, Йиркан, Наза Фазал... — напевно тянул Эртиль, держа в одной руке лист пергамента, а в другой — свое орудие пыток, которым он дотрагивался до обезьянки после каждой фразы. Животное билось в мучительной агонии. — Йиркан, Йиркан, Мазель Фаран. Йиркан, Йиркан, Раларс Оли... — Дым сгустился, и кот Базилий, как он ни вглядывался, ничего не увидел сквозь него. — Йиркан, Йиркан, Сениль Нордит...

Послышался отдаленный шум — так бормочет прибой в морской раковине, если приложить ее к уху. Порыв ветра рассеял дым. Вместо обезьянки на кресте висело другое существо, очень на нее похожее, но с вадагскими чертами лица, искаженными злобой.

— Ты вновь вызвал меня, Эртиль, — сказало существо обычным человеческим голосом, почти не разжимая крошечных губ.

— Йиркан! Нам нужна помощь твоего властелина, короля Мабельрода...

— Опять клянчишь? — насмешливо спросил демон. — Сколько можно!

— Ты ведь знаешь, мы — верные его слуги. Только благодаря нам ты появляешься на этих Измерениях.

— Что с того? Почему ты решил, что моего властелина они интересуют?

— Потому что он желает восстановить на них власть Повелителей Мечей, и тебе известно об этом не хуже, чем нам. И король Мабельрод ненавидит

Корума, который погубил его брата, Ариоха, и его сестру Ксиомбарг.

Распятый демон пожал плечами:

— Чего же ты хочешь?

Гландит-а-Край вышел вперед:

— Дело не в том, чего хочет этот идиот, а в том, чего хочу я! Мне нужны силы, большие силы, чтобы уничтожить Корума, победить Закон. Я требую, чтобы ты сделал меня могущественным, демон!

— Разве мало я тебе помогал? Благодаря Облаку Раздора вадаги и люди убивают друг друга, а ты все еще недоволен.

— Скажи, Корум жив?

— Понятия не имею. Хаос не знает, что происходит на Измерениях, подвластных Закону. Я могу лишь обмануть Космическое Равновесие, на короткое время заняв место другого живого существа — обитателя вашего мира.

— Сделай меня могущественным, демон! — упрямо повторил Гландит.

— Это не в моей власти. Но если ты настаиваешь, я подскажу, как тебе поступить, чтобы добиться своего. И помни, герцог Край, что за все надо платить. Готов ли ты стать тем, кого ненавидишь лютой ненавистью?

Гландит вздрогнул:

— О чем ты?

— Тебе придется превратиться в шефанго, в демона. Когда-то и я был человеком...

— Я согласен на любые условия, только бы отомстить Коруму и его друзьям!

— Что ж, тогда — другое дело. Хаос даст тебе силу, о которой ты просишь.

— И моим денледисси тоже.

— Очень хорошо. Считай, мы договорились.

Глаза Гландита яростно сверкали.

— Большую, огромную силу, которая поможет мне стать непобедимым!

— Так не бывает. Нельзя заткнуть узкое горлыш-

ко широкой пробкой. Ты получишь ту силу, которой сможешь управлять.

— Я способен на многое! Я вновь уничтожу вадагские замки, овладею Лайвм-ан-Эшем. С помощью Хаоса я завоюю весь мир!

— Лир-а-Броду тоже помогал Хаос, — иронически заметил демон.

— Мой король был глупцом! Если б Лир помог мне захватить Корума, то был бы жив по сей день! Я не такой слабак, как Лир-а-Брод!

— Это тебя утешает? — спросил демон и, не дожидаясь ответа, добавил: — Вот и прекрасно. А теперь слушай, что надо сделать...

глава пятая

ПОКИНУТЫЙ ГОРОД

Воздушный корабль пролетал над скалистым островом, где когда-то стоял замок Мойдель. Корум с сожалением посмотрел на пепелище, но сильно не опечалился: снадобье Джерри все еще туманило его мозг.

Вскоре впереди показались зеленые холмы Лайвман-Эша. С первого взгляда казалось, что в этой прекрасной стране царит мир и покой, но через некоторое время вадагский принц увидел небольшие отряды всадников — по три-четыре человека в каждом, — которые, не разбирая дороги, скакали по полям, сражаясь между собой. В деревнях женщины дрались с женщинами, дети — с детьми. Апатию Корума как рукой сняло — он ужаснулся. Джерри вопросительно посмотрел на него, вытащил из-за пояса бутылку со снадобьем и указал рукой вниз. Корум покачал головой:

— Не поможет. Во-первых, лекарства на всех не хватит, а во-вторых, скажи, как ты заставишь людей принять его? Нам нужно как можно скорее добраться до Хельвиг-нан-Вейка и узнать, в чем причина безумия, охватившего мир.

Вечный странник вздохнул:

— Разве можно бороться с безумием, Корум?

— Скоро узнаем. Я молюсь, чтобы храм Закона не был разрушен и лорд Аркин явился бы на наш вызов. Быть может, он даст нам дельный совет.

— Совсем недавно эти люди, сами не понимая зачем, тоже сражались друг с другом.

— В то время они могли сопротивляться темным силам. Сейчас мозг каждого из них парализован.

— Если мы и сумеем им помочь, будет поздно. Они уничтожат все, чего добились с таким трудом.

— Жизнь всегда можно начать сначала.

Джерри пожал плечами.

— Интересно, куда подевался мой кот? — спросил он.

Джерри мягко посадил воздушный корабль (как когда-то учил его Бвудит-а-Горн, открывший вечному страннику много секретов пилотирования), но толчок разбудил Ралину, которая улыбнулась и тут же нахмурилась, словно не понимая, что с ней происходит.

— Корум... — нерешительно произнесла она.

— Это не сон, — мягко ответил он на ее невысказанную мысль. — Мы в Хельвиге, в городе цветов. Мне кажется, жители покинули его.

Столица Лайвм-ан-Эша выглядела такой же прекрасной, как всегда, но улицы ее были пустынны, крепостные стены и дворцы не охранялись.

Путешественники сошли с корабля, приземлившегося неподалеку от храма Закона (на дверях которого красовался его девиз: одна прямая стрела). Они чувствовали слабость в ногах, вызванную как утомительным перелетом, так и снадобьем Джерри. У входа в храм стоял человек в окровавленных одеждах. У него был подбит один глаз, слезы текли по его морщинистому лицу, но тем не менее он походил на хищного зверя, готового броситься на добычу.

— Это — Алерьян! — изумленно воскликнула Ралина. — Алерьян-ан-Найвиш! Неужели он тоже обезумел?

Корум подбежал к старику, схватил его за руки, а Джерри тем временем разжал ему челюсти и мазнул по языку бурой жидкостью, в которую обмакнул мизинец, вытащив зубами пробку из бутылки. Глаза жреца бешено сверкали, ноздри раздувались, как у загнанной лошади. Он попытался плюнуть, но вечный странник зажал ему рот рукой. Через несколько се-

кунд тело Алерьяна обмякло, и два друга внесли его в храм и положили на каменный пол.

— Корум? — хрипло спросил жрец, открывая глаза. — Я чувствую, как ярость покидает меня. Неужели я вновь стану самим собой?

— Почему мы не встретили в Хельвиге ни одного человека? — спросил Джерри. — Куда все подевались?

— Безумие овладело ими. Я сопротивлялся, пока хватало сил, но тоже не выдержал...

— Значит, жители города поубивали друг друга? — в ужасе воскликнула Ралина.

— Нет. Они ушли в леса, скрылись в холмах. Никто никому не доверял, и поэтому люди покинули Хельвиг-нан-Вейк.

— Ты видел лорда Аркина? — спросил Корум.

— Только один раз. Он велел послать за тобой, но мне не удалось найти человека, который согласился бы отправиться в столь далекое путешествие. А потом... Я был не в том состоянии, чтобы каждый день молиться Повелителю Закона, как этого требует данный мною обет.

Корум помог Алерьян-ан-Найвишу подняться на ноги.

— В наш мир вновь пришел Хаос, — сказал он. — Попытайся вызвать лорда Аркина.

— Я не знаю...

— Это — твой долг.

— Хорошо. — Жрец наморщил лоб, пытаясь справиться с полудремотным состоянием, которое вызвало в нем снадобье Джерри. — Я сделаю все, что в моих силах.

Попытки Алерьян-ан-Найвиша вызвать Повелителя Закона оказались безуспешными. Весь вечер жрец нараспев читал молитвы, пока окончательно не охрип, но не получил на них ответа, как и в те времена, когда Пятью Измерениями правил герцог Ариох. В конце концов Алерьян умолк и повернулся к Коруму.

— Повелитель Закона меня не слышит. А если и

слышит, то не может прийти. Неужели Хаос все-таки победил?

Корум опустил голову.

— Может быть, — прошептал он.

— Посмотри! — неожиданно вскричала Ралина. — Базилий вернулся!

Маленький черно-белый кот влетел в открытую дверь, уселся на плечо своего хозяина, ткнулся носом ему в ухо и что-то заурчал. Джерри изумленно поднял брови, потом нахмурился.

— Он разговаривает! — ошарашенно пробормотал Алерьян. — Говорящий кот!

— Должен же Базилий с кем-то общаться, — рассеянно сказал вечный странник, продолжая внимательно слушать низкое урчание.

В конце концов кот умолк и, с сознанием выполненного долга, уселся поудобнее и принялся умываться.

— Что он тебе рассказал? — спросил Корум.

— Твой враг жив.

— Гландит-а-Край?

— Да. И не только жив, но с помощью одного колдуна-надрага заключил договор с королем Мабельродом. Хаос обещал сделать герцога Края могущественным, а колдуна научил заклинаниям, вызывающим Облако Раздора, которое и посеяло безумие в нашем мире.

— Где сейчас Гландит?

— На острове Малифуле, в городе Оз.

— Нам придется полететь туда.

— Это не имеет смысла. Герцог Край направляется в Лайвм-ан-Эш.

— Морем?

— Нет. Вместе со своими денледисси он летит к ним на чудовищах Хаоса, которых не знает даже мой кот. Он ищет нас, Корум.

— Чем скорее он меня найдет, тем лучше. Я убью его, Джерри.

Вечный странник скептически посмотрел на своего друга:

— Нас двое, и мы не в лучшей форме. К тому же

мое снадобье частично лишает нас сил. Мы не сможем оказать сопротивление денледисси Гландита.

— Надо будет дать твое лекарство людям, поднять их на борьбу... — Корум умолк, понимая бессмысленность своего предложения. Гландит был сильным воином, его денледисси сражались не на жизнь, а на смерть, и даже в старые добрые времена против них трудно было выстоять без... Лицо вадагского принца прояснилось, затем он печально вздохнул: — Видно, придется мне еще раз воспользоваться рукой Кулла и глазом Ринна.

Джерри-ан-Конель пожал плечами:

— Ничего другого нам не остается. Лично я предпочел бы обратиться за помощью в Танелорн, но я не знаю, где он сейчас находится.

— Ты говоришь о сказочном городе, в котором царит вечный покой? — спросил Алерьян. — Разве он реален?

Джерри улыбнулся:

— Танелорн — моя родина. Он существует во всех временах и в каждом из миров, но найти его очень трудно.

— Давайте отправимся туда на воздушном корабле, — предложила Ралина. — Ведь на нем можно путешествовать и по другим Измерениям.

— Бвудит-а-Горн говорил мне, как преодолеть барьер между сферами, но, честно говоря, я плохо помню его объяснения. И если нам суждено попасть в Танелорн, рано или поздно мы в нем окажемся. А тем временем надо попытаться избежать встречи с герцогом Краем.

— Или дать ему решительный бой, — сказал Корум. — Быть может, нам удастся победить его.

— Главное, не прозевать появление врагов,— сказал Алерьян-ан-Найвиш.— Мы с госпожой Ралиной останемся в храме и попробуем еще раз помолиться Повелителю Закона, а вы идите на улицу и наблюдайте за небом.

Корум кивнул:

— Ты — храбрый старик, жрец. Спасибо тебе за все.

Корум и Джерри молча шли по пустынным улицам города. Время от времени вадагский принц поднимал левую руку, смотрел на сверкающие драгоценные камни, дотрагивался до повязки на правом глазу. Стоял погожий зимний вечер; небо очистилось от облаков. Конический серебряный шлем Корума сверкал на закатном солнце.

Два друга молчали, потому что не хотели разговаривать об очевидном. Оба чувствовали свою беспомощность. Их спокойная жизнь неожиданно закончилась. Хаос непонятным образом вновь победил Закон и, быть может, стал еще сильнее, чем раньше.

Мертвый город символизировал опустошенность, которую и Корум, и Джерри испытывали в своих душах. Неподвижный ковер цветов напоминал им о затишье перед бурей.

Корум первый заметил Гландита и его денледисси, но, как ни странно, не испытал при виде своих врагов никаких чувств. Множество черных теней затмили небо на востоке, и вадагский принц, указав на них Джерри, сказал:

— Нам надо срочно вернуться к Ралине и Алерьяну.

— Зачем? В храме Закона они будут в относительной безопасности.

— Ты ошибаешься, Джерри. Времена переменились.

Черные тени неумолимо приближались. Огромные крылья били воздух; змеиные шеи извивались; плоские головы мотались из стороны в сторону; полуслепые глаза пытались высмотреть добычу; из красных пастей торчали длинные белые клыки. Но в свирепых криках зверей Хаоса слышалась тоска. На их черных спинах были прикреплены повозки с денледисси, и в первой из них стоял человек в шлеме с крыльями, с огромным железным мечом в руках. И показалось Коруму, что человек этот громко смеется.

— Гландит-а-Край, — сказал Принц в Алой Мантии, презрительно улыбаясь. — Что ж, пусть Хаос вновь сражается с Хаосом. А мы тем временем предупредим Алерьяна и Ралину. — С этими словами он поднял правую руку, страшась и ожидая увидеть по-

тусторонний мир с его обитателями, жаждущими крови ради покоя. Но повязка в драгоценных камнях словно приросла к глазу Ринна, и, как Корум ее ни дергал, не желала двигаться с места. В полном отчаянии он попытался поднести к ней руку Кулла, но она отказалась повиноваться. Принц в Алой Мантии лишился той помощи, на которую всегда рассчитывал. Неужели Хаос стал настолько могуществен, что мог управлять останками древних Богов?

Со сдавленным рыданием Корум повернулся и побежал к храму Закона. Джерри не отставал от него ни на шаг.

У входа в храм их встретила улыбающаяся Ралина.

— Повелитель Закона нас услышал! — воскликнула она. — Он ждет тебя, Корум!

— Нам надо улетать, — задыхаясь от быстрого бега, сказал Джерри. — Скоро здесь будет Гландит. А Корум лишился своей силы: рука Кулла и глаз Ринна больше не повинуются ему.

Принц в Алой Мантии вошел в храм с твердым намерением выразить свое неудовольствие лорду Аркину, у которого он хотел потребовать помощи, считая, что вправе на нее рассчитывать. В дальнем конце зала сидел Алерьян-ан-Найвиш с белым, как мел, измученным лицом. Воздух неподалеку дрожал и переливался — в нем то появлялись, то исчезали очертания какой-то фигуры.

— Лорд Аркин?

Далекий голос произнес:

— Да...

— В чем дело? Почему власть Закона так слаба?

— Нам приходится контролировать два королевства, и в каждом из них есть темные силы, которым король Мабельрод оказывает могущественную поддержку. Мы боремся с ними на Десяти Измерениях... Корум... мы так недавно пришли к власти... нам никак не удается...

— Почему глаз Ринна и рука Кулла отказываются служить мне? — спросил вадагский принц. — Те-

перь мы бессильны перед Гландитом, который приближается к нам с каждой минутой!

— Я знаю об этом... вам придется бежать... на воздушном корабле... преодолеть барьер между сферами... ищите вечный Танелорн... существует неразрывная связь между Танелорном и Владыками Куллом и Ринном...

— О чем ты говоришь? Какая связь?

— Я не могу объяснить... но я чувствую... мы ослабли от борьбы... Я устал, Корум... Мои силы на исходе... Найди Танелорн...

— Каким образом? Джерри не сможет провести воздушный корабль через Измерения.

— Пусть попытается...

— Лорд Аркин, ты должен дать мне более четкие указания. Гландит собирается завоевать весь мир. Он уничтожит тех, кто откажется подчиниться его воле. Как мы можем спасти людей, охваченных безумием?

— Танелорн... лети в Танелорн... это — единственный шанс спасти человечество... Я ничего больше... не вижу...

— Ты — жалкий Бог, лорд Аркин. Лучше бы приобщился на верность Хаосу. Если моему миру суждено потонуть в крови, я предпочел бы пролить ее сам, а не смотреть, как это делают другие.

— Не надо горечи, Корум... Остается надежда... что тебе удастся изгнать Хаос из Пятнадцати Измерений...

— Мне нужна не надежда, а сила.

— Ты обретешь ее в Танелорне... прощай...

Туманный образ исчез. Крики зверей Хаоса раздавались все ближе и ближе. Корум подошел к Алерьяну, ничком лежавшему у стены:

— Пойдем, старик. Ты полетишь с нами.

Жрец не ответил, и, присмотревшись, Корум понял, что он мертв...

Ралина и Джерри стояли у воздушного корабля; черные звери Хаоса кружили над Хельвиг-нан-Вейком.

— Я разговаривал с Аркином, — сказал Корум, — но ничего путного не услышал. Он велел нам лететь на другие Измерения, не вступая в бой, и отыскать

Танелорн. Я объяснил, что Джерри не сумеет преодолеть барьер между сферами, а он ответил, что это — единственный шанс.

— Единственный так единственный. — Вечный странник пожал плечами. — Попробую, может, что и выйдет.

— Если б удалось связаться с жителями Города в Пирамиде! — воскликнул Корум. — Их оружие уничтожило бы отряд Гландита в мгновение ока!

— Герцог Край прекрасно знает, что в данный момент вадаги уничтожают этим оружием друг друга, — заметил Джерри, подходя к пульту управления и делая пассы руками над разноцветными хрусталиками.

Корабль медленно поднялся, полетел на запад. Черные звери Хаоса забили крыльями, страшно закричали; денледисси заметили беглецов и бросились в погоню.

Джерри закусил губу.

— Все дело в последовательности движений, — пробормотал он. — Как там говорил Бвудит-а-Горн?

Преследователи не отставали. Плоские головы на змеиных шеях раскачивались, грозя нанести удар в любую минуту.

Черные влажные языки, похожие на гигантские щупальцы, метнулись к воздушному кораблю; один из них задел за корму. Ралину бросило в объятия Корума; Джерри едва устоял на ногах. Базилий изо всех сил вцепился ему в плечо. Кот увидел Гландита, и глаза его расширились от ужаса.

Корум услышал дикий вопль и понял, что герцог Край узнал тех, кто пытался от него скрыться. Хотя предводитель денледисси был довольно далеко, Принцу в Алой Мантии показалось, что он смотрит ему в глаза. Гландит-а-Край выхватил из ножен огромный меч и потряс им, словно вызывая своего врага на смертельный бой. Звери Хаоса стонали, шипели, плевались; затем четыре черных языка обхватили воздушный корабль со всех сторон, притягивая его к красным пастям с острыми клыками.

— Мы теряем скорость! — воскликнул Джерри.

— Попытайся преодолеть барьер между сферами.

— Звери Хаоса способны последовать за нами куда угодно.

Денледисси победно смеялись.

Внезапно черные крылья начали терять свои очертания; город внизу покрылся туманной дымкой. В темноте засверкали молнии, закружились шары пурпурного цвета. Воздушный корабль задрожал, как загнанный олень.

Звери Хаоса на мгновение исчезли и вновь появились: они действительно могли путешествовать по другим Измерениям.

Вечный странник, ни на кого не обращая внимания, сосредоточенно водил руками над панелью управления. Разноцветные хрусталики перемигивались. Корабль швыряло из стороны в сторону, как при сильной морской качке. Вновь заблистали молнии, пурпурные шары разлетелись на осколки, сталкиваясь друг с другом. Небо стало оранжево-красным.

Щупальцы-языки, державшие воздушный корабль, исчезли. Черных чудовищ, все еще бешено махавших крыльями, отбросило назад. Вопли ярости Гландита-Края слышались все слабее и слабее.

Затем наступила тишина.

Корум не видел ни Ралины, ни Джерри. Он вообще ничего не видел, даже палубы, на которой стоял.

Они дрейфовали во тьме, которая называлась пространством между Измерениями или миром забвенья.

КНИГА ВОСЬМАЯ,

в которой Корум и его товарищи узнают конечную цель Хаоса и получают сведения о природе времени и о загадочных свойствах человеческой личности

глава первая

БЕЗГРАНИЧНЫЙ ХАОС

— Корум? — раздался голос Ралины. — Корум?

— Я здесь. — Он протянул руку, пошарил в воздухе и почувствовал под пальцами пышные черные волосы. Сделав шаг вперед, Корум обнял жену за плечи. — Джерри? Где ты?

— У пульта. Корабль потерял управление — хрустальная панель не реагирует на пассы. Неужели мы попали в мир забвенья?

— Думаю, да. Здесь тепло и легко дышится, иначе я подумал бы, что мы очутились в космосе.

Молчание.

Тонкая полоска золотистого света прорезала кромешную тьму, словно деля ее на две половины. Края полоски начали раздвигаться, как занавес в театре.

— Что это, Корум?

— Не знаю, Ралина. А ты как думаешь, Джерри?

— Быть может, — мир Космического Равновесия, нейтральная полоса, как правило, недоступная ни Богам, ни смертным.

— Интересно, мы попали сюда случайно?

— Трудно сказать.

А потом они увидели крупным планом следующую картину.

Через бескрайнюю пустыню, опаленную солнцем, скакал всадник, очень похожий на вадага, но с мо-

лочно-белым лицом, белыми волосами, развевающимися за спиной, красными глазами, полными горечи и презрения. На нем были черные доспехи изумительной работы, черный шлем, увенчанный драконовой головой, черный меч, пристегнутый к поясу.

Прошло мгновение, и вот уже альбинос летел на драконе, привязанный к седлу, чтобы не упасть. С громким криком он приподнялся на стременах и выхватил из ножен меч, по лезвию которого заструился странный черный свет.

Другие драконы, летевшие почти над самой землей, сражались с огромными существами, похожими на уродливых китов.

Гигантский замок рос прямо на глазах. Альбинос повелительным жестом указал на него, и звери один за другим стали выдыхать ядовитое пламя, превратившее в пепел узорчатые башни и зубчатые стены.

Пролетев над пылающим замком, наездники на драконах очутились над огромной равниной, где собрались все Повелители Темных Сил: Малонин, Ксиомбарг, Зерта, Кардос-Жнец — лысый, с уродливым серпом в руках, — Слортар Мудрый — изящный прелестный юноша, — самый старый Бог Хаоса.

Альбинос, не раздумывая, атаковал их. Но зачем? Ведь не мог он, в конце концов, рассчитывать на победу?

Драконы плеснули огненным ядом, и поле битвы исчезло, уступив место золотому сиянию.

— Что это? — прошептал Корум. — Ты знаешь, Джерри?

— Да. Я там был... или буду. Другой век, другой мир. Самая великая битва между Законом и Хаосом, в которой мне довелось принять участие, правда, в другом обличье. Альбиноса зовут Эльрик из Мельнибонэ.

— Как-то раз ты уже упоминал его имя.

— Он, как и ты, Бессмертный Воин, избранник судьбы, призванный сражаться за сохранение Космического Равновесия. — Голос Джерри звучал печаль-

но. — У него был друг, Мунглам. Я хорошо его помню, а он совсем меня не помнит.

Последние слова вечного странника показались Коруму бессмысленными.

— Как ты думаешь, мы видели какое-то предзнаменование? — спросил он.

— Не знаю. Смотри: новая картина.

На равнине стоял город из белого мрамора и черного гранита, до боли знакомый Коруму, хотя он никогда в нем не был. Солдаты в тяжелых доспехах, вооруженные до зубов, штурмовали крепостные стены, где у серебряных орудий с широкими дулами стояли воины, похожие на вадагов.

К городским воротам подскакал всадник, державший в руках знамя. Лица его не было видно. Видно, он собирался вступить в переговоры, потому что ворота медленно отворились.

Внезапно сцена переменилась.

Теперь, как ни странно, город защищали те, кто несколько мгновений назад штурмовали его. Кровь лилась ручьями. Солдаты пользовались оружием еще более страшным, чем жители Гвалас-кор-Гваруса, и руководил ими воин, похожий на вадага...

Вспыхнул золотой свет.

— Эрикезе, — пробормотал Джерри. — Мне кажется, в картинах, которые мы видим, скрыт глубокий смысл. Космическое Равновесие словно предупреждает нас о чем-то. Бедная моя голова! Она битком набита знаниями, в которых я никак не могу разобраться!

— Скажи хоть что-нибудь, Джерри! — воскликнул Корум, глядя на золотой свет с непонятной для себя тоской.

— К чему? Ты ведь знаешь, что я — спутник героев. Во Вселенной существует один Бессмертный Воин и один его друг, но так как они бывают в разных обличьях, то не всегда узнают один другого. На Эрикезе же лежит вечное проклятье: он помнит все свои

инкарнации — и прошлые, и будущие. Твое счастье, Корум, что тебя миновала чаша сия.

Вадагский принц задрожал:

— Замолчи! Я ничего не хочу знать!

— А возлюбленная у Бессмертного Воина тоже одна? — спросила Ралина. — Когда ты... — Маркграфиня Алломглильская не успела закончить свою мысль. На золотом помосте разыгралась новая сцена.

Человек с драгоценным камнем, пульсирующим черным светом в центре лба, опустил забрало на измученное, искаженное болью, мокрое от пота лицо. В шлеме, как в зеркале, отражалась группа всадников в масках разнообразных животных: свиней, козлов, баранов, собак.

Разыгралась кровавая битва. Всадники в звериных масках значительно превосходили численностью воинов в зеркальных шлемах, один из которых (может, тот самый, с драгоценным камнем во лбу) держал в руке короткий жезл, испускающий разноцветные лучи. Увидев его, нападавшие в страхе отступили, затем вновь кинулись в бой.

Сражение разгорелось с новой силой.

И вновь вспыхнул золотой свет.

— Хокмун, — прошептал Джерри. — Рунный посох. Ты видел сам себя, Корум, вернее, три свои инкарнации. Я никогда раньше не думал, что это возможно.

Корума трясло, как в лихорадке. Неужели судьба была так безжалостна к нему? Он не хотел верить Джерри-ан-Конелю.

— Как же так? — продолжал шептать вечный странник. — Что означают виденные нами картины? Почему нам их показали? Может, нас ждет неведомая опасность?

Шторки темноты начали сдвигаться: от золотого полотна осталась узкая полоска света, которая постепенно исчезла. Наступила непроглядная тьма. Го-

лос Джерри звучал издалека, словно спутник героев разговаривал сам с собой.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что нам необходимо попасть в Танелорн. В вечном городе сбываются самые безумные надежды. Ни Закон, ни Хаос не имеют над ним власти. Он не подвержен влияниям извне, хоть его жители иногда и попадают в беду. Но даже я не знаю, где искать Танелорн. Если б...

— А может, увиденное нами означает, напротив, что нам следует отказаться от поисков Танелорна и обратиться за помощью в другое место? — предположила Ралина.

— Все сходится, — продолжал бормотать вечный странник, не обращая внимания на ее слова. — Эльрик, Эрикезе, Хокмун, Корум. Четыре аспекта одной личности, которую дополняют Ралина и я сам. Либо изменилась природа пространства-времени, либо начинается новый цикл в существовании Вселенной. Ума не приложу...

Воздушный корабль тряхнуло, бросило в одну сторону, потом в другую. Пошел крупный дождь из капель синего и голубого света. При полном затишье послышался вой ураганного ветра, похожий на надсадный человеческий крик.

Корабль летел сквозь тени людей и предметов, двигавшихся в одном направлении. Из кратеров вулканов вырывались дым и пламя. Запахло горелым. Воздух наполнился нежными ароматами. Вулканы превратились в гигантские букеты прекрасных анемонов, раскрывающих красные лепестки.

Торжественная мелодия гремела, славя воинов-победителей. Пение сменилось громким смехом, затихшем в отдаленье.

Чудовищные твари высовывали тупые рыла из океана экскрементов, громко стонали, вновь уходили на глубину.

Бело-розовая равнина была похожа на каменную, но приглядевшись, путешественники поняли, что она аккуратно выложена трупами — один к другому — лицом вниз.

— Куда мы попали, Джерри? — спросил Корум,

глядя на вечного странника сквозь колеблющийся воздух.

— Ты видишь перед собой Хаос, и ничего кроме Хаоса. Закон не имеет здесь никакой силы. По-моему, это — королевство Мабельрода. Я хотел увести отсюда корабль, но пульт управления все еще не реагирует на мои пассы.

— Значит, мы движемся сквозь Измерения, — сказала Ралина. — Посмотри, как быстро меняются сцены.

Джерри грустно улыбнулся:

— Таков Хаос. Безграничный Хаос.

глава вторая

ЗАМОК НА КРОВИ

— Конечно, это — королевство Мабельрода! — воскликнул Джерри, глядя на странных полузверей-полуптиц, бросившихся вдогонку за воздушным кораблем, но быстро отставших.

— У меня кружится голова, — сказала Ралина. — Мне кажется, я сплю.

— И видишь сон, который снится Богу, — угрюмо ответил Джерри.

У Корума болела голова, комок стоял в горле. Какие-то туманные воспоминания бередили его душу; до него доносились чьи-то невнятные голоса. Озираясь по сторонам, он спросил Ралину:

— Слышишь?

— О чем ты, Корум?

— Кто-то разговаривает. Вот только слов не разобрать.

— Возьми себя в руки! — резко сказал Джерри. — Не верь своим чувствам в царстве Хаоса. Они обманут тебя. В этом мире реальны ты, Ралина и я, да и то каждому из нас необходимо убедиться, что его собеседник именно тот, за кого он себя выдает.

— Ты хочешь сказать, демоны могут принять облики тех, кого я люблю? — недоверчиво спросил Корум.

— Не только могут, но и обязательно примут, если им предоставится такая возможность.

Огромная волна катила на воздушный корабль. Она приняла форму гигантской руки. Сжалась в кулак. Замахнулась и... исчезла. Джерри лихорадочно водил руками над пультом управления.

На востоке разгоралась заря весеннего пригожего дня. Поля купались в легком тумане, на цветах блестели капли росы. Под раскидистыми деревьями стояли лошади, на лужайке паслись коровы. Из трубы небольшого деревянного дома, выкрашенного белой краской, шел дым. Во дворе свиньи рыли землю. На ветвях дубов пели птицы.

— Никогда не поверю, что мои чувства и сейчас обманывают меня, — сказал Корум, глядя на мирный пейзаж.

— Ты видишь реальную, но кратковременную сцену. Хаос восхищается своими творениями, которые быстро ему приедаются, потому что Повелители Мечей не любят ни порядка, ни постоянства. Существование для них — это игра, в которой они ищут все новые и новые ощущения. Естественно, им может прийти в головы такое, что и нас с тобой приведет в восторг.

Травка зеленела на солнце. Дул ласковый ветерок. Дом крестьянина выглядел очень уютным.

Джерри нахмурился:

— А может, я ошибся. Неужели мы незаметно для себя покинули Измерения Хаоса...

Ветер усилился. Земля пошла рябью, словно вода. Деревянный дом превратился в пятно слизи. На зеркальной поверхности полей расцвели кувшинки.

— Как легко поверить в то, во что хочется верить, — печально сказал вечный странник. — Как просто обмануться!

— Нам необходимо выбраться отсюда, — тревожно сказал Корум.

— Каким образом? Я могу лишь менять направление полета; на другие пассы пульт не реагирует с тех самых пор, как мы очутились в мире забвенья.

— Ты хочешь сказать, нами управляют?

— Да. Причем необязательно осознанно. — Лицо вечного странника побледнело, руки дрожали от напряжения. Базилий прижался к его шее, словно ища утешения и защиты.

На горизонте показалось серо-зеленое облако, в котором плавало нечто похожее на гниющие овощи.

Постепенно они приобрели очертания крабов и омаров, неустанно ползающих взад и вперед.

— Смотрите, остров! — воскликнула Ралина.

В центре облака возвышалась скала, а на ее вершине стоял гигантский замок алого цвета. Он струился, как вода, которой непонятным образом удавалось сохранять постоянную форму. В воздухе появился смутно знакомый солоноватый запах. Джерри отвернул корабль, но замок вновь возник по его курсу, и сколько бы вечный странник не менял направление, остров все время оказывался впереди.

— Что случилось? — спросила Ралина.

Джерри покачал головой:

— Не знаю. Такое впечатление, что замок нас притягивает. Ну и вонища! Нечем дышать!

Воздушный корабль завис над алыми башнями, опустился на алую крышу — и не провалился, хотя явно стоял на поверхности какой-то жидкости. На всякий случай Корум выхватил шпагу из ножен.

Дверь одной из башенок отворилась, и в проеме появилось существо, толстое, как бочка, с клыками вепря на человеческом лице и голыми кривыми ногами в наголенниках, на которых был выбит какой-то девиз. Существо ухмыльнулось.

— Мне как раз не хватало гостей, — прохрипело оно. — Вы — мои?

— Как, гости? — ошарашенно спросил Корум.

— Нет, нет и нет! Это я вас сделал или один из моих братьев, рыцарей Мечей?

— Прости меня... — растерянно произнес Корум, но Джерри перебил его:

— Я тебя знаю. Ты — герцог Тир.

— Конечно, я — Тир. Что с того? Э-э, да я погляжу, вас вообще никто не делал. Вы не из нашего Измерения? Приятная неожиданность. Приветствую вас, смертные, в моем дворце! Чудесно! Привет, привет, привет! Изумительно! Привет!

— Ты — Повелитель Хаоса, рыцарь Мечей, подданный Мабельрода Безликого. Значит, я оказался прав. Мы попали в его королевство.

— О, какое тонкое наблюдение! Восхитительно! — Лицо вепря расплылось в улыбке. Обнажились жел-

тые крупные зубы. — Вас, должно быть, отправили ко мне с поручением? А? Плохо слышу.

— Мы на службе короля Мабельрода, — быстро ответил Джерри. — Сражаемся в королевстве лорда Аркина, чтобы вернуть престол Валету Мечей.

— Бесподобно! Только не говорите, что пришли ко мне за помощью. У меня совсем не осталось резервов. Я отдал все, что имел. Когда-нибудь мы, рыцари Хаоса, сами отправимся на борьбу с Законом. Но только не сейчас. Нет, не сейчас. Вы ведь слышали, как пострадал — вернее, пострадала Ксиомбарг, когда проникла в чужие владения. Жуткая история!

— А мы так надеялись на твою помощь! — сказал Джерри в тон герцогу Тиру. — Сам понимаешь, с Законом шутки плохи.

— Ты же знаешь, я — скромный рыцарь Хаоса и никогда не обладал большими силами. Все свое время и энергию я трачу — пусть надо мной смеются придворные! — на постройку моего прекрасного замка. О, как я люблю его!

— А из какого материала он построен? — нервно спросила Ралина, не сомневавшаяся, что герцог с минуты на минуту уличит Джерри во лжи.

— Ты не слышала о дворце Тира? О, как странно! Знай же, голубушка смертная, он построен из крови! Да, из крови! Тысячи и тысячи умерли, чтобы замок получился красивым. Но этого недостаточно! Мне необходима новая кровь, моя прелестница, кровь, кровь и кровь! Неужели ты не чувствуешь ее восхитительный аромат? В моем дворце нет ни капли другого материала — только кровь! Кровь смертных, кровь бессмертных — какая разница? Герцогу Тиру все равно. Он никому не отдает предпочтения. Из тебя, моя крошка, получилась бы, например, ма-ленькая стенка башенки. А из вас троих можно сделать целую комнату. Вы просто не поверите, какой прекрасный, тягучий строительный материал — кровь! И какой вкусный! — Рыцарь Мечей пожал плечами и небрежно махнул рукой. — Впрочем, вам, смертным, этого не понять. Вы совсем не гурманы. Но для меня — ах! — наслаждение превыше всего!

— Для нас — большая честь лицезреть твой за-

мок из крови, — торжественно сказал Джерри. — К сожалению, неотложные дела требуют нашего присутствия в другом месте. Ты разрешишь нам откланяться, герцог Тир?

— Откланяться? — Маленькие свинячьи глазки заблестели. Толстый язык жадно облизнул пересохшие губы. Рыцарь Мечей рассеянно почесал клык.

— Ведь мы на службе короля Мабельрода, — напомнил ему Корум.

— Ах, да! Да, конечно! Замечательно!

— И спешим по важному делу.

— Смертные редко появляются в нашем королевстве, — задумчиво произнес герцог Тир.

— Времена сейчас тоже редкие, — ответил Джерри. — Посуди сам: Десять Измерений из Пятнадцати находятся под властью Закона.

— Бесподобно подмечено! Потрясающая логика! Но что это течет с губ женщины?

Ралину тошнило. Она терпела сколько могла и все-таки не выдержала.

Герцог Тир прищурился:

— Я знаю смертных. О, я прекрасно знаком с их повадками! Девице плохо. Но почему? Почему ей плохо?

— Э-э-э... она пришла в ужас, когда мы заговорили о Законе, — промямлил Джерри.

— Ее тошнит от меня? Вот как? Она не полностью отдалась Хаосу, да? Неудачный экземпляр король Мабельрод взял себе в слуги!

— Это мы ему служим, — сказал Корум. — Она просто сопровождает нас.

— Так какой от нее толк? Нет уж, давайте по совести. Я позволил вам насладиться бесподобным зрелищем моего дворца, а вы за это...

— Нет! — вскричал Корум, даже не дослушав. — Прошу тебя, отпусти нас, герцог Тир! Ты ведь знаешь, мы торопимся. Королю Мабельроду не понравится, если по твоей вине нам не удастся выполнить его поручение.

— Ему не понравится, если вы задержитесь. Но я вас не держу. Отдайте мне девицу и убирайтесь на

все четыре стороны. Если вам так приспичило, оставьте себе мясо и кости. Мне нужна только кровь.

— Нет! — в ужасе вскричала Ралина.

— Глупышка!

— Разреши нам удалиться, герцог Тир.

— Вдвоем!

— Нет! — в один голос вскричали Корум и Джерри, заслоняя Ралину своими телами.

Герцог Тир удивленно посмотрел на них и расхохотался.

глава третья

ВСАДНИК НА КАРАКОВОМ СКАКУНЕ

Рыцарь Мечей потянулся (так потягиваются после сладкого сна) и стал в два раза выше ростом. Он посмотрел на двух друзей сверху вниз, продолжая издевательски смеяться.

— До чего же глупо вы лжете!

— Мы говорим правду! — вскричал Корум. — Прошу тебя, дозволь нам удалиться, чтобы исполнить приказ короля Мабельрода.

Герцог Тир нахмурился.

— Я, конечно, не хочу заслужить немилость моего повелителя. Тем не менее будь вы верными слугами Хаоса, вам и в голову не пришло бы отказать мне в такой пустячной просьбе. Цель моей жизни — построить самый совершенный дворец во всей вселенной! — Он вытянул огромную волосатую руку. — Вот что, я предлагаю разойтись по-хорошему. Женщину я заберу, а вы идите себе по своим делам...

— Смотри! — внезапно воскликнул Джерри. — Наши враги! Как глупо с их стороны последовать за нами в королевство великого Мабельрода!

— Что ты сказал? — Герцог Тир поднял голову и уставился на повозки денледисси, стоявшие на спинах черных зверей со змеиными шеями. — Кто такие?

— Отряд воинов под предводительством Корума Джайлин Ирси, заклятого врага Хаоса, — ответил вадагский принц. — Они преследовали нас по многим Измерениям. Убей их, герцог Тир, и король Мабельрод останется очень доволен тобою.

Рыцарь Мечей не отрываясь смотрел на небо.

— А ты не лжешь? — рассеянно спросил он.

— Конечно, нет! — воскликнул Джерри.

— Мне кажется, я уже слышал о смертном по имени Корум, — задумчиво сказал Тир. — Не он ли уничтожил сердце Ариоха и вынудил Ксиомбарг перейти границу владений Аркина?

— Разумеется, он! — воскликнула Ралина.

— Мои сети, — взволнованно пробормотал рыцарь Мечей, быстро уменьшаясь в размерах и исчезая в дверях башни. — Я помогу вам.

— В них достаточно крови, чтобы выстроить прекрасный большой зал, — крикнул ему вслед вечный странник.

Путешественники быстро поднялись на борт, и Джерри кинулся к панели управления. Хрустальный пульт заискрился; воздушный корабль набрал высоту. Гландит заметил беглецов и яростно закричал. Звери Хаоса захлопали крыльями с удвоенной силой. На их пути неожиданно выросла гигантская фигура с сетями в руках. Герцог Край изумленно уставился на нее.

Джерри хмуро посмотрел на Корума и Ралину.

— Я сделаю все возможное, чтобы убраться из этого проклятого Измерения, — сказал он. — Лучше погибнуть, чем остаться здесь. Герцог сразу поймет, что Гландит — слуга Мабельрода. А когда выяснится, кто мы такие, все Повелители Хаоса бросятся за нами в погоню. — И с этими словами он снял прозрачную пленку, закрывающую пульт, и начал переставлять разноцветные хрусталики с места на место. — Не знаю, что произойдет, но я все же рискну!

Внезапно воздушный корабль задрожал и окутался зеленым сиянием. Вибрация становилась все сильнее и сильнее. Одной рукой Корум прижал к себе Ралину, другой — уцепился за поручни ограждения борта. Поверхность оранжево-фиолетового моря приближалась с угрожающей быстротой. Удар, сильнейший рывок, — и вадагского принца швырнуло в сторону.

Он плыл в вязкой жидкости, погружаясь в нее с каждой минутой все глубже и глубже. Ему нечем было дышать. Корум понял, что умирает. И он знал,

что рядом с ним умирают Ралина и Джерри. Принц в Алой Мантии испытал облегчение при мысли о том, что его мытарства наконец-то закончились. Он очень жалел свою жену и вечного странника, но радовался за себя.

Затем он почувствовал, что падает. Рядом с ним падал обломок ограждения. Воздух был чист и прозрачен, но Корум летел с такой скоростью, что все еще не мог дышать. Он раскинул руки, скользя по голубому пространству, окружавшему его со всех сторон и крикнул в эту необъятную голубизну:

— Ралина!

Ему никто не ответил. Корум остался один-одинешенек во Вселенной голубого света.

Глаза его слипались. Уставший мозг отказывался воспринимать дальнейшие ужасы.

Проснувшись, Корум почувствовал, что лежит на чем-то очень мягком и удобном. Ему было жарко, хотя он был абсолютно гол.

В небольшое окно комнатки на последнем этаже (о чем можно было судить по куполообразному потолку) проникал солнечный свет. Простая меблировка, крашеный деревянный пол. Дверь с металлической щеколдой, за которой кто-то пел.

Иллюзия? Джерри предупреждал, что в царстве Хаоса нельзя верить собственным чувствам. Корум вытащил руки из-под одеяла. Драгоценные камни на шести пальцах Кулла сверкнули. Вадагский принц дотронулся до глаза Ринна. Он находился там, где ему полагалось — в правой глазнице, — хотя повязку все еще нельзя было сдвинуть с места.

Быть может, подумал Корум, мне удалось каким-то образом вернуться в свой мир, излечившийся от безумия после того, как герцог Тир убил Гландита?

Дверь отворилась. В комнату вошел довольно толстый человек среднего роста. Он посмотрел на Принца в Алой Мантии и что-то сказал на непонятном языке.

— Вы говорите по-вадагски или по-мабденски? — вежливо обратился к нему Корум.

Толстяк, одетый в брюки из тонкого сукна и шелковую рубашку с вышивкой, покачал головой и вновь произнес нечто невразумительное.

— Где я? — на всякий случай спросил Корум.

Хозяин дома указал на окно, потом на пол и принялся что-то объяснять. Говорил он долго, а затем, увидев, что его собеседник ничего не понял, засмеялся и жестами предложил ему поесть.

Корум кивнул. Он был очень голоден.

— Ралина? Джерри? — сказал он в надежде, что толстяк узнает эти имена, но тот вновь покачал головой и вышел из комнаты.

Корум встал с кровати. Если бы не слабость в ногах, он чувствовал бы себя совсем хорошо. Быстро одевшись, вадагский принц взял в руки кольчугу, повертел ее в руках, — потом положил обратно, рядом с шлемом и наголенниками. Он вышел из дверей на лестничную площадку. Откуда-то снизу раздавался женский голос и слышался смех толстяка.

Корум вернулся в комнату, выглянул в окно. Дом, в котором он очутился, стоял на окраине города, не похожего ни на один из тех, в которых ему довелось побывать. На строениях, сложенных из бревен или из серого кирпича, были красные покатые крыши. Люди в простых удобных одеждах гуляли по улицам; они часто останавливались, разговаривали друг с другом и весело смеялись.

В отдалении Корум увидел более высокие здания с башнями, увенчанными шпилями. Мимо крепостных стен иногда проезжали конные экипажи, скакали нарядно одетые всадники — видимо, придворные или купцы.

Корум потер лоб, отошел от окна, уселся на край постели. Мысли в его голове путались. Он понимал, что оказался на незнакомом ему мире, где не слышали о сражении между Законом и Хаосом. Тем не менее и лорд Аркин, и герцог Тир утверждали, что война между Повелителями Закона и Повелителями Хаоса бушевала на всех Пятнадцати Измерениях. Что же это за страна, в которой говорили на непонятном Коруму языке?

Внезапно он вспомнил, что воздушный корабль

разбился после того, как Джерри переставил хрусталики на пульте управления. Быть может, троих путешественников занесло в такой уголок Вселенной, откуда нет возврата? И куда подевались Ралина и Джерри-ан-Конель?

Дверь открылась, и в комнату вошел хозяин дома в сопровождении очень полной женщины, державшей в руках поднос с мясными блюдами, овощами, фруктами и кастрюлькой с супом, от которой поднимался пар. Толстушка улыбнулась (так улыбаются собаке, посаженной на цепь) и протянула вадагскому принцу поднос, стараясь не дотронуться до руки Кулла. Корум улыбнулся в ответ и поклонился.

— Вы очень добры, сударыня, — сказал он, стремясь передать свою благодарность интонацией.

Они молча смотрели, как он принялся за еду. Пища была не особенно вкусной, довольно грубой и пахла весьма неаппетитно, но Корум съел все до крошки и сделал вид, что остался очень доволен. В последнее время он был не слишком избалован хорошим к себе отношением.

Толстяк посмотрел на него и спросил:

— Фенк?

— Фенк? — повторил Корум и покачал головой.

— Фенк? Паннис?

Вадагский принц пожал плечами и в свою очередь задал несколько вопросов на вадагском и мабденском языках, но его собеседник тоже не понял ни единого слова. Нахмурившись, он указал на руку Кулла, дернул себя за кисть, постучал по ней, всем своим видом показывая, что интересуется происхождением столь необычной конечности. Корум заулыбался, кивнул, вытянул левую руку, а правой дотронулся до глаза Ринна, жестом объясняя, что потерял эти части своего тела в битве. Толстяк удовлетворенно хмыкнул и принялся внимательно осматривать шесть пальцев, усыпанных драгоценными камнями, а затем подал Коруму знак следовать за ним.

Они спустились по лестнице в полуподвальное помещение, которое не могло быть ни чем иным, кроме мастерской, и только теперь Корум понял, почему хозяин дома проявил к нему такой интерес. Оказыва-

ется, толстяк изготавливал протезы, причем явно экспериментировал с ними. Повсюду валялись деревянные, металлические и костяные ноги всевозможнейших конструкций; ступни, лодыжки, руки, кисти, пальцы с суставами и без суставов и даже нечто, напоминающее ребра. На стенах висели анатомические рисунки, на столах лежали книги в кожаных переплетах. Корум открыл одну из них. Это был какой-то медицинский трактат, и хоть треугольные буквы не отличались особенной красотой, вадагский принц не сомневался, что рукопись содержит много мудрых мыслей — слишком уж она напоминала те, над которыми в свое время (до появления мабденов) работали его предки. Он указал на книгу, с уважением кивнул и произнес:

— Хорошо. Очень хорошо.

Толстяк улыбнулся и вновь постучал по руке Кулла. На мгновение Корум попытался представить себе, что произошло бы, если б он сказал, каким образом ему досталась эта рука. Бедняга ученый наверняка посчитал бы его сумасшедшим. Впрочем, вадагский принц тоже не верил в волшебство, пока не встретился с колдуном Шулем.

Затем толстяк самым тщательным образом исследовал глаз Ринна, состоящий из нескольких драгоценных камней (повязка легко поднялась, хотя Корум и не увидел потустороннего мира). Изумление хозяина дома было полным. Вадагский принц даже пожалел, что не может продемонстрировать тех сил, которыми обладали останки Потерянных Богов.

Постепенно Корум начинал понимать, что с ним случилось. Видимо, горожане нашли его в бессознательном состоянии и отнесли к ученому, который увлекался изготовлением искусственных конечностей и был только рад такому необычному пациенту.

Волнение за Джерри и Ралину с новой силой охватило Корума. Если только они тоже очутились в этом мире, он должен обязательно найти их. Вполне возможно, что вечный странник, исколесивший чуть ли не всю Вселенную, знал язык и обычаи страны, в которую закинула путешественников судьба. Корум взял перо (почти такое же, как у мабденов), нари-

совал на листе пергамента фигуры мужчины и женщины, показал два пальца и многозначительно поднял брови. Ученый кивнул и с помощью жестов, выглядевших довольно комично, объяснил, что ничего не слышал ни о Ралине, ни о Джерри.

— Мне необходимо разыскать их, — настойчиво сказал вадагский принц, указывая на себя, потом на дверь.

Толстяк задумался, затем сделал Коруму знак подождать, вышел из мастерской, но довольно быстро вернулся, одетый в сапоги и куртку. В руках он держал плащ, который протянул своему гостю.

Они шли по улицам, и прохожие бросали на Корума любопытные взгляды. Видимо, вести о незнакомце распространились по всему городу. За аркой городских ворот лежала пыльная белая дорога, по обеим сторонам которой простирались поля и виднелись отдельные крестьянские усадьбы. После непродолжительного путешествия толстяк привел Корума к небольшому лесу и указал на то место, где вадагского принца нашли в бессознательном состоянии.

Корум огляделся, увидел обломок ограждения воздушного корабля и показал на него ученому, который вскрикнул от изумления и долго вертел в руках непонятный ему предмет. Корум же лишний раз убедился, что не сошел с ума и действительно совсем недавно находился в Езмерениях Хаоса.

Принц в Алой Мантии посмотрел по сторонам, наслаждаясь спокойным мирным пейзажем. Неужели существуют на свете страны, где ничего не знают о вечной битве между Законом и Хаосом? Корум даже почувствовал нечто вроде ревности к обитателям этого мира. Конечно, у них были свои невзгоды и печали, — иначе зачем бы доктор изготавливал искусственные конечности? И тем не менее вадагский принц почему-то был уверен, что здесь никто не знал ни о Законе, ни о Хаосе, не молился никаким Богам. На мгновение ему страстно захотелось поселиться в этих местах, хоть он и понимал всю абсурдность своего желания.

А затем Корум пошел краем леса, громко выкрикивая имена Ралины и Джерри.

Через некоторое время он услышал чей-то крик и резко повернулся в надежде, что ему ответила любимая женщина.

Корум ошибся. Кричал всадник в черном плаще, скачущий по пыльной дороге. Седые волосы развевались за его спиной. Ученый быстро пошел ему навстречу, и они начали о чем-то разговаривать, оживленно жестикулируя. Между ними разгорелся спор, и в конце концов незнакомец обвинительным жестом указал на вадагского принца, бросив какую-то резкую фразу, развернул коня и помчался по направлению к городу. Толстяк остался стоять на месте, нервно потирая лоб.

Корум пожалел, что не взял с собой шпаги. Человек в черном плаще, казалось, был влиятельной особой, и ему явно не нравился странный чужеземец, появившийся в их краях неизвестно откуда.

Расстроенный ученый подошел к Коруму и что-то пробормотал (тоном, каким обычно успокаивают собаку или кошку, прежде чем усыпить ее или отдать в чужие руки). Принц в Алой Мантии вздохнул, повернулся и зашагал по дороге. Толстяк, погруженный в какие-то думы, шел следом.

Очутившись в комнатке с куполообразным потолком, Корум первым делом надел на себя серебряную кольчугу, серебряный конический шлем и серебряные наголенники. Затем он пристегнул к поясу шпагу с клинком из неземного металла, повесил за спину лук, колчан со стрелами и копье. Вадагский принц понимал, что сейчас выглядит для окружающих еще неприглядnее, чем раньше, но зато он чувствовал себя в относительной безопасности.

Стемнело. Корум спустился по лестнице, мягко отстранил ученого, не желавшего выпускать его на улицу, и открыл входную дверь. Вадагский принц чувствовал, что ему грозит опасность, и вовсе не хотел подвергать ей добродушного толстяка. Когда Корум вышел из дома, стояла ночь.

Довольно долгое время он бродил по городу, не обращая внимания на редких прохожих, которые сме-

ялись ему вслед, видимо, принимая за сумасшедшего или идиота. В конце концов Корум увидел полуразвалившееся здание и решил отдохнуть в нем до утра. С трудом протиснувшись сквозь сломанную дверь, он взобрался по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и попал в небольшую комнату. Крысы врассыпную бросились из-под его ног. Вадагский принц и сам неясно понимал, зачем покинул дом ученого — ведь разыскать чужеземца в незнакомом городе не представляло труда.

Он устроился поудобнее, завернулся в мантию и уснул.

Проснувшись на заре, Корум осторожно выглянул в окно и увидел оживленную главную улицу города, по которой ходили простолюдины, ехали в колясках важные купцы, возили тележки рабочие. Пахло свежеиспеченным хлебом: прямо под окном торговал с лотка булочник. У Корума потекли слюнки; он с трудом подавил в себе желание выскочить из дома, схватить каравай и убежать.

Через некоторое время вадагский принц вновь уснул, думая о том, что ночью ему придется украсть лошадь и отправиться на поиски Ралины и Джерри, где бы они ни находились.

Примерно в полдень Корума разбудил шум толпы. Люди размахивали какими-то флажками, слышалась громкая музыка, раздавались приветственные крики. По улицам скакал отряд всадников, вооруженных мечами и копьями. В центре отряда Корум увидел высокого человека в алом плаще на большом караковом скакуне. Голову этого человека украшала широкополая шляпа, на поясе висел меч и... у него не было левой руки. Он держал поводья с помощью специального крючкообразного приспособления. Воин в алом плаще повернул голову, и у Корума перехватило дыхание. Лицо человека с повязкой на правом глазу почти ничем не отличалось от его собственного.

Вадагский принц выпрямился во весь рост, намереваясь окликнуть своего двойника, и неожиданно очутился на полу. На него кто-то навалился, сильная

рука зажала ему рот. Он попытался освободиться, перекатился на бок, увидел своего противника и чуть не вскрикнул от изумления:

— Джерри! Как ты сюда попал? Где Ралина?

Щеголь, одетый по последней моде обитателей этого мира, покачал головой:

— Понятия не имею.

— Честно говоря, я думал, она с тобой. А ты, как я вижу, уже успел зарекомендовать себя самым подозрительным образом?

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Весьма приблизительно. Когда-то я путешествовал по этому измерению и выучил несколько языков его обитателей.

— Человек на караковом скакуне... кто он?

— Ты видел самого себя, Корум, вернее, одну из своих инкарнаций. И поэтому тебе надо покинуть этот мир как можно скорее. Своим присутствием здесь ты невольно нарушаешь равновесие Вселенной, от которого, быть может, зависит ее существование.

глава четвертая

ДОМ В ЛЕСУ

— И все-таки, куда мы попали, Джерри?

Щеголь приложил палец к губам и отвел Корума в угол комнаты.

— Трудно сказать. Мне довелось побывать на множестве Измерений, но это я знаю хуже остальных. Видимо, переставив хрусталики, я послал воздушный корабль через пространственно-временной континуум в мир, где существуют наши двойники, но правят законы чуждой нам логики. Таким образом я создал парадокс, последствия которого непредсказуемы...

— В таком случае давай отыщем Ралину и вернемся домой как можно скорее.

Вечный странник усмехнулся:

— Из одного пространства-времени в другое нельзя перейти, как из комнаты в комнату. К тому же вряд ли мы найдем Ралину — ведь, насколько я понял, ее никто здесь не видел. Впрочем, о судьбе твоей жены можно попытаться узнать у одной волшебницы. Надеюсь, она нам поможет. Люди этого века обычно относятся к таким, как мы, с большим уважением, но иногда оно превращается в ненависть. Тебя, например, один из священников хочет сжечь на костре.

— Человек в черном? Мне сразу показалось, что я ему не понравился.

Джерри рассмеялся.

— Слишком мягко сказано! В руках прелата сосредоточена огромная власть! Он приказал солдатам схватить тебя и перед смертью подвергнуть пыткам. Нам надо достать лошадей и бежать отсюда. —

Спутник героев мерил шагами комнату, задумчиво поглаживая подбородок. — Мы не имеем права находиться в этом мире. Нам необходимо вернуться на одно из Пятнадцати Измерений.

— Что верно, то верно, — пробормотал Корум.

Приветственные крики постепенно затихли, толпа разошлась.

— Вспомнил, как ее зовут! — воскликнул Джерри и щелкнул пальцами. — Леди Джейн Пентальон! Она живет неподалеку от деревни Варлеггон.

— И имя женщины, и название деревни кажутся мне странными.

— Наши имена тоже непривычны для слуха обитателей этих мест. Давай лучше помолимся, чтобы с леди Джейн ничего ни случилось — ведь и ее могли сжечь, как ведьму.

Корум посмотрел в окно.

— К нам пожаловал тот самый священник в сопровождении солдат, — сказал он.

— Я и не сомневался, что за тобой следили. Наверное, Его преподобие решил не арестовывать тебя во время парада, побоявшись, что ты скроешься в толпе. Мне совсем не нравится, что придется вступить в бой и, может быть, убить людей, к которым мы не имеем ни малейшего отношения...

— А мне совсем не нравится, что они намереваются убить меня, — угрюмо сказал Корум, выхватывая шпагу из ножен и выходя из комнаты.

Он успел спуститься на первый этаж, когда священник протиснулся в дверь дома и, увидев Корума, сложил пальцы определенным образом, видимо (по глубокому мабденскому поверью) оберегаясь от дурного глаза.

Корум сразил его выпадом в горло. Солдаты, никак не ожидавшие, что их предводитель погибнет, замерли от изумления. Джерри, стоявший за спиной вадагского принца, тихо произнес:

— Ты сделал глупость. Верующие не любят, когда убивают их духовных вождей. Теперь все жители города кинутся за нами в погоню.

Корум пожал плечами.

— Мне надоело бегать от врагов, Джерри. У сол-

дат есть лошади. Захватим их и ускачем к твоей волшебнице. Эй, вы, мабдены, защищайтесь! — И с этими словами он атаковал, почти мгновенно прикончив двух воинов и ранив третьего.

Битва, начавшаяся в полуразвалившемся доме, разгорелась на улице с новой силой. Джерри довольно быстро завладел конем, убив всадника, пытавшегося сбить его с ног. Корум, орудуя рукой Кулла как дубинкой, пробивал себе путь к оседланным лошадям, стоявшим неподалеку. Люди шарахались от вадагского принца, глядя на него с суеверным ужасом. Вскочив в седло, он громко крикнул:

— В какую сторону, Джерри?

— Скачи за мной!

Сбивая прохожих, перепрыгивая через телеги и повозки, они промчались по городским улицам, выехали за ворота, поскакали по пыльной белой дороге. За ними гнался отряд вооруженных всадников; городские стражники, поднявшиеся на крепостную стену, обстреляли беглецов из луков. Корум был поражен расстоянием, на которое летели стрелы.

— Скажи, Джерри, их оружие заколдовано? — спросил он.

— Нет. Лучники пользуются арбалетами — луками особой конструкции, не известной в твоем времени. Скажи спасибо, что они слишком громоздки и из них трудно стрелять с лошади.

Постепенно отрываясь от преследователей, Корум и Джерри свернули в лес. В воздухе стоял запах хвои, где-то журчал ручеек.

— Послушай, а что будет с ученым, который приютил меня? — спросил вадагский принц.

— Его казнят, если он от тебя не отречется.

— Как же так? Ведь ученый — добряк и умница. В конце концов, он ученый, стремящийся к новым знаниям.

— Тем больше оснований избавиться от него раз и навсегда. В этом мире властвует религия, а не знания!

— Не понимаю. Такая прекрасная страна! И люди, которых я видел, показались мне веселыми и спокойными!

Вечный странник расхохотался.

— И ты говоришь об этом в то время, когда за нами гонятся солдаты? Если ты считаешь, что попал в рай, значит, Гландит и Повелители Мечей сделали твою жизнь окончательно невыносимой!

— По сравнению с Царством Хаоса здесь действительно рай.

— Быть может, ты прав.

Как можно тщательнее запутав свои следы, Корум и Джерри спешились и пошли по лесной тропинке, держа лошадей в поводу.

— По-моему, до Варлеггона еще далеко, — со вздохом сказал Джерри. — Жаль, что у меня нет карты местности. Последний раз я путешествовал по этой стране в другом обличье и видел ее другими глазами.

— А как она называется? — спросил Принц в Алой Мантии.

— На языке местных жителей — Кэрноу, на государственном — Корнуэлл. Континент, на котором мы находимся, разделен на графства — совсем как в Лайвм-ан-Эше, — которыми управляет король. Корнуэлл — древнее графство, богатое традициями, напоминающими мне вадагские. Здесь бытует много легенд о людях, похожих на тебя, когда-то населявших эти земли.

— Ты намекаешь, что Кэрноу лежит в моем будущем?

— Может, и в будущем, но навряд ли в твоем. У каждого Измерения своя история: в одном — цивилизация вадагов достигает небывалого расцвета, в другом — погибает, уступая место мабденской. Во множественной Вселенной все возможно.

— Я восхищаюсь твоими знаниями, Джерри-ан-Конель.

Щеголь сунул руку за пазуху и достал оттуда черно-белого кота. Базилий замурлыкал, выпустил когти, встряхнул крыльями и уселся на плечо вечного странника, который печально произнес:

— К сожалению, знания мои — неполные, воспоминания — отрывочные.

— Но ведь ты прекрасно знаком с миром, в который мы попали!

— Это потому, что я живу в нем даже сейчас — правда, в другом обличье и под другим именем. Видишь ли, такого понятия, как "время", вообще не существует. Я помню свое будущее и прошлое, знаю некоторые свои инкарнации. Я занимаю здесь высокое положение в обществе, служу человеку на караковом скакуне. Все считают его великим героем, но я думаю, он, как и ты, предпочитает войне мир. Такова судьба Бессмертного Воина!

— Замолчи! — быстро сказал Корум. — Я не хочу говорить на эту тему!

— Я тебя прекрасно понимаю.

Стемнело. Они остановились на ночлег, расседлав коней. Вдалеке изредка слышался стук копыт: видимо, солдаты все еще искали беглецов.

Утром два путешественника продолжили путь и вскоре оказались перед огромным полем клевера. Накрапывал мелкий дождь, приятно холодивший разгоряченные лица.

— Справа от нас — сразу за полем — находится Варлеггон, — сообщил вечный странник. — Слева — небольшой лес. Если ты приглядишься, то увидишь, как из глубины его поднимается легкий дымок. Надеюсь, скоро мы встретимся с леди Джейн.

Джерри и Корум скакали по извилистой тропинке. Через некоторое время показались настежь распахнутые погнутые железные ворота. Два друга спешились и, взяв лошадей под уздцы, пошли по дорожке, посыпанной гравием.

За первым же поворотом они увидели трехэтажный каменный дом с черепичной крышей, пятью каминными трубами, узорчатыми окнами и небольшой дверью, откуда, заметив незнакомцев, навстречу им вышли два пожилых человека, одетых в кожаные брюки и меховые куртки. Джерри заговорил с ними на каком-то языке, в котором проскальзывали иска-

женные вадагские слова, после чего один из стариков повел лошадей на конюшню, а второй вернулся в дом.

А затем в дверях показалась удивительной красоты старая женщина с седыми вьющимися волосами, одетая в светло-голубое шелковое платье с золотой вышивкой на подоле и широких рукавах. Вечный странник что-то сказал ей, а она улыбнулась и ответила на чистом вадагском языке:

— Я знаю, кто вы. Мы вас ждали.

глава пятая

ЛЕДИ ДЖЕЙН ПЕНТАЛЬОН

Они прошли в просторную прохладную комнату. Цветы в вазах источали нежные ароматы. На небольшом дубовом столике у открытого окна стояло множество закусок, вино и фрукты.

Корум снял серебряный шлем и глубоко поклонился.

— Мы благодарим тебя, леди Джейн, за твое гостеприимство. Как приятно встретить доброго человека в стране, где на тебя смотрят с подозрением и ненавистью.

Улыбнувшись, она кивнула:

— Эльфы намного добрее нас, людей.

— Эльфы? — вежливо переспросил Корум.

Джерри-ан-Конель вытащил из-за пазухи помятую шляпу, с которой никогда не расставался, и с сожалением поглядел на нее.

— Удивительно! — задумчиво произнес он. — Я прихожу к выводу, что невзгоды, выпадающие на долю путешественников, тяжелее всего переносят их шляпы. Что же касается леди Пентальон, она говорит о твоей расе, принц Корум. Вадаги, мельнибонийцы и неланриане (которых в этой стране называют эльфами, демонами, джиннами и даже богами) отличаются друг от друга разве что разрезом глаз.

— Прости меня, принц Корум, — мягко сказала леди Джейн. — Я не забыла, что ты — вадаг, но слово "эльф" слишком сладостно для моего слуха, так же как древняя речь, которую я не слышала уже много лет.

— Называй меня, как тебе больше нравится, — учтиво сказал Корум. — Ты не только спасла мне жизнь, но и сохранила спокойствие моего ума. Скажи, откуда ты знаешь вадагский язык?

— Я с удовольствием расскажу историю своей жизни, но сначала вам необходимо подкрепиться. У эльфов изысканный вкус, и поэтому я постараюсь приготовить пищу понежнее.

Корум и Джерри уселись за стол и принялись за еду, вкуснее которой вадагский принц не ел уже много дней. Леди Джейн Пентальон начала говорить, и голос ее звучал словно издалека.

— Мне было семнадцать, когда я осталась совсем одна. Отец мой погиб на войне, а мать и младший брат поехали навестить тетю, заразились чумой и умерли. Тогда я не понимала, что лучший способ утешиться, это — поделиться своей печалью с людьми. Я замкнулась в себе, привыкла к мысли, что у меня не осталось родных и близких. Мне очень нравилось читать романы, и я поочередно представляла себя то Гвиневерой, то Изольдой. Слуги (те самые, которые вас встретили) в те дни выглядели немного моложе, чем сейчас. Они беспрекословно подчинялись мне, не вмешивались в мои дела, а я все больше и больше погружалась в мечты и все меньше и меньше думала об окружающем мире, из которого к тому же почти не получала известий. Однажды в моем лесу появилось какое-то племя из Египта, и вождь попросил у меня разрешение разбить лагерь в лощине неподалеку. Темные лица, сверкающие глаза... я пришла в восхищение от этих людей и решила, что они — хранители великих тайн, мудрецы под стать самому Мерлину. Сейчас я, конечно, понимаю, что многие из них были невеждами. Прошло несколько дней, и я подружилась с девушкой моего возраста, тоже сиротой. Она была брюнеткой, я — блондинкой, обе мы отличались незаурядной красотой и пышными формами, а так как в то время я страдала от любви к самой себе (дурная черта моего характера), то предложила египтянке пожить в моем доме. Племя отправилось в дальнейший путь (надо ли мне говорить,

что они увели почти весь наш домашний скот?), а Айреда осталась со мной. С жадностью слушала я рассказы о колдунах, которые могут перенести девушку в волшебный мир, где живут полубоги, готовые выполнить малейшее ее желание. Теперь я понимаю, что Айреда приукрашала многое из того, что когда-то рассказывали ей отец с матерью, но в основном она говорила правду. Моя подружка знала заклинания, которые могли призвать духов из другого мира, но боялась произнести их, как я ни умоляла ее вызвать нам по сказочному принцу, чтобы они стали нашими возлюбленными. Так прошел год, в течение которого мы говорили только о волшебстве, о демонах, о богах... и в конце концов Айреда уступила моим настойчивым просьбам.

Леди Джейн Пентальон протянула Коруму блюдце с дольками апельсина. Вадагский принц взял его и кивнул.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил он.

— Я выведала у Айреды, какие символы надо начертить на полу, в каком порядке расположить драгоценные камни, как расставлять свечи... и тому подобное. Она не сказала мне только слова заклинаний и не показала знаки, которыми необходимо сопровождать их, водя в воздухе хрустальным ножом. Я сделала все необходимые приготовления, собрала благовонные травы и попросила Айреду вызвать одного из друидов, населявших нашу страну еще до появления христиан. Она немедленно согласилась — к тому времени египтянка стала такой же ненормальной, как и я. Для исполнении ритуала мы выбрали канун Дня Всех Святых, хотя сейчас я думаю, это не имело значения. То, чего мы хотели, свершилось...

Джерри-ан-Конель откинулся на спинку кресла, не спуская глаз с леди Джейн. Вечный странник ел яблоко.

— Вам удалось вызвать какого-нибудь демона? — поинтересовался он.

— Демона? Нет, конечно, хотя сначала мы не могли считать ни кем иным существо с раскосыми глазами, ушами без мочек и лицом, похожим на твое, принц Корум. Помню, я очень испугалась, глядя, как странный человек стоит в центре магического круга,

трясет кулаками и изрыгает проклятья на языке, которого я тогда еще не знала. Не хочу утомлять вас, поэтому просто скажу, что бедный "демон" оказался эльфом — или вадагом, — мечтавшем только об одном: вернуться на родину.

Леди Джейн умолкла, и Корум увидел, что в глазах ее стоят слезы.

— Вы отправили его обратно? — мягко спросил он.

Она покачала головой.

— Нет. Айреда умела только вызывать духов. Когда первое наше изумление прошло (по правде говоря, нам не верилось, что наша затея увенчается успехом), мы увидели, насколько беспомощен чужеземец, и, чувствуя свою вину перед ним, постарались устроить его со всевозможными удобствами. Постепенно он выучил наш язык, а мы — вадагский. Нам казалось, что Гирен необычайно мудр, хотя он утверждал, что в своей стране был простым солдатом, а не ученым и не волшебником. Мы восхищались такой скромностью и не скрывали этого. По-моему, ему льстило наше отношение, и тем не менее он денно и нощно умолял нас вернуть его домой.

Корум улыбнулся:

— Представляю, что я испытал бы, если б две молодые девушки лишили бы меня всего, что я знал и любил, а затем сказали бы, что просто решили поиграть и не знают, как вернуть меня обратно.

Леди Джейн улыбнулась в ответ.

— Ты прав. Но Гирен смирился с тем, что произошло. Мы полюбили друг друга и были счастливы. Увы! Я не учла, что Айреда тоже влюбилась в чужестранца! — Она вздохнула. — Мечтая сыграть роль Гвиневеры или Изольды, я совсем позабыла об их печальной судьбе. Ревность овладела египтянкой со страшной силой; сначала она возненавидела меня, потом Гирена. Айреда знала, что у моего возлюбленного есть враги, и решила во что бы то ни стало вызвать их с помощью страшных заклинаний, которые когда-то поведала ей мать.

— И она преуспела?

— Да. Однажды ночью в дом вошли три неуклюжих существа с мощными фигурами и уродливыми лицами. Первой жертвой троллей (так называют их в нашей стране) стала Айреда, потому что они ненавидят людей так же сильно, как эльфов.

— Айреду убили?

— Да. Мне не удалось спасти ее от тяжелых ран. Но перед смертью она рассказала мне о своем поступке и попросила у меня прощенья...

— А Гирен?

— Он пришел в наш мир безоружным и не захотел обзавестись даже мечом, полагая, что у меня ему ничего не грозит.

— Он погиб?

— Гирен услышал шум, выскочил из комнаты и поспешил на помощь Айреде. Его разрубили на куски. — Леди Джейн махнула рукой. По щекам ее бежали слезы. — Они убили мою любовь, моего эльфа... — Она опустила голову.

Корум встал с кресла и подошел к старой прекрасной леди Пентальон, которую ему очень хотелось утешить. Она сжала руку вадагского принца, вновь заговорила:

— Тролли... убежали. Мне кажется, они испугались, когда поняли, что попали в чуждый им мир.

— И ты не знаешь, какова их дальнейшая судьба? — спросил Джерри.

— Несколькими годами позже я слышала, что звери, напоминающие внешним обликом людей, терроризировали провинцию Эксмур. Двоих удалось схватить, после чего им пронзили сердца серебряными кинжалами, считая, что они — дьявольские отродья. О третьем тролле мне ничего неизвестно. Возможно, он по сей день живет в каком-нибудь уединенном месте, не понимая, что с ним произошло. Я даже испытываю к нему нечто вроде жалости...

— Не печальтесь, миледи, и давайте больше не говорить на эту тему, — предложил Корум.

— С тех пор, — продолжала леди Джейн, с благодарностью взглянув на него, — я посвятила себя изучению магии и тайн природы. Кое-что я узнала от Гирена, а после его смерти много читала и встре-

чалась с колдунами, волшебницами, мистиками. Сначала я мечтала отправиться в то пространство-время, откуда был родом мой возлюбленный, но вскоре поняла, что Измерения перемещаются подобно планетам и отыскать среди них одно-единственное практически невозможно. Сейчас я могу заглянуть в будущее и прошлое, созерцать иные миры... — Она вопросительно посмотрела на Корума, и вадагский принц кивнул.

— Да, вадаги тоже обладают вторым зрением, но в последнее время они утратили способность путешествовать по Измерениям и способны лишь изредка наблюдать за происходящими там событиями.

Леди Джейн покачала головой:

— Я не могу объяснить, почему так произошло.

— А произошло это по одной из двух причин, — поучительно сказал Джерри. — Либо Боги обессилели, либо ослабла наша в них вера.

— Значит, ты — ясновидящая, и поэтому знала, что мы придем к тебе? — спросил Корум у леди Пентальон.

— Да.

— И ты действительно можешь нам помочь?

— Я знаю того, кто укажет вам путь.

— Колдун?

— В некотором роде. Он, как и вы, мечтает вернуться в свой мир. Ему ничего не стоит переместиться во времени на несколько веков в прошлое или будущее, но он хочет попасть на несколько тысячелетий назад, а сделать это не в его силах.

— Уж не Болорьяга ли ты имеешь в виду? — внезапно спросил вечный странник. — Такого смешного старичка с иссохшей ногой?

— Описание сходится, но мы зовем его Монахом. Он все время носит рясу, утверждая, что это — лучшая защита от людей в тех временах, где он путешествует.

— Это — Болорьяг! — воскликнул Джерри. — Один из Потерянных Людей, которые разбросаны по множественной Вселенной. Среди них есть и жертвы обстоятельств, и искатели истины (называйте их, как хотите: волшебниками, учеными, экспериментато-

рами), такие, как Болорьяг, разобравшиеся до определенной степени в сущности пространства-времени, но не умеющие его контролировать. К Потерянным Людям отношусь и я, чувствующий себя на любом Измерении, как дома, и ты, Корум, обреченный от инкарнации к инкарнации сражаться либо на стороне Закона, либо на стороне Хаоса. А доля твоя и таких, как ты, леди Джейн, оказывать помощь героям, в то время как злые силы стремятся их уничтожить. Миллиарды существ, миллиарды существований — я не вижу в них смысла. Впрочем, оно и к лучшему...

Леди Джейн согласно кивнула.

— Ты прав, сэр Джерри. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь, в чем смысл жизни. Однако сейчас не до философских рассуждений. Я вызвала Монаха и думаю, он придет, что, кстати, бывает далеко не всегда. Тем временем я хочу сделать тебе подарок, принц Корум, — надеюсь, ты сумеешь им распорядиться. Я чувствую, во множественной Вселенной скоро произойдет важнейшее событие: на мгновение все времена и Измерения сольются воедино. Эта информация — первая часть моего подарка. Вторая часть... — Она сняла с шеи цепочку, на которой висел нож, переливающийся всеми цветами радуги, вырезанный из цельного хрусталя.

У Корума перехватило дыхание.

— Неужели?.. — спросил он и умолк, не в силах вымолвить ни слова.

— Да. Айреда никогда не перенесла бы Гирена в наш мир, если бы у нее не было этого ножа. Он выручит тебя в трудную минуту, призовет на помощь твоего брата.

— Но у меня нет...

— Так мне было открыто, — торжественно произнесла леди Джейн. — Больше я ничего не могу тебе рассказать. Прошу тебя, прими мой подарок.

Корум надел цепочку на шею:

— Благодарю тебя от всей души.

— Монах объяснит, где и как ты должен будешь воспользоваться этим талисманом. А сейчас тебе и

твоему другу необходимо отдохнуть с дороги. Надеюсь, вы согласитесь погостить в моем доме?

— Это — большая честь для нас, — учтиво ответил Корум. — Но сначала скажи, не слышала ли ты что-нибудь о Ралине Алломглильской, моей жене, с которой меня разлучила судьба? Я боюсь, жизнь ее в опасности.

Леди Джейн нахмурилась:

— Что-то почудилось мне в ту минуту, когда ты заговорил об этой женщине. По-моему, ты соединишься с ней, если выполнишь задуманное, найдешь то, что ищешь. В противном случае вы никогда больше не увидитесь.

Корум угрюмо улыбнулся.

— Я выполню задуманное, — сказал он.

глава шестая

ПО МОРЯМ ВРЕМЕНИ

Прошло три дня, и ожидание показалось бы Коруму невыносимым, если бы леди Джейн не развлекала его рассказами о мире, в котором она жила. Многое показалось вадагскому принцу странным, но по крайней мере он понял, почему в городе к нему отнеслись с подозрением и ненавистью. Мабдены, живущие на этом Измерении, не желали, чтобы спокойствие их душ нарушали деяния богов, демонов или героев, которых они не понимали и боялись. О Космическом Равновесии у них сохранились весьма смутные воспоминания, о борьбе между Законом и Хаосом изредка и в завуалированной форме упоминалось в некоторых легендах. И, как сказал Корум леди Джейн, страх перед непонятными явлениями, порожденный невежеством, мешал людям обрести то спокойствие, к которому они так стремились, и заставил их выдумать себе какого-то Бога, находившегося неизвестно где.

Вечером третьего дня запыхавшийся слуга подбежал к леди Джейн, разговаривавшей с Корумом и Джерри-ан-Конелем на лужайке у дома. Возбужденно выкрикивая какие-то отрывистые фразы, он все время указывал рукой на лес.

— Оказывается, вас все еще разыскивают, — сказала леди Джейн, внимательно выслушав старика. — Я велела выпустить ваших лошадей на расстоянии двух дней пути, но солдаты видимо заподозрили, что я скрываю беглецов-безбожников, ведь обо мне идет слава, как о ведьме! — Она улыбнулась. — Я заслу-

живаю этого прозвища куда больше, чем те бедняжки, которых изредка ловят и сжигают на кострах.

— Нас могут найти?

— Я вас спрячу. Вы не первые, кого мне приходится спасать от гнева фанатиков. Старый Кэн вас проводит.

Она что-то сказала слуге, и тот ухмыльнулся и радостно кивнул.

Корум и Джерри последовали за ним на чердак, где слуга отодвинул фальшивую стену и жестом пригласил их пройти в крохотную комнатку. Несмотря на духоту и темноту, здесь можно было даже прилечь на пол, чтобы отдохнуть.

Чуть позже послышались стук сапог, скрип ступенек. Два друга прижались спинами к фальшивой стене, так что солдаты, ее выстукивавшие, не заметили ничего подозрительного. Они переговаривались хриплыми усталыми голосами, словно не прекращали поиски с тех самых пор, как Корум и Джерри бежали из города.

Шаги удалились, голоса затихли в отдаленье... Звон упряжи, стук копыт по гравию... Тишина.

Фальшивая стена отъехала в сторону, и Кэн, широко улыбаясь, подмигнул вадагскому принцу. Корум выбрался из тайника, отряхивая алую мантию от пыли. Джерри погладил взъерошенного Базилия, почесал его за ухом и что-то сказал слуге. Старик расхохотался.

Леди Джейн, встретившая их внизу, выглядела озабоченной.

— Я думаю, солдаты вернутся, — сказала она. — Они заметили, что мы давно не посещали нашу часовню.

— Что такое часовня? — недоуменно спросил Корум.

— Место, где надо молиться, если ты не ходишь в церковь. Есть законы, которые нельзя нарушать.

— Какие странные законы. — Вадагский принц покачал головой. — Я, наверное, никогда не пойму, как устроен ваш мир.

— Если Монах не явится в ближайшие сутки, вам придется покинуть мой дом и искать другое убе-

жище. А пока что я послала за своим другом-священником. Когда солдаты явятся сюда во второй раз, они увидят очень набожную старую леди.

— Я совсем не хочу, чтобы ты пострадала из-за нас, — тревожно сказал Корум.

— Успокойся. У святых отцов нет доказательств моей вины. А когда вас перестанут искать, обо мне попросту забудут.

— Дай Бог, чтобы ты оказалась права.

В ту ночь Корум рано лег спать — он чувствовал себя усталым и разбитым. Довольно долго он ворочался в постели, беспокоясь за леди Джейн, и заснул только около полуночи, а примерно через час его разбудил Джерри.

Щеголь был одет по-дорожному, в неизменной шляпе набекрень. На плече у него сидел кот.

— Самое время, — весело сказал он, — отправиться в путешествие во времени.

Корум протер глаза, ничего не соображая спросонок, и недоуменно посмотрел на вечного странника.

— Болорьяг здесь, — все так же беззаботно сообщил Джерри.

Корум вскочил на ноги:

— Подожди минутку. Сейчас оденусь.

Спустившись вниз, два друга увидели леди Джейн, закутанную в черный плащ. Распущенные волосы белым шелком струились по ее спине. Рядом стоял невысокий старичок с очень умным, благородным лицом и огромной по сравнению с тщедушным телом (худобу которого не могли скрыть даже монашеские одеяния) головой. Бросив на Джерри недобрый взгляд, он сказал высоким голосом:

— Я тебя знаю, Темерас. Ты — подлец.

— В этом обличье я не Темерас. Меня зовут Джерри-ан-Конель.

— Все равно ты — подлец. Мне ненавистно даже говорить с тобой на одном языке, и делаю я это только ради прекрасной дамы, здесь присутствующей.

— Дурачки! — рассмеялась леди Джейн. — Так

я вам и поверила! Сразу видно, что вы обожаете друг друга!

— Я окажу ему услугу только ради тебя, — упрямо заявил Болорьяг. — К тому же я надеюсь, в один прекрасный день он сознается, что может помочь мне.

— Я тебе не раз говорил, что много знаю и ничего не умею. Я помог бы тебе, если б мог, но в голове моей сплошная путаница, обрывки воспоминаний тысячи жизней. Ты должен посочувствовать такому калеке, как я.

— Ха! — Болорьяг повернул голову и уставился на Корума сверкающими голубыми глазами. — Еще один подлец? С удовольствием увезу вас отсюда, чтобы вы перестали надоедать леди Джейн. У нее слишком доброе сердце. И зарубите себе на носу, молодые люди, я выполняю просьбу прекрасной дамы, а вам никаких одолжений не делаю.

Вадагский принц поклонился:

— Я благодарю тебя, рыцарь.

— Тогда поспешим. Ветер времени может утихнуть, прежде чем я успею проложить курс.

Корум подошел к леди Джейн Пентальон и нежно поцеловал ей руку.

— У меня нет слов, чтобы выразить благодарность за твое гостеприимство, твой бесценный подарок, твою доброту. Дай бог тебе счастья.

— Спасибо, Корум, — дрожащим голосом произнесла старая прекрасная леди и поцеловала его в лоб. — Прощай, мой эльф, мой сказочный принц...

Корум быстро отвернулся, делая вид, что не замечает, как по щекам ее катятся слезы.

На лужайке у дома стояло небольшое суденышко. В нем с комфортом мог расположиться один человек, но для троих оно было тесновато. Корпус его из неизвестного материала выглядел измятым и обшарпанным, словно суденышко побывало во многих штормах. На носу у него возвышалась мачта без паруса.

— Присаживайтесь, — буркнул Болорьяг, указы-

вая на скамейку, перед которой на стержне, вделанном в днище, вертелся небольшой шар.

Корум и Джерри сели по краям, Болорьяг — между ними. Он поднял руку, прощаясь с леди Джейн, стоящей в дверях, и обхватил шар ладонями.

По мачте заструился свет, постепенно приобретший форму треугольного паруса, полоскавшегося на ветру (которого не было и в помине). Болорьяг что-то пробормотал себе под нос, и маленький кораблик задрожал, хотя и остался стоять на месте.

Дом в лесу сверкал огнями, которые внезапно погасли. Стоял день. Солдаты, искавшие беглецов накануне, садились в седла. Резко стемнело. Кораблик разворачивался, покачиваясь из стороны в сторону; мачта скрипела.

— Что происходит? — вскричал Корум.

— Чего хотели, того и добились, — проворчал Болорьяг. — Наслаждайтесь теперь путешествием по морям времени.

Их окружали серые облака. Парус надулся, кораблик двигался все быстрее и быстрее, а его изобретатель в монашеской рясе продолжал бормотать нечто невразумительное.

Облака меняли цвет, становясь зелеными, голубыми, коричневыми. Иногда Коруму трудно было дышать, но это продолжалось недолго. Болорьяг и Джерри сидели совершенно спокойно. Базилий мяукнул раза два и тесно прижался к своему хозяину.

Внезапно парус обвис, начал терять очертания. Болорьяг выругался и со всей силы крутанул шар. Суденышко рванулось вперед, и Корум с трудом удержал тошноту, подкатившую к горлу.

Болорьяг удовлетворенно хмыкнул.

— Чуть было не потеряли ветер, — добродушно сказал он. — Когда попадаешь в штиль, с ума можно сойти от тоски. К тому же это чертовски опасно — того и гляди пройдешь сквозь твердое тело! — Он радостно захихикал и ткнул вечного странника локтем в бок. — Ага, Темерас, подлец, и тебя проняло? Чего ты так побледнел?

— Сколько времени продлится наше путешествие? — недовольно спросил Джерри.

— Сколько времени? — Болорьяг погладил шар. — Что за идиотский вопрос? Кому-кому, а тебе не следовало бы его задавать.

— Кому-кому, а мне не следовало выбирать тебя в провожатые. Я сильно подозреваю, что ты впал в маразм.

Старичок злорадно ухмыльнулся, явно наслаждаясь недовольством своего старого знакомого.

— Что тут удивительного? Мне несколько тысяч лет. — Он схватился за шар, и скорость кораблика резко возросла. Крутой поворот! — заорал Болорьяг. — Вперед, ребята! Скоро бросим якорь!

Их закружило, словно в водовороте. Треугольный парус обвис и пропал. Серые облака стали прозрачными. Суденышко стояло на каменистом плато; далеко внизу зеленела долина.

Увидев выражение лиц Джерри и Корума, Болорьяг усмехнулся.

— У меня мало удовольствий в жизни, — сказал он, — и одно из них — пугать пассажиров. Не думайте, что я сошел с ума, друзья мои. Мне грустно, одиноко и не от кого ждать помощи.

глава седьмая

СТРАНА ВЫСОКИХ КАМНЕЙ

Корум и Джерри с трудом вылезли из крошечного кораблика. Вадагский принц огляделся и увидел в отдаленье высокие разноцветные камни, стоявшие группами и поодиночке. Казалось, они были расставлены кем-то в определенном порядке.

— Как странно, — пробормотал Корум.

— Жители этой страны выращивают камни специально, — пояснил Болорьяг.

— Зачем?

— Чтобы провести время в занятиях искусством, которое, с их точки зрения, не хуже и не лучше других искусств. С той же целью они роют глубокие ямы.

— Понятно, — несколько неуверенно произнес вадагский принц. — Скажи, рыцарь Болорьяг, а почему ты высадил нас именно здесь?

— Временные координаты Страны Камней и Пятнадцати Измерений совпадают. Скоро произойдет Слияние Миллиона Сфер, и вам лучше всего находиться в своем столетии. К тому же сюда часто прилетает Башня, которую многие называют Исчезающей. Она с легкостью преодолевает барьеры между Измерениями. Впрочем, твой друг, Темерас, сможет рассказать тебе о ней больше, чем я.

Джерри кивнул:

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Болорьяг. Но это опасно. Войти в Исчезающую Башню нетрудно, но и покинуть ее практически невозможно. Ты ведь знаешь...

— У нас нет другого выхода, по крайней мере мне

он не ведом. Если вы хотите вернуться на свое Измерение, необходимо рискнуть.

Джерри пожал плечами:

— Тебе виднее.

Болорьяг протянул вечному страннику свернутый в трубку пергамент.

— Возьми карту. Правда, она довольно примитивная, так как я никогда не интересовался географией, но на ней указано место, где появляется Исчезающая Башня.

— Мы оба очень признательны тебе, рыцарь Болорьяг, — вежливо сказал Корум.

— Оставьте свою признательность при себе. Но если вы когда-нибудь узнаете, почему я сначала с легкостью попал сюда, преодолев барьер между тысячелетиями, а сейчас никак не могу вернуться, и если ты, Темерас, скажешь мне об этом при нашей следующей встрече, я буду считать, что мы квиты.

— Я запомню твою просьбу, Болорьяг.

— Тогда прощайте. — Он склонился над шаром, и на мачте вновь появился треугольный парус, наполнившийся невидимым ветром. Кораблик и его рулевой растаяли в воздухе.

Корум задумчиво уставился на высокие разноцветные камни, а Джерри тем временем развернул карту.

— Нам надо спуститься в долину, — сказал он. — Пойдем, Корум, не будем терять времени.

Они тронулись в путь, но буквально через минуту их окликнул сверху высокий голос. Два друга в изумлении подняли головы и увидели, что за ними, ковыляя, бежит Болорьяг.

— Корум! Темерас, или как тебя там! Подождите!

— Что случилось? — спросил вечный странник.

— Я забыл сказать тебе одну вещь, принц Корум. Если в течение завтрашнего — и только завтрашнего — дня ты попадешь в безвыходное положение, иди туда, где разразится гроза в тиши. Ты меня понял?

— Гроза в тиши? Это еще что...

— Мне некогда вдаваться в подробности — ветер времени может перемениться в любую минуту. Вой-

дешь в центр грозы, вытащишь хрустальный нож, который дала тебе леди Джейн. Когда в него ударит молния, громко позови Эльрика из Мельнибонэ; потребуй, чтобы Трое соединились в Одном. Третий — герой со многими именами — присоединится к вам позже.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Джерри, держась за выступ скалы и стараясь не смотреть вниз.

— Тебе не все равно? Запомни, что я сказал, принц Корум. Гроза — нож — слова. Не перепутай!

Корум, не особенно поверивший в то, что услышал от беспокойного старичка, но не желая обижать его, крикнул в ответ:

— Не беспокойся! Я не забуду!

— Вот и прекрасно. Прощайте еще раз! — Болорьяг поднялся на каменистое плато и исчез.

Спустившись в долину, Джерри и Корум в изнеможении растянулись на мягкой траве. Они лежали не шевелясь, глядя на серое небо.

Корум первым нарушил молчание.

— Ты можешь объяснить, что имел в виду Болорьяг? — спросил он.

Вечный странник покачал головой:

— Трое в Одном. Звучит зловеще. В особенности, когда я вспоминаю о том, что мы видели в мире забвенья.

— Ты считаешь, между теми картинами и словами Болорьяга есть связь?

— Сам не знаю. Ничего путного мне в голову не приходит. Давай не говорить на эту тему. Наша задача — найти Исчезающую Башню.

— Скажи, что она собой представляет?

— Бывший замок, который по просьбе рыцаря, его владельца, Повелители Закона перенесли на другое Измерение. Он стоял на одном из Пяти Измерений в Дарквелльской долине, что лежит неподалеку от Балвин Мура, где в те дни шла битва между Законом и Хаосом. Сила была на стороне последнего, и Повелители Мечей прокляли замок, объявив, что от-

ныне он обречен каждые несколько минут перемещаться из одного мира в другой. Рыцарь вскоре сошел с ума и умер, а замок стали называть Исчезающей Башней после того, как в нем поселился Войлодьон Гагнасдиак.

— Кто он такой?

— Пренеприятнейшая личность. Сам Войлодьон никуда не выходит, боясь, что башня за время его отсутствия исчезнет. Но зато он заманивает к себе ничего не подозревающих путешественников, держит их в плену, пока они ему не наскучат, а затем убивает.

— Значит нам придется драться?

— Вот именно.

— Не страшно. Нас двое, и мы хорошо вооружены.

— Войлодьон Гагнасдиак — могущественный волшебник.

— Тогда мы погибли. Рука Кулла и глаз Ринна больше не повинуются мне.

Джерри пожал плечами и погладил Базилия.

— Я с самого начала говорил, что это — рискованное предприятие. Но, как справедливо заметил Болорьяг, у нас нет выхода. Ведь наша цель — найти Танелорн. А сейчас мы ближе к нему, чем когда бы то ни было.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю. Знаю, и все.

Корум вздохнул:

— Как я устал от вечных недомолвок, загадок, волшебства. Я — простой...

— Можешь не продолжать, я тебя не пожалею. Нам надо спешить. Если верить карте Болорьяга, идти надо вон в том направлении.

Примерно две мили они шли по крутому берегу бурной реки, текущей по долине, а затем, увидев брод, спустились к воде. Джерри указал на небольшой островок в том месте, где река разветвлялась на два рукава.

— Если Исчезающая Башня появится, то только здесь.

— Долго придется ждать?

— Понятия не имею. Но на островке наверняка водится дичь, а в реке полно рыбы. С голоду мы не умрем.

— Я все время думаю о Ралине, Джерри. Где она? Какая судьба постигла жителей Бро-ан-Вадага и Лайвм-ан-Эша? Мы должны им помочь.

— Исчезающая Башня — наш единственный шанс вернуться на Пятнадцать Измерений. А следовательно, придется запастись терпением.

Корум пожал плечами и пошел по мелководью к острову.

Внезапно Джерри оттолкнул вадагского принца и сломя голову побежал к невысокому каменному замку, появившемуся среди деревьев.

— Скоро мы увидим Танелорн! — радостно вскричал он, забираясь на островок и продираясь сквозь кусты. — Поспеши, Корум!

Принц в Алой Мантии вспомнил о Войлодьоне Гагнасдиаке и невольно замедлил шаг. В это время Джерри с Базилием на плече вошел в открытую дверь Башни.

Позабыв об осторожности, Корум бросился вперед, но дверь захлопнулась перед его носом и не желала открываться, сколько он ни дергал за ручку и ни колотил по деревянной панели эфесом шпаги.

Изнутри Джерри кричал:

— Сделай так, чтобы Трое соединились в Одном, Корум! Иначе мы погибли!

В Башне кто-то захихикал.

— Открой! — взревел вадагский принц. — Будь ты проклят! Немедленно открой!

Хихиканье перешло в смех, который становился все громче и громче, заглушая голос вечного странника. Затем невидимый хозяин замка дружелюбно произнес басом:

— Войлодьон Гагнасдиак приветствует тебя в своей скромной обители. Ты будешь моим почетным гостем.

Внезапно лес, окружавший Башню, исчез. Вадагский принц, вцепившись в ручку двери, почувствовал, что у него заломило зубы. Тошнота подкатила к его горлу, судороги сотрясли тело.

Рука Корума разжалась...

Он падал бесконечно долго и упал в болото. Стояла ночь. Где-то кричала выпь.

глава восьмая

ГРОЗА В ТИШИ

Разгоралась заря, а Корум все еще шел, с трудом передвигая ноги, не понимая, куда он попал. Болото окружало его со всех сторон; болотные птицы стаями поднимались в небо; болотные гады ползали по кочкам; болотные зверюшки сновали взад и вперед в поисках корма.

Вадагский принц бесцельно шагал, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть, чувствуя себя полностью опустошенным. Он потерял Ралину, расстался с Джерри — единственным человеком, который знал, где находится Танелорн. Теперь Хаос восторжествует; Гландит-а-Край захватит Бро-ан-Вадаг и Лайвман-Эш.

Жизнь потеряла всякий смысл.

— Все потеряно, — шептал Корум онемевшими от холода губами. — Все потеряно.

Болотные птицы кричали и хлопали крыльями. Болотные зверюшки шуршали в камышах.

Быть может, весь этот мир состоял из одного болота?

Корум уселся на кочку, глядя на необъятное небо, на облака, окрашенные восходящим солнцем. Над болотом поднимался туман. Стало жарко.

Вадагский принц, с головы до ног перепачканный болотной жижей, сполоснул лицо затхлой водой. Он с трудом поборол в себе искушение избавиться от кольчуги и наголенников.

Парило все сильнее. Кое-где болото пузырилось. От душного влажного воздуха ломило виски, слипались веки.

И показалось Коруму, что в тумане неясно вырисовывается фигура гиганта, тащившего за собой что-то тяжелое.

Голова Принца в Алой Мантии упала на грудь. Неожиданно он понял, что болото выделяет какой-то газ, от которого можно уснуть и не проснуться.

Корум попытался протереть глаза и чуть было не залепил их грязью. Внезапно кочка закачалась, и он повернулся.

Туман сзади сгустился, поднимаясь выше облаков, приобрел странные очертания. Гигантская сеть упала на Принца в Алой Мантии, сковав по рукам и ногам. Он попытался освободиться, но его потащили наверх, а рядом с ним бились и барахтались птицы, звери, гады. Жара сменилась нестерпимым холодом. Стало темно, как ночью.

Корум упал, промок до нитки, громко выругался. Он вновь был свободен и стоял по пояс в воде, чувствуя под ногами мягкий песок. С трудом выбравшись на берег, вадагский принц свалился, как подкошенный.

Он никак не мог заставить себя поверить в то, что произошло. В третий раз судьба столкнула его с Блуждающим Богом, благодаря которому он вначале оказался в стране Рага-да-Кета, потом познакомился с Джерри-ан-Конелем, а сейчас попал в очередной неизвестный ему мир.

Впрочем, здесь было лучше, чем на болоте.

Корум тяжело вздохнул, поднялся на ноги и увидел перед собой старуху с морщинистым чопорным лицом. Она обеими руками выжимала свой чепчик.

— Кто ты, бабушка? — спросил вадагский принц.

— А ты кто, молодой человек? Я шла по пляжу, никого не трогала и вдруг ужасная волна промочила меня насквозь. Сознавайся, это твоих рук дело?

— Что ты! Конечно, нет!

— Должно быть, ты — моряк, потерпевший кораблекрушение. Верно?

— Угадала, бабушка, — согласился Корум. — Скажи, куда я попал?

— Ты находишься недалеко от рыболовецкого

порта, который называется Китай-город. За ним расположен Балвин Мур, а дальше...

— ...лежит Даркве́лльская долина, — подхватил Корум.

Старушка поджала губы:

— Правильно. Но в тех краях давно никто не живет. Мы туда не ходим.

— А Исчезающая Башня там появляется?

— Всякое говорят...

— Скажи, смогу я купить лошадь в Китай-городе?

— Почему же нет? Коневоды Балвин Мура славятся по всей стране и часто продают коней в нашем порту. Правда, сейчас они появляются реже, чем раньше, — ведь идет война.

— Вот как? Кто с кем сражается?

— Трудно сказать. Какие-то морские чудища нападают на наши рыболовецкие суда. У нас погибло больше половины мужчин, но в наших краях еще относительно спокойно.

— Значит, Хаос вернулся, — прошептал Корум и громко добавил: — Ты должна помочь мне, бабушка. Может, и я в свою очередь смогу когда-нибудь помочь вам избавиться от врагов.

Старуха проводила его до рыбацкого поселка, расположенного в красивой удобной гавани, где стояли баркасы со свернутыми парусами.

— Вот видишь, — сказала она. — Если рыбаки не выйдут в море, очень скоро мы будем голодать.

Корум кивнул и прикоснулся к ее плечу:

— Не отчаивайся. Быть может, все закончится благополучно. Пойдем, мне нужно купить лошадь.

Они вновь тронулись в путь и, обогнув скалу, очутились у конюшен на окраине города. Здесь Корум — сам не зная почему — купил у какого-то крестьянина не одного, а двух коней — белого и черного, а затем, простившись с доброй старушкой, поскакал по извилистой дороге, поднимавшейся в гору, по направлению к Даркве́лльской долине. Стоял теплый погожий день, и вадагскому принцу не хоте-

лось верить, что Хаос завоюет эту прекрасную страну, так похожую на его родину. Глядя на линию побережья, Коруму казалось, что он узнает знакомые места, которые он не раз посещал на Бро-ан-Вадаге.

Дорога, продолжая петлять, уходила в лесистую долину. На ветвях деревьев пели птицы, ласково пригревало солнышко. Тихий, мирный пейзаж успокаивал, убаюкивал, но Корум почему-то ощущал внутреннее беспокойство.

И внезапно он увидел над небольшой поляной черное облако, в котором полыхали молнии и грохотал гром.

Вадагский принц пришпорил коня, снял с шеи цепочку с хрустальным ножом, подаренным ему леди Джейн. С необычайной ясностью он вспомнил слова Болорьяга: "Иди туда, где разразится гроза в тиши. Войдешь в центр грозы, вытащишь хрустальный нож. Когда в него ударит молния, громко позови Эльрика из Мельнибонэ; потребуй, чтобы Трое соединились в Одном. Третий — герой со многими именами — присоединится к вам позже".

— Что ж, — пробормотал Корум. — Задача у меня нетрудная. И я с удовольствием обзаведусь могущественными союзниками, которые, быть может, помогут мне справиться с Войлодьоном Гагнасдиаком.

Он спешился и, чувствуя, как тело его наполняется энергией, остановился посередине поляны, держа нож перед собой. Молния, сверкнув, заструилась по хрустальному лезвию, и Корум тут же громко крикнул:

— Эльрик из Мельнибонэ! Я вызываю тебя! Эльрик из Мельнибонэ! Приди ко мне! Эльрик из Мельнибонэ! Ты должен явиться, чтобы Трое соединились в Одном!

Молния ужасающей силы ударила в хрустальный нож, и он разлетелся на тысячу осколков. Корума швырнуло на землю. Ураганный ветер пригнул к земле деревья. Гром гремел не умолкая.

Корум попытался встать на ноги, но упал, стукнувшись головой. Ветер утих, словно по волшебству. Ласково светило солнышко. В ветвях пели птицы.

— Гроза закончилась, — машинально сказал Ко-

рум, глядя на человека, лежащего рядом с ним на земле, — того самого, которого он, Ралина и Джерри видели на огнедышащем драконе в мире забвенья. — А ты — Эльрик из Мельнибонэ.

Альбинос поднялся на ноги. Казалось, в его глазах застыла вечная тоска. Он вежливо произнес:

— Я — принц Эльрик из Мельнибонэ. Могу ль я выразить тебе благодарность за то, что ты спас меня от созданий колдуна Телеба К'аарна?

Корум покачал головой. На Эльрике были черная шелковая рубашка, черные кожаные брюки, высокие черные сапоги. Его талию опоясывал черный пояс с черными ножнами, в которые он вложил тяжелый черный меч, испещренный рунами по всему клинку, от эфеса до острия. Молочно-белые волосы Эльрика струились за его спиной по тонкому белому плащу с капюшоном.

— Я действительно тебя вызвал, — сказал Корум, — но я не знаю никакого Телеба К'аарна. Мне было велено заручиться твоей помощью в определенном месте и в определенное время. Мое имя — Корум Джайлин Ирси — Принц в Алой Мантии, — и я путешествую по очень важному делу.

Эльрик нахмурился:

— Где мы находимся? Я никогда не видел таких странных деревьев.

— Подобно мне, ты попал в незнакомый мир. Я прошу тебя выступить на моей стороне против Хаоса. Двух Повелителей Мечей — Ариоха и Ксиомбарг — мне удалось изгнать из их владений, но третий...

Альбинос, скептически глядя на Корума, перебил его.

— Ты победил двух самых могущественных Повелителей Хаоса? Но не далее как месяц назад я беседовал с Ариохом. Он — мой покровитель.

Корум понял, что Эльрик незнаком с законами множественной Вселенной.

— Измерениям нет числа, — мягко сказал он. — В некоторых из них Повелители Мечей сильны, в других — слабы. Если верить тому, что я слышал, многие миры вообще обходятся без Богов. Я говорю правду: Ариох и Ксиомбарг изгнаны мною оконча-

тельно и бесповоротно. Сейчас нам угрожает самый страшный Повелитель Хаоса — король Мабельрод.

Альбинос нахмурился. На какое-то мгновение Корум испугался, что строптивый принц откажет ему в помощи.

— В моем... Измерении, как ты его называешь, Мабельрод не так могуществен, как Ксиомбарг, и уж, конечно, обладает силой во много раз меньшей, чем Ариох. Как странно. Все мои представления о...

— Я все тебе объясню! — воскликнул Корум. — Не знаю почему, но судьба обрекла меня избавить Пятнадцать Измерений Земли от владычества Хаоса. Я отправился на поиски Танелорна, где надеялся найти союзников, но мой проводник попал в плен, и прежде чем продолжить путь, я должен выручить его из беды. Мне было велено передать тебе, что... — Корум заколебался, так как Болорьяг не говорил ему ничего подобного. Тем не менее вадагский принц интуитивно чувствовал, что не врет. — Помогая мне, ты поможешь самому себе, а если я преуспею в своем начинании, твое желание исполнится.

— Кто тебе это сказал?

— Один мудрец.

Эльрик огляделся по сторонам и сел на ствол поваленного ураганным ветром дерева.

— В недобрый час ты вызвал меня, принц Корум, — со вздохом произнес он. — Я молюсь, чтобы твои слова сбылись. — Внезапно в красных глазах блеснула молния. — Скажи, как получилось, что мы разговариваем на одном языке?

— Насколько я понял, — вновь сказал Корум то, что казалось ему правдой, — мы — части одного целого. И не расспрашивай меня, принц Эльрик, потому что я знаю не больше твоего.

— Может быть, я сплю. Может быть, я покончил с собой или Телеб К'аарна похитил мою душу. В любом случае я обязан оказать тебе помощь в надежде, что мое желание исполнится. — Альбинос пытливо посмотрел на Корума.

Они вскочили на коней и поскакали по дороге.

— Ты ищешь Танелорн, — сказал Эльрик, — а ведь я попал сюда именно из этого города.

Корум был поражен:

— Ты знаешь, где Танелорн?!

— Конечно. В моем мире. С чего ты взял, что он находится здесь?

— Танелорн существует на каждом из Измерений. Вечный город — один, но он отбрасывает бесконечное количество отражений.

Они разговаривали, не замедляя бега коней, и Коруму с трудом верилось в то, что происходит, а Эльрику казалось, что он спит. Альбинос несколько раз щипал себя за щеку и при этом украдкой смотрел на Корума, словно ожидая, что тот исчезнет. Вадагский принц сделал вид, что ничего не замечает, и после довольно продолжительного молчания Эльрик из Мельнибонэ спросил:

— Значит, наша задача — спасти твоего проводника?

Чуть поколебавшись, Корум ответил:

— Да. Но сначала к нам должен присоединиться еще один человек — герой со многими именами.

— И ты тоже собираешься вызвать его с помощью волшебства?

— Нет. Он сам вынужден будет прийти к нам, где бы ни находился, чтобы Трое соединились в Одном.

— Что означает эта фраза? Как понять "Трое в Одном"?

— Я уже говорил, что знаю не больше твоего, принц Эльрик. Но мне кажется, что только втроем нам удастся освободить моего проводника и друга, попавшего в плен.

Они миновали лесистую долину, и вскоре впереди показался Балвин Мур, окруженный с одной стороны горами, а с другой — морем. Скалы величаво поднимались в небо, волны мерно плескали, и в душе Корума воцарился покой. Он не хотел верить, что эту страну в любую минуту может поглотить Хаос.

— Какая интересная у тебя боевая перчатка, — заметил Эльрик.

Вадагский принц рассмеялся.

— Почти то же самое думал ученый, считавший,

что у меня протез. Эта рука, друг Эльрик, принадлежала одному из двух Богов, правивших Вселенной в незапамятные времена, а затем загадочно исчезнувших. Когда-то она с помощью глаза, который мог смотреть в потусторонний мир, уничтожала моих врагов. По неизвестным мне причинам я не имею сейчас возможности воспользоваться этой силой.

— Ты — великий колдун, равного которому я не встречал.

Корум вновь рассмеялся.

— Никакой я не колдун. Просто тебе непонятно, о чем я говорю. Окажись я в твоем мире, мне тоже многое показалось бы странным и загадочным. И тем не менее судьбы наши схожи, Эльрик из Мельнибонэ. Оба мы обречены играть решающую роль в вечной битве между Законом и Хаосом, хотя и не понимаем, кому нужна эта битва и почему она вечная. Мы сражаемся, переживаем, терпим физические и душевные муки, но оправданы ли наши страдания? Боюсь, ни ты, ни я не сможем ответить на этот вопрос.

Эльрик кивнул:

— Ты прав. У нас с тобой действительно много общего, Корум.

Вадагский принц поднял голову и увидел на дороге всадника, неподвижно сидевшего в седле. Казалось, он поджидает кого-то.

— Наверное, это — тот, третий, о котором говорил Болорьяг, — сказал Принц в Алой Мантии.

Они подскакали к незнакомцу и остановились.

У всадника на чалой кобыле, одетого во все черное, были приятные черты лица и очень грустные глаза. На большой голове красовался шлем с поднятым забралом, изображающим морду рычащего медведя. На черном поясе висел тяжелый меч в черных ножнах, такой же, как у Эльрика.

Незнакомец не обрадовался встрече с двумя путешественниками. Скорее, наоборот, он пришел в ужас и вскричал хриплым голосом:

— Я вас знаю! Я знаю вас обоих!

Корум никогда не видел этого человека раньше, и тем не менее в душе его ожили какие-то смутные воспоминания.

— Как ты очутился в Балвин Муре, друг? — спросил он.

Воин в черном облизнул пересохшие губы, окинул вадагского принца безумным взглядом.

— Балвин Мур? Это — Балвин Мур? Я попал сюда несколько секунд назад, а до этого я... я... О, боже! Вновь память отказывается служить мне! — Он закрыл лицо руками. — Имя! Другое имя! Не надо, прошу вас, не надо! Эльрик! Корум! Но ведь я сейчас...

— Откуда ты знаешь, как нас зовут? — спросил пораженный Эльрик.

— Неужели ты не понимаешь? Я — Эльрик. Я — Корум... О-о-о-о, что за смертная мука! Я был или буду Эльриком, Корумом или многими-многими другими...

Корум вспомнил, что говорил Джерри о судьбе Бессмертного Воина и почувствовал жалость к незнакомцу.

— Как тебя зовут, рыцарь? — спросил он.

— У меня тысячи имен... Джон Дрейкер... Эрикезе... Урлик... Неужели один я — бесконечные воспоминания? Поймите же, мы — это тот, кто обречен совершать героические поступки, не зная зачем. Ох! У меня раскалывается голова. За что мне такие пытки? За что?

Эльрик передернул плечами:

— Значит, ты — моя инкарнация?

— Понимай, как хочешь. Но это вы оба — мои инкарнации.

— Вот оно что, — задумчиво произнес Корум. — Мы сошлись в незнакомом для каждого из нас мире, пришли сюда из разных точек пространства-времени. Теперь мне предельно ясно, что имел в виду Болорьяг, когда говорил, что Трое должны соединиться в Одном. Наверное, сейчас мы утроили нашу силу и сможем победить владельца Исчезающей Башни, Войлодьона Гагнасдиака.

— Того самого, который взял в плен твоего проводника? — спокойно спросил Эльрик.

— Да. Исчезающая Башня перемещается из мира в мир, из одного столетия в другое и не стоит на одном месте более нескольких минут. Мне кажется, что втроем мы быстро ее отыщем, а затем освободим моего друга и отправимся в Танелорн.

Воин в черном быстро поднял голову, и глаза его лихорадочно заблестели.

— Мне тоже необходимо попасть в Танелорн! Я тяжело болен тем, что помню все свои инкарнации и перехожу — помимо своей воли — из одного существования в другое. Говорят, мой недуг можно вылечить в вечном городе.

Эльрик усмехнулся, явно наслаждаясь оборотом, который принял их разговор.

— А я должен вернуться в Танелорн, чтобы помочь его жителям, которым грозит смертельная опасность. Без меня они погибнут.

— Значит, и цель у нас тоже общая, — сказал Корум и подумал про себя, что теперь у него появился шанс выручить Джерри и спасти Ралину.

— Клянусь, я помогу тебе! — воскликнул воин в черном.

Корум наклонил голову:

— Прими мою благодарность и скажи, как нам все-таки называть тебя, герой со многими именами?

— Я выбираю имя Эрикезе, хотя и нахожусь сейчас в другом облике, который на мгновенье забыл о том, что навеки проклят, и познал настоящую любовь.

— Тебе можно позавидовать, — пробормотал Эльрик. — По крайней мере ты хоть на мгновенье ощутил покой.

Воин в черном посмотрел на альбиноса, криво усмехнулся и тронул поводья чалой кобылы.

— Ты даже на секунду не можешь себе представить, что именно мне надо забыть. — Он повернулся к Принцу в Алой Мантии. — Я готов следовать за тобой, принц Корум.

Пришпоривая коней, они поскакали по направлению к Даркwелльской долине.

КНИГА ДЕВЯТАЯ,

в которой принц Корум находит нечто большее, чем Танелорн

глава первая

ВОЙЛОДЬОН ГАГНАСДИАК

Дорога, по которой они скакали, постепенно сужалась, поднимаясь в гору. Корум старался не думать о том, что он — един в трех лицах; каждый раз, когда вадагский принц глядел на озабоченные лица Эльрика и Эрикезе, ему становилось жутко. Они миновали ущелье, где скалы почти соприкасались друг с другом и было темно, как в погребе; спустились в долину, объезжая руины города Дарквелля, превращенные Хаосом в каменные волны. В стороне от них зияла огромная яма, словно вырытая под фундамент замка.

— Подождем, — вполголоса сказал вадагский принц, гдядя по сторонам.

— Чего, друг Корум? — спросил Эльрик, подъезжая к нему вплотную.

— Появления Исчезающей Башни. На этом Измерении она должна приземляться именно здесь.

— Когда?

— Этого я не знаю. Думаю, в любую минуту. Нам надо успеть вбежать в нее, пока Войлодьон Гагнасдиак не захлопнул дверь.

Они спешились. Эрикезе сел на землю, прислонившись спиной к черному валуну.

— Мне кажется, ты самый терпеливый из нас, Эрикезе, — сказал Эльрик.

— Я научился терпению. Время мало что значит для человека, который не может познать смерти.

Эльрик вновь обратился к Коруму:

— Ты абсолютно уверен, что мы находимся там, где должна появиться Исчезающая Башня?

— Да. Я узнал об этом от моего друга и проводника, который попал в плен. Он служит Закону, и я верю ему, так как судьба обрекла меня на Вечный бой с Повелителями Хаоса.

— И меня тоже! — воскликнул Эрикезе.

— И меня, — согласился Эльрик и, помолчав, добавил: — Хоть я и обещал служить Хаосу верой и правдой. — Он пожал плечами. — Почему ты решил, что в Танелорне тебе помогут, друг Эрикезе?

Воин в черном уставился вдаль невидящим взглядом.

— Мне было сказано, что я обрету там покой, увижу женщину, которую люблю, узнаю, как вернуться в мир эльфов. Вечный город существует во всех временах и в каждом из миров, но я обязательно должен найти свой Танелорн. А ты почему стремишься попасть туда, принц Эльрик?

— Моему Танелорну грозит опасность. Мои друзья, живущие в нем, могут погибнуть. Если Корум прав, в Исчезающей Башне я найду средство уничтожить Телеба К'аарна и его чудовищ.

Вадагский принц поднял руку Кулла, усыпанную драгоценными камнями, и дотронулся до черной повязки на глазу. Он решил умолчать о своем разговоре с лордом Аркином.

— Я отправился в Танелорн, — просто сказал он, — потому что там мне могут помочь в борьбе с Хаосом.

— Танелорн никогда не примет сторону ни Закона, ни Хаоса. Это одна из причин, по которой Боги не властны управлять вечным городом.

То же самое говорил Коруму Джерри-ан-Конель.

— Ты прав, — согласился вадагский принц. — Но я и не ищу военной помощи. Мне нужны знания.

Наступила ночь. Они дежурили по очереди, изредка переговариваясь, пристально наблюдая за ямой, где должна была появиться Исчезающая Башня.

Корум, успевший привыкнуть к обществу никогда не унывающего вечного странника, чувствовал себя

неуютно с двумя спутниками, так похожими на него самого.

На заре, когда Эльрик крепко спал, а Эрикезе дремал, прислонившись к черному валуну, воздух над ямой внезапно задрожал, приобретая знакомые Коруму очертания Исчезающей Башни.

— Проснитесь! — закричал вадагский принц.

Эрикезе тут же вскочил на ноги; Эльрик сел, протирая глаза.

— Скорее, Эльрик!

Остатки сна мигом слетели с альбиноса. Он быстро встал, выхватил из ножен испещренный рунами черный меч, как две капли воды похожий на тот, который Эрикезе уже держал в руке.

Корум бежал по направлению к замку, решив проникнуть в него любой ценой. Ворвавшись в открытую дверь, он очутился в темноте, но буквально через несколько секунд увидел красноватый свет, исходивший от масляной лампы, висевшей на потолке. Он услышал позади себя шаги Эльрика и Эрикезе. Дверь за ними мгновенно захлопнулась, и Корум понял, что они попали в ловушку. В небольшое оконце он увидел исчезающую Дарквелльскую долину, затем — безбрежное синее море. Мельком взглянув на своих спутников, вадагский принц поднял голову и крикнул что было сил:

— Джерри! Джерри-ан-Конель!

Неужели Джерри — щеголь, весельчак, вечный странник — погиб? Корум напряженно вслушался — ему показалось, что кто-то крикнул вдалеке.

— Джерри!

Вадагский принц выхватил из ножен шпагу с клинком из неземного металла.

— Войлодьон Гагнасдиак! Ты издеваешься надо мною? Выходи, трусливый пес! Или ты покинул это злачное место?

— Я здесь. Что тебе надо?

Комната осветилась золотистым сиянием, похожим на то, которое Корум видел в мире забвенья. Горбун-карлик, разодетый в шелка и бархат, стоял

в конце комнаты, сжимая в иссохшей руке миниатюрную шпагу. У него была большая красивая голова, яркие синие глаза, густые черные брови, сросшиеся на переносице. Его тонкие губы кривились в волчьей усмешке.

— Наконец, хоть кто-то скрасит мое одиночество, развеет мои тоску и печаль! — воскликнул он. — Умоляю вас, господа, вложите оружие в ножны! Вы будете моими почетными гостями.

— Я знаю, какая судьба ожидает твоих гостей, — иронически ответил Корум. — Мы требуем, чтобы ты немедленно освободил Джерри-ан-Конеля, которого бесчестно захватил в плен. Если ты выпустишь его, мы не причиним тебе никакого вреда.

Лицо карлика расплылось в улыбке.

— Как вы можете причинить мне вред? Я — могущественный волшебник. Смотри! — Он поднял руки, чуть взмахнул шпагой. В ту же секунду сверкнули три молнии, пролетевшие рядом с Эльриком. Альбинос отскочил в сторону и занял оборонительную позицию, а затем, поняв, что карлик хочет выставить его на посмешище, сделал шаг вперед и угрожающе произнес:

— Я — Эльрик из Мельнибонэ и тоже не новичок в искусстве волшебства. Если ты немедленно не освободишь друга принца Корума, мой меч выпьет твою душу, как человек выпивает стакан вина!

Эти слова не произвели на горбуна ни малейшего впечатления.

— Меч? Нет на свете оружия, которого я боялся бы.

— Напрасно ты недооцениваешь наши мечи и наши силы, — мрачно сказал Эрикезе. — Волею судеб, которой подчиняются даже Боги, соединились мы, чтобы освободить Джерри-ан-Конеля.

— Вас кто-то обманул, — уверенно заявил Войлодьон Гагнасдиак. — А может, вы хотите обмануть меня. Должен признаться, что Джерри — забавный парень, но какой в нем интерес Богам?

Альбинос поднял меч, и Коруму показалось, что черное лезвие застонало, словно требуя крови. Вадагский принц вздрогнул от отвращения.

Внезапно из центра лба Войлодьона Гагнасдиака вылетел желтый шар, попавший Эльрику в грудь и сбивший его с ног. Эрикезе кинулся к альбиносу на помощь и ударил мечом по второму шару, который отлетел к дальней стене и разбился. Раздался сильный взрыв, горячая волна воздуха прокатилась по комнате. Черная тень, извиваясь, выползла из желтых осколков.

— Уничтожать мои глобусы крайне опасно для жизни, — доверительным тоном сообщил Войлодьон Гагнасдиак. — Дело в том, что теперь их обитатели прихлопнут вас, как мух.

Черная тень постепенно увеличивалась в размерах.

— Я свободен! — прозвучал торжествующий голос.

Карлик ухмыльнулся:

— Вот-вот. Ты получил свободу и теперь сможешь убить этих дураков, которые отказались от моего гостеприимства.

— Если ты приблизишься ко мне, то умрешь мучительной смертью, — презрительно сказал Эльрик.

С восхищением и ужасом смотрел Корум на тень, медленно приобретающую очертания крылатого существа с тигриной головой, туловищем гориллы и шкурой носорога, которое мгновенно напало на стоявшего впереди альбиноса, размахивая оружием, похожим на большую косу.

Корум и Эрикезе бросились Эльрику на помощь, но вынуждены были остановиться, чтобы отбить несущиеся на них желтые шары, метко брошенные Войлодьоном Гагнасдиаком. Прозвучало еще два взрыва, и появившиеся чудовища ринулись в бой.

Несколько раз Коруму удавалось пробить защиту противника, но клинок шпаги отскакивал от толстой кожи, не оставляя на ней даже царапины. Впрочем, черные мечи тоже не причиняли зверям ни малейшего вреда.

С отчаянием вадагский принц подумал, что Хаос заманил его в ловушку; проклял себя за самоуверен-

ность, с которой вошел в Исчезающую Башню, не имея плана дальнейших действий.

Тем временем Войлодьон Гагнасдиак продолжал метать желтые шары, которые теперь уже взрывались сами собой. Визгливым голосом карлик подбадривал крылатых зверей, размахивающих сверкающими косами. Постепенно Корум, Эльрик и Эрикезе оказались прижатыми к стене.

Корум тяжело дышал, рука его сильно устала.

— Боюсь, я обрек вас на гибель, — сказал он двум героям, стоявшим у него по бокам. — Я думал, мы сможем справиться с колдуном. Видимо, он черпает свою силу непосредственно из пространства-времени, по которому перемещается Исчезающая Башня.

Эльрик отразил удары сразу двух кос.

— Армия у карлика хоть куда! — воскликнул он. — Если бы мне удалось убить хотя бы одного...

Меч альбиноса сверкнул, и острие, попав чудовищу в шею, отскочило, как от тугого резинового мяча. Коруму показалось, что лезвие взвыло от ярости, словно его лишили законной добычи.

Внезапно Эльрик выхватил косу из лапы зверя и полоснул его по волосатой груди. Кровь хлынула из раны широким потоком, а чудовище страшно закричало и забилось в агонии.

— Я оказался прав! — воскликнул Эльрик из Мельнибонэ. — Их можно убить только собственным оружием!

С мечом, испещренным рунами, в одной руке и косой в другой он напал на следующего зверя, прикончил его и начал медленно продвигаться к тому месту, где стоял Войлодьон Гагнасдиак. Карлик заверещал высоким тонким голосом и отступил за дверь, продолжая кидать оттуда желтые шары.

Корум и Эрикезе подобрали косы убитых альбиносом чудовищ и тоже кинулись в бой. В воздухе стоял тошнотворный гнилостный запах; перья и пух из крыльев летели в разные стороны. Зверей становилось все больше и больше, и в конце концов три героя вновь были вынуждены отступить.

Внезапно Войлодьон Гагнасдиак отчаянно закричал. Вадагский принц поднял голову и увидел сле-

дующую картину: маленький мохнатый зверек вцепился в лицо карлика, рядом с которым стоял Джерри-ан-Конель, подающий какие-то загадочные знаки изумленному Эльрику.

— Джерри! — воскликнул Корум.

— Тот самый, которого мы пришли спасать? — поинтересовался альбинос, вспарывая брюхо очередному чудовищу.

— Да.

Эльрик решительно пошел вперед, и вечный странник в ту же секунду крикнул:

— Нет! Оставайся на месте! — Он мог бы этого не говорить, потому что альбинос отступил к стене, атакованный зверьми с двух сторон. — Корум! — вновь закричал Джерри, и в голосе его слышалось отчаяние. — Ты не понял того, что сказал тебе Болорьяг! Соедините руки! Встань в центре! Пусть Эльрик возьмет меч в левую руку, а Эрикезе в правую. Поторопитесь! Это — ваш единственный шанс выжить, и мой тоже!

Эльрик, раненный в ногу, нерешительно посмотрел на Корума. Эрикезе, поглощенный битвой, даже не повернул головы.

— Джерри-ан-Конель мудр, друзья мои, — сказал вадагский принц. — Он знает многое из того, о чем мы не имеем ни малейшего представления. Давайте поступим, как он посоветовал.

Эрикезе, словно очнувшись, взял Корума за руку, отбросил окровавленную косу в сторону и вновь вытащил из ножен свой черный меч. Эльрик, чуть поколебавшись, последовал примеру Эрикезе.

И внезапно Корум почувствовал, как необъяснимая сила вливается в каждую клеточку его усталого тела, и он громко рассмеялся, испытывая наслаждение, равного которому не испытывал всю свою жизнь. Смеялся Эльрик, смеялся Эрикезе. Они объединились, Трое в Одном, и смеялись, как один, двигаясь, как один, сражались, как один человек.

Хоть Корум и не принимал участия в битве, он чувствовал, что держит в каждой руке по мечу и

убивает ими своих врагов, беспорядочно отступающих, мечущихся в панике, не понимающих, почему лезвия, не причинявшие им раньше вреда, беспощадно разят их одного за другим.

— Вперед! — крикнул вадагский принц в три горла. Единый в трех лицах, он стал непобедим. Зверям некуда было от него скрыться; кровь текла ручьями. От чудовищного потока энергии, проходящего сквозь его тело, задрожали стены, пошел трещинами потолок. Словно издалека услышал Корум испуганный голос Войлодьона Гагнасдиака:

— Башня! Вы разрушите Исчезающую Башню!

А затем к трем героям, осторожно ступая по скользкому от крови полу, подошел Джерри-ан-Конель.

— Войлодьон прав, — сказал он. — Всякое может случиться... Базилий, ко мне!

И тогда Корум понял, что в лицо карлика вцепился черно-белый кот, в который раз выручивший своего хозяина. Сейчас Базилий подлетел к Джерри, уселся к нему на плечо и завертел головой.

Эльрик выдернул свою руку из руки Корума и бросился к маленькому оконцу. Выглянув в него, он воскликнул:

— Мы попали в мир забвенья!

Когда контакт Корума с частью самого себя прервался, он лишился сил. С большим трудом вадагский принц удержался на ногах. Исчезающая Башня раскачивалась. Карлик лежал на полу, закрыв лицо руками. Из-под его пальцев текла кровь.

Джерри подошел к Эльрику и заговорил с ним. Они отошли от окна, и Корум услышал последнюю фразу, произнесенную вечным странником:

— Прошу тебя, друг Эльрик, помоги мне найти мою шляпу.

— Ты способен думать сейчас о шляпе?!

Джерри подмигнул вадагскому принцу и почесал кота за ухом.

— Конечно! Принц Корум, лорд Эрикезе, пойдемте с нами!

Они прошли мимо рыдающего Войлодьона Гагнасдиака, очутились в узком коридоре, в конце которого находилась лестница, ведущая в подвал. Джерри зажег факел, поднял его над головой и начал спускаться по ступенькам.

Башня дрожала все сильнее; камень, упавший с потолка, разлетелся на куски у ног Эльрика.

— Я предпочел бы как можно скорее выбраться отсюда, — сказал альбинос. — Если Башня развалится, мы будем погребены под обломками.

— Не беспокойся, принц Эльрик. Поверь, я знаю, что делаю.

Они спустились в подвал и остановились перед запертой дверью.

— Сейф Войлодьона, — сказал вечный странник. — Каждый из вас найдет здесь вещь, которая может ему пригодиться. А я, надеюсь, разыщу свою шляпу. Ее изготовили для меня на заказ, и к тому же она идеально подходит под цвет моих сапог...

— Как ты собираешься открыть стальную дверь? — поинтересовался Эрикезе.

— Очень просто. — В голосе Джерри проскользнули иронические нотки. — Если вы соедините руки, друзья мои... — Он перехватил изумленный взгляд Корума, улыбнулся и не торопясь продолжил: — Я скажу вам, что делать дальше.

И вновь они соединили руки, и вновь засмеялись, как один, чувствуя, что сбылись их сокровенные мечты. Может быть (думал каждый из них), когда-нибудь они перестанут быть отдельными личностями, превратятся в одного человека и, наконец, обретут счастье.

— А сейчас, принц Корум, — спокойно сказал Джерри, — если тебя не затруднит легонько стукнуть по двери ногой...

Корум ударил каблуком сапога, и тяжелая дверь, мгновенно сорванная с петель, упала внутрь комнаты. Вадагский принц нехотя прервал контакт с двумя героями. Ему почему-то казалось, что его обманули.

Башня ходила ходуном. С большим трудом прошли они в сокровищницу Войлодьона Гагнасдиака, и Эльрик тут же принялся осматривать золотой трон, а Эрикезе — боевой топор огромных размеров, который подошел бы разве что великану.

Здесь были собраны вещи, которые карлик, путешествуя по мирам множественной Вселенной, отнял или украл у своих пленников. Корум ходил по комнате, восхищаясь красотой различных изделий, достойных занять место даже в вадагских музеях. Тем временем Джерри что-то сказал Эльрику и передал ему какой-то предмет.

— Откуда ты знаешь? — услышал Корум удивленный голос альбиноса.

Вечный странник ответил нечто невразумительное, а затем неожиданно наклонился, вскрикнул от удовольствия и поднял с пола свою шляпу, которую немедленно принялся отряхивать и оглаживать. Но деятельность Джерри этим не ограничилась. Сначала он взял со стола кубок и протянул его Коруму со словами: "Держи, в хозяйстве пригодится", потом долго рылся в сундучке с драгоценностями и, вытащив оттуда кольцо, протянул его Эрикезе.

— Это — твоя награда за то, что ты помог мне спастись. — Тон Джерри был одновременно и шутливый, и многозначительный.

Эрикезе улыбнулся:

— У меня такое ощущенье, молодой человек, что ты не особо нуждался в помощи.

— Ты ошибаешься, друг мой. Мне грозила страшная опасность. — Вечный странник говорил рассеянно и смотрел по сторонам, словно что-то искал и никак не мог найти. Башню тряхнуло со страшной силой.

— Пора возвращаться, — сказал Эльрик, едва удержавшись на ногах. Корум заметил, что альбинос держит под мышкой небольшую металлическую коробку.

— Вот он! — воскликнул Джерри, вытаскивая из сваленного в углу комнаты хлама небольшой жезл

тусклого желтого цвета. — Чванливый Войлодьон напропалую хвастал передо мной своими сокровищами, не зная их настоящей цены. Однажды он убил путешественника, который утверждал, что может снять с Исчезающей Башни проклятье Хаоса и вернуть ее на прежнее место. И путешественник не лгал, потому что являлся счастливым обладателем Рунного Посоха, который вы сейчас видите. Он был у Хокмуна, когда я путешествовал с ним по Черной Империи.

глава вторая

ДОРОГА В ТАНЕЛОРН

— Что такое Рунный Посох? — спросил Корум.

— Я с трудом вспоминаю одно его определение... Ты же знаешь, у меня плохая память.

Эльрик едва удержался от улыбки.

— Оно и видно, — пробормотал он.

— Рунный Посох, — поучительно сказал Джерри, — это — предмет, который существует только в той точке пространства-времени, где законы волшебства и точных наук не противоречат друг другу. Он генерирует поле, с помощью которого сохраняется при любых условиях.

Часть потолка рухнула, Башня накренилась.

Эрикезе отскочил в сторону.

— По-моему, нас сейчас завалит, — сказал он.

Джерри, казалось, поглаживал жезл рукой, но, приглядевшись, Корум понял, что он водит по тусклой поверхности пальцами, вычерчивая какой-то сложный узор.

— Подойдите ко мне, друзья, — сказал вечный странник.

Башня трещала, камни падали, огромный кусок крыши полетел вниз и скрылся из виду. Корум увидел над собой голубое небо, вдохнул чистый свежий воздух, почувствовал твердую почву под ногами. Четыре путешественника стояли на невидимом крохотном островке; их окружала непроглядная темнота.

— Стойте на месте, — сказал Джерри. — Тот, кто сделает хоть один шаг, — погибнет. — Он нахмурился. — Пусть Рунный Посох сам найдет мир, в котором мы должны очутиться. — Вечный стран-

ник говорил очень уверенно, но Корум, хорошо зная своего друга, видел, что тот нервничает.

Цвет неба непрестанно менялся; становилось то жарко, то холодно. Они быстро двигались сквозь Измерения, причем — Корум в этом не сомневался — в определенном направлении.

Внезапно знойный ветер пахнул вадагскому принцу в лицо.

— За мной! — крикнул Джерри, и они побежали в темноту, но буквально через несколько секунд увидели над своими головами пылающее солнце и синее небо с металлическим оттенком.

— Пустыня, — спокойно сказал Эрикезе.

Их окружала пустыня, и ветер, вороша песок, словно пел какую-то печальную песню.

Джерри расплылся в улыбке:

— Узнаешь, друг Эльрик?

— Вздыхающая пустыня? — воскликнул альбинос. — Я дома!

Краешком глаза Корум увидел, что Рунный Посох, который Джерри незаметно уронил на песок, растаял в воздухе.

— Пойдемте в Танелорн! — предложил Эльрик и сделал шаг вперед, явно не сомневаясь в согласии своих спутников.

Но Джерри-ан-Конель покачал головой.

— Нет. Нам необходимо найти машину, которую Телеб К'аарна привел в действие с помощью Повелителей Хаоса. Где она находится, принц Эльрик?

Альбинос внимательно огляделся.

— По-моему, вот там, — неуверенно ответил он и махнул рукой.

— Что ж, значит нам в ту сторону.

— Но я очень спешу! — запротестовал Эльрик. — Танелорн в опасности!

— Прежде всего ты должен уничтожить машину Телеба К'аарна.

— Но Танелорн...

Корум с любопытством слушал их разговор, не понимая, откуда вечному страннику известны такие подробности о мире Эльрика.

— Телеб К'аарна и армия зверей Хаоса еще не дошли до Танелорна, — сказал Джерри.

— Этого не может быть! Прошло так много времени...

— Меньше одного дня.

Альбинос задумался, потер лоб. Потом нехотя кивнул:

— Хорошо. Я провожу вас.

— Послушай, Джерри, если Танелорн рядом, зачем нам искать его в другом месте? — спросил Корум.

— Тебе нужен другой Танелорн, — лаконично ответил вечный странник.

— А меня и этот устраивает, — решительно заявил Эрикезе. — Я остаюсь с Эльриком. — Быть может, тогда... — Он печально вздохнул и тоскливо посмотрел вдаль.

Казалось, Джерри пришел в ужас.

— Друг мой, — чуть ли не с испугом сказал он, — своими действиями мы и так уничтожили определенную структуру пространства-времени. Когда барьеры, всегда считавшиеся несокрушимыми, рухнут (а это скоро произойдет), множественная Вселенная рассыплется, как карточный домик. Пойми, встреча, подобная нашей, может состояться не более одного раза в вечность, да и то она смертельно опасна как для отдельных Измерений, так и для каждого из нас. Я обещаю, что тебе представится случай найти свой Танелорн.

Эрикезе склонил голову на грудь.

— Я согласен, — тихо произнес он.

— Пойдемте скорее, — нетерпеливо сказал Эльрик. — Мне надоели разговоры о Времени с большой буквы. Давайте не будем терять то, которое находится в нашем распоряжении! — Он резко повернулся и пошел вперед.

Они брели за ним по пустыне, увязая по щиколотку в песке, слушая печальные вздохи ветра, и довольно скоро увидели окруженную скалами площадку, в центре которой стояла огромная каменная чаша. Ее резная поверхность, состоявшая, казалось,

из причудливых углов, сверкала и переливалась всеми цветами радуги.

— Что это? — прошептал Корум.

— Машина, которой пользовались еще в древние времена. Надеюсь, она перенесет нас в Танелорн.

— Почему бы нам все-таки не пойти с Эльриком?

— Делай, что я тебе говорю, Корум. Имей терпение. Если нас не остановят, мы скоро попадем в Танелорн, который ищем.

— И получим там помощь?

— Этого я тебе не обещаю.

Джерри обошел чашу со всех сторон, кивнул, явно удовлетворенный осмотром, и начал вычерчивать на ее поверхности пальцем какие-то символы. Свет чаши стал пульсировать, углы меняли формы прямо на глазах. Вечный странник попросил Корума и Эрикезе прислониться к чаше спинами, затем достал из кармана куртки небольшой хрустальный флакон и протянул его Эльрику.

— Когда мы отправимся путешествовать, — сказал он, — перекинь этот флакон через край чаши, а потом как можно скорее уходи в Танелорн. Выполни все, что я сказал, и ты сослужишь и себе, и нам хорошую службу.

Альбинос молча кивнул.

— Я выполню твою просьбу.

Джерри загадочно улыбнулся и встал рядом с Корумом и Эрикезе.

— И передай привет моему брату, Мунгламу.

Эльрик взрогнул от изумления.

— Ты знаешь Мунглама? Откуда?!

— Прощай, друг Эльрик. Мы с тобой не раз еще встретимся, но, боюсь, не узнаем друг друга. — Альбинос стоял, как вкопанный, и на его белом лице играли отблески света, исходящего от чаши. — Впрочем, оно и к лучшему, — добавил Джерри и сочувственно вздохнул.

А затем Эльрик исчез; в дымке тумана растворилась Вздыхающая Пустыня; пропала куда-то странная каменная чаша. Прошло несколько секунд, и горячая волна воздуха накатила на путешественников,

чуть не сбив их с ног. Вечный странник удовлетворенно хмыкнул.

— Машина Телеба К'аарна уничтожена. Наконец-то!

Они стояли в высокой колышущейся траве, которая скрывала их с головами.

— Как же теперь мы вернемся на наше Измерение? — спросил Корум. — И куда подевался Эрикезе?

— Ушел. У него — своя дорога, свой Танелорн. — Джерри вытер лицо пучком травы, на которой блестели капли росы. — Скоро и мы увидим вечный город.

У Корума перехватило дыхание:

— Правда?

— Да. Я чувствую его близость.

— Это — тот город, в котором ты живешь?

— Нет, Корум. Сейчас мы идем в твой Танелорн. Я лишь надеюсь, что задуманное мною свершится.

— А что ты задумал, Джерри? Почему ты никогда и ничего мне не рассказываешь?

— О чем, друг мой? Я знал о незавидном положении Эльрика, потому что делил с ним радость и горе на протяжении многих лет. Насколько мне известно, мы и сейчас вместе. Я знал, как помочь Эрикезе, потому что был — или буду — его спутником. Но на самом деле я ничего не знаю. Мною руководит слепой инстинкт. Пойдем, принц Корум.

Джерри уверенно зашагал по высокой траве, словно видел перед собой дорогу, которая должна была привести его к намеченной цели.

глава третья

СЛИЯНИЕ МИЛЛИОНА СФЕР

Перед ними лежал Танелорн.

Голубой город в голубой дымке, сливающийся с необъятным голубым небом. Здания всевозможных оттенков голубого цвета сверкали и переливались. Иссиня-черные башни и бледно-фиолетовые купола со шпилями подымались ввысь, словно гордясь своей красотой.

— Не может быть, чтобы здесь жили смертные, — прошептал Принц в Алой Мантии, замерев в восхищении, чувствуя себя ничтожной букашкой на фоне голубого великолепия.

— Ты прав, — угрюмо ответил вечный странник. — Такого Танелорна я еще не видел. В нем чувствуется нечто зловещее...

— Что ты имеешь в виду?

— Он прекрасен и удивителен, но непохож на настоящий. Быть может, это — антипод Танелорна или Танелорн абсолютно чуждого нам мира...

— Я тебя не понимаю. Насколько я помню, ты утверждал, что Танелорн существует во всех временах и в каждом из миров. Если вечный город кажется тебе несколько необычным, разве от этого он перестал быть Танелорном?

Джерри вздохнул:

— Я думал, назначение Танелорна, возвышающегося над Добром и над Злом, — даровать покой Бессмертным Воинам и Героям. Теперь я вижу, что ошибался.

— Ты полагаешь, нам грозит опасность?

— Что ты считаешь опасным? Для одного челове-

ка знание — опасно, другому же оно необходимо. Все зависит от того, кто этот человек. Ты на своем опыте мог убедиться, что в благополучии таится опасность, но ведь ты с радостью подвергаешь себя опасности ради благополучия. Мы видим проблески истины, когда сталкиваемся с парадоксальными ситуациями, а следовательно — я мог бы понять это и раньше, — Танелорн — город парадоксов. Пойдем, Корум. Нам надо выяснить, почему мы оказались именно здесь.

Вадагский принц нахмурился:

— Хаос теснит Закон на Десяти Измерениях из Пятнадцати. Гландит-а-Край готовится завоевать мой мир. Ралина исчезла. Нам нельзя ошибиться, Джерри. Мы слишком многим рискуем.

— Да. Всем.

— В таком случае, прежде чем войти в город, давай убедимся, что мы не стали жертвами чудовищного обмана.

Вечный странник весело рассмеялся:

— Каким образом?

Корум посмотрел на Джерри долгим взглядом, затем опустил глаза:

— Ты прав. Мы пойдем в Танелорн.

Они пересекли лужайку, озаренную голубым светом, очутились на широкой улице, по обеим сторонам которой росли голубые цветы. Воздух источал неуловимо-нежные ароматы, тишина звенела. И Корум упал на колени и заплакал, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, что он с радостью отдаст свою жизнь за эту необъяснимую красоту. А Джерри положил руку на плечо Принца в Алой Мантии и прошептал:

— Ты нашел свой Танелорн.

Корум чувствовал необычную легкость во всем теле. Он почему-то не сомневался, что теперь ему все по плечу: победить короля Мабельрода, уничтожить Облако Раздора, которое заставляло людей бессмысленно убивать друг друга, отыскать Ралину, где бы она ни находилась.

Два друга шли вперед, каждую секунду ожидая

встречи с жителями Танелорна, но улица оставалась пустынной. В конце ее виднелся большой голубой фонтан, рядом с которым стояла странная статуя. Глядя на нее, вадагский принц неожиданно подумал (хоть он и не смог бы объяснить, почему такая мысль пришла ему в голову), что всем его мытарствам пришел конец.

Он ускорил шаг, и Джерри схватил его за руку:

— В Танелорне нельзя спешить, Корум.

По мере их приближения контуры статуи становились все отчетливее.

На фоне воздушных строений вечного города она казалась довольно грубой и была не голубой, а темно-зеленого цвета. Существо стояло на четырех ногах и обладало четырьмя руками (две из них были скрещены на груди, две висели по бокам). У него были большая голова и человеческое лицо с плоским носом и большим ртом. Губы кривились в усмешке. Левая кисть одной руки (судя по остальным — с шестью пальцами) отсутствовала. Глаза сверкали созвездьями драгоценных камней.

— Он смотрит на меня, — прошептал Корум, как зачарованный.

Тело статуи тоже было усыпано драгоценными камнями, сверкающими всеми цветами радуги в голубом свете. Вадагский принц шагнул вперед, увидел одну из скрещенных на груди рук и замер на месте. Только сейчас он понял, кого видит перед собой, и кровь застыла у него в жилах, а сердце, казалось, чуть не выпрыгнуло из груди.

Губы статуи еще больше искривились в усмешке, руки, висевшие по бокам, медленно протянулись к Коруму.

А затем он услышал голос.

Голос этот был одновременно мелодичным и нежным, страстным и грубым, мягким и жестоким, ласковым и печальным. В нем сквозила ирония и чувствовались великий ум и великая мудрость.

— Ключ к моей свободе должен быть отдан добровольно.

Глаза из драгоценных камней сверкали и переливались; руки, скрещенные на груди, оставались не-

подвижными; четыре ноги были намертво прикованы к голубому пьедесталу.

Корум не мог вымолвить ни слова. Он сейчас походил на статую больше, чем существо, перед ним стоявшее. Джерри вышел вперед.

— Ты — Кулл, — спокойно сказал щеголь.

— Я — Кулл.

— И Танелорн — твоя тюрьма?

— Он стал моей тюрьмой...

— Потому что только вечный город, безвременный город в состоянии пленить такое могущественное создание, как ты. Я понимаю.

— Но даже Танелорн не способен удержать меня, если я завершен.

Джерри поднял безжизненную левую руку Корума и дотронулся до шестипалой кисти, искусно вделанной в живую плоть.

— Забрав то, что тебе принадлежит, ты станешь завершенным?

— Это — ключ к моей свободе, но я не смогу воспользоваться им, пока он не будет отдан мне добровольно.

— Значит, мы, сами того не зная, были слепыми исполнителями твоей воли? Силой мысли, которая не подвластна Танелорну, ты сначала объединил Троих в Одном, а потом завлек нас сюда? Мне следовало догадаться, что, кроме тебя и твоего брата, хоть вы и пленники, нет во Вселенной никого, кто мог бы попрать все естественные законы, и основной из них: закон Космического Равновесия.

— Кулл и Ринн обладают такой силой, потому что они соблюдают только клятву верности, которую дали друг другу.

— Но вы ее нарушили и скрестили мечи. Ринн отсек тебе кисть руки, а ты выбил у него глаз. А затем...

— Он привел меня в Танелорн, и я не могу уйти отсюда вот уже вечность...

— А какое наказание ты придумал ему?

— Я сказал, что он будет искать без сна и отдыха свой глаз и найдет его только отдельно от моей руки.

— А глаз и рука всегда находились в одном месте.

— Как и сейчас.

— Поэтому поиски Ринна оставались безуспешными.

— Ты знаешь многое, смертный.

— Не удивительно, — пробормотал Джерри, словно разговаривая сам с собой. — К сожалению, я из тех смертных, что обречены на бессмертие.

— Ключ к моей свободе должен быть отдан добровольно, — повторил Кулл.

— Это тебя я видел в Огненных Землях? — внезапно спросил Корум, обретая дар речи, но чувствуя слабость во всем теле. — И еще на холме у замка Эрорн?

— Ты не мог меня видеть. Но мое отражение не раз спасало тебе жизнь, а моя рука всегда убивала твоих врагов.

— Они не были моими врагами. — Корум с ненавистью уставился на шестипалую кисть. — Скажи, ты дал ей силу призывать мертвых мне на помощь?

— Разве это сила? Обычный фокус.

— Неужели твоя мысль так могущественна?

— Она куда могущественней, чем ты думаешь. Но ключ к моей свободе должен быть отдан добровольно. Я не могу заставить тебя подчиниться моей воле, смертный.

— А если я оставлю руку у себя?

— Тогда мне придется ждать еще вечность, пока не начнется очередное Слияние Миллиона Сфер. Разве ты не понимаешь, что сейчас происходит?

— Я понимаю, — спокойно ответил Джерри-ан-Конель. — Когда люди свободно перемещаются по Измерениям и видят проблески истины, в которой им однажды было отказано; когда три грани одной личности соединяются, а я вспоминаю все свои инкарнации, — это означает, что настал момент Слияния Миллиона Сфер — явления настолько редкого, что Боги рождаются и умирают, так и не дождавшись, когда оно произойдет. Исчезают старые законы, появляются новые. Меняется природа пространства-времени.

— Значит, Танелорн будет уничтожен? — в ужасе спросил Корум.

— Быть может, да, — сказал Кулл. — Но это — единственное, в чем я не уверен. Ключ к моей свободе должен быть отдан добровольно.

— Скажи, Джерри, кого я освобожу, если отдам руку?

Вечный странник промолчал. Погруженный в свои думы, он рассеянно гладил кота, сидевшего у него за пазухой.

— Ты освободишь Кулла, — ответил пленник, прикованный к пьедесталу. — Мы с Ринном дорого заплатили за ошибку, сполна искупили свою вину.

— Что мне делать, Джерри?

— Я...

— Может, согласиться, но с условием, что он поможет нам победить Короля Мечей, отыскать Ралину, восстановить мир и спокойствие на наших Измерениях?

Вечный странник промолчал.

И тогда Корум поднял голову и посмотрел Куллу в глаза.

— Ты слышал мое условие. Если ты поклянешься мне помочь, я с радостью отдам тебе твою руку.

— Я клянусь.

— В таком случае я добровольно отдаю тебе ключ к свободе. Твоя рука, Потерянный Бог, не принесла мне ничего, кроме душевных мук. Возьми ее.

— Глупец! — вскричал Джерри. — Разве ты не слышал, что... — Голос его пресекся. А Коруму на мгновенье показалось, что он вновь лежит на доске пыток. От нестерпимой боли, пронзившей руку и глаз, он закричал. Красная пелена тумана застлала его мозг; словно издалека донеслись до него слова Джерри, — они соблюдают только клятву верности, которую дали друг другу!

— Я... — Корум дотронулся до бельма на правом глазу, посмотрел на обрубок левой руки, — опять... калека...

— А я завершен, — прозвучал странный голос

Кулла. Потерянный Бог соскочил с пьедестала и с наслаждением потянулся. Драгоценные камни на его теле, так же, как глаз Ринна, который он держал в руке, вспыхнули разноцветными огнями. — Завершен и свободен! Скоро, брат, и мы вновь будем блуждать по необъятной Вселенной, восхищаясь ее разнообразием, предаваясь радости и веселью! Кроме нас с тобой, нет на свете никого, кто познал бы истинное счастье! Я должен найти тебя, брат!

— Ты согласился на мое условие! — воскликнул Корум. — Ты поклялся помочь мне, Кулл!

— Смертный, я не выполняю ничьих условий, не повинуюсь никаким законам, не соблюдаю клятв, кроме той, о которой ты уже слышал. Мне безразличны Закон, Хаос, Космическое Равновесие. Кулл и Ринн существуют только ради любви к существованию, и их не интересуют иллюзорные битвы невежественных людей и еще более невежественных богов. Да знаешь ли ты, что вы сильнее этих жалких созданий, порожденных вашими собственными страхами? Неужели ты до сих пор ничего не понял?

— Нет. Ты должен выполнить свое обещание.

— Сейчас я отправлюсь на поиски брата, подброшу ему глаз. Он найдет его и тоже станет свободен.

— Кулл! Ты многим мне обязан!

— Обязан? С чего ты взял? Я признаю одно обязательство: следовать нашим с Ринном желаниям.

— Если б не я, ты не обрел бы свободы.

— Если б не я, ты давно был бы мертв. Где твоя благодарность, смертный?

— Боги все время использовали меня в своих целях. Мне надоело быть пешкой в руках Хаоса, Закона, а теперь — Кулла. По крайней мере Повелители Закона признавали, что могущество к чему-то обязывает. А ты не лучше Повелителей Хаоса.

— Неправда! Мы с Ринном никому не причиняем вреда! Что за удовольствие вершить судьбы людей? Вы играете в глупые игры Закона и Хаоса, и вам нравится, что вас используют, потому что вы не желаете отвечать за свои поступки сами и с радостью

возлагаете всю ответственность за них на выдуманных вами богов. Выкинь из головы и Закон, и Хаос, и меня заодно. Тебе будет легче жить на свете.

— Тем не менее ты не можешь отрицать, что использовал меня в своих целях.

Кулл поднял руку, достал из воздуха копье со многими заостренными наконечниками, бросил его в небо. Затем он небрежно махнул рукой, и копье исчезло.

— Я пользуюсь самыми различными предметами, — например, оружием, — но у меня нет перед ними обязательств. А когда они перестают быть мне нужными, я о них забываю.

— Ты несправедлив.

— Несправедлив? — Кулл рассмеялся. — Что такое справедливость?

Корум чуть было не бросился на Потерянного Бога, но Джерри удержал его и, обратившись к Куллу, спокойно спросил:

— Когда собака приносит тебе добычу, ты кидаешь ей кость? Если нет, она быстро тебя забудет.

Кулл резко повернулся на четырех ногах, и его глаза из драгоценных камней грозно сверкнули.

— Собак много.

— Я бессмертен, — сказал вечный странник. — И отныне я вменяю себе в обязанность предупреждать всех Богов, что выполнять поручения Кулла и Ринна бессмысленно.

— Обойдусь без собак.

— Ты в этом уверен? Даже Кулл не в силах предвидеть, что произойдет после Слияния Миллиона Сфер.

— Я могу убить тебя, смертный, который бессмертный.

— Тогда ты уподобишься тем, кого презираешь.

— В таком случае я помогу тебе. — Кулл откинул назад голову, усыпанную драгоценными камнями, и рассмеялся так громко, что задрожали купола и башни вечного Танелорна. — Думаю, это сэкономит мне время.

— Ты сдержишь свое обещание?

— Какое, смертный? Я не понимаю, о чем ты говоришь. Но я помогу тебе.

Внезапно Кулл сделал шаг вперед и, схватив Корума одной рукой, а Джерри — другой, сунул двух друзей себе под мышки.

— Поехали! Сначала — в королевство Повелителя Мечей.

Голубой Танелорн исчез; вокруг них, словно лава из вулкана, текло вещество Хаоса, и сквозь него Корум увидел Ралину.

Она была пять тысяч футов ростом.

глава четвертая

КОРОЛЬ МЕЧЕЙ

Кулл отпустил их и уставился на гигантскую женщину.

— Обычный дворец, — пробормотал он. — Что ж, зайдем в гости. Не отставайте. — И он пошел впереди, ступая по серому веществу Хаоса, как по каменному полу.

Через несколько минут они увидели белые мраморные ступеньки, а наверху — арку входа, расположенного между бедрами статуи. На удивление неуклюже перебирая четырьмя ногами, Кулл начал подниматься по лестнице, что-то напевая себе под нос.

Следуя за Потерянным Богом, Корум и Джерри прошли в дверь и очутились в большом, ярко освещенном зале. Казалось, здесь собрались все самые знатные рыцари Хаоса, и каждый из них был вооружен и готов к битве. Существа одновременно уродливые и прекрасные со звериными мордами или очаровательными женскими личиками громко смеялись, глядя на незваных гостей.

Кулл, стоя на пороге, поклонился им и улыбнулся. Смех затих; придворные удивленно переглядывались, явно не понимая, кто с ними поздоровался. А затем ряды их разомкнулись и вперед вышли король Мабельрод и Ралина. В черной мантии, накинутой на голое тело, высокий, стройный, с прекрасной фигурой, Повелитель Мечей стоял перед ними в небрежной позе. Короля Мабельрода недаром называли Безликим: волнистые белокурые волосы обрамляли

гладкую кожу его лица без малейших признаков черт.

— Я надеялся, что вы придете, когда увидите мой дворец, — сказал он, хотя у него не было губ, которые могли произносить слова. — Верность смертных друг другу вошла у нас в поговорку!

— В чем-то ты прав, — согласился Корум. — Ралина, любимая, тебе не причинили вреда?

— Со мной все в порядке, Корум, и моя ярость не дала мне сойти с ума. Когда воздушный корабль потерпел крушение, я подумала, ты погиб, но потом поняла, что этого не может быть. Скажи, ты добился того, чего хотел? Впрочем, я сама вижу, что нет. И ты снова лишился руки и глаза. — Она говорила безжизненным тоном, в глазах ее застыло безнадежное выражение.

Из груди Корума вырвалось приглушенное рыданье.

— Король Мечей дорого заплатит за каждую твою слезинку, Ралина, — сказал он.

Безликий Бог и придворные Хаоса громко расхохотались. Затем Мабельрод сделал неуловимое движение, и в его руке появился огромный золотой меч, сверкающий, как солнце.

— Я поклялся, — торжественно произнес Мабельрод, — что отомщу и за герцога Ариоха, и за королеву Ксиомбарг. Я поклялся, что не стану рисковать и подожду, пока ты сам ко мне не явишься. И когда рыцарь Тир был обманут тобой (Тир стыдливо опустил голову) и вступил в бой с нашим слугой, Гландитом, который заманил тебя в ловушку, ты чуть было не попался мне в руки. Каким-то чудом ты и твой друг ускользнули от нас, но мы поймали женщину, и я использовал ее как приманку. Ожидания мои сбылись: я вижу тебя перед собою. А теперь я должен придумать тебе наказание. Для начала, думаю, я слегка расплавлю твою плоть и смешаю ее с плотью твоей любовницы, чтобы ты выглядел омерзительнее самого последнего из существ, которых презираешь. Поживешь так годик-другой, а затем я верну вам обоим первоначальные облики и заставлю любить и ненавидеть друг друга в одно и то же время. Наде-

юсь, ты уже испытал на себе это состояние и понимаешь, о чем я говорю.

— Что за идиотское воображение у Повелителей Хаоса, — сказал Кулл своим странным голосом. — Какими жалкими развлечениями они себя тешат! Какие глупые сны видят! — Он рассмеялся. — Право, я скорее назвал бы их недочеловеками, чем богами.

Наступила мертвая тишина. Рыцари Хаоса, как один, уставились на Потерянного Бога.

Мабельрод сжал эфес меча обеими руками. Тысячи теней, извиваясь в причудливом танце, поднимались от его лезвия, и Коруму показалось, что он различает среди них знакомые образы.

— Ты назвал великого Мабельрода жалким, тварь? Да кто ты такой? Как смеешь ты издеваться над самым могущественным Повелителем Хаоса?

— Я не издеваюсь, а констатирую факт, причем очевидный. Я — Кулл. — Потерянный Бог небрежно вытянул руку и достал из воздуха несколько мечей со многими лезвиями.

— Кулл погиб! — выкрикнул Мабельрод. — Ринн погиб! Оба они погибли! Ты — шарлатан! Твое фиглярство нас не развлекает.

— Я — Кулл.

— Кулл мертв.

— Я — Кулл.

Три рыцаря Хаоса выбежали из толпы придворных, занеся мечи высоко над головами.

— Убейте самозванца! — вскричал Мабельрод. — Он мешает мне насладиться местью!

Кулл позволил рыцарям несколько раз ударить себя по телу, усыпанному драгоценными камнями, затем неторопливо обезглавил их одного за другим.

— Я — Кулл, — сказал он. — Величие множественной Вселенной принадлежит мне!

— Ни одно существо не может обладать таким могуществом! — воскликнул Король Мечей. — Космическое Равновесие никогда этого не допустит!

— Плевать я хотел на Космическое Равновесие. — Кулл повернулся к Коруму и Джерри и протянул вадагскому принцу глаз Ринна. — Я тут позабавлюсь

немного, а ты тем временем возьми глаз моего брата и брось его в любое море твоего мира. Прощай.

— А Гландит?

— Послушай, смертный, ты совсем обленился. Имей совесть.

— Но Ралина...

— Ах, да! — Рука Кулла вытянулась непомерным образом, раздвигая придворных в стороны, отпихнула Мабельрода и схватила Ралину. — Держи!

Ралина упала в объятия Корума и разрыдалась.

— Ко мне, верные мои рыцари! — завопил Мабельрод. — Приготовьтесь к сражению! Мы должны во что бы то ни стало защитить священное дело Хаоса!

— Боишься ли ты хоть кого-нибудь, Безликий Король? — спросил вечный странник.

Плечи Мабельрода поникли, золотое лезвие меча потускнело.

— Я боюсь Кулла, — прошептал он.

— И правильно делаешь. — Потерянный Бог одобрительно кивнул и нетерпеливо махнул рукой. — А сейчас прекратим глупую болтовню и предадимся прелестям битвы!

Дворец, сделанный по образу и подобию Ралины, растаял в воздухе. Рыцари в ужасе закричали. Мабельрод начал увеличиваться в размерах; его огромное безликое лицо заслонило черный горизонт.

Небо полыхало всеми цветами радуги. Послышались чавкающие, хлопающие, каркающие звуки. К тому месту, где недавно стоял дворец, со всех сторон мчались летающие, ползающие, прыгающие создания Хаоса, которым, казалось, не было числа.

Кулл дотронулся до Джерри пальцем, и вечный странник исчез.

Корум, глядя на огромное войско Мабельрода, задрожал.

— Даже ты, Кулл, не способен выстоять против всей мощи Хаоса, — хрипло сказал он. — Я сожалею, что поставил тебе невыполнимое условие и освобождаю тебя от клятвы.

— Я не давал тебе никакой клятвы. — Две руки похлопали Ралину и Корума по плечам. Вадагский

принц почувствовал, как непреодолимая сила толкает его в бездонную пропасть, разверзшуюся сзади.

— Они уничтожат тебя, Кулл!

— Придется мне кое-что вспомнить. Давненько я не дрался!

Краешком глаза Корум увидел, как кошмарные ревущие твари накинулись на Потерянного Бога.

— Нет... — Он попытался выхватить шпагу из ножен и понял, что падает — совсем как тогда, когда воздушный корабль потерпел крушение. Но на этот раз Принц в Алой Мантии крепко держал Ралину в своих объятиях. А потом он потерял сознание и очнулся, услышав ее голос:

— Корум! Корум! Мне больно!

Он открыл глаза, посмотрел по сторонам. На том месте, где они стояли, когда-то высился замок Мойдель, который Гландит-а-Край сжег дотла.

Начинался отлив, дамба постепенно выступала из воды.

— Смотри! — воскликнула Ралина, указывая рукой на лес.

Побережье было усеяно трупами.

— Наш мир так и не излечился от безумия, — прошептал вадагский принц.

Они медленно спустились с горы. Внезапно почувствовав, что все еще сжимает в кулаке глаз Ринна, Корум размахнулся и зашвырнул его в море.

— И слава богу, что я от него избавился, — пробормотал он.

глава пятая

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О ГЛАНДИТЕ

Они шли по побережью Бро-ан-Вадага, глядя на трупы своих старых врагов — воинов Конских Племен. Судя по многочисленным ранам, они передрались между собой, видимо, под влиянием Облака Раздора. Погибли эти несчастные совсем недавно.

— Странно, что мы ничего не ощущаем, — сказал Корум Ралине. — Видимо, нужно время, чтобы болезнь затронула мозг... Бедные жители Лайвм-ан-Эша, бедные вадаги...

Кто-то двигался в лесу, ломая кусты.

Принц в Алой Мантии выхватил шпагу, впервые за долгое время чувствуя себя калекой. Затем он улыбнулся и вложил ее в ножны.

Из-за деревьев вышел Джерри-ан-Конель, ведя в поводу трех оседланных низкорослых лошадей.

— Все лучше, чем идти пешком, — весело заявил вечный странник. — Куда ты собрался, Корум? В Хельвиг-нан-Вейк?

Вадагский принц покачал головой:

— Нам нечего там делать. Я хочу отправиться в замок Эрорн, снарядить баркас и отплыть на надрагские острова.

— Туда, где живет колдун, наславший на нас Облака Раздора?

— Ты угадал.

Джерри почесал за ухом Базилия, сидевшего у него на плече.

— Что ж, неплохо придумано, Принц в Алой Мантии. И давай не терять времени.

Они скакали во весь опор, изредка прячась от во-

оруженных отрядов вадагов, патрулирующих лес и яростно сражающихся друг с другом. Глядя на обезумевших соотечественников, Корум с трудом удерживался от слез.

Увидев башни замка Эрорн, он с облегчением вздохнул. Снег давно растаял, началась весна, на деревьях набухли почки.

В прекрасном расположении духа спешились путешественники у ворот замка, но настроение у них быстро испортилось.

Они совсем позабыли о слугах.

Снадобье, которое оставил им Джерри, видимо, действовало недолго. Трупы валялись повсюду, а один из слуг повесился у музыкального фонтана, который не переставая издавал резкие протяжные звуки.

Похоронив умерших, путешественники спустились в пещеру, где стоял готовый к отплытию баркас, и спустя несколько часов вышли в открытое море. Надрагские острова лежали в двух днях пути от замка Эрорн.

Глядя на безбрежное море, Корум вспомнил свои скитания по различным Измерениям, которым он потерял счет. Вадагский принц даже в мыслях не мог представить, что Вселенная состоит из миллиона сфер, а каждая сфера — из множества Измерений. Он с ужасом думал о том, что на всех этих бесчисленных мирах разумные существа сражаются и уничтожают друг друга.

— Послушай, Джерри, неужели на свете нет такого места, где царил бы вечный покой? — спросил он.

Джерри-ан-Конель пожал плечами:

— Может, оно и есть, но мне не довелось там побывать. Я слышал множество легенд о нашем прекрасном прошлом и не менее прекрасном будущем. Странствуя по свету, я наблюдал самые различные "прошлые" и "будущие", но уверяю тебя, друг мой, ни одно из них не было прекрасным.

Лодку сильно закачало. Корум налег на руль. Волны становились все выше и выше.

Ралина указала рукой вдаль:

— Блуждающий Бог! Смотрите, он опять тащит за собой сеть!

— Возможно, Блуждающий Бог познал покой, — задумчиво сказал Корум, глядя вслед удаляющемуся гиганту.

— Это не так. — Джерри погладил Базилия, испуганно вертевшего головой.

На следующий день путешественники подошли к надрагским островам. Издалека казалось, что они утопают в зелени, но вблизи стали видны руины городов и пепелища деревень.

— Самый большой остров, — пояснил Корум, — это — Малифуль, где в бывшей столице Оз живет надрагский колдун Эртиль. Нам надо спешить: мне кажется, я опять начинаю испытывать былую ярость...

Баркас причалил к безлюдному каменистому берегу неподалеку от полуразвалившихся крепостных стен города Оз.

— Лети, Базилий, — приказал Джерри. — Покажешь нам дорогу.

Они пошли за черно-белым котом, который старался лететь как можно медленнее, и, с трудом пробираясь по заваленным камнями улицам, приблизились к высокому зданию. Базилий дважды облетел полупрозрачный купол, находившийся на плоской крыше, и опустился на плечо Джерри-ан-Конеля.

Крылатый кот вызывал у Корума раздражение. Оно было ничем не обосновано, но вадагский принц хорошо понимал его причины. Он бросился к двери здания, но она оказалась запертой изнутри.

— Если мы сломаем дверь, — прошептал Джерри, — нас сразу обнаружат. Посмотри, наверх ведет каменная лестница.

Они быстро поднялись на крышу, осторожно подползли к куполу, заглянули внутрь.

Склянки и пузырьки на полках... Обезьяны и кры-

сы в клетках... Котлы, из которых шел пар... Надрагский колдун, что-то бормоча, сидел в темном углу.

— Я устал прятаться! — неожиданно вскричал Корум. — Пришла пора действовать! — Он вскочил на ноги, изо всех сил ударил эфесом шпаги по куполу. Раздался звон, и полупрозрачный материал покрылся трещинами. Еще один удар — и часть купола разлетелась вдребезги.

От омерзительного запаха Корум чуть было не задохнулся. Он отпрянул, затем, чувствуя необъяснимую ярость, выхватил шпагу из ножен и прыгнул вниз.

То, что вадагский принц увидел, отрезвило его быстрее, чем снадобье, которое когда-то приготовил Джерри.

Продажный колдун стал жертвой собственных заклинаний. На губах его была пена, глаза дико вращались.

— Я убил их! — визгливо выкрикнул он. — И вас я тоже убью! Они отказались мне повиноваться, и я живо с ними расправился! — Единственной оставшейся у него рукой, он поднял свою отрубленную ногу и ткнул ею в кровоточащие руку и ногу, валявшиеся на полу. — Я убил их!

Корум отвернулся, ударил шпагой по полкам с пузырьками и склянками.

— Я убил их, — продолжал бормотать Эртиль. Голос его становился все глуше, кровь ручьями бежала из тела. Ему оставалось жить не больше минуты.

— Как тебе удалось наслать на нас Облако Раздора? — спросил Корум.

Эртиль слабо улыбнулся:

— Видишь кадило? Одно ма-аленькое кадило, но оно уничтожило вас всех.

— Ты ошибаешься. — Принц в Алой Мантии сорвал со стены тяжелые цепи, на которых висело кадило, и с размаху бросил его в дымящийся котел. Повалил зеленый пар, в котором на мгновенье появились искаженные злобой лица. — Облака Раздора больше не существует, — угрюмо сказал Корум. — Ты слышишь меня, колдун?

Эртиль посмотрел на него закатывающимися глазами:

— Тогда убей и меня, вадаг. Я этого заслуживаю.

Вадагский принц пожал плечами:

— Умри той смертью, которую ты сам себе избрал.

— Корум! — крикнул с крыши Джерри.

Принц в Алой Мантии поднял голову:

— Что случилось?

— Должно быть, Гландит почувствовал, что его колдун сошел с ума.

— С чего ты взял?

— Он летит к нам на зверях Хаоса.

Корум вложил шпагу в ножны:

— Хорошо. Встретимся внизу. Я не могу вернуться прежним путем.

Он перешагнул через труп Эртиля, открыл дверь, начал спускаться с лестницы. Позади раздавались жалобные крики животных, требующих, чтобы их выпустили из клеток.

Выйдя на улицу, Корум взял Ралину за руку и заставил ее войти в здание.

— Оставайся здесь, Ралина. Сейчас это самое безопасное место. Прошу тебя, выполни мою просьбу.

Хлопанье крыльев слышалось все отчетливее. Гландит был совсем близко.

Корум и Джерри выбежали на центральную площадь города, заваленную камнями и щебнем. Денледисси были немногочисленны. Несомненно, многие из них погибли в схватке с герцогом Тиром. И тем не менее над городом Оз кружила по меньшей мере дюжина черных тварей.

Ликующий крик раздался в небе, и эхо его прокатилось по руинам древнего города.

— Корум! — Гландит-а-Край узнал своего врага. — Куда подевались твои волшебные рука и глаз, шефанго? Может, их забрал у тебя дьявол, которому ты продал свою душу? — И герцог Край громко рассмеялся.

— Значит, нам все-таки суждено погибнуть от рук мабденов, — спокойно сказал Корум, глядя, как

звери Хаоса садятся на дальнем конце площади. — Приготовимся умереть достойно, Джерри.

Гландит-а-Край, пробираясь между обломками рухнувших зданий, медленно шел вперед. За ним неотступно следовали денледисси.

— Я вызываю тебя на бой, герцог Край! — крикнул Корум, надеясь, что ему удастся спасти Джерри и Ралину. — Согласен ли ты биться со мной честно, один на один?

Гландит поднял голову, поправил шлем, издал губами неприличный звук.

— Если ты считаешь, что я поступлю честно, убив калеку, то я согласен биться один на один. — Он подмигнул столпившимся сзади варварам. — Не вмешивайтесь, ребята. Скоро мы поиграем его вторыми рукой и глазом!

Придя в восторг от шутки своего предводителя, денледисси радостно взвыли.

Герцог Край остановился в нескольких шагах от Корума, мрачно посмотрел на него.

— Удовольствие, которое я сейчас получу, заставит меня позабыть обо всех невзгодах, которые выпали на мою долю по твоей вине. Я несказанно рад видеть тебя, шефанго! — Он выхватил из-за пояса бронзовый боевой топор, вытащил меч из ножен. — Пришла пора закончить поединок, который мы начали на развалинах замка Эрорн!

Внезапно денледисси испуганно закричали. Гландит-а-Край вздрогнул и оглянулся.

Черные звери Хаоса поднялись в воздух, бешено захлопали крыльями и исчезли.

— Спешат на помощь своему господину, — пояснил Корум. — Видно, дела его совсем плохи. Скажи, герцог Край, если я убью тебя, твои воины позволят мне беспрепятственно отплыть домой?

Гландит обнажил зубы в волчьей усмешке:

— Мои денледисси очень меня любят.

— Значит, я погибну в любом случае. Подожди минутку. — Он наклонился и прошептал Джерри на ухо. — Иди за Ралиной. Садитесь в баркас и выходите в море. Звери Хаоса улетели, так что вас не

станут преследовать. Согласись, Джерри, это — единственное, чем ты можешь мне помочь.

Вечный странник вздохнул:

— Я и не спорю. Не беспокойся, я выполню твою просьбу.

— Ведь ты разрешишь моему другу покинуть Оз? — спросил Корум, обращаясь к Гландиту.

Герцог Край пожал плечами:

— Пусть убирается на все четыре стороны. Если нам станет скучно, мы всегда успеем за ним поохотиться. А то, что звери Хаоса улетели, пусть тебя не радует. Мой колдун обеспечит меня всем необходимым, если я ему прикажу.

— Ты говоришь об Эртиле?

Гландит прищурился:

— Откуда ты знаешь?

— Он покончил с собой. Облако Раздора свело его с ума.

— Наплевать. Я... Хайиииии! — И герцог Край кинулся на Корума, нанося удары одновременно боевым топором и шпагой.

Вадагский принц отпрыгнул в сторону, поскользнулся и упал. Лезвие меча просвистело над его головой. Он быстро перекатился по земле, оперся на обрубок руки, поднялся на ноги.

Гландит вновь пошел в наступление, не давая своему противнику ни минуты передышки, тесня его, заставляя спотыкаться о раскиданные повсюду камни. Коруму оставалось только надеяться, что он продержится до тех пор, пока Джерри с Ралиной не покинут остров.

От сильнейшего удара у вадагского принца онемела рука. Он не успел уклониться, и лезвие топора задело его за плечо, порвав кольчугу. Гландит усмехнулся. Глаза его безумно сверкали. Он сделал выпад мечом, и Корум почувствовал, что острие вонзилось ему в бедро. По ноге вадагского принца потекла кровь.

Тяжело дыша, герцог Край на мгновение остановился, готовясь прикончить своего врага, и в этот момент Корум атаковал. Гландит не успел парировать, и клинок шпаги полоснул его по щеке.

Принц в Алой Мантии попятился, чувствуя, что слабеет с каждой минутой. Гландит остался стоять на месте и расхохотался.

— Я убью тебя не сразу, принц Корум. Не хочешь ли побегать немного, чтобы подохнуть на несколько секунд позже?

Корум выпрямился. Он понимал, что теряет сознание. Стиснув зубы, он посмотрел Гландиту в глаза и сделал шаг вперед.

Герцог Край ухмыльнулся:

— Я уничтожил всех вадагов, кроме тебя, грязная падаль. Я терпеливо и долго ждал и наконец-то получил возможность прикончить последнего вадага на этой земле.

Корум сделал еще один шаг. Гландит поднял боевой топор:

— Хочешь умереть сразу?

Принц в Алой Мантии покачнулся. Глаза ему застилал туман. Изо всех сил сжав эфес шпаги, он вновь шагнул вперед.

— Иди ко мне, — чуть ли не с нежностью прошептал Гландит. — Я жду.

Чья-то гигантская тень упала на руины. Стало темно. Корум решил, что у него начались галлюцинации, и затряс головой, пытаясь привести свои мысли в порядок.

Но Гландит-а-Край тоже что-то увидел. Рот его приоткрылся от изумления, налитые кровью глаза чуть не выскочили из орбит. И пока он стоял в оцепенении, Корум последним усилием воли оттолкнулся от земли здоровой ногой и упал, вытянув руку с высоко поднятой шпагой, которая вонзилась в незащищенное горло герцога Края. Издав хриплый, булькающий звук, Гландит упал. Кровь хлынула у него изо рта и из носа.

— За мою семью! — сказал Корум.

Тень закрыла собой весь город. Гигант с двумя сверкающими глазами из драгоценных камней накинул на кричащих от ужаса денледисси сеть, поднял их в воздух и зашвырнул далеко в море.

— Блуждающий Бог, — в изнеможении прошептал Корум.

— Ты прав. — Джерри-ан-Конель, появившийся неизвестно откуда, присел на корточки рядом с вадагским принцем и принялся осматривать его рану. — Но больше ему не придется блуждать по морям бесчисленных Измерений. Он нашел то, что искал.

— Свою душу?

— Свой глаз. Блуждающий Бог, это — Ринн.

Словно в тумане увидел Корум рядом с Ринном ухмыляющегося Кулла.

— Можешь забыть Повелителей Хаоса, — сказал он. — Мы с братом прихлопнули их, как мух, — всех до единого.

— Я благодарю тебя от всей души, — с чувством произнес Корум. — Наконец-то лорд Аркин сможет спокойно править нашим миром.

Кулл усмехнулся:

— Это вряд ли.

— Почему?

— Повелителей Закона мы тоже прикончили, чтоб никому не было обидно. На ваших Измерениях не осталось богов, смертный.

— Но Аркин... был хорошим...

— Найди хорошее в самом себе, если ты хоть немного себя уважаешь. Возможно, наша задача и заключалась в том, чтобы избавить Пятнадцать Измерений от тупоумных богов, бесящихся с жиру.

— Но Космическое Равновесие...

— Кого оно волнует? Пускай чаши весов качаются вверх-вниз, на них больше нечего взвешивать. Научись стоять на своих собственных ногах и не жди помощи свыше. Прощай.

Корум попытался что-то сказать и лишился чувств. Но странный голос Кулла проник в его затуманенное сознание:

— Твоя судьба в твоих руках, смертный.

ЭПИЛОГ

Земля вновь залечила жестокие раны; новый король был избран в Лайвм-ан-Эше; люди трудились в поте лица; вадаги вернулись в свои замки.

Корум Джайлин Ирси, Принц в Алой Мантии, медленно выздоравливал благодаря снадобьям его друга, Джерри-ан-Конеля, и заботливому уходу его жены, маркграфини Алломглильской. Часто вспоминая добряка-ученого в мире леди Джейн Пентальон, вадагский принц незаметно для себя самого увлекся изготовлением протезов и все свое время проводил в мастерской.

Однажды утром Джерри-ан-Конель в неизменной шляпе набекрень, с котомкой за спиной и Базилием на плече зашел попрощаться с Корумом и Ралиной. Они долго упрашивали его остаться, утверждая, что только теперь он сможет насладиться заслуженным покоем.

— Ведь там, где нет Богов, нет и страха, — сказал ему Корум.

— Верно, — согласился вечный странник.

— Тогда оставайся, — вновь предложила Ралина.

— Я не приспособлен жить там, где нет Богов. Подумать страшно, что мне некого будет упрекать в своих несчастьях! Я этого не вынесу! Грозные Боги, мрачные демоны, абсолютное Зло, абсолютное Добро — вот такая жизнь по мне!

Корум улыбнулся:

— Что ж, иди, но помни, что мы тебя любим. Не тоскуй по нашему миру, Джерри, и не забывай его. Создать новых Богов нетрудно.

Конец
девятой и последней КНИГИ КОРУМА

Оглавление

Том I. Валет Мечей

ВСТУПЛЕНИЕ 7

КНИГА ПЕРВАЯ, в которой Коруму преподают хороший урок и отсекают конечность 10

КНИГА ВТОРАЯ, в которой Корум получает подарок и заключает договор 95

КНИГА ТРЕТЬЯ, в которой принц Корум добивается невозможного и получает желаемое 118

Том II. Королева Мечей

ВСТУПЛЕНИЕ 177

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой принц Корум встречает поэта, выслушивает предсказание и подумывает о путешествии 183

КНИГА ПЯТАЯ, в которой принц Корум и его товарищи в очередной раз вызывают гнев Повелителей Хаоса и узнают много нового о колдовстве 229

КНИГА ШЕСТАЯ, в которой принц Корум и его товарищи сражаются, одерживают победу и сетуют на путь, который Закон выбирает для достижения своих целей 280

ЭПИЛОГ 316

Том III. Король Мечей

ВСТУПЛЕНИЕ 319

КНИГА СЕДЬМАЯ, в которой Корум убеждается, что покой недолговечен 326

КНИГА ВОСЬМАЯ, в которой Корум и его товарищи узнают конечную цель Хаоса и получают сведения о природе времени и о загадочных свойствах человеческой личности 365

КНИГА ДЕВЯТАЯ, в которой принц Корум находит нечто большее, чем Танелорн 423

ЭПИЛОГ 462

Scan Kreider

Литературно-художественное издание

Майкл Муркок

ПОВЕЛИТЕЛИ МЕЧЕЙ

Перевод с английского *Михаила Гилинского*

Зав. редакцией *Александр Кононов*
Редактор *Николай Сытнов*
Художник *Сергей Лемехов*
Форзац *Павел Борзенец*
Корректор *Нина Смирнова*
Макет *Сергея Арефьева*
Верстка *Антонины Помазовой*

Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*
Контрактное обеспечение *Максим Крютченко*
Директор издательства *Николай Буций*
Худ. редактор *Вадим Пожидаев*
Главный редактор *Вадим Назаров*

Сдано в набор 01.02.92. Подписано в печать 05.02.92. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 20. Доп. тираж 50 000 экз. Изд. № 28. Заказ № 24.

Информационно-издательский комплекс
«Северо-Запад»
Издательство «Северо-Запад», 191187, Санкт-Петербург,
ул. Шпалерная, д. 18.

Отпечатано с оригинал-макета в объединении «Печатный Двор»,
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

fantasy

·Северо-Запад·